

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 3

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2008

ББК 63.211
И 91

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы:

Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 1), *Д.О.Скульмовский* (разд. 1, гл. 2),
В.А.Исупов (разд. 1, гл. 3), *О.Н.Стафеев* (разд. 1, гл. 4),
Э.М.Рянская (разд. 1, гл. 5), *А.П.Ярков* (разд. 2, гл. 1),
И.Б.Гарифуллин, *Г.Л.Файзрахманов*, *А.П.Ярков* (разд. 2, гл. 2),
С.Н.Решетникова (разд. 2, гл. 3), *В.В.Митрофанов* (разд. 2, гл. 4),
А.М.Яковлева (разд. 2, гл. 5), *В.В.Цысь*, *О.П.Цысь* (разд. 2, гл. 6),
О.П.Еланцева (разд. 2, гл. 7), *О.В.Ищенко* (разд. 2, гл. 8),
В.И.Шипикин (разд. 2, гл. 9), *Л.В.Алексеева* (разд. 2, гл. 10),
В.В.Мошкин (разд. 2, гл. 11), *В.Д.Камынин* (разд. 2, гл. 12)

Под общей редакцией

доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.А.Терещенко*
(Курский государственный университет);

кандидат педагогических наук, доцент *Г.Г.Харисова*
(филиал Южно-Уральского государственного университета
в г.Нижевартовске)

**И 91   Источниковедческие и историографические аспекты си-
бирской истории:** Коллективная монография. Ч. 3 / Под общ. ред.
Я.Г.Солодкина. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит.
ун-та, 2008. — 326 с.

ISBN 978–5–89988–538–6

В новой части коллективной монографии рассматриваются
спорные либо обойденные вниманием исследователей проблемы
источниковедения и историографии истории Сибири, важные для
осмысления путей ее развития в XVII—XX вв.

Для ученых, аспирантов, студентов, краеведов.

ББК 63.211

ISBN 978–5–89988–538–6

© Издательство НГТУ, 2008

Раздел 1

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII – XX вв.

Глава 1

«КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ О СИБИРСТЕЙ ЗЕМЛИ...», НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ И ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИЖНОСТЬ СИБИРИ XVII в.

Через несколько десятилетий после «Ермакова взятия» «Сибирской страны» там начали создаваться посвященные ему исторические повести. Многие из них обнаруживают сходство с Новым летописцем (далее — НЛ), возникшим в правительственных кругах незадолго до смерти патриарха Филарета. Этот центральный памятник официального летописания первой половины XVII в. часто сближается с «Кратким описанием о Сибирстей земли и о похождениях атамана Ермака» (далее — КО). Каковы же взаимоотношения данных произведений?

КО, сохранившееся полностью в семи списках¹ и фрагментарно (со слов «мученика Димитрия Селунского») — в Долговской рукописи, где заменяет предисловие к «Повести» Саввы Есипова (74)², некоторые исследователи считали одной из сибирских повестей или летописей³. А.Т.Шашкову думалось, что КО восходит к ранней сибирской летописной традиции⁴. В.Г.Вовина-Лебедева недавно сочла, что уже начало КО («Есть на восточную страну царство, рекомое Сибирское...») свидетельствует о создании памятника в Москве или в «Закаменской стране», но не в Сибири⁵. И.В.Ерофеева же выводит КО из «официальных московских кругов», близких к Филарету⁶. Быть может, оно, действительно, возникло в «царствующем граде» накануне отъезда Киприана в Сибирь⁷, т.е. в конце 1620-го — первые дни следующего года (Р.Г.Скрынников относит КО примерно к началу 1620-х гг.⁸, не пояснив, по какой причине).

С.В.Бахрушин отождествлял первые две статьи НЛ, посвященные «взятию» «царства Сибирского», с КО и вместе с тем находил, что последнее вторично относительно «книги» «о нашествии Литвы на Московское государство и о разорении градов»⁹, начало которой признавал ранним памятником сибирского летописания¹⁰. Е.И.Дергачева-Скоп вначале заключила, что КО по списку, близкому к Шлецеровскому, стало источником НЛ.

Позднее видная исследовательница сибирской книжной культуры XVII в., как и С.В.Бахрушин, отождествила КО (которое датировала 1620—30-ми гг.) со статьями НЛ «О взятии царства Сибирскаго» и «О побое, како уби Юрмака (Ермака) и казаковъ, и о памяти Сибири»¹¹. В.Г.Вовина-Лебедева возводит начало НЛ к тексту, сходному с КО, или протографу КО¹², который при создании летописца «о взятии царства Сибирского и о Гришке Ростриге»¹³ подвергся сокращению, причем не всегда удачно, но иногда дополнялся. По допущению В.Г.Вовиной-Лебедевой, протограф КО и НЛ вышел из-под пера тобольского «первопрестольника» Киприана, который и привез это произведение в Москву¹⁴.

Примечательно, что согласно Д, Ермак, двинувшись навстречу бухарцам к Вагаю, заночевал не «в пролете», как читаем в Головинском (далее — Г) и Шлецовском (далее — Ш) списках КО¹⁵, а «в прелеве» (74). В НЛ в данном случае сказано «в праливе (пралире)»¹⁶, а в зависящих от него сочинениях — «в пралева (пралаве, проливе)» (73, 78)¹⁷. Стало быть, КО по Д в соответствующем чтении явно ближе к НЛ, нежели краткая повесть о «Сибирском взятии», представленная в Г и Ш.

Поскольку в Головинском сборнике конца XVII в. КО «играет роль своеобразного предисловия»¹⁸ (как и в ОК), а в Шлецовском оно следует за Сибирским летописным сводом (далее — СЛС), то у Е.К.Ромодановской сложилось впечатление, что составитель второго из этих сборников «отредактировал текст, близкий» к НЛ, т.е. КО, по ЕЛ Распространенной редакции (далее — Р)¹⁹. Но ОК явно зависит от НЛ²⁰. Недаром в обоих этих памятниках упоминается об основании Мангазеи князем В.Рубцом Мосальским (73)²¹. Заметим, что хотя относительно Головинской редакции СЛС можно говорить «о генетической связи не только летописных списков, но и сборников в целом», Г открывает рукопись, предшествуя росписи чертежа Сибири 1667 г. и Р, в Музейном сборнике КО помещено посередине, а в Музейском — в конце, вслед за Р, Ш же разделяет в рукописи Р и «Описание о поставлении града Тобольска ...»²². В Ш, в отличие от Г, да и НЛ, сказано о том, что отряд «старейшины» Ермака, двинувшийся с Волги на Каму, а потом за Урал, насчитывал 500, а не 600 человек, умалчивается о приглашении казаков М. Строгановым. Если верить КО (по всем спискам), татарин, посланный Кучумом

в лагерь, разбитый русскими «воями» в устье Вагая, украл у них пищаль и лядунку (пороховницу)²³, согласно же Р, — три пищали и столько же лядунок (185, 240, 311, 364)²⁴. Этот «средний вариант» соответствующего известия (в НЛ говорится о трех пищалах и трех вязнях или вясках, т.е. ремнях²⁵), с точки зрения В.Г.Вовиной-Лебедевой, — показатель зависимости Р от КО, а не НЛ²⁶. Скорее составитель Р мог располагать как КО (Г и Ш сопутствуют в сборниках вторичной редакции ЕЛ), так и НЛ, и по своему объединил их свидетельства о побывавшем в казачьем стане лазутчике Кучума. Не исключено, что в Сибирь, где, видимо, сложилась Р, КО попало вместе с НЛ. Учтем также, что три — число, нередко встречающееся в фольклоре и воинских повестях.

Е.И.Дергачева-Скоп пришла к выводу (поддержанному А.В.Лаврентьевым, В.К.Зиборовым, Л.С.Соболевой), что еще в конце XVI в. — задолго до возникновения НЛ и ЕЛ — появился Румянцевский летописец (далее — РЛ). Предпочтительнее, однако, считать эту «Повесть о Сибири» сокращением ЕЛ²⁷. В.Г.Вовина-Лебедева, поначалу указавшая на зависимость вида Б РЛ от НЛ, недавно отметила, что и в виде А той же «Повести», как и в «Летописце о выслугах и о изменах московских и новгородских»²⁸, сообщается об «утеснении» казаков царскими воеводами; в обоих видах РЛ его текст разрывается статьями НЛ, посвященными «Казанской войне» конца «самодержавства» Грозного, «знамению», предвещавшему его смерть, «преставлению» «яростиваго» государя и вступлению на престол Федора Ивановича²⁹. Точнее, в обоих видах РЛ встречаются заимствованные из НЛ сообщения о «знаменнии» насчет кончины Ивана Васильевича и «успении» «гордояростного» венценосца³⁰; известия о восстании в Казанском крае мы находим только в виде А, про коронацию «освятованного» Федора — лишь в поздней разновидности «Повести о Сибири» (34. Примеч. н; 40. Примеч. л)³¹. (Соответствующий рассказ разделен в НЛ на три главы, а в виде А РЛ — на две). Отметим также, что если согласно ЕЛ и ее переработкам в поход, оказавшийся для него последним, Ермак выступил «не со многими воинскими людьми» (63, 87, 95, 113, 125, 134, 185, 249), то в обоих разновидностях РЛ, как и в КО, НЛ и Р, утверждается, будто под началом бесстрашного атамана тогда находились 150 казаков (34, 40, 73, 74, 78, 185. Примеч. 79 — 79; 189, 345)³².

А.И.Андреев предполагал, что повесть, сходная с КО, стала источником не только НЛ, но и ЕЛ³³. А.В.Лаврентьев считает, что эти летописи восходят к сложившейся в Москве еще в конце XVI в. почти тождественной РЛ «Повести о Сибири»³⁴. Подобно В.Г.Вовиной-Лебедевой, однако, РЛ следует признать вторичным относительно и «Списания» Есипова, и обширной летописи, вышедшей из патриаршего окружения в конце 1620-х гг.

С точки зрения В.И.Сергеева, НЛ был известен создателю ЕЛ, в частности, следуя летописцу, возникшему в придворных кругах незадолго до смерти Филарета, владычный дьяк сообщил о посылке Ермаком сеунчиков в Москву, о прибытии туда ханского племянника Маметкула в царствование Федора Ивановича, об основании Тюмени³⁵. Заметим, однако, что в НЛ, в отличие от КО, не сказано об отправке Маметкула в российскую столицу; книжник, возможно, близкий к всемогущему патриарху, упомянул лишь о захвате ермаковцами в плен царицы и царевичей³⁶.

Е.К.Ромодановская указала на близость начала НЛ и ЕЛ «по плану ... изложения»³⁷. Но в «Книге, глаголемой Новый летописец», мы не найдем географического очерка Сибири, как в «Повести» Есипова, не прочтем о князьях и царях этой огромной страны, гибели ермаковцев на Абалаке, появлении Сейдяка во владениях Кучума, гибели атамана Ивана Кольца, осаде Карачей города Сибири, изгнании оттуда Алея Сейдяком, пленении последнего Д.Чулковым, походе за «Камень» И.Мансурова, смерти Кучума (43—48, 56—57, 59, 61—62, 64—68). Это обстоятельство, между прочим, заставляет усомниться в том, что интересующие нас статьи НЛ «тесным образом связаны со всем комплексом сибирских летописей»³⁸.

Считается, что составитель Книги записной (далее — КЗ) — старшей разновидности СЛС — заимствовал или «переложил» многие «общерусские» известия НЛ³⁹. Возможно, такие известия попали в свод не сразу оттуда, а через посредство летописной компиляции, сложившейся в стенах Чудова монастыря в третьей четверти XVII в.⁴⁰ (Версия Л.Е.Морозовой о наличии у НЛ и КЗ общего протографа — летописчика Киприана Старорушанина или материалов, собранных им для сибирской летописи, несостоятельна⁴¹).

Как читаем в КЗ, ермаковцы «на Вагайской перекопи стали ночевать на острове» (138). О последнем говорится в НЛ⁴², а в ЕЛ, Р, ремезовской «Истории» не сказано. Про остров в данной связи упоминается в РЛ вида Б и в начале образующей вторую часть Головинской редакции СЛС «Книги, сколько в Сибири, в Тоболском и во всех сибирских городех и острогах ... в котором году и кто имяны бояр и околничих, и столников, и стряпчих, и воевод, и дьяков, и письменных голов, и с приписью подьячих бывало» (40, 189; ср. 73, 74, 78, 185).

По наблюдениям Н.А.Дворецкой, Р иногда очень близка к НЛ. Так, в Головинской редакции СЛС и официальном летописце 1629/30 г. сообщается о гибели вместе с Ермаком 150 казаков, почти совпадает рассказ об окончательном разгроме Кучума в 1598 г. В Нарышкинской редакции обширного свода, который велся в Тобольске в конце XVII в., есть вставки о появлении в Сибири русской «дружины» и гибели ее предводителя, напоминающие известия НЛ⁴³. Отметим и то, что о «воровстве» казаков, бежавших с Волги, говорится подобно этому летописцу не только в Нарышкинской редакции СЛС, но и в Академической (239, 305, 359). Отрицая влияние НЛ на сибирское летописание⁴⁴, А.И.Адреев, следовательно, допустил ошибку.

Итак, НЛ (восходящий скорее всего к тому же протографу, что и КО) был известен создателям РЛ и Р, но им едва ли пользовался Есипов, который мог обращаться к протографу КО. Последнее, стало быть, оказало непосредственное воздействие на развитие сибирской летописной традиции.

Примечания

¹ См.: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 40, 41, 105; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 21—23, 29. Ссылки на это издание памятников «группы Есиповской летописи» следом приводятся в тексте с указанием страниц.

Утверждения, что КО дошло до нас в двух, трех или шести списках [Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). М.; Л., 1957. Т. 13. С. 479; Вовина В.Г. Новый летописец: Источниковедческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 14; Она же. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история (далее — ОИ). 1992. № 5. С. 127; Ромодановская Е.К. «Краткое опи-

сание о Сибирстей земли и о похождениях атамана Ермака» // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 195], неточны.

² С точки зрения В.Г.Вовиной-Лебедевой, в этой рукописи имеется отрывок КО и вместе с тем вариант Есиповской летописи (далее — ЕЛ) (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 247. Примеч. 103). Ранее считалось, что в Долговском списке (далее — Д) есть «статья о присоединении Сибири типа статьи Нового летописца», причем в иной редакции «по сравнению со сходным текстом Окладной книги» (далее — ОК) 1696—1697 гг. Кстати, предисловие к ОК (73), читающееся в Публичном 1-м списке ЕЛ, издатели тоже приняли за статью «типа» НЛ (/Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 11—13).

³ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 242; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 141; Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 82; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 13; Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 58. Ср.: С. 64, 69; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 243, 251. Л.Е.Морозова повторила допущение В.Г.Вовиной, что КО привез в Москву первый тобольский архиепископ Киприан (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 365).

Мнение, что в представлении Р.Г.Скрынникова и В.Г.Вовиной КО зависит от «написания», переданного этому владыке ветеранами экспедиции Ермака (Яковлева А.М. Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920—90-х гг. // Проблемы истории Сибири XVI—XX вв. Нижневартовск, 2005. Вып. 1. С. 34, 39), ошибочно.

⁴ Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 158. Примеч. 54.

⁵ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 251. Ср.: С. 254. Вначале В.Г. Вовина думала, что КО восходит к истокам сибирского летописания (Вовина В.Г. Новый летописец: Источниковедческое исследование... С. 14).

Первые слова приведенной фразы — отнюдь не редкость в книжности Московской Руси. См.: Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Середина XVI века. М., 1985. С. 318; Солодкин Я.Г. «Краткое описание о Сибирстей земли»: место возникновения и соотношение с Новым летописцем // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 79.

⁶ Ерофеева И.В. Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII — первой трети XVIII века // История Казахстана в русских источниках XVI—XX вв. Алматы, 2005. Т. 2. С. 17. Исследовательница, разумеется, заблуждается, утверждая, что до назначения в Тобольск Киприан являлся новгородским митрополитом (Там же).

⁷ Солодкин Я.Г. «Краткое описание о Сибирстей земли»... С. 78. Примеч. 5; С. 79, 81, 84; Он же. К трактовке «сибирских» известий Нового летописца //

Северо-Западная Сибирь в прошлом и настоящем: Сб. материалов региональной науч. конф., посвященной 35-летию г. Нижневартовска. Нижневартовск, 2007. С. 40. Оценка Киприана Старорушанина как ближайшего сотрудника Филарета (Ромодановская Е.К. Литераторы Тобольского архиерейского дома в XVII веке // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2003. С. 13), думается, страдает преувеличением.

⁸ Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 99.

⁹ Таково название НЛ в одном из нескольких списков, сохранивших, по определению В.Г.Вовиной-Лебедевой, текст Сибирской редакции памятника (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 84).

¹⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 21, 22, 51.

¹¹ Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 138, 139. Ср.: С. 18—19; Она же. Автограф М.Г.Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская рукописная книжность и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 84; Она же. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 15, 22. Ср.: С. 37, 72. Исследовательница не исключала, что в годы, когда тобольскую владычную кафедру занимал Макарий (1625—1635), написана повесть, явившаяся протографом двух начальных статей НЛ (Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 50). Скорее всего Е.И.Дергачева-Скоп имела в виду КО.

Название 1-й статьи НЛ в тексте не отделено от наименования памятника. В некоторых зависимых от него сочинениях верно говорится о «помете», т.е. оставлении, Сибири (73, 78; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 23, 33. Ср.: С. 141; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 158).

¹² Ранее так поступили А.И.Андреев и Р.Г.Скрынников. Однажды, впрочем, выдающийся историк первой половины — середины прошлого века объявил КО источником НЛ (Андреев А.И. Очерки... Вып. 1. С. 242. Ср.: С. 243).

¹³ Так называется НЛ в представляющем его Академическую редакцию списке середины XVIII в. (Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец ... С. 135).

¹⁴ Вовина В. Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 61—63, 69; Она же. Новый летописец: Источниковедческое исследование: С. 15; Она же. Новый летописец и спорные вопросы... С. 127; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 106, 247, 248, 250, 251, 253, 254. Ср.: С. 376.

На взгляд Н.А.Дворецкой, в основе интересующих нас статей НЛ лежит краткая повесть, в которой слышны «фольклорные мотивы». См.: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 54.

¹⁵ Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 309. В Ш при этом говорится, что казаки «утрудишася велми». В Г и Д этих слов нет.

КО по Д, как и в Г, Ш завершается сообщением об основании городов на берегах Енисея, Лены, Амура и взимании русскими ясака «до Китайского государства». Вслед за А.И.Андреевым и В.Г.Вовиной-Лебедевой можно предположить, что в протографе КО и НЛ данного сообщения не было.

¹⁶ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 44. См. также: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография (далее — ИИАСИ). Нижневартовск, 2006. Ч. 1. С. 89. Издатели НЛ предполагали, что речь шла о проливе (ПСРЛ. Т. 14. С. 33. Примеч. 9).

¹⁷ Принимать эти тексты за списки ЕЛ (Кружинов В.М. О местонахождении последнего лагеря Ермака: историографические заметки // Тюменский ист. сб. Тюмень, 2006. Вып. 9. С. 18) не следует.

¹⁸ Ср.: 42. Примеч. 44.

¹⁹ Ромодановская Е.К. «Краткое описание о Сибирстей земли и о похождениях атамана Ермака». С. 195; Она же. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 241. Утверждение, будто в представлении Е.К.Ромодановской Ш испытал влияние НЛ (Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 60; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 244), не вполне точно.

²⁰ См., напр.: Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 54. Вывод о наличии у НЛ и ОК общего протографа — некоей Степенной книги, послужившей «первоисточником» для ЕЛ и Строгановской летописи (Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 188—190), остался без текстологического обоснования.

Считать, что в основе ОК лежит какая-то Степенная (Там же; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 315. Примеч. 169), не стоит. Напомним, что НЛ часто рассматривался в качестве дополнения к Степенной книге, даже назывался «степенью» Федора Ивановича. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 37, 124, 153, 158, 162, 163, 165.

²¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 51. Примечательно, что в конце 2-й статьи НЛ сказано «и иные многие города в Сибирскомъ царстве поставили», без пояснения, какие и кем. О возведении этих городов — Пелыма, Березова, Сургута, Тары — говорится в 25-й и 30-й статьях (Там же. С. 42, 43).

²² /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 21, 22, 28, 29. См. также: Дергачева-Скоп Е.И. Автограф М.Г.Романова... С. 97, 99.

²³ СЛ. С. 308, 310.

²⁴ См. также: ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 562.

Утверждение, будто в НЛ «вместо двух (как в КО. — Я.С.) посылка лазутчиков (вернее, татарина-смертника. — Я.С.) к спящим на острове казакам описывается одна» (Вовина В.Г. Новый летописец и спорные вопросы... С. 127), ошибочно (см.: ПСРЛ. Т. 14. С. 34).

²⁵ Подчас в «сказочном анекдоте» о татарине, пробравшемся в казачий стан, упоминается о трех пищалях и трех борошнях (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 21).

²⁶ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 247. Примеч. 103. Вместе с тем В.Г.Вовина-Лебедева, подобно Н.А.Дворецкой, говорит о зависимости Р от НЛ (Там же. С. 190, 243, 248. Примеч. 109).

²⁷ См.: Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 239—240. Ср.: С. 89; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 111; Солодкин Я.Г. К спорам о зарождении сибирской книжной культуры // Эколого-географические проблемы природопользования: Теория, методика, практика: Докл. III Международной научно-практической конф. Нижневартонск, 2006. С. 256—257. Ср.: Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 150. Н.Н.Покровский и Е.К.Ромодановская в «Предисловии» к изданию летописей «группы» ЕЛ (С. 3, 4) находят вероятным,

что РЛ предшествовал «Повести» Саввы Есипова, и в то же время предположительно считают РЛ сокращением ЕЛ с целью включения ее в общерусский летописный свод.

²⁸ Это название НЛ из вкладной книги Антониево-Сийского монастыря. См.: Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 107.

²⁹ Вовина В.Г. Новый летописец и спорные вопросы... С. 127; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 106, 107, 109—112. См. также: Солодкин Я.Г. «Краткое описание о Сибирстей земли»... С. 79. Примеч. 14.

В.Г.Вовина-Лебедева не исключает, что в РЛ использовался НЛ Сибирской редакции.

³⁰ Таким образом, про конец царствования Грозного в НЛ говорится не только из-за наличия в распоряжении «списателя» сочинения о Сибири, как думается В.Г.Вовиной-Лебедевой (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 379), тем более, что к созданию этих произведений могло быть причастно одно и то же лицо их окружения Филарета.

По мнению А.А.Преображенского, НЛ в нарушение «логики и последовательности текста» открывается статьей (точнее, заметим, двумя статьями) о «Сибирском взятии», ибо для «представителя новой династии требовалось нечто неожиданное, отвечающее величию державы, ее расширению», и присоединение к России Кучумова ханства было изображено продолжением завоевания Казанского и Астраханского «царств»; получается, что «Сибирский вопрос» неспроста поставлен «во главу угла» официального летописца (Преображенский А.А. «Веков связующая нить...»: Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.) М., 2002. С. 83). Но в этих статьях НЛ, в отличие от ряда предшествующих ему сочинений (см., напр.: Русская Историческая Библиотека. СПб., 1909. Т. 13. Стлб. 1275; Козляков В. Смута в России: XVII век. М., 2007. С. 493. Ср.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 358), не говорится о «взятиях» Казани и Астрахани; о первом из них летописец напоминает следом, и то потому, что повествует о вспыхнувшем в Казанском крае восстании (34; ср. 3; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 52). Рассматриваемые статьи «Книги, глаголемой Новый летописец», видимо, со временем предпосланные уже готовому тексту, позволяли объединить описания царствований Грозного (при котором началось завоевание сибирских «землиц») и Федора Ивановича (тогда оно было продолжено). Усматривать же в этих статьях «эффектное начало» НЛ, призванное показать единство процесса укрепления страны при Иване IV, его наследнике и Романовых (Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 69), кажется искусственным уже потому, что об избранном в 1613 г. государе, ставшем родоначальником династии, здесь даже не упоминается.

³¹ См. также: /Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К./ Предисловие. С. 5, 6. Е.И.Дергачева-Скоп, публикуя РЛ (Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 17—18), не отметила, что один из фрагментов памятника содержится в НЛ.

³² СЛ. С. 309; ПСРЛ. Т. 14. С. 33. См. также: Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 21; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 76.

По сообщению С.У.Ремезова, Ермак выступил навстречу бухарским купцам с полусотней казаков (ПЛИДР: XVII век. Кн. 2. С. 562).

Отметим, что выражение «идолом поклоняхся» в рассказе о верованиях сибирских народностей имеется не только в НЛ и РЛ, как представлено В.Г.Вовиной-Лебедевой (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 249), но и в КО и ЕЛ (45, 49).

³³ Андреев А.И. Очерки... Вып. 1. С. 243. А.М.Яковлева в данной связи пишет о КО (Яковлева А.М. Есиповская летопись в исследованиях XX века // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. Нижневартовск, 2003. С. 73). Заметим, что протограф КО и НЛ использовал Савва Есипов, например, в рассказе о прибытии Маметкула в Москву.

³⁴ Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники (Новый Летописец, Свод 1652 года, Латухинская Степенная книга) // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 126; Он же. Сибирские источники общерусских исторических памятников XVII века // Тез. докл. студ. науч. конф. «Духовная культура Урала» (Археография и изучение духовной культуры). Свердловск, 1987. С. 13.

Видеть подобно В.С.Иконникову и А.В.Лаврентьеву в «сибирских» статьях НЛ буквальное извлечение из ЕЛ, разумеется, не стоит.

³⁵ Сергеев В.И. Сибирские летописи // Советская ист. энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 823—824; Он же. У истоков... С. 49—50, 59.

А.М.Яковлева, то признающая НЛ источником ЕЛ, то отрицающая это, утверждает, что «Книга, глаголемая Новый летописец», как представляется А.М.Ставрович, оказала влияние на «Сказание» Есипова, а с точки зрения Р.Г.Скрынникова, под воздействием НЛ создавалась ранняя тобольская летопись, предшествовавшая ЕЛ (Яковлева А.М. Есиповская летопись... С. 72, 74; Она же. Схемы сибирского летописания... С. 30, 31, 39—40; ИИАСИ. Ч. 1. С. 99, 111). Однако в работах Р.Г.Скрынникова про зависимость от НЛ «списания», которое «распространил» «архиепископль» дяк, не сказано, видный современный историк лишь сослался на соответствие НЛ и КО известиям заключающего ЕЛ синодика «ермаковым казакам» (далее — С) о сражении 23 октября 1580 г. близ Кашлыка и смерти «наставника» «фруского полка» (Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 85. Ср.: С. 88; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 20). Однако в НЛ умалчивается о сражении, после которого Кучум бежал из своей столицы. Как утверждается в С, в устье Вагая «поганные» истребили весь русский отряд, согласно КО, НЛ, да и ЕЛ, одному казаку тогда удалось спастись (63; ср. 381; СЛ. С. 310; ПСРЛ. Т. 14. С. 34). А.М.Ставрович же казалось, что в НЛ и ЕЛ использована летопись Киприана Старорушанина. См., напр.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 31; Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 59; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 243—244. Ср.: С. 248—249.

³⁶ СЛ. С. 309; ПСРЛ. Т. 14. С. 33. В.Г.Вовина-Лебедева заблуждается, полагая, будто в 64-й статье НЛ сказано о том же событии — пленении русскими ханских родственников, про которое уже сообщалось в 1-й. См.: Солодкин Я.Г. Из истории раннего сибирского летописания // Западная Сибирь: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Материалы окружной науч.

конф., посвященной 300-летию со дня рождения Г.Ф.Миллера. Нижневартовск, 2005. С. 21.

³⁷ Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 243.

³⁸ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 28. Ср.: С. 251—252.

Известно, что в 1635 г. патриарх Иоасаф прислал в Тобольский архиерейский дом «Летописец московской скорописной» (Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 93). Возможно, это был НЛ, который иногда принимался владельцами или переписчиками за «московской летописец» или «летопись Московского государства» (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 69, 125. Ср.: С. 114, 158).

³⁹ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 51; Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 29, 30; Очерки... Т. 1. С. 86; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 20; Ромодановская Е.К. Тобольская летопись и Сибирский архив // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 313.

⁴⁰ См.: Солодкин Я.Г., Дронкина О.И. Сибирский летописный свод первоначальной редакции и его источники // Тез. докл. и сообщ. II региональной музейной научно-практической конф., посвященной 70-летию Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск, 1999. С. 35; Солодкин Я.Г. О происхождении общерусских известий Книги записной (в печати).

⁴¹ См.: Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // ОИ. 2002. № 4. С. 131—132; Солодкин Я.Г. К вопросу о «сибирских» статьях Нового летописца // Сб. науч. тр. Сургут. гос. ун-та. Сургут, 2003. Вып. 15. Ч. 1. С. 104; Он же. Русская публицистика первой трети XVII в. и раннее сибирское летописание // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 46.

Мнение, что две начальные статьи НЛ зависят от летописей и документов (Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969. С. 13), осталось необоснованным.

⁴² ПСРЛ. Т. 14. С. 34.

⁴³ Дворецкая Н.А. Археографический обзор... С. 467; Она же. Сибирский летописный свод... С. 53, 54, 64, 101. Ср.: С. 66; Очерки... Т. 1. С. 88; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 20; Ромодановская Е.К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 421, и др. А.Т.Шашков предполагал, что выдержки из НЛ имелись в протографе Ремезовской летописи — тексте, появившемся в результате сокращения ЕЛ (Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 150). Скорее всего источником «Истории Сибирской» послужила Р. См.: Солодкин Я.Г. Какой редакцией Есиповской летописи пользовался С.У.Ремезов? // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея. Тюмень, 2007. Вып. 20. С. 5—14.

Мнение, что в Академическом списке СЛС Нарышкинской редакции есть выдержки из КО (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 129), безосновательно.

⁴⁴ Андреев А.И. Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII века // Советский Север. 1938. № 1. С. 40. Ср.: Он же. Очерки по источниковедению Сибири: XVII век. Л., 1939. С. 96.

Глава 2

ТОМСКАЯ РАЗБОРНАЯ КНИГА 1680–1681 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ СУРГУТСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В последнее время появилось много исследований по истории сургутского казачества, в частности, работы Н.И.Никитина, А.Т.Шашкова, Я.Г.Солодкина, В.Д.Пузанова, А.Е.Ульяновой, но большинство этих работ посвящено служилым людям XVII в.¹ Ранняя история сургутского казачества зачастую рассматривается лишь мимоходом, да и сведений, касающихся первопоселенцев Сургута, откровенно мало. Воевода Ф.П.Барятинский, письменный голова В.В.Аничков и атаман Тугарин Федоров, — вот, пожалуй, и все известные нам люди, «ставившие» «Сургуцкой город» в 1594 г. Томская же разборная книга конца XVII в., которая в качестве источника по данной теме ранее не привлекалась, позволяет выяснить имена как минимум полутора десятков казаков, возводивших стены и башни Сургута.

Следует отметить, что разборные книги дают возможность не только установить численность гарнизона, должности служилых людей (дети боярские, атаманы, пешие или конные казаки, стрельцы, толмачи, уставщики над плотниками и т.д.), размеры их жалованья (денежного и хлебного), когда они были зачислены на службу (и при каком воеводе), сколько лет состоят на государственной службе и в каких «посылках» за это время побывали (в какие города и остроги, на какие службы), но и порой выяснить судьбы предков служилых.

Примером тому служит «разборная книга служилых людей Томского города 1680/81 г.», составленная по указу царя Федора Алексеевича воеводой стольником И.М.Кольцовым-Мосальским и дьяком Ф.Леонтьевым, представляющая собой поздний источник по первоначальной истории русских городов Сибири, хотя сведения этого документа зачастую основаны не на точно зафиксированных актовых данных. Казаки же и другие служилые люди, показания которых он отражает, нередко были склонны преувеличивать заслуги своих предков.

Из «именной книги» 1680 г. (так П.М.Головачев называет и датирует анализируемый нами документ²) можно извлечь сведения о 16 служилых людях, принимавших участие в «поставлении» Сургута.

Согласно наказу от 19 февраля 1594 г. об основании Сургута, в отряде заложивших его воеводы Ф.П.Барятинского и письменного головы В.В.Аничкова находились казаки из Пелыма, Тобольска, Березова (с головой Молчаном Норовым и атаманом Денисом Базаровым), а также «годовальщики» — ратные люди, «литва» и казаки — из Обского городка, который следовало сжечь, «татары» кодского князя Игичея Алачева и остяки ближних «вологостей»³. (Авторы пятитомной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», определяя состав этого отряда, пелымских и тобольских казаков не упомянули, да и посчитали, что гарнизон Обского городка был переведен в Сургут, в действительности же этот гарнизон участвовал в сооружении «Сургуцкого города»; авторы «Очерков истории Коды», называя участников отряда, «забывают» про березовских служилых людей)⁴.

Согласно томской разборной книге 1680/81 г., из 16 первостроителей Сургута 9 были присланы «с Москвы» (Савва Лудяк, Бардаков, Бурыха, Карбышев, Коломнин, важенин Вершинин, вологжанин Лурохонцев, а также «москвитины» Заев и Кручинко, возводившие Сургут «установщиками над плотниками») ⁵. Принимали участие в «поставлении Сургуцкого города» новгородцы Куркин и Пускин, вологжанин Астраханцев, уроженец Яренской волости Потап Маслов, ярославец Иван Пеплинский, пеший казак Борис Тупылев, который был переведен из Березова и Батранин (где он родился и откуда родом, неизвестно)⁶. Остановимся на судьбах этих служилых людей более подробно.

В изложении содержания разборной книги П.М.Головачевым налицо несколько досадных ошибок или опечаток. В частности, согласно этой книге, дед Ивашки Корнилова сына Медведчикова служил в Москве в стрельцах, «по указу прислан в Томск для строения и затем в Томск тоже для строения»⁷. Поскольку Томск «ставился» один раз, скорее всего, в первом случае имеется в виду Сургут: менее вероятно, что Медведчиков строил и Кузнецкий острог. Разборная книга называет еще трех Медведчиковых: Алешку Иванова сына, отец которого — уроженец Сургута, при-

шедший в Томск «в давние годы»; Ивашку Кириллова сына, отец которого служил в Сургуте, куда прислан был из Москвы, а затем по указу государя — из Сургута в Томск «город ставить», где верстан в конную службу десятником; Фильку Микитина сына, отца которого из Сургута по указу государя перевели в Томск, где он состоял «в толмачах»⁸.

Очевидно, все Медведчиковы прибыли в Томск из Сургута в разное время (т.к., судя по разборной книге, только двое из них «ставили» Томск) и, вполне вероятно, Корнила, Иван, Кирилл и Микита приходились друг другу родственниками. Корнилу же с немалой долей вероятности можно отнести к числу казаков, основавших «Сургуцкой город».

Из разборной книги узнаем, что Коломна прислали по государеву указу из Москвы строить Сургут, а затем перевели «ставить» Томск, и там он стал нести конную службу. Иван же Коломкин, родом из Красного села (что под Москвой), не принимал участия в «поставлении» Сургута, а был оттуда направлен строить Томск⁹. Вспомним и про казака Ивана Коломну (согласно опубликованным Г.Ф.Миллером документам, служившего в Томске в 1609 г.)¹⁰. Видимо, речь должна идти о первостроителе Сургута и Томска Иване Коломнине (Коломкине, Коломне). Д.Я.Резун полагает, что в память о братьях «Коломна» (при этом известный историк указывает имя только одного из них — опять же Ивана) одно из сел Томской области носит название Коломино¹¹.

Судьбы Тупылевых также вызывают интерес. Так, Борис Тупылев, находившийся в Березове «в пешей службе», был переведен «ставить» Сургут, а затем Томск и Кузнецк. Второго Тупылева, родом из Сургута, перевели «ставить» Томск и определили в толмачи. (Конечно, вряд ли он там родился, скорее всего, лишь состоял на службе. В самом деле, не мог же он строить Томск в 10 лет, а именно столько времени прошло после основания Сургута). Этот Тупылев (в документе — Туполев), которого звали Осипом, в 1620 г., действительно, служил в толмачах; тогда послы Каракула-тайши Азнучак «с товарищи» для «сбереженья» оставили у него 11 лошадей, 6 седел, 6 арканов, 9 узд и другое «снаряженье». В 1616/17 г. за службу в Чатском городе просил жалованье Федор Тупылев¹². Таким образом, выявлено три Тупылева — Борис, Осип и Федор. Остается установить, являлись

ли они родственниками и могли ли участвовать Осип с Федором в «поставлении» Сургута.

По мнению Д.Я.Резуна, основателем клана томских казаков Вершининых был Еремей, родом важенин, посланный из Москвы в конце XVI в. строить Сургут, Нарым, Кетск и Томск¹³. Разборная книга называет важенина Вершинина, но без имени. В 1605 г. упоминается казак Третьяк Вершинин¹⁴. По всей видимости, имеется в виду один и тот же служилый человек.

В работе Д.Я.Резуна называется и казак Иван Пеплинский (родом из Ярославля), строивший Сургут, Томск, Кузнецк. Согласно разборной книге, ярославец Иван Пеплинский «ставил» Сургут, Томск и Кузнецкий острог. В челобитной томского конного казака Ивана Теплинского о жалованье за службу в Кузнецкой земле (не ранее 1616/17 г.) говорится, что он 15 лет служит в «Томском городе» всякие царские службы — зимние и летние¹⁵. Вполне возможно, Иван Пеплинский (Пеплинской) и Иван Теплинский — это одно и то же лицо.

Астраханцева (родом вологжанина) по государеву указу прислали строить Сургут, затем перевели «ставить» Томск. Этот служилый, участвовавший и в «поставлении» Кузнецкого острога, был убит «в киргизах» (З.Я.Бояршинова, по всей видимости, имела в виду именно этого служилого, отмечая, что звали его Иваном Астраханцевым, «родиною вологжаниным»)¹⁶. Разборная книга называет и другого Астраханцева — родом астраханца, перешедшего в Томск «город ставить» и нести конную службу и также погибшего «на службе»¹⁷. В книге «Древний город на Оби: История Сургута» говорится об Иване Астраханце, строившем в 1594 г. Сургут и «ставшем в дальнейшем» тобольским сыном боярским. Он также «ставил» Томск, Кузнецкий и Красноярский остроги, ходил к Ямышевскому озеру, где возвел в 1634 г. первый «русский» острог. В 1654 г. И.Астраханец производил сыск в Тюмени «на воеводу Никифора Елдезина» (после сооружения Сургута прошло уже 60 лет (!) — Д.С.), а погиб он во время похода на киргизов¹⁸. Быть может, речь идет о вологжанине Астраханцеве (о котором упоминала и З.Я.Бояршинова), но разборная книга имени его не называет. Остается невыясненным, каким образом рядовой служилый впоследствии стал сыном боярским в сибирской «столице», и сколько ему было лет, когда он отпра-

вился в поход на киргизов (по самым скромным подсчетам, в то время ему должно было быть не менее 75—80 лет, если, конечно, он не «рубил» Сургут в десятилетнем возрасте).

Таким образом, сведения о том, мог ли вологжанин Астраханцев являться тобольским сыном боярским Иваном Астраханцем, нуждаются в дальнейшем исследовании.

Согласно разборной книге, уроженец Яренской волости Потап Маслов «ставил» Сургут, откуда был переведен строить Томск, где выполнял конную службу¹⁹.

Савва Лудяк, присланный «с Москвы» для «поставления» Сургута, затем был переведен строить Томск и служил там в конных казаках²⁰.

О новгородце Пускине известно, что он «ставил» Сургут и Томск, нес конную службу²¹. Другой новгородец — Куркин — был прислан по государеву указу строить Сургут, переведен «ставить» Томск²².

Следует отметить и Батранина, строившего Сургут, а потом Томск (где его верстали в конную службу); известно, что этого служилого убили²³.

Карбышев, родом «с Москвы», «ставил» Сургут, откуда был переведен в Томск (по всей видимости, в сооружении Томска он участия не принимал)²⁴.

Лурохонцева, что «с Вологды», из Москвы прислали «ставить» Сургут, затем перевели строить Томск²⁵.

Бурыху (тоже «с Москвы») отправили «ставить» Сургут, затем оттуда — для «поставления» Томска, где он служил в десятниках конных казаков²⁶.

Из разборной книги узнаем о двух «москвитинах» — Заеве и Кручинко, которые были присланы «ставить» Сургут уставщиками над плотниками, а затем переведены строить Томск (о Кручинко прямо сказано, что его прислали из Москвы)²⁷.

Наконец, согласно томской разборной книге, Бардакова направили «ставить» Сургут из Москвы, а затем уже его послали строить Томск²⁸.

Благодаря томскому «разбору» мы узнаем о 16-ти (а если подтвердятся сведения о том, что Медведчиков тоже строил Сургут, а не только был «по указу прислан в Томск для строения и затем в Томск тоже для строения», то и 17-ти) первостроителях Сургута.

Таким образом, составленная в конце XVII в. томская разборная книга сохранила сведения и почти столетней давности, что само по себе примечательно. При сопоставлении с другими документами нередко выявляется достоверность показаний томских служилых людей за 1680/81 г. Томская разборная книга позволяет выяснить не только имена и фамилии первостроителей Сургута, но и определить, где они родились, и откуда эти служилые люди прибыли «ставить Сургуцкой город». Следует подчеркнуть уникальность разборной книги как источника по ранней истории служилых людей Сибири, в том числе и Сургута.

Д.Я.Резун относит к первостроителям Сургута атамана Третьяка Деева²⁹. По предположению исследователя, казаки с фамилией Перфильев (Перфирьев) пришли в Сибирь в конце XVI в. и строили Сургут и Тару, где и образовали кланы служилых людей. «Основателем» этой фамилии Д.Я.Резун считает, одного из «начальных» служилых людей Сургута Максима Перфильева³⁰. А.Т.Шашков полагает, что «ставил» Сургут и атаман пелымской казачьей станицы Темир Иванов³¹.

Из царской грамоты Василия Шуйского сургутским воеводам о пожаловании стрелецкого пятидесятника Третьяка Деева за его службы в атаманы к «литве и черкасам» (от 3 октября 1609 г.) узнаем, что было «велено Третьяку в Сургуте служить в атаманах у литвы и черкас», а годового жалованья ему положено «денег восемь рублей» да «хлеба восемь чети муки, четь круп, четь толокна»³². Грамота не указывает на его участие в «поставлении» Сургута.

Что касается Максима Перфильева (Перфирьева), то он в 1618 г. из Сургута во главе группы служилых людей был направлен на строительство Енисейского острога³³. Вполне вероятно, что началась его служба именно в Сургуте, но к основанию Сургута М.Перфильев (Перфирьев), по всей видимости, никакого отношения не имеет.

Согласно наказу от 19 февраля 1594 г., Ф.П.Барятинскому и В.В.Аничкову следовало взять в Пелыме по росписи у воеводы князя П.Горчакова пелымских казаков и направиться в «Тобольской город». Имя атамана пелымских казаков, которым мог быть и Т.Иванов, не называется. В наказе от 10 февраля 1595 г. атама-

ну Темирю Иванову и его «прибору» казакам терским, сольским и донским было велено «потерпеть и государю послужить», за что им обещали «великое жалованье» и «перемену на их место к новому году», которую им «пошлют», а атамана и его станицу отпустят «в ...» (вероятно, обратно в Пелым)³⁴.

По предположению Я.Г.Солодкина, Т.Иванов и его казаки в Сургуте находились на годовой службе с сентября 1594 г.³⁵

С другой стороны, авторы «Очерков истории Югры» полагают, что В.Аничков, отправившись из Москвы, соединился в Пелыме с казачьей станицей атамана Т.Иванова; затем они добрались до Тобольска, где их уже ждал Ф.Барятинский³⁶. В работе «Древний город на Оби: История Сургута» отмечается, что казаки Т. Иванова появились в Сургуте вместе с Ф.Барятинским и В.Аничковым, будучи взяты из Пелыма. В качестве аргумента приводится фраза из отписки в Москву пелымского воеводы И.Вельяминова от 1623 г. Жалуясь на нехватку служилых людей, воевода упоминает про «казаков Темиревы станицы», «сосланных» в Сургут «во 103-м году» (1594/1595 г.). Е.М.Главацкая полагает, что «за давностью лет, вспоминая дату отъезда казаков, И.Вельяминов ошибся на несколько месяцев», ссылаясь при этом на царский наказ сургутским воеводам от 10 февраля 1595 г., «где впервые и только один раз упоминаются Т.Иванов и его казаки»³⁷. Да, в наказе 1595 г. об атамане Иванове «с товарищи» есть только одно упоминание. Едва ли И.Вельяминов мог ошибиться, т.к. в его отписке помимо «казаков Темиревы станицы» называются и холмогорцы, и пелымские стрельцы — вятчане, угличане и другие, которые были отпущены «по домам» (при этом указывается как количество человек, так и год, в котором их отпустили)³⁸. Как же пелымский воевода, «по собственной памяти», не руководствуясь какими-либо документами, мог писать о посылке станицы Т.Иванова в Сургут?

Также следует отметить, что документально известен донской казак Докучай Иванов (Ивашинец), который участвовал в «поставлении» Пелыма³⁹. Неясно, являлись ли Темир и Докучай одним и тем же лицом, но вряд ли рядовой донской казак Докучай

после основания Пелыма стал нести службу атаманом «терских, сольских и донских» казаков.

Таким образом, вопрос об участии Т.Иванова в сооружении Сургута остается дискуссионным, он мог и строить этот сибирский город, и находиться там «в годовальщиках» уже после его основания.

Наконец, один из основателей «Сургуцкого города» (то, что он участвовал в сооружении Сургута уже не вызывает никаких сомнений — *Д.С.*) «атаманишко казачий» Тугарин Федоров, по всей видимости, в Сибири находился приблизительно с 1591 г. Согласно его челобитной 1626 г., он служил «в Сибири в Сургуте всякие государевы службы: летние и зимние, нартовые и струговые» 35 лет, помимо Сургута «ставил» Пелым, Нарым и Кетск⁴⁰.

Примечания

¹ См.: Никитин Н.И. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут: Сибирь: Россия: Междунард. научно-практическая конф., посвященная 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995; Шашков А.Т. Участие сургутских служилых людей в военных походах и экспедициях конца XVI—XVII вв. // Великий подвиг народа: Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл. Екатеринбург, 1995; Он же. Сургутские казаки в Забайкалье и на Амуре в 50—60-е гг. XVII в. // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. исторических чтений. Сургут, 2005; Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002; Он же. Основание Сургута и экспедиция на Тару-реку // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2004. № 1; Он же. «Сургуцкий город» и присоединение к России сибирских земель в конце XVI — начале XVII вв. // Там же; Пузанов В.Д. Годовальщики Сургута и Березова // Югра. 2005. № 10; Ульянова А.Е. «Годовая служба» сургутских казаков в XVII в. // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Материалы I конгресса (Сургут, 10—11 июня 2004 года). Сургут, 2004; Она же. Функции сургутских казаков в конце XVI — начале XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI—XX вв. Нижневартонск, 2005. Вып. 1, и др.

² Следует отметить, что термин «именная книга», подразумевающий список или перечень имен, в исторической литературе не закрепился.

³ Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. Прилож. С. 2—5.

⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 34; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 105.

⁵ Томск в XVII веке: Материалы для истории города. Б.м., б.г. С. 54, 63, 65, 72, 91, 103, 116, 119, 121, 130.

- ⁶ Там же. С. 63, 67, 71, 74, 76, 109, 127—128.
- ⁷ Там же. С. 108—109.
- ⁸ Там же. С. 99, 103—104, 115, 117. По указанию Д.Я.Резуна, конный казак Кирюха Медведчиков из Сургута был послан «ставить» Томск и там остался. При этом ученый не поясняет, что Кирюха был десятником конных казаков. (Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 106).
- ⁹ Томск в XVII веке... С. 65, 102.
- ¹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 415.
- ¹¹ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 99.
- ¹² Томск в XVII веке... С. 71, 119; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 278, 299.
- ¹³ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 38. Исследователь ссылается, в частности, на одну из книг Сибирского приказа.
- ¹⁴ Томск в XVII веке... С. 54; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 405.
- ¹⁵ Томск в XVII веке... С. 109; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 437; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 138.
- ¹⁶ Томск в XVII веке... С. 63, 132; Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи // Томску — 375 лет: Сб. статей. Томск, 1979. С. 16.
- ¹⁷ Томск в XVII веке... С. 54.
- ¹⁸ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 121.
- ¹⁹ Томск в XVII веке... С. 63, 76.
- ²⁰ Там же. С. 121.
- ²¹ Там же. С. 127—128.
- ²² Там же. С. 74; Из истории земли Томской: 1604—1917 (Сб. документов и материалов). Томск, 1978. Вып. 1. С. 29.
- ²³ Томск в XVII веке... С. 67.
- ²⁴ Там же. С. 72.
- ²⁵ Там же. С. 114.
- ²⁶ Там же. С. 103, 116.
- ²⁷ Там же. С. 119, 130.
- ²⁸ Там же. С. 91.
- ²⁹ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 55.
- ³⁰ Там же. С. 143.
- ³¹ Шашков А.Т. Участие сургутских служилых людей в военных походах... С. 47.
- ³² История Ханты-Мансийского округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 81—82.
- ³³ Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 216. См. также: Древний город на Оби... С. 121.
- ³⁴ Сторожев В.Н. Материалы для истории... Вып. 2. Прилож. С. 2, 7.

³⁵ Солодкин Я.Г. О некоторых дискуссионных вопросах основания Сургута // В.И.Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: Материалы научно-практической конф. Сургут, 2007. С. 63.

³⁶ Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 127.

³⁷ Древний город на Оби... С. 100.

³⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 356.

³⁹ Там же. Т. 1. С. 345; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1988. С. 26.

⁴⁰ История Ханты-Мансийского автономного округа... С. 82; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 80—81; Древний город на Оби... С. 122—123; Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII — начала XVIII вв. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 186—187.

Глава 3

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Основным источником информации о населении являются материалы переписей, которые содержат детальные сведения о численности населения и его распределении по территории страны, по городским и сельским населенным пунктам, его составе по полу, возрасту, социальному положению, брачному состоянию, грамотности, образованию и, что особенно важно для нас, — по национальности и языку.

В первой половине XX столетия в СССР были проведены несколько переписей населения. Первая после прихода к власти коммунистов демографическая перепись была организована 28 августа 1920 г., когда в стране еще не закончилась Гражданская война. Поэтому перепись не охватила всего населения страны — примерно 30% ее жителей оказались за рамками статистического учета¹. В Сибири не было переписано население Забайкалья, северных территорий Иркутской губернии, Туруханского и Нарымского регионов. Следующая перепись, проведенная 15 марта 1923 г., была городской. Она не затронула сельских жителей, составлявших большинство населения Сибири. Поэтому обе эти переписи имеют важное, но все же ограниченное значение.

Только 17 декабря 1926 г. была организована первая советская всеобщая перепись населения. Она была тщательно подготовлена на строго научной основе и характеризуется высокой степенью точности. Недоучет населения, допущенный переписью 1926 г., составил статистически незначительную величину и, по современным оценкам, не превысил 1%². Однако перепись 1926 г. в связи с бурными социальными изменениями быстро устарела. К 1930 г. кардинально изменилась численность как городского, так и сельского населения, принципиальные трансформации претерпел социальный и половозрастной состав населения. В этой связи было решено организовать еще одну всесоюзную перепись. Но сроки ее проведения неоднократно переносились: на 1932,

1935, 1936 гг. В конце концов, она состоялась 6 января 1937 г. Перепись отразила все противоречия демографического развития и, в частности, вскрыла сокращение численности населения СССР вследствие голода 1932—1933 гг. Данные, полученные в ходе переписи, полностью разошлись со сделанными ранее оценками. Работники Госплана СССР, следуя указаниям Сталина о ежегодном трехмиллионном приросте населения Советского Союза, предполагали, что население страны к началу 1937 г. достигнет 180,7 млн. человек, тогда как перепись зафиксировала всего 162 млн. человек³. В сентябре 1937 г. СНК СССР признал организацию переписи неудовлетворительной, а ее материалы дефектными. Злополучная перепись была объявлена преднамеренно сфальсифицированной врагами народа. Соответственно, 17 января 1939 г. была проведена еще одна всесоюзная перепись населения СССР, призванная дать истинные цифры взамен искаженных «врагами народа». В начале — середине 1990-х гг. в исторической и демографической литературе разгорелась бурная дискуссия на предмет фальсификации численности населения СССР и соответствующего искажения его структуры. Но поправки, сделанные независимо разными авторами по различным методикам, колеблются в пределах от 1 до 1,5%⁴. В сущности, это статистически незначительная величина. К тому же нет такой переписи, которая учла бы население абсолютно точно.

Первая послевоенная перепись населения была проведена почти через полтора десятилетия после окончания Великой Отечественной войны — 15 января 1959 г. Перепись 1959 г. характеризуется высокой степенью точности цифровых данных. Эта перепись важна еще и тем, что дает возможность подвести итог целому историческому периоду демографической истории страны, так как она в основном совпала с завершением бурных процессов индустриализации и демографического перехода.

Помимо всесоюзных переписей населения важным источником по демографической истории Сибири в 1930-е гг. являются локальные переписи населения. Они особенно значимы для начала 1930-х гг., когда материалы переписи 1926 г. устарели, а «новая» перепись общесоюзного масштаба еще не была проведена. Локальные переписи не отличаются особой точностью, а погрешность учета оказалась очень существенной. Но за неимением

других, более достоверных, статистических данных локальные переписи становятся незаменимым источником информации о населении. К ним относятся: перепись населения Кузбасса, проведенная в январе 1931 г., мартовская (1931 г.) перерегистрация городского населения СССР в связи с выдачей заборных книжек (аналог продуктовых карточек), перепись населения крупнейшего в Сибири города — Новосибирска, организованная в феврале 1932 г.

Переписи населения являют собой важный, но далеко не единственный источник по демографической истории. Чтобы охарактеризовать воспроизводственные процессы, в частности динамику брачности, рождаемости, смертности и продолжительности жизни, необходимо использовать материалы естественного движения населения. До Октябрьской революции функции регистрации рождений, браков, разводов и смертей были возложены на церковь. Священники фиксировали не демографические события как таковые, а обряды крещения, отпевания, венчания. Русская православная церковь, согласно указу Петра I, ведет такие записи с 1722 г.⁵ С приходом к власти большевиков в стране стала насаждаться светская система регистрации демографических событий. В городах создавалась специальная сеть учреждений, предназначенных для фиксации демографических событий, — загсов (запись актов гражданского состояния). В сельской местности их обязанности возлагались на местные советы. Загсы и сельсоветы передавали полученные сведения в региональные статистические учреждения, откуда они поступали в центральные статистические органы.

Первоначально Гражданская война, разруха и связанный с ними распад государственных институтов сделали светскую регистрацию демографических событий практически невозможной. Старая система учета, основанная на фиксации религиозных обрядов, была полностью разрушена. Новая же не работала. Один из ведущих работников сибирской статистики начала 1920-х гг. Д. Мерхалев с известной долей иронии писал: «Сейчас имеется больше данных о “рождаемости” у отдельных видов домашних животных, чем о рождаемости населения»⁶.

Стабилизация социально-политической и экономической обстановки в период нэпа позволила несколько улучшить ситуацию

в сфере демографической статистики. К 1923 г. в наиболее заселенных районах Сибири была завершена работа по становлению системы загсов. Полной, без погрешностей регистрации демографических событий добиться не удалось, но тенденция к улучшению учета наметилась настолько отчетливо, что появилась возможность выпустить в свет несколько статистических справочников, специально посвященных динамике естественного движения населения как страны в целом, так и Сибири⁷.

В начале 1930-х гг. далеко не совершенная, но все же работающая система учета естественного движения населения распалась. Демографическая сфера СССР в годы сталинского «большого скачка» развивалась крайне нестабильно. Вопреки оптимистическим прогнозам и схоластическим рассуждениям о преимуществах так называемого «социалистического закона народонаселения», рождаемость в стране сокращалась, а смертность увеличивалась. Сталинское правительство, не заинтересованное в открытом обсуждении кризисных явлений в демографической сфере, приняло ряд мер с целью сокрытия статистической информации.

В январе 1930 г. ЦСУ СССР, существовавшее на правах наркомата, было ликвидировано. В течение примерно двух лет, до декабря 1931 г. (когда было создано ЦУНХУ при Госплане СССР) сбор информации был возложен на сектор народнохозяйственного учета Госплана СССР, который не был в состоянии справиться с возложенными на него задачами. Хаос в учете усугублялся резко усилившимися миграциями: миллионы крестьян бесконтрольно перемещались из деревни в город. Одновременно «кулацкие» семьи депортировались в отдаленные районы страны. В итоге произошел сбой не только в регистрации родившихся и умерших, но и в учете численности населения. Численность населения даже крупных городов была величиной неизвестной или в лучшем случае приблизительной. Многочисленные статистические справочники, издававшиеся в Советском Союзе в начале — середине 1930-х гг., содержали искаженную информацию. Демографическая статистика страны пережила настоящую катастрофу. По современным оценкам недоучет естественного движения составлял огромную величину: по родившимся 41,5%, а по умершим — 93,5%⁸. Численность населения СССР по официальным

данным ЦУНХУ Госплана СССР на 1 января 1933 г. составляла якобы 165,7 млн. человек, тогда как на самом деле — не более 163 млн. человек⁹.

Только после окончания голода 1932—1933 гг. в СССР были приняты меры по ужесточению контроля за ходом регистрации демографических событий. В частности, в 1934 г., с образованием общесоюзного НКВД, загсы были переданы в его ведение. Однако эффект от такой передачи оказался сомнительным. НКВД действовал свойственными ему методами нажима, запугивания и поиска врагов, виновных во всех срывах. Только этим можно объяснить появление 21 сентября 1935 г. постановления ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения»¹⁰. Постановление содержало нелепые обвинения в адрес работников статистических учреждений и загсов, которые, будучи классовыми врагами — бывшими священниками, кулаками и белогвардейцами, с вредительскими целями скрывали рост населения СССР путем преднамеренного недоучета родившихся и завышения смертности. На самом деле главным недостатком работы загсов того времени было как раз значительное занижение смертности.

Таким образом, есть все основания утверждать, что реставрировать полную картину динамики численности и естественного движения населения СССР в первой половине 1930-х гг. невозможно. Сегодня исследователям доступны лишь приблизительные оценки, в той или иной степени приближающиеся к истинному положению.

В сторону улучшения ситуация изменилась только во второй половине 1930-х гг., после преодоления некоторых очевидных последствий голода 1932—1933 гг. К тому же объективно советское государство испытывало острую потребность в информации о движении населения. Без этого было невозможно планирование трудовых ресурсов. 27 июля 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О порядке учета рождений и смертей» было решено ввести административную ответственность за уклонение от регистрации¹¹. Кроме того, согласно инструкции постоянной Комиссии по вопросам культа при ВЦИК РСФСР от 16 октября 1932 г. захоронение умершего допускалось «лишь после того, как факт смерти будет зарегистрирован в органе записей актов гражданского состояния»¹².

Но добиться полной регистрации демографических событий так и не удалось. На значительной части территории СССР и особенно в отдаленных районах Сибири загсов не было вовсе. Ряд загсов и сельсоветов не смогли организовать сбор сведений о родившихся, умерших, браках и разводах. Даже там, где функционировали вполне работоспособные загсы и сельсоветы, люди по тем или иным причинам не регистрировали родившихся и умерших. Неполнота учета была особенно характерна для сельской местности. Начальник ЦУНХУ И.В.Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А.Вознесенскому: «Вследствие неполного охвата ЗАГСов (так в источнике. — *В.И.*), а также вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в загсах, приводимые... цифры не являются вполне точными»¹³. По существующим ныне оценкам, в 1940 г. в Советском Союзе не было зафиксировано рождение 904 тыс. младенцев и смерть 686 тыс. человек¹⁴.

В годы Великой Отечественной войны надежность информации о движении населения тыловых районов СССР заметно повысилась. Это обуславливалось действием двух групп факторов. С одной стороны, советское государство, преследуя мобилизационные и фискальные цели, усилило контроль за деятельностью загсов, сельсоветов и статистических органов. С другой, население, в первую очередь в городах, стремилось к своевременной регистрации родившихся, так как от этого зависело получение продуктовых карточек, выдача беременным женщинам и матерям, имеющим грудных младенцев, дополнительного питания, а также уплотнение жилья. Повысилась и полнота регистрации браков, так как семьи красноармейцев и командиров получали различные льготы и небольшие пособия. Поэтому многие мужчины перед уходом на фронт стремились оформить отношения с женщинами, с которыми до этого находились в незарегистрированных брачных отношениях. Только этим можно объяснить факт неожиданно резкого увеличения брачности населения СССР (и Сибири) в июне 1941 г.

Несколько иначе обстояло дело с регистрацией умерших. Ее точность достигалась исключительно административными методами. Но в целом в 1941—1945 гг. работа государственных органов, ответственных за фиксацию демографических событий,

улучшилась. Достаточно сказать, что в 1941 г. в Сибири доля населения, не охваченного статистическим наблюдением, достигала 9%. В 1943 г. она понизилась до 6,5%, а в 1945 г. составляла статистически незначительную величину — 0,2%¹⁵.

Послевоенный период характеризуется дальнейшим совершенствованием системы регистрации естественного движения населения. В эти годы советским правительством был принят ряд мер по упорядочению фиксации демографических событий, по улучшению условий работы сотрудников загсов и статистических органов. И, наконец, 7 июня 1957 г. постановлением Совета Министров РСФСР общее руководство загсами было изъято из ведения МВД и возложено на Министерство юстиции РСФСР¹⁶. Таким образом, в России был восстановлен гражданский учет демографических событий.

Чтобы определить степень полноты регистрации родившихся и умерших, ЦСУ СССР, начиная с 1948 г., систематически стало проводить проверки работы загсов и сельсоветов. Проверки показали, что на протяжении всех 1950-х гг. погрешности в учете снижались. Следовательно, организацию регистрации рождений, смертей, браков и разводов в 1950-е гг. можно оценить достаточно высоко.

Тем не менее, качественная сторона фиксации демографических событий не всегда отвечала потребностям общества. Это, прежде всего, касается фиксации демографических событий в национальном разрезе. Такого рода сведения разрабатывались крайне нерегулярно и даже спорадически. В частности, национальность родившихся, умерших, а также женихов и невест в СССР фиксировалась только в 1924—1926 гг. и в 1928 г., в конце 1930-х гг., но ежегодно — только начиная с 1958 г. При этом регистрация проводилась по ограниченному списку национальностей, в который неизменно входили русские. В итоге мы не имеем информации об ассимиляционных процессах в Сибири за большинство лет советского периода истории.

Примечания

¹ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 323.

² Население Советского Союза: 1922—1991. М., 1993. С. 22.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 46—47.

⁴ Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931; Статистика Сибири. Вып. 6. Новосибирск, 1931; Итоги жилищно-коммунальной переписи г.Новосибирска в феврале 1932 г. Новосибирск, 1932.

⁵ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 5.

⁶ Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского Статистического Управления. Новониколаевск, 1922. Вып. 2. Т. 2. С. 95.

⁷ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928; Естественное движение населения в Сибкрае за 1925—1927 гг. Новосибирск, 1930.

⁸ Население Советского Союза... С. 44.

⁹ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. XLVI—XLVII; Население Советского Союза... С. 118.

¹⁰ Известия. 1935. 28 сентября.

¹¹ Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпидемиологу. М.;Л., 1941. С. 43.

¹² Там же. С. 81—82.

¹³ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 57.

¹⁴ Население Советского Союза... С. 55.

¹⁵ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 10.

¹⁶ Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1958. Т. 3. С. 488—491.

Глава 4

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рассматривая историю изучения нефтегазового комплекса, можно отметить, что он с начала создания находился в центре внимания историков и публицистов. Проблемам истории комплекса посвящены десятки монографий, сотни статей. В изучении истории этой тематики можно выделить два этапа: «историко-партийный» и современный.

На «историко-партийном» этапе изучением нефтегазового комплекса в профессиональном плане занимались партийные историки: Н.М.Пашков, А.Н.Санников, И.И.Николаева, И.А.Гайшин и др., исследования которых в основном были посвящены роли партии в развитии комплекса¹. Среди них наибольший интерес представляет монография Н.М.Пашкова, комплексно анализирующая роль партии в создании нефтегазодобывающих отраслей промышленности, строительной индустрии².

В постсоветское время «партийная» направленность работ уходит в прошлое, и более активно изучаются проблемы социального характера. Так, в монографии Н.Ю.Гавриловой был дан многоаспектный анализ демографических процессов и всех компонентов социальной инфраструктуры³. В исследованиях происходит постепенное смещение акцентов с историко-партийных, «маршевых» интерпретаций к обобщающим работам, для которых характерен углубленный анализ проблем и противоречий в развитии комплекса, рассматриваются пути их преодоления⁴.

Основной особенностью второго периода исследований по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири является более высокий уровень обобщения. Появляется ряд работ, анализирующих глубинные процессы, происходившие в регионе в целом и в топливно-энергетическом комплексе в частности⁵. Одновременно с этим расширяется источниковая база по теме, все более активно вводятся в оборот новые комплексы источников.

Однако вопросы источниковедения все еще слабо рассматриваются в рамках исторических исследований. Сама источниковая

база по данной теме не становится объектом изучения. Поэтому необходимо попытаться дать характеристику и определить возможности основного круга источников по истории нефтегазового комплекса с точки зрения их информативной ценности, вне зависимости от методологических подходов и целеполагания.

Основные письменные источники по видам и происхождению можно классифицировать следующим образом: законодательные и подзаконные акты, в том числе ведомственная документация; делопроизводственная документация, включая партийную документацию; периодическая печать — центральная и региональная.

Первая группа источников представлена законодательными и подзаконными актами, опубликованными в сборниках документов «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», в фонде облисполкома и в бывшем Тюменском партийном архиве⁶. Данные документы носят организационный характер и фактически обладают силой закона для внутрихозяйственной жизни. При определении информативной ценности данного источника необходимо учитывать назначение данного вида документа. Эти документы представляют чаще всего программу развития отдельной отрасли или всего комплекса на определенный промежуток времени (в первую очередь, на пятилетку). Соответственно, основной информационной нагрузкой данной группы материалов является отражение стратегии развития всех сфер комплекса, мероприятий, проводимых центральными органами власти для реализации поставленных целей. В документах даются плановые показатели добычи нефти, расписываются основные меры и мероприятия для реализации постановлений, даются цифры капитальных вложений по основным направлениям работ⁷. Данный источник носит общеплановый и стратегический характер, позволяющий реконструировать государственную программу по освоению Севера Западной Сибири. Они же дают возможность определить эффективность государственной политики в области формирования нового энергетического комплекса страны через анализ основных направлений формирования инфраструктуры, транспортных путей, научно-производственной базы и финансирования.

Наибольшую ценность представляют решения партии и правительства, отложившиеся в архивах, так как очень часто они

издавались в сокращенном виде по причине секретности некоторых данных. Документы же, направляемые в областные комитеты партии, были полными, так как предназначались для внутреннего использования.

Следующая группа источников — делопроизводственная документация, которую по происхождению можно разделить на ведомственную и партийную.

Несомненно, одними из наиболее часто используемых документов являются материалы партийных органов. Условно их можно классифицировать на документы:

- центральных партийных организаций (постановления и решения пленумов, съездов ЦК КПСС);
- областных и окружных комитетов партии;
- районных и городских комитетов партии;
- первичных партийных организаций.

Рассматривая первую группу источников, стоит отметить, что большая их часть была опубликована в сборниках документов КПСС, в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, стенографических отчетах съездов партии⁸.

Данные документы отражают стратегические установки в энергетической политике СССР, в том числе в развитии новых отраслей топливно-энергетического комплекса, в реализации региональных инвестиционных программ, в формировании нефтегазового комплекса Западной Сибири.

Вторая группа — это материалы областных и окружных органов власти. Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляют документы и стенографические отчеты конференций, пленумов и собраний партийного актива Тюменского и Томского областных комитетов партии⁹. Данные документы ценны в связи с тем, что на первом этапе освоения нефтяных и газовых месторождений партийные органы в связи с отсутствием координирующего центра очень часто выполняли его функции, лоббировали интересы региона, помогали решать вопросы текущего характера. На конференциях, пленумах, в выступлениях руководителей освещались основные успехи и проблемы в развитии геологии, нефтедобычи и других отраслей комплекса, вырабатывались практические решения возникавших вопросов.

В связи с этим на пленумах и конференциях затрагивался широкий круг вопросов, как производственного, так и социального характера. Выступления руководителей различных ведомственных предприятий с отчетом за год (например, Ю.Г.Эрвье, В.И.Муравленко) позволяют проследить динамику развития отраслей, использовать статистические данные по ряду вопросов (например, по приросту запасов нефти и газа, по развитию материально-технической базы предприятий и т.д.)¹⁰. Это позволяет провести реконструкцию развития отдельных отраслей и всего комплекса по определенным временным периодам, и в то же время выявить позиции руководителей по проблемам и взглядам на дальнейшее развитие предприятий. Например, значимо в этом отношении выступление начальника Главтюменьнефтегазстроя А.С.Барсукова, в котором он выделяет два пути создания базы индустриального строительства: «Первый путь — на 1,5—2 года... отказаться от многого и, оставив только существенно необходимое, форсировать добычу нефти... Второй путь — это программа-максимум. Нужно дать средства и материальные ресурсы, механизмы и оборудование и идти развернутым фронтом в создании тех и других баз... Для этого нужно одно: чтобы тюменской целине отдавалось столько и так, как это делалось, скажем, на строительстве Братской ГЭС»¹¹.

Большое внимание уделялось социальным вопросам, обеспечению питанием, строительству и выполнению планов по капитальным вложениям в данной сфере. В документах даются показатели выполнения плана, обсуждаются причины его невыполнения, вырисовывается общая картина развития социальной сферы в регионе¹².

Имеется большой пласт информации о взглядах отраслевых министерств на развитие региона. Данную информацию можно извлечь из выступлений высших хозяйственных функционеров и руководителей отдельных отраслей. Яркими примерами могут послужить выступления начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете Министров СССР Горюнова, заместителя начальника по топливной промышленности СССР Дмитриева, заместителя председателя ВСНХ на втором пленуме промышленного областного комитета КПСС Кувыкина, речи А.Н.Косыгина во время приезда в Тюменскую область. Данные

выступления позволяют реконструировать картину основных подходов в становлении нефтегазовой отрасли в регионе¹³. Большой интерес представляют также протоколы заседаний бюро Тюменского обкома КПСС и материалы к ним. Это обусловлено тем, что на них решались насущные проблемы, вырабатывались практические решения¹⁴.

Несомненно, данный комплекс источников протокольного характера представляет большой интерес для историков. Это обусловлено, в первую очередь, обобщающим характером информации, раскрывающим основные проблемы в различных отраслях комплекса. Познавательны стенографические отчеты пленумов и активов областного комитета партии, в связи с тем что в докладах присутствует сама личность выступающего, его отношение к рассматриваемым проблемам. Интересно в данном ключе выступление Ю.Г.Эрвье по поводу сокращения объемов бурения и, соответственно, прироста запасов, в данном выступлении проявляется его личность, его представления и желания. В своем выступлении он отмечает: «Сегодня, имея огромные прогнозные запасы нефти, мы не видим реальных месторождений, которые должны будут обеспечить рост добычи в 1975—1980 гг., не говоря о более далеких временах. На наш взгляд, нельзя планировать развитие нефтедобывающей промышленности ... не видя далекой перспективы. К сожалению, кое-кто в Госплане СССР живет только сегодняшним днем...Мы спорим по этим вопросам с Госпланом СССР и Министерством геологии СССР... Но тщетно!»¹⁵

Примерно таким же было содержание выступления Ю.Г.Эрвье на XII областной партийной конференции, он отмечал: «Длительное время на страницах “Тюменской правды” помещались полемические статьи о том, что разведчики должны только открывать месторождения, давать запасы по категории С₁ и переходить на новые площади... Полемика эта беспочвенна, т.к. у нас нет переразведки...»¹⁶. Как видно из выступления, руководитель предприятия боролся за увеличение объемов деятельности для своего производства. Однако здесь четко прослеживается и переживание за дальнейшее развитие нефтегазового комплекса, за развитие всего государства. Данная информация интересна также тем, что на пленумах и активах часто присутствовали представители

министерств и планирующих органов, что обуславливало более открытый разговор и высказывание насущных проблем.

Сами выступления и дебаты, по крайней мере, в первый период становления нефтегазового комплекса, были открытыми и достаточно информативными. Были случаи критики деятельности обкома и первых руководителей. Так, управляющий трестом «Тюменьоблстрой» В.Н.Мерзляков в своем выступлении отмечал: «...В то же время отдельные члены бюро обкома работают, на мой взгляд, неудовлетворительно. Например, товарищ Михайлов, он очень слабо разбирается в экономике. Сколько раз мы с ним не встречались, он не решает элементарных вопросов, в обращении груб»¹⁷.

Соответственно, данные материалы позволяют определить основные направления деятельности партийных структур по развитию нефтегазового комплекса в регионе.

Протоколы заседаний бюро обкома КПСС большой интерес представляют при рассмотрении определенных проблем. В рамках данных заседаний рассматривались узкие, насущные проблемы того периода: от выполнения социалистических соревнований, строительства трубопроводов до социальных вопросов. Документы содержат основные количественные показатели и позволяют реконструировать общую ситуацию в регионе по рассматриваемым проблемам. Постановления содержат практические меры для исправления создавшейся ситуации и улучшения положения. В протоколе № 6 заседания бюро Тюменского обкома КПСС от 21 июня 1968 г. обсуждался вопрос строительства социальных и культурно-бытовых учреждений в нефтегазодобывающих районах области. Информация, содержащаяся в данном протоколе, рисует положение, сложившееся в районе. Так, в документе отмечается: «На каждого жителя приходится от 1,5 до 3,5 квадратных метров жилой площади, в два-три раза меньше нормы обеспеченности школьными местами, дошкольными учреждениями... На строительство жилья, бытовых и социально-культурных учреждений... за последние три года выделили 22,8 миллионов рублей, только 6% от общих ассигнований»¹⁸. В приложениях к протоколам отложились статистические материалы по обсуждаемым вопросам, где даны сводные показатели по выполнению различных плановых заданий¹⁹. Данный вид документов

составлен в рамках официальной формы документа и обезличен, в отличие от стенографических отчетов, что, несомненно, обедняет данный источник.

При изучении источников интерес представляет текущая переписка обкомов КПСС с ЦК КПСС, с министерствами и ведомствами, справки, докладные записки.

Наибольшее внимание привлекает переписка, которая дает возможность выявлять основные направления деятельности, лоббирование обкомами определенных решений. Данные документы позволяют проследить выполнение решений, постановлений правительства, недостатки в планировании и организации работ. Так, в переписке областного комитета партии за 1964—1965 гг. отложился документ «О результатах проверки выполнения постановления правительства по освоению нефтяных и газовых месторождений Тюменской области». В нем дается емкая характеристика основных недостатков в работе местных производственных организаций и поставщиков сырья в Тюменскую область²⁰. Помимо этого он позволяет выявить оптимальные формы работы, рассмотреть альтернативные пути развития нефтегазового комплекса Западной Сибири. Данные документы позволяют проследить эффективность выполнения принятых решений, вскрыть проблемы и сформировать систему поиска решения, дают возможность провести реконструкцию работы партийных органов и производственных организаций для решения поставленной задачи.

Приведем конкретные примеры политики лоббирования интересов региона. Судя по переписке 1965 г., основными направлениями обкома были: строительство в Тюмени нефтеперерабатывающего завода и планирование строительства железной и автомобильной дорог через Тюмень, Тобольск и Сургут, увеличение количества совхозов и создание нефтегазовыми предприятиями подсобных хозяйств²¹. В 1967 г. на первый план выходит проблема обеспечения населения продуктами местного хозяйства, и в связи с этим необходимо наращивание объемов производства в рамках подведомственных совхозов Главтюменьнефтегаза²².

Помимо этого решались вопросы введения северного коэффициента, дополнительного обеспечения техникой, вертолетами. Большую роль материалы переписки играют при определении стратегических направлений развития региона. Обком высказывает

свою точку зрения на ряд вопросов, иногда участвует вместе с отраслевыми министерствами в «пробивании» нужных решений. Примером могут быть замечания, сделанные обкомом по поводу проекта постановления СМ СССР «О дальнейшем ускорении развития нефтедобывающей промышленности Западной Сибири»²³.

Докладные записки и справки, которые составлялись по отдельным отраслям или районам, позволяют реконструировать положение в отраслях и регионах Тюменской области²⁴.

Следующая группа источников — это документы районных и городских комитетов партии. В них входят протоколы заседаний пленумов, партактивов, совещаний по вопросам развития северных районов и городов и материалы к ним. Данные источники интересны при рассмотрении проблем на местах, тенденций развития новых индустриальных областей, методов работы местных партийных органов. При этом стоит учитывать, что местные райкомы и горкомы также выполняли контролирующую функцию и координировали деятельность производителей, в первую очередь, по социальным вопросам. Райкомы могли влиять на руководителей через партийные взыскания, вплоть до увольнения особо провинившихся. Как отмечалось в протоколе № 3 собрания актива Нижневартовской районной парторганизации от 12 января 1972 г., «часть руководителей за взяточничество и хищения государственных средств решением бюро райкома КПСС исключены из партии, сняты с работы и привлечены к уголовной ответственности»²⁵.

Круг проблем, обсуждаемых на заседаниях пленумов и партактивов, широк: вопросы производственного характера, снабжения населения водой и хлебом, строительства на местах²⁶. Они дают возможность судить о положении в новых нефтегазовых центрах, об обеспечении жильем, благоустройстве городов и отношении производителей к социальным вопросам. Так, на пленуме Нижневартовского горкома КПСС от 16 января 1971 г. отмечалось плохое качество строительных работ и условий жизни населения. В Нижневартовске сдаются дома с серьезными недоделками, где не работает водопровод и канализация. В общежитиях холодно, спят в одежде, не хватает умывальников, обнаружены клопы и тараканы. «Уличные туалеты в таком состоянии, что там горы нечистот, и даже в болотных сапогах невозможно

зайти»²⁷. Протоколы пленумов и партактивов содержат большое количество фактологии о состоянии производственных объектов, о выполнении планов, и, самое главное, личные взгляды, суждения на ситуацию не только руководителей, но и простых рабочих.

Несомненно, плюс этих источников в возможности воссоздания на их основе ситуации на местах, детализации истории НГК ЗС, насыщения ее конкретикой, эмоционально значимой информацией. Это очень важно для реконструкции исторического процесса на микроуровне, на уровне повседневности.

Для более масштабных обобщений необходим широкий сравнительный фон, определенная матрица, структура, элементы, ячейки, которые можно заполнить информацией местного характера.

Жалобы и заявления трудящихся дают возможность проследить причины переезда на Север, условия жизни, представления людей об индустриализации в регионе и их роли в данном процессе. В этой связи интересно письмо комсомольцев Сургута о плохом снабжении. Описывая ситуацию в городе, авторы сообщают о холодных квартирах, о перебоях с хлебом, который к тому же сырой, об отсутствии возможности помыться²⁸. Важен этот источник тем, что исходит непосредственно от простых рабочих и служащих. Их не ограничивают в выражении своего мнения, эти письма раскрывают насущные проблемы человека в рамках индустриализации региона. Они показывают желания, надежды и представления их о себе в процессе индустриализации. Учительница школы № 1. Н.Н.Дворникова пишет: «Приехала сюда из Краснодара после окончания пединститута, приехала по собственному желанию, очень хотелось работать на Севере, в городе, окруженном тайгой, в городе, о котором так много пишут и говорят. Одним словом, романтика...»²⁹. На основе данного отрывка ярко видна эффективность идеологической пропаганды для привлечения рабочей силы на Север. На основе письма прослеживается желание человека участвовать в чем-то большом и значимом для страны, ведь она не уехала обратно из-за трудностей, а пыталась через Министерство Просвещения РСФСР улучшить свои условия проживания. Несомненно, личность человека, условия его труда и жизни можно проследить через документы райкомов и горкомов с их яркими примерами и показателями.

Документы первичных партийных организаций — это, несомненно, один из самых интересных источников по воссозданию психологического климата, сложившегося в коллективах, мировоззренческих представлений людей, приехавших в регион. В документах отражается обсуждение морального поведения членов партии, что позволяет раскрыть взаимоотношения в коллективах, отношения людей к бесхозяйственности и т.д.³⁰

Говоря об объективности данного комплекса источников, необходимо отметить, что статистические данные, имеющиеся в партийных документах, должны, несомненно, подвергаться критической оценке. В то же время политика партийных органов и описание проблем, сложившихся в регионе, особенно на местах, наиболее полно отражает, на наш взгляд, процессы, происходившие в тот период. Несомненно, минусом источника очень часто является парадность изложения в официальных документах. Однако протоколы пленумов, активов и стенографические отчеты достаточно насыщены живым языком и выступления вполне логичны, что позволяет говорить об отсутствии существенных правок, вносимых в материалы, удаления каких-либо частей выступления, замалчиваний.

Следующий большой комплекс источников — периодическая печать. Условно ее можно классифицировать на центральную, региональную и местную.

Рассматривая центральную печать, где отразилась история нефтегазового комплекса Западной Сибири, стоит отметить газеты «Правда» и «Известия». На их страницах печатались выступления тюменских партийных и хозяйственных руководителей, проблемные статьи, посвященные становлению и развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири. Рассматривая целеполагание данного источника, стоит отметить ряд задач, которые, собственно, решались через периодическую печать:

1. Привлечение внимания руководства страны и общественности к проблемам Западно-Сибирского нефтегазового комплекса;
2. Привлечение людей к освоению Севера Западной Сибири через средства массовой информации, создание образа романтического освоения края.

Среди региональной печати особо стоит отметить газету «Тюменская правда», рассматривающую становление и развитие неф-

тегазового комплекса с начала геологических работ в регионе. Данная газета, как наиболее крупное издание, имеющее статус «рупора» местных партийных органов власти, представляет наибольший интерес. В репортажах, путевых заметках журналистов, статьях партийных руководителей всех уровней и производителей раскрывается история формирования и развития новой топливно-энергетической базы страны.

В первую очередь, это источник реконструкции фактологической стороны истории нефтегазового комплекса. В рамках «отчетных» статей руководителей отраслей и партийных деятелей региона даются показатели развития региона за год или пятилетку, проводится анализ дальнейших направлений развития производства и социальной сферы в «новых» регионах индустриализации³¹. Данные статьи носят более обобщающий характер, чем доклады тех же руководителей на пленумах обкомов, они менее критичны и написаны в более мажорном стиле. Этот факт объясним идеологическими и практическими целями популяризации достижений нефтегазовой промышленности в регионе.

Большой интерес представляют заметки с собраний хозяйственных и партийных активов производственных предприятий, позволяющие определить проблемы в различных отраслях комплекса, основные направления решений, предлагаемые на местах³².

При определении стратегии развития региона и отдельных составляющих экономики внимание привлекают материалы конференций, проходивших на территории области, посвященные актуальным проблемам развития региона. Ярким примером может служить Конференция по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области, проходившая в Тюмени в 1969 г. В конференции приняли участие руководители министерств топливно-энергетического комплекса Советского Союза, крупнейшие ученые и производственники. По ходу конференции были рассмотрены перспективы развития края, вырабатывались решения для дальнейшего развития отдельных отраслей в регионе и всего региона в комплексе. «Тюменская правда» широко освещала деятельность самой конференции, в ней печатались доклады участников³³. К этому же блоку можно отнести и выступления крупных руководителей различных отраслей топливно-энергетического комплекса страны на страницах газет³⁴.

Их объединяет именно характер информации, содержащей точки зрения на пути развития отдельных отраслей комплекса на протяжении пятилеток или более короткого срока, а также информация о месте нефтегазового комплекса Западной Сибири в топливно-энергетическом балансе страны.

В периодической печати содержится большой блок информации по внедрению достижений научно-технического прогресса в отрасли. Рассматриваются проблемы, связанные с внедрением новшеств в производство, критикуется ведомственность при решении этого вопроса. Данные проблемы рассматривались в рамках статей производителей, заметок журналистов³⁵.

Заметки журналистов «с мест» также выступают ценным источником при реконструкции жизни людей в разные этапы индустриализации, дают возможность проследить личностно-психологические установки людей, их представления о Севере и событиях, в которых они участвовали, специфику общественного сознания. Так, в русле данного взгляда интересны заметки тюменского писателя К.Лагунова о его поездках на Север, характеризующие представление людей об их месте в процессе индустриализации и значении их работы. Он приводит разговор с рабочим во время испытания скважины. Рабочий пришел посмотреть, как пойдет нефть, и в разговоре отмечает: «Хочется своими глазами увидеть, как она хлынет. Как увижу, так с души ровно камень свалится. Легко и весело. Праздник. Праздник и есть. И не только наш, да и всей России праздник»³⁶. В этом отрывке чувствуется понимание рабочим своей роли не только в жизни региона, но и в жизни всей страны. Одновременно в рамках заметок К.Лагунов четко разделяет тех, кто дорожит работой, техникой и тех, кто к ресурсам относится нерационально, характеризуя их выражением «Нефть все окупит, все спишет»³⁷.

Местная печать интересна с точки зрения реконструкции истории на местах. В статьях обсуждаются актуальные проблемы территорий. Поднимаются вопросы строительства, непрактичного отношения к производственным ресурсам, отставания от нужд производства, планирования и проектной документации³⁸. В рамках выступлений местных партийных и хозяйственных руководителей на страницах печати возможно проследить политику местных органов власти, их меры к улучшению производственной и

социальной среды, внедрение технических и организационных новшеств³⁹. В большинстве своем в выступлениях руководителей содержатся данные о развитии города и района. Можно даже выделить общую структуру статей: в первой части содержится информация об успехах нефтяников и газовиков, роли партийных органов; вторая часть связана с рассмотрением проблем социально-культурно-бытового характера, описываются вопросы строительства, хозяйственности, воспитания в трудовых коллективах. Так, в статье В.Бахилова «Сургуту шагать дальше» дается наиболее емкая и краткая характеристика Сургутского района, его проблем. Среди проблем можно выделить отсутствие тепла и воды во многих новых домах, слабое внимание производственных предприятий к строительству объектов соцкультбыта, кадровый «голод» на предприятиях⁴⁰. Заметки журналистов в основном направлены на отражение успехов и проблемных ситуаций на предприятиях района. Например, в статье А.Глухих «С разных позиций» рассказывается о причинах задержки ввода объектов Правдинским строительным управлением, где сложилась нездоровая обстановка в связи с плохой организацией работ⁴¹.

К изучению всего комплекса периодической печати, несомненно, необходимо подходить критически. Большое влияние на их содержание оказала «героика» освоения Севера Западной Сибири. Сам публицистический стиль (особенно журналистские заметки) предполагает возможность приукрашивания событий, неточность приводимых данных. Выступления руководителей и непосредственных участников освоения являлись более объективными, но при этом стоит учитывать, что очень часто применялся принцип замалчивания, приукрашивания событий.

В статьях и заметках журналистов можно выделить три раскрываемых направления:

1. Вопросы трудовой дисциплины в коллективах и отношения к материальным ценностям, ведомственность.
2. Трудовые «подвиги» нефтяников, газовиков и строителей.
3. Вопросы внедрения новой техники и изобретательство.

Соответственно, многие вопросы и проблемы замалчивались, большую роль играла идеологизация освоения региона, усиление роли именно партийных структур в создании и развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири.

При рассмотрении проблем данный источник интересен в связи с тем, что, особенно в начальный период, пресса выступала в роли своеобразного общественного контроля, отражала проблемы в регионе и на местах.

Следующий комплекс источников — это документы ведомственных архивов предприятий, работавших на территории Севера Западной Сибири. Наибольший интерес представляют архивы Главтюменьнефтегаза, Главтюменьнефтегазстроя и Тюменьгазпрома⁴². При работе с архивами данных предприятий, как отмечал В.П.Карпов, есть определенные сложности, связанные с отсутствием части документов, непереданных в архивы в 1990-е гг., в связи с изменением в структуре управления предприятиями и в результате потери документов⁴³.

Наибольший интерес представляет отчетная документация, а именно годовые отчеты и пояснительные записки к ним. В них приводится полный перечень производственных показателей по предприятиям, дается емкая характеристика всех вопросов организации и развития производственной и социальной сферы, намечаются дальнейшие мероприятия по реализации поставленных задач⁴⁴. Это дает возможность при сравнительном анализе проследить темпы развития отраслей производства, введение новых технологий в производство. На основе пояснительных записок и отчетов можно изучить работу с кадрами, выявить уровень обеспеченности квалифицированной рабочей силой основных производственных предприятий, меры, принимаемые предприятиями для повышения квалификации трудящихся и усиления роли социалистических соревнований. Документы содержат блок информации о развитии ведомственной сети социальных учреждений, об обеспеченности детскими садами, о шефской помощи сельхозпредприятиям, об условиях работы и жизни трудящихся. Вместе с распорядительной документацией отчетная документация позволяет реконструировать стратегию развития предприятий, процесс совершенствования структуры управления и организации производства.

Большой блок источников представлен в Центральных государственных архивах, в первую очередь, в Российском государственном архиве экономики. В нем отложились фонды основных ведомственных министерств: Министерства нефтяной промыш-

ленности СССР, Министерства газовой промышленности, Государственного планового комитета СССР (Госплан СССР), Министерства геологии СССР (Мингео СССР), Совета Народного хозяйства СССР⁴⁵. Документы этих фондов позволяют нам наиболее точно проследить развитие нефтегазового комплекса в рамках всей страны, определить роль нового центра нефтегазовой промышленности в экономике.

Документы фондов традиционны для системы документооборота: от стенографических отчетов заседаний советов по определенным проблемам до переписки с местными партийными и ведомственными органами управления.

Источники по первому периоду истории нефтегазового комплекса дают возможность проследить предпосылки к формированию новой топливно-энергетической базы в Сибири, выделить пути развития Севера, описать точку зрения ряда министерств на развитие региона. Примером могут служить стенографические отчеты Всесоюзного совещания геологов от 25 февраля 1965 г. По материалам данного совещания можно реконструировать проблемы геологии в тот период, проследить оценки возможностей Западной Сибири, ее дальнейшей роли в экономическом балансе страны.

Например, примечательно замечание Н.К.Байбакова о дальнейшей роли Западной Сибири: «Западная Сибирь — это наше спасение на дальнейшую перспективу»⁴⁶. Интересны документы, характеризующие выработку стратегии освоения месторождений Западной Сибири. Ярким примером может послужить докладная записка на имя Н.К.Байбакова по развитию нефтедобывающей промышленности Западной Сибири, хранящаяся в фонде Государственного Комитета нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР. В ней, с учетом ландшафта и природно-климатических условий, оценивается возможность эксплуатации месторождений, вырабатываются практические рекомендации по освоению края⁴⁷. Содержится также большой пласт информации об организации производственных предприятий и усовершенствовании системы управления нефтегазовым комплексом Западной Сибири⁴⁸.

Интерес представляет и переписка, отложившаяся в фондах данных предприятий и органов власти. Она позволяет выявить

взгляды региональных руководителей на развитие топливно-энергетической промышленности в Сибири. В качестве примера можно привести документ, хранящийся в фонде Совета Народного хозяйства СССР, об организации в Сибири Главного управления по разведке и добыче нефти и газа, где выражена отрицательная позиция тюменских геологов на возможность объединения добычи и разведки нефти в регионе в структуре одного учреждения⁴⁹.

Документы переписки дают возможность рассмотреть позиции обкомов по развитию нефтяной промышленности в крае, выделить направления, которые стремилась развивать местная партийная элита, и, в свою очередь, отношение отраслевых министерств к поднимаемым вопросам⁵⁰.

Текущая переписка между предприятиями и министерством дает возможность выделить основные проблемы в разные периоды становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, связанные с обеспечением оборудованием и техникой, выделением финансовых средств⁵¹.

Информативная ценность данных документов заключается в возможности выявления роли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в экономике страны, в реконструкции формирования стратегии становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, в определении отношения к этому процессу центральных органов власти. В делопроизводственной и отчетной документации содержится обширный статистический материал, позволяющий проследить изменение роли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в топливном балансе страны, условия планирования добычи нефти и газа в регионе.

Следующий блок источников — это материалы, опубликованные в сборниках документов «Нефть и газ Тюмени в документах», «Нефть и газ Томской области»⁵². Данные сборники в целом отражают сформировавшуюся источниковедческую базу по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири.

При выборке документов составители пользовались критерием значимости, оригинальности документа, его роли в освещении истории нефтегазодобывающей Тюменской области.

Основные цели сборников документов — освещение истории «открытия» и становления нефтегазового комплекса Западной Сибири, роли партийных структур и комитетов в освоении недр⁵³.

В сборники включены основные постановления правительства, отражающие цели и направления развития нефтегазового комплекса, приводятся документы по стратегии освоения нефтяных месторождений, методах и направлениях работы партийных органов области. Большой фактологический материал дает возможность проследить развитие освоения месторождений, развитие технологий бурения и системы ее внедрения, роль социалистических соревнований в освоении края.

Содержание в сборниках выстроено по хронологическому принципу, что вполне логично при рассмотрении развития нефтегазового комплекса в регионе. В целом сборники отвечают требованиям издания исторических документов.

В то же время стоит отметить ряд отрицательных моментов, связанных с превалированием в сборниках документов партийного характера. Это обусловило преувеличение роли партийных структур в становлении нефтегазового комплекса. Причины данного явления лежат, видимо, в заказном характере данных сборников. Они были сформированы и изданы по инициативе областных комитетов партии⁵⁴. Ответственными редакторами являлись местные партийные функционеры. Здесь также, видимо, большую роль сыграла партийная направленность первого периода исторических исследований.

Наряду с этим стоит отметить мажорно-героический характер подбора документов, без привлечения тех документов, которые показывали реальные проблемы первого периода истории нефтегазового комплекса Западной Сибири. Это проблемы снабжения, отсутствия инфраструктуры, качества работ, отсутствия социальной базы и т.д.

Недостатки, в первую очередь, обусловлены временем издания документов и политической конъюнктурой в освещении истории нефтегазового комплекса Западной Сибири.

Одним из «новых» и наиболее актуальных источников на современном этапе являются воспоминания. Актуальность их обусловлена переходом от изучения объективных структур и процессов к изучению истории в ее антропологической интерпретации.

В зависимости от поставленных задач воспоминания можно условно разделить по хронологическому принципу на советские и постсоветские. Мемуары советского периода представлены

небольшим количеством работ геологов, нефтяников и партийных работников⁵⁵. Характеризуя их по времени написания, следует отметить, что мемуары советской эпохи закономерно затрагивают в основном первоначальный этап освоения Севера Западной Сибири, реконструируют события и проблемы периода интенсивного геологического поиска нефти и газа на Обь-Иртышском Севере.

Мемуары дают представление о взглядах, сложившихся в тот период истории, процессах, происходивших на начальном этапе освоения территорий. Авторами мемуаров советского периода являются крупные хозяйственные и партийные руководители, что дает возможность проследить взгляды местной элиты на развитие Севера Западной Сибири.

Мемуары постсоветского периода, написанные руководителями и партийными работниками, по большей части среднего звена⁵⁶, позволяют проследить изменения, происходившие на местах, роль местных партийных органов в организации социальной и производственной сферы. Рамки описанных событий расширяются, в некоторых воспоминаниях анализируются события, происходившие в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и приведшие к кризису в более поздний период. В работах расширяется оценочная база, дается более подробный анализ ряда событий, особенно конца 1970-х гг.

По критерию авторского происхождения воспоминания можно классифицировать следующим образом:

- воспоминания геологов;
- воспоминания нефтяников;
- воспоминания партийных функционеров.

Рассматривая воспоминания с точки зрения традиционных подходов, необходимо отметить, что воспоминания геологов затрагивают, в первую очередь, первый этап освоения Севера, в них раскрываются проблемы конца 1950—60-х гг., борьба за геологоразведку в регионе. В источниках имеется интересная информация о перспективности районов, изменениях оснащенности и вводе технологических новшеств в геологоразведку. Материалы этих воспоминаний позволяют реконструировать события становления и развития геологоразведочных работ на Севере⁵⁷.

Воспоминания нефтяников (сотрудников нефтегазодобывающих отраслей комплекса) дают возможность реконструировать развитие нефтегазовых предприятий в регионе, условия, в которых им пришлось работать, появление новых подходов в освоении Севера. Они дают широкое представление о внедрении в производство новых технологий, новых методик освоения месторождений, формировании коллективов нефтяников, путей привлечения специалистов из других регионов и т.д.⁵⁸

Мемуары партийных работников в основном затрагивают социальные вопросы развития региона в условиях быстрой модернизации и позволяют проследить роль партийных структур в развитии районов нефтегазового комплекса Западной Сибири, функции и систему работ в новых условиях. В первую очередь, воспоминания дают возможность проследить развитие и проблемы социальной сферы, реконструировать начальную историю первых индустриальных центров Обь-Иртышского Севера⁵⁹.

По разновидностям воспоминания можно классифицировать на следующие группы — автобиографии, сюжетные мемуары и воспоминания-миниатюры.

Воспоминания-автобиографии наибольший интерес представляют для создания модели-образа региона, руководителей. На основе самих воспоминаний они позволяют проследить путь формирования личности, среду, которая могла повлиять на жизненный путь автора.

Сюжетные мемуары включают непосредственно ту часть жизненного пути автора, который касался времени работы в Западной Сибири. Данные воспоминания оторваны от всего жизненного пути, и именно они составляют информационно-фактологическое содержание модели образа, так как содержат большой объем фактологической информации разнопланового характера.

Воспоминания-миниатюры — небольшие по объему воспоминания, предназначенные для периодической печати или для сборников мемуаров, посвященных определенной проблеме, юбилейной дате или выдающейся личности⁶⁰. Данные воспоминания выполняют функцию детализации и позволяют всесторонне рассматривать личности руководителей нефтегазового комплекса Западной Сибири, реконструировать мотивы принятия решений и

проблемы различных отраслей комплекса в период становления нефтегазового комплекса Западной Сибири.

Таким образом, в целом комплекс источников по истории нефтегазового комплекса достаточно обширен и позволяет в полной мере реконструировать историю нефтегазового комплекса Западной Сибири. Однако смещение научного интереса от общего, закономерного к единичному, уникальному требует обновления источниковой базы и источниковедческого инструментария. Личность — неповторимая, индивидуальная, во многом противоречивая, выходит на первый план, интересен сам человек. Желание «очеловечить» процесс становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, сделать так, чтобы в истории новой топливно-энергетической базы страны были видны человеческие лица, заставляет по-новому интерпретировать «старые» партийные и привлекать новые источники. Этот процесс только начинается, и с ним связаны в первую очередь перспективы изучения источников личного происхождения.

Примечания

¹ Меха И.В. Руководство партийных организаций Западной Сибири строительством предприятий нефтепромышленного комплекса (1951—1970 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1983. 22 с.; Санников А.Н. Борьба КПСС за создание и развитие нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири 1951—1970 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1972. 22 с.; Алексеев В.В., Пашков Н.М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 6. С. 55—68; Карпов В.П. Деятельность партийных организаций по ускорению научно-технического прогресса в нефтегазовой промышленности Западной Сибири (1966—1975): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1986. 19 с.; Николаева И.И. Деятельность партийных организаций по воспитанию социалистической дисциплины труда в коллективах топливно-энергетического комплекса Западной Сибири в годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1987. 22 с.; Гайшин И.А. Тюменская партийная организация во главе социалистического соревнования нефтяников в годы восьмой пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 27 с.

² Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. Томск, 1988.

³ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002.

⁴ Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2002. 172 с.; Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П.

Тюменская нефть в экономической политике государства в 1950—80-е гг. (к 40-летию ЗСНГК) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2004. Тюмень, 2005. Вып. 18. С. 114—123; Карпов В.П. Накануне открытия: Тюменская нефтеразведка в конце 1940-х — начале 1950-х годов // Словцовские чтения — 2003: Материалы докладов и сообщений XV Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2003. С. 78—79; Он же. Третье Баку: формирование и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960—90-е гг. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. Тюмень, 2001. С. 215—237; Пашков Н.М. Формирование системы управления нефтегазовым комплексом Западной Сибири // Социально-экономические проблемы научно-технического прогресса в Сибирской индустрии (1950—80-е гг.). Новосибирск, 1990. С. 176—195 и т.д.

⁵ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.). Тюмень, 2002. 283 с.; Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности; Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. Тюмень, 2005. Ч. 1, 2; Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948—1990 гг.). Тюмень, 2005. 316 с.

⁶ См., например: Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 814 оп. 5. Д. 616—1002; Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГУТО ГАСПИТО). Ф. 2010. Оп. 1. Д. 201; Ф. 124. Оп. 179. Д. 1.

⁷ Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. С. 294—295.

⁸ См., например: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968 Т. 5. 1970 Т. 7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972 Т. 10. XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1966; XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1971.

⁹ ГУТО ГАСПИТО. Ф. 124; Ф. 2010.

¹⁰ См., например: ГУТО ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 124—128; Ф. 124. Оп. 184. Д. 5. Л. 82—95.

¹¹ Там же. Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 122—123.

¹² Там же. Оп. 191. Д. 23; Оп. 179. Д. 23.

¹³ Там же. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 176—229; Ф. 124. Оп. 239. Д. 1. Л. 76—84; Л. 53—67.

¹⁴ См., например: Там же. Ф. 124. Оп. 182. Д. 18. Л. 6—11.

¹⁵ Ф. Там же. 124. Оп. 184. Д. 5. Л. 116—117.

¹⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 182. Д. 3. Л. 269.

¹⁷ Там же. Л. 140.

¹⁸ Там же. Оп. 191. Д. 23. Л. 4.

¹⁹ См., например: Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. 179. Д. 83. Л. 23—28.

²¹ Там же. Д. 82. Л. 36, 42, 44—45.

²² Там же. Оп. 184. Д. 70. Л. 4, 13.

²³ Там же. Д. 69. Л. 69.

²⁴ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 37—66.

- ²⁵ Там же. Ф. 96. Оп. 38. Д. 14.
- ²⁶ См., например: Там же. Ф. 113. Оп. 16. Д. 30.
- ²⁷ Там же. Ф. 96. Оп. 38. Д. 10. Л. 14—16.
- ²⁸ Там же. Ф. 113. Оп. 19. Д. 39. Л. 62.
- ²⁹ Там же. Л. 80—83.
- ³⁰ Там же. Ф. 2344. Оп. 1. Д. 64. Л. 6—10.
- ³¹ См., например: Щербина Б.Е. Тюменские богатства — на службу народу // Тюменская правда. 1965. 3 октября; Муравленко В.И. Щедрый урожай нефтяной целины // Там же. 1970. 20 января; Барсуков А. Начало большого пути // Там же, и др.
- ³² Тюменская правда. 1960. 4 сентября; 1969. 2 апреля.
- ³³ Тюменская правда. 1969. 16, 17, 18 апреля.
- ³⁴ Кортунов А.К. Стратегия газовых потоков // Тюменская правда. 1966. 18 января; Донгарян Ш.С. По-Хозяйски рассчитывать // Там же. 1966. 5 июля; Федоров В. Тобольскому нефтехимическому быть! // Там же. 1972. 16 мая.
- ³⁵ В поисках оптимального варианта // Тюменская правда. 1969. 15 апреля; Цена ведомственности, или Кому бурить водозаборные скважины // Там же. 1973. 17 марта.
- ³⁶ Тюменская правда. 1964. 8 апреля. С. 2.
- ³⁷ Там же. 11 апреля. С. 3.
- ³⁸ С разных позиций // Ленинская правда. 1967. 27 февраля; Проблемы строительства и эксплуатации // Там же. 1971. 23 июня; Какие дома нужны на Севере // К победе коммунизма. 1965. 11 августа; Города Зауралья // Там же. 1966. 11 декабря и т.д.
- ³⁹ Дешевле, лучше, быстрее // К победе коммунизма. 1965. 7 июля; Сургуту шагать дальше // Там же. 1965. 28 июля; На решающих стройках Сургута // Там же. 1966. 16 января.
- ⁴⁰ Сургуту шагать дальше // К победе коммунизма. 1965. 28 июля.
- ⁴¹ С разных позиций // Ленинская правда. 1967. 27 февраля.
- ⁴² ГАТО. Ф. 1861 — архив Главтюменьнефтегазстроя, Ф. 2146 — архив Главтюменьнефтегаза, Ф. 2101 — Тюменьгазпрома. Ф. 1903 — архив Главтюменьгеологии.
- ⁴³ Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948—1990 гг.). С. 16.
- ⁴⁴ См., например: ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 411.
- ⁴⁵ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 70; Ф. 458; Ф. 4372; Ф. 9571; Ф. 233.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 70.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 57. Л. 18—26.
- ⁴⁸ См., например: РГАЭ. Ф. 233. Оп. 3. Д. 270. Л. 195—196.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29. Л. 20—21.
- ⁵⁰ Там же. Л. 199—233; Ф. 184. Оп. 1. Д. 62. Л. 120—123.
- ⁵¹ Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 6. Л. 58.
- ⁵² Нефть и газ Томской области: Сб. документов и материалов. Томск, 1988; Нефть и газ Тюмени в документах. 1966—1970. Свердловск, 1973. Т. 2. Нефть и газ Тюмени в документах. 1971—1976. Свердловск, 1979. Т. 3.

⁵³ См., например: Нефть и газ Тюмени в документах. С. 4.

⁵⁴ Там же. С. 2.

⁵⁵ Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968; Бахилев В.В. Дорога к нефти. Свердловск, 1975; Байбаков Н.К. Дело жизни: Записки нефтяника. М., 1984; Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя. М., 1988.

⁵⁶ См., например: Великопольский С.Д. Мегионский марафон. Тюмень, 2004; Великопольский С.Д. Чудо XX века: книга воспоминаний. Тюмень, 2001; Кувшинов А.С. Нефтяные горизонты: Воспоминания геолога. Тюмень, 2000; Салмин В.Д. Гордость Югры: книга о лидерах. Тюмень, 2000; Салмин В.Д. Нас собрал Самотлор: Очерки, посвященные 70-летию Нижневартовского района. Сургут, 1998; Салмин В.Д. Звезды Приобья: Очерки. Екатеринбург, 2003; Бирюков В.П. Годы и люди земли Тюменской: Книга в трех частях. Тюмень, 2000.

⁵⁷ См., например: Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты; Салманов Ф.К. Сибирь — судьба моя; Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазовая провинция — открытие века. Новосибирск, 1996.

⁵⁸ См., например: Байбаков Н.К. Дело жизни: Записки нефтяника; Высота: Книга воспоминаний о В.И.Муравленко. Тюмень, 1997; Задачи ставит Сибирь: Рассказы ученых о проблемах науки. М., 1982; Кувшинов А.С. Нефтяные горизонты: Воспоминания геолога; Легенда Самотлора: Воспоминания о Романе Ивановиче Кузоваткине. Тюмень, 2000.

⁵⁹ См., например: Бахилев В.В. Дорога к нефти; Великопольский С.Д. Мегионский марафон; Великопольский С.Д. Чудо XX века; Салмин В.Д. Гордость Югры: книга о лидерах; Салмин В.Д. Нас собрал Самотлор; Салмин В.Д. Звезды Приобья: Очерки; Бирюков В.П. Годы и люди земли Тюменской; Галлеев М.М. Одинадцатая высота: Записки секретаря. Свердловск, 1983.

⁶⁰ В пламени жизни: Книга воспоминаний о Борисе Евдокимовиче Щербине. Тюмень, 1999; Высота: Книга воспоминаний о В.И.Муравленко; Легенда Самотлора: Воспоминания о Романе Ивановиче Кузоваткине; Сибирский самородок: Воспоминания о В.В.Бахилеве. Тюмень, 2000; Сердца трех: Книга воспоминаний о Феликсе Григорьевиче Аржанове, Мидхате Назифуловиче Сафиулине и Александре Николаевиче Филимонове. Тюмень, 2002; Строители России. XX век. Нефтегазостроители Западной Сибири. М., 2004.

Глава 5

РЕГИОНАЛИЗМЫ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В последнее время особое внимание уделяется исследованиям культурных традиций и национальных стереотипов, нашедших отражение в языке. В связи с этим объектом исследования служат как семантика слова, так и отдельные лексико-грамматические категории, а также фразеологизмы, фольклор и другие источники. Однако изучение региональной лексики открывает перспективы исследования не только особенностей языков народов, населяющих общую территорию, но и исторических реалий.

В исследованиях последних лет заметна тенденция к изучению не только истории народов, их быта, обычаев и традиций, но и их мировоззрения и мировидения. Среди зарубежных исследований об обских уграх можно назвать исследования немецких, венгерских, финских, эстонских и японских ученых, которые уже в XIX в. давали комплексное описание жизни и языковых особенностей коренных народов. В современных работах большое внимание уделяется истории и духовной культуре манси, ханты и ненцев, особенно их фольклорному наследию¹. Намечены исследования некоторых составляющих национальной «картины мира», например, пространственных представлений в традиционном мировоззрении лесных ненцев². Интересен опыт описания представлений о временной цикличности в селькупском календаре³. Для познания материальной стороны жизни коренных народов нашего региона важными являются работы, содержащие описание лексики, отражающей материальную культуру селькупов⁴, связанной с охотничьим и рыбным промыслом⁵, с оленеводством⁶.

Интерес к региональным лингвистическим исследованиям обусловлен ставшими актуальными в современную эпоху задачами межнациональной и межкультурной коммуникации. В лингвистике региональный аспект связан, прежде всего, с изучением понятий и их языковых выражений, специфических для определенных народов или территорий. Регионализмы являются маркерами определенной социокультурной действительности и связаны с теми

или иными реалиями, отражающими национально-культурные традиции, географические, исторические и прочие условия⁷.

Источником создания слов являются впечатления, ассоциативные образы, возникающие в результате взаимодействия с окружающим миром. Регионализмы дают представления о национальных или региональных признаках их происхождения, отражают образ жизни, обычаи, специфику географического положения, а также определенные исторические события или условия. Регионализмы отмечены также тем, что заключенные в них понятия значительно отличаются в разных культурных и географически удаленных пространствах. При решении задач установления связи между народами и культурами через язык основной целью является адаптация к восприятию концептов, не существующих в другой социолингвистической общности.

В нашем понимании лингворегиональные исследования не должны ограничиваться изучением регионализмов в узком смысле слова. Региональный метод предполагает расширение связей лингвистических изысканий с историей, географией, этнографией, культурологией, страноведением, психологией и другими науками. В этом контексте лингвистические исследования в рамках такого региона как Север Западной Сибири должны иметь междисциплинарную направленность.

На территории ХМАО–Югры проживают три этнокультурных сообщества — ханты, манси и лесные ненцы. В контрастных территориях округа эти крупные сообщества — этносы закономерно распадаются на более мелкие — субэтносы, различающиеся не только в этнокультурных особенностях приспособления к однородным ландшафтам, физиономическим, демографическим, но и в языковых, что было отмечено более 80 лет назад на примере ваховских хантов⁸.

Несколько веков межэтнических контактов способствовали взаимовлиянию и интеграции, формированию исторического опыта сотрудничества, общего пласта культуры, что в совокупности является определенным фактором относительной межнациональной стабильности в регионе. Соприкосновение с ценностями иной культуры, появление и развитие новых видов хозяйствования и новых орудий хозяйственной деятельности способствуют расширению знаний об окружающем мире, обогащают этниче-

скую картину мира от уровня традиционных мифологических представлений до накопления некоторых научных знаний⁹.

В последнее время во французской антропологии появилось понятие *mélange* или *bricolage*, обозначающее смешение культур как одну из норм современной эволюции. При этом некоторые ученые отдают предпочтение *месту*, т.е. территориальному объединению, которое может включать более одного этноса, а не *группе* как единице культурно-антропологического анализа¹⁰. В.А.Тишков вслед за российским философом А.Родиным задает вопрос: для чего нужно заботиться о сохранении культур и не допускать вытеснения одних культур другими? По его мнению, «культурное многообразие есть присущая человечеству, как и всем другим видам живой и неживой природы, необходимая характеристика существования и эволюции. Единообразие означает социальную энтропию и своего рода смерть человека как вида. Все культуры составляют общее достояние человечества, и исчезновение самой малой есть общая большая утрата, как утрата вымершего вида животных или растений»¹¹. Это высказывание в полной мере может быть отнесено и к языку. Поскольку к XVIII в., как отмечает Т.Г.Стефаненко¹², сложилось этнолингвистическое и культурное единство большинства европейских общностей, в Новое время именно культура и язык стали важнейшими этнодифференцирующими признаками.

Язык, развиваясь по своим внутренним законам, постоянно приспосабливается к общественному устройству, поэтому функции его социально обусловлены¹³.

Исторические особенности воздействия друг на друга этнокультурных сообществ Севера Западной Сибири лучше всего отражаются во взаимных и связанных изменениях в языках этих народов. Исследователи конца XIX и первой трети XX вв.¹⁴ указывают на использование ряда русских слов, которое связано с появлением в промысловой деятельности аборигенов новых видов орудия или способов добычи, заимствованных у русских: *пистонкат*, *дробь*, *крюк* (удочка на шуку из кости лося), *самолов* (донная леска для ловли выдры), *мерка* (для пороха из дерева с носиком), *ситка* (сито из бересты для просеивания табака), *сито* (приспособление для очищения и жарки орехов), *капкан*. Отмечены слова, относящиеся к названиям одежды и обуви разной

эпохи, также русского происхождения: *кафтан* (накидка), *со-па'ки* (сапоги). В описании устройства землянки кроме остяцких терминов упоминаются пришедшие из русского языка слова *стол*, *стул* (без спинки), *скамейка*, *окошко*, *матка* (средняя балка)¹⁵. Таким образом, ханты и ненцы, перенимая у русских некоторые орудия промысла или предметы быта, заимствовали у них и их названия, иногда адаптированные к собственным правилам произношения (*ситка*). Другой пример межэтнических отношений — взаимные заимствования. Места, на которых ведется добыча рыбы, имели два названия: «песок» и «сор». Первое пришло из русского языка и обозначало, что ловля ведется на песчаных берегах. Слово «сор» хантыйского происхождения, служит для обозначения мелкой, богатой травой бухты¹⁶.

Отсутствие реалий в культуре этих народов в процессе заимствования некоторых навыков быта или появления новых традиций в новых социальных условиях привело к использованию таких слов, как *пирок/пийрок* (пирог), *ярмынька* (ярмарка), *саккар* (сахар), *сул* (соль), *куришка* (кружка), *шайпут* (чайник), *леккар/тохтар* (врач, доктор)¹⁷. О том, что обские угры могли перенимать иную культуру, говорят и другие примеры, в частности, взятые из фольклора. Так, в начале 30-х гг., в мансийском учебнике для детей была опубликована заимствованная из русского фольклора детская песенка «Заинька», а в районе проживания сыгвинских манси записана песня «Белоснежный большой пароход», посвященная появлению в этих краях первого парохода¹⁸. Особенности этого периода нашли свое отражение в характере народной песни коренных народов, которые не избежали влияния русской песенной традиции: частушки в духе того времени и песни, содержащие зарисовки проникновения современности в национальный северный быт¹⁹. Свидетельством заимствований являются также загадки о предметах или явлениях новой культуры — о книгах, письмах, культовых знаках (например, загадка о двери церкви, о перезвоне церковных колоколов)²⁰.

Из русского языка были заимствованы также личные имена. Так, в прошлом манси использовали термины родства, возрастную терминологию или прозвища. В период христианизации русские имена адаптировались к произносительным особенностям мансийского языка (Матрена — Матра, Дарья — Тарья, Дмитрий —

Митри и т.д.), при этом к женским именам добавлялся элемент *эква* — «женщина», а к мужским — *ойка* — «мужчина»²¹.

Анализ словарных статей русско-мансийского словаря, составленного Е.И.Ромбандеевой²², показал, что около 5% слов, заимствованных из русского языка в разные периоды истории, подверглись изменениям в соответствии с произносительными особенностями мансийского языка либо по причине неточного восприятия. Среди таких примеров отметим: баржа — *п̄арса*, амбар — *а̄мпар*, бок — *п̄ох*, булка — *пулка*, ведро — *в̄этра*, закон — *саккон*, час — *с̄ёс*, пальто — *пальтув*, картофель — *карт̄опка*, кирпич — *кирпась*, решето — *ресаты*, колбаса — *калпас*, шкаф — *искап*. В некоторых случаях можно наблюдать любопытные эквиваленты русским словам, так, например, к слову *жёлудь* в словаре дается объяснение «дуб с̄ёмя», слово *кровать* имеет два эквивалента: *к̄ойка* и *п̄ерина*. Некоторые русские слова приняли форму, соответствующую грамматическим или словообразовательным моделям мансийского языка: *безошибочный* — *ошибкатал*. Основная часть заимствований из русского языка (в словаре они составляют немногим более 10%) усвоена мансийским языком без изменений.

Что касается лексико-семантических групп заимствований, представленных в русско-мансийском словаре Е.И.Ромбандеевой, то они отражают процессы восприятия названий новых для аборигенов реалий: *квартира*, *клеенка*, *утюг*, *колодец*, *колхоз*, *коммунизм*, *кружок*, *куртка*, *плащ*, *лесопилка*, *машинист*, *мастер* и др. Интересно, что к термину *компьютер* в словаре дается развернутая дефиниция, содержащая русские компоненты *печатайтан* и *машина*. Кроме обозначений объектов, не входящих в круг традиционной жизни и быта коренных народов, можно отметить и ряд терминов, относящихся к сфере естественной природы. Это наименования некоторых растений (*липа*, *клен*, *ясень*, *лопух*, *лиана*, *лен*, *кукуруза*), животных (*кролик*, *осел*, *лев*, *крокодил*), рыб (*лещ*, *навага*, *кета*, *лосось*), овощей (*капуста*, *картофель*, *огурец*, *помидор*, *редиска*), фруктов (*лимон*, *персик*, *яблоко*), цветов (*одуванчик*, *незабудка*). В названиях дней недели и месяцев указываются как русские, так и мансийские обозначения.

В хантыйско-русском и русско-хантыйском словаре (ваховский диалект), авторами которого являются Н.И.Терешкин и

В.И.Сподина²³, зафиксировано около 2% заимствований из русского языка. Указанные в словаре личные имена (40 мужских и 14 женских) образованы от русских имен, например: *Ивән* (Иван), *Крикоры* (Григорий), *Мирон* (Мирон), *Павэл* (Павел), *Порка* (Борька), *Вары* (Варя), *Марвы* (Марфа), *Уста* (Устинья). Примеры, взятые из словаря, свидетельствуют о том, что заимствованные русские слова в целом также адаптированы к фонетическим особенностям хантыйского языка. Некоторые слова претерпели изменения за счет сокращений, например: *л'ис* (лист), *кил* (килограмм).

Отмеченные в указанном словаре заимствования из русского в хантыйский язык представлены следующими тематическими группами: новые реалии (*кинä* — кино, *кәмсамол* — комсомол, *поста* — почта, *рат'ыва* — радио, *лампы* — лампа, *лантыв* — лента), предметы быта (*панка* — банка, *витрä* — ведро, *тәрылка* — тарелка, *кйткä* — кадка, *потпäl* — подпол), животные (*кöскä* — кошка, *рäs* — рысь, *порäs* — свинья, поросенок), продукты (*сауэр* — сахар, *пирик* — пирог, *винкä* — вино, *пива* — пиво), овощи (*рэпкä* — репа, *мэрковја* — морковь). Интересными свидетельствами усвоения новых реалий в разные исторические периоды являются такие примеры: *писär* — писарь, *пäсмäн* — весы (от рус. *безмен*), *салков* — рубль (от рус. *целковый*).

В другом словаре хантыйского языка (казымский диалект), предназначенном для учащихся начальных классов²⁴, отмечено менее 1,5% русскоязычных заимствований. В основном это лексика, относящаяся к предметам быта, пище, одежде и профессиям и вошедшая в обиход довольно давно (*леккäйр*, *тохтäйр* — врач, *пушкан* — ружье, *пурка* — бурки и т.д.).

А.Е.Аникин, составивший словарь русских заимствований в языках Сибири, отмечает, что значительный пласт русизмов в аборигенных языках представляет собой лексику русских старожильческих говоров, включая говоры русских первопроходцев и первопереселенцев, о чем свидетельствуют памятники русской сибирской письменности XVII—XVIII вв.²⁵ Автор установил, что на ранних стадиях контактов русских с коренным населением региона русский язык был представлен по преимуществу северорусскими говорами, в конце XIX — начале XX вв. основную массу переселенцев составили носители среднерусских и южнорусских говоров. Описанная лексика может служить источником

наблюдений и обобщений не только в лингвистическом аспекте, но и в историческом, этнографическом.

Наши наблюдения над языковым материалом словаря А.Е.Аникина позволяют судить о характере лексико-семантических групп русских заимствований и о факторах, которые формировали их лингворегionalные особенности. Наибольшее количество русскоязычных заимствований в угорских языках относится к названиям строений, предметам жилища и быта, предметам и объектам хозяйственной деятельности. Названия меры, как следует из примеров, практически отсутствовали у коренных народов и поэтому перенимались у русских поселенцев. Это, как правило, реликтовые слова, проникшие на ранних стадиях освоения Сибири русскими. Немногочисленные заимствованные слова, обозначающие пищу, одежду, обувь, явления природы, растительного и животного мира, свидетельствуют о сохранении самобытности народов, их национальных гастрономических и других особенностей, обусловленных хозяйственным и бытовым укладом. Редки примеры усвоения мифологических и фольклорных элементов другой культуры. Русские названия животных, растений или плодов появляются в языках аборигенов в тех случаях, когда в местах их обитания такие объекты природы отсутствуют. Следы христианизации коренных народов Севера также нашли свое отражение в языке, при этом некоторые термины, например, *Иордань* используются уже не в религиозном, а обыденном смысле — для обозначения проруби во льду, у некоторых народов — проруби для подводного лова.

Ряд примеров представляет интерес с точки зрения некоторых языковых процессов. Так, русское слово *помочь* в мансийском языке употребляется в значении «веселый». Здесь произошел сдвиг значений: рус. *помочь* — совместная работа → удовольствие → веселый²⁶. Слово *пай* претерпело сужение значения: рус. *доля, порция, пай* (о пище); «прием пищи, обед» → «количество пищи, необходимое собакам, лошадям на один раз». Широко распространены в Сибири «лосиные» названия Большой медведицы (*Лось*), например, в мансийском языке²⁷.

В целом заимствования по данным словаря А.Е.Аникина группируются следующим образом:

Лексико-семантические группы	Примеры заимствований
строения, жилище, мебель	<i>амбар</i> (манс., хант.), <i>баня</i> (манс., хант.), <i>чердак</i> (хант.), <i>лабаз</i> (хант., нен.), <i>матка</i> (хант.), <i>погреб</i> (манс.), <i>подполье</i> (манс.), <i>казенка</i> (хант.), <i>болок</i> (нен.), <i>скамья</i> (манс.), <i>сундук</i> (манс., хант., нен.)
предметы быта	<i>банка</i> (манс., хант.), <i>булавка</i> (манс., хант.), <i>ведро</i> (манс., хант.), <i>веник</i> (манс., хант., нен.), <i>замок</i> (манс., хант.), <i>крюк</i> (манс., хант.), <i>пузырь</i> (манс. — бутылка, хант. — стекло керосиновой лампы), <i>стакан</i> (манс., хант., нен.), <i>рюмка</i> (манс., хант.), <i>самовар</i> (манс., хант., нен.), <i>кирпич</i> (манс., хант., нен.), <i>ключ</i> (манс.), <i>куль</i> (манс., нен.), <i>свеча</i> (хант., нен.), <i>туес</i> (манс., хант., нен.), <i>труба</i> (манс., нен.)
предметы и объекты хозяйственной деятельности	<i>бурав</i> (хант., нен.), <i>капкан</i> (манс., хант.), <i>пулька</i> (манс.), <i>порох</i> (манс.), <i>куштан</i> (хант. — заступ), <i>ловда</i> (манс. — поплавок сети), <i>маньчик</i> (хант. — чучело подсадной утки, приманка), <i>фитиль</i> (манс. — вид рыболовного снаряда)
пища	<i>сахар</i> (манс., хант., нен.), <i>сухарь</i> (манс., хант.), <i>лепешка</i> (манс.), <i>шаньга</i> (манс., хант.), <i>вино</i> (манс., хант., нен. — водка, спирт)
одежда, обувь, ткани	<i>армяк</i> (манс., хант.), <i>шаль</i> (манс., хант.), <i>камка</i> (хант., нен. - шелк), <i>рогожа</i> (хант.), <i>башмак</i> (манс., хант.)
мера	<i>ведро</i> (нен.), <i>верста</i> (манс., хант., нен.), <i>вершок</i> (манс., хант.), <i>восьмуха</i> (манс., хант. — мера веса), <i>деньга</i> (манс.), <i>фунт</i> (манс., хант.), <i>пуд</i> (манс., хант.)
социально-общественные явления	<i>аренда</i> (манс., хант.), <i>барыш</i> , <i>казна</i> , <i>жизьё</i> (манс. — жизнь, хант. — имущество), <i>помочь</i> (манс. — веселый)
явления природы	<i>бус</i> (манс. — мелкий дождь, туман), <i>море</i> (манс.), <i>няши</i> (хант. — ил, жидкая грязь), <i>тундра</i> (манс.)
животные, рыбы	<i>бусый</i> (манс. — темно-серая лошадь), <i>векша</i> (манс. — белка), <i>ёрш</i> (хант.), <i>чабак</i> (манс.), <i>шокур</i> (хант. — рыба сиг)
растения	<i>дуб</i> (манс. — в местах обитания не растёт, ханты знают о нем понаслышке), <i>яблоко</i> (хант.)
антропонимы	<i>голова</i> (манс. — начальник), <i>старшина</i> (манс., хант.), <i>толмач</i> (манс., нен.), <i>хозяин</i> , <i>хозяйка</i> (манс.)
религиозные термины	<i>Благовещение</i> (манс., хант.), <i>Иордань</i> (хант. — прорубь во льду, часто в широком значении), <i>Покров</i> (манс., хант., нен.), <i>помози бог</i> (манс. — выражение благодарности)
мифологические, фольклорные элементы	<i>дьявол</i> (манс., хант., нен.), <i>суседко</i> (манс., хант. - домовый), <i>мага-птица</i> (манс. — волшебная птица, выносящая героя из подземного мира наверх)

В свою очередь в русский язык давно вошли и воспринимаются исконными такие названия, как *морошка* (от остяцкого *морох*), *муксун* и т.д. Из хантыйского языка пришло название Сибири (*Сабирь*), отсюда и встречающееся иногда название русских — *сабир-ку*, т.е. сибирский человек²⁸. В словаре специальной лексики Обь-Иртышского междуречья, составленном А.М.Кошкаревой²⁹, отмечен ряд слов, заимствованных из языков коренных жителей. К ним относится, прежде всего, лексика, связанная с рыболовным промыслом: *ахан* — ловушка для рыбы в виде фитиля больших размеров; *кямка* — морда, сплетенная из тальника; *вонзь* — время весеннего подъема рыбы; *майна* — большая прорубь для пуска невода при подледном лове рыбы; *патанка* — блюдо из мороженой рыбы; *юрок* — сухая рыба; *юшка* — уха и др. Подробные сведения о типах заимствований из угорских языков содержатся в монографическом исследовании автора³⁰.

Следует отметить, что не всегда обозначение новых реалий осуществлялось в языках обских угров за счет заимствований из других языков. В связи с этим интересным представляется исследование, которое провела Бригитте Шульце на материале хантыйского языка³¹. Автор выяснила, что в ряде многозначных слов наблюдается «прирост» новых сем, очевидно, под влиянием русского языка, который позволяет обозначить с помощью существующих слов возникшие реалии. Так, слово *ясанг* — «язык, слово» обозначает также «обещание, разговор, рассказ»; *нэпек*, обозначавшее первоначально «исписанная бумага», имеет тенденцию к развитию абстрактных значений, например, «указ, закон».

Роль социально-исторического и природохозяйственного факторов в формировании региональной специфики хорошо просматривается на примере топонимов. Топонимия западносибирского региона отличается большим разнообразием как по своему происхождению, так и по своим структурно-семантическим особенностям. По мнению большинства исследователей, в номинации географических объектов в Сибири могли участвовать различные народы, как ныне живущие, так и исчезнувшие или переселившиеся в другие места. Так, в пределах Нижневартовского района соседствуют хантыйские, ненецкие, мансийские, селькупские и русские по происхождению названия. Языковая принадлежность топонимов определяется анализом их компонентов.

Топонимы селькупского происхождения фиксируются в русских документах с XVII в. В Нижневартовском районе селькупские названия представлены ойконимами антропонимического происхождения (Покачи), а также отдельными гидронимами. Ненецкие топонимы отмечены гидронимами с компонентом *ях(a)* — «река»: Еккуньях, Энт-Негусьях, Кыртынах, Нючаяха, Чёнтьяха, Тятльтяха, Конъятьялома-Тяха. Компонент *то* встречается в селькупском и ненецком языках, принадлежащих к одной самодийской языковой группе: в первом случае *то (ту)* обозначает «озеро небольшой величины», во втором — просто «озеро». К названиям с самодийским компонентом *то* относятся: Тайлуспен-то, Кыпишито, Нямтытяйто.

Значительная группа географических названий Нижневартовского района является по языковой принадлежности хантыйской и чаще всего связана с ваховским диалектом. Наиболее распространенными компонентами, позволяющими судить о хантыйском происхождении топонимов, являются: *лор* — «озеро», *эмтор* — «озеро»; *ёган* — «река»; *игол (игал)* — «речка», «малый приток»; *яун* (от ягун) — «река»; *пас* — «рукав, протока» или «ловушка на рыбу»; *пугол* — «неукрепленные селения», *як (ях)* — «народ».

Пришедшие из селькупского, хантыйского и ненецкого языков географические наименования подверглись определенной русификации, что нашло отражение в официальных документах — физико-географических и административных картах. В научной, научно-популярной и художественной литературе встречаются варианты названий, обусловленные орфографическими расхождениями или основанные на данных разноязычных информантов. Известно, что в местах расселения ненцев существуют свои собственные названия географических объектов³².

По исследованиям Н.К.Фролова³³, система русской топонимии отражает различные исторические этапы заселения территории Западной Сибири. Русские по звучанию и значению топонимы составляют основу собственно русской топонимической системы региона. Другую ее часть составляют заимствования из топонимии дорусского населения. Наиболее ранними считаются наименования без вещественной деривации: озера Белое, Круглое, поселок Высокий, город Радужный. Большое место в русской топонимии занимают наименования, связанные с личным именем или

прозвищем: река Ивана Степановича (приток Оби), озера Афонькина, Лысенкова, поселки Соснина, Былино. Последнее название связано, очевидно, с именем одного из пионеров северного садоводства, много лет проводившего садоводческие опыты, успешно занимавшегося овощеводством и садоводством — Былино Генрихом Владиславовичем. Его опыт обобщали, была выпущена специальная брошюра³⁴.

Есть предположения, что отдельные русские географические наименования могут быть кальками — переводом на русский топонима, созданного местным населением³⁵: оз.Щучье, оз.Окунёво, рр.Бол. Запорная, Ершовая речка, Собакина, Тундровая, Берёзовая. Эта гипотеза подтверждается тем, что хантыйские, ненецкие названия рек, озёр и некоторых поселений содержат подобные компоненты: Сартэмтор (в хантыйском Щучье озеро), Мохтикёган (мохтик — чебак, рыба), Коленъеган (в хантыйском Воронья река), Варенъёган (в хантыйском Запорная речка).

Региональная топонимика является своеобразным «хранилищем» не только языковой специфики, но и элементов культуры, быта, хозяйствования живущих на данной территории народов, а также их представлений об окружающем мире.

Характерной особенностью топонимов Нижневартовского района является присутствие в них компонентов, название которых соответствует объектам наименований: гидронимы (названия водных объектов) содержат элементы «река», «речка», «протока», «большой приток», «малый приток»; ойконимы (названия населённых пунктов) — «поселение», «неукрепленное селение», «юрта», «народ» и др.

Нетрудно заметить, что гидронимы, имеющие, как правило, многокомпонентную структуру, указывают часто на размеры объекта: хантыйское *еган/ёган* означает «малая река», *игол/игал* — «речка, малый приток», *аган* — «река средней величины»; селькупское *то* — «озеро небольшой величины». Обозначение размера водного объекта может уточняться. Так, в хантыйских по происхождению наименованиях присутствуют элементы: *ай* — «маленький» (Ай-Саккунъёган), *элле* — «большой» (Эллеёган, Эллефонъёган, Эллелотозмтор, Эллеаттемэмтор) и др., например, Ватъёган — «узкая речка», Ванъёган — «недлинная (короткая) речка». В гидронимах русского (или русифицированного)

происхождения также встречаются указания на размер водных объектов: реки Большой Покур, Малый Вах, Большая Запорная, Большой Посол; озера Большое Окуновое, Большое Пылинское, Глубокий Сабун.

Региональные топонимы отражают и другие природные особенности объектов наименования, такие как ландшафт и месторасположение: Мелегъёган (хант. *мелег* — «глухой, не имеющий стока»), Мыкпайэмтор (хант. — земляного острова озеро), Колекъёган (хант. — чистого мохового болота озеро), Куйпетгъёган (хант. *куй* — «болото», *пэйте* — «уронить», т.е. впадающая в болото речка); Эллепугол-Эмтор (хант. — Большой Юрты озеро), Лабазъёган, Ватьёган (хант. — у города река).

В ряде топонимов закреплены ассоциативные связи с животным и растительным миром как результат природохозяйственной деятельности населения — охоты, рыболовства или наблюдения за представителями фауны и флоры: Кульеган (хант. — рыбная река), Мохтигъёган, Мегтыгъёган (хант. *мохтиг* — «чебак, рыба»), Сартэмтор (хант. — щучье озеро), Агрнъёган (хант. — язя река), Колекъёган (хант. — вороновая река), Вонтэръёган (хант. *вонт* — «лес, урман»), Варенъёган — Запорная речка (хант. *вар* — «запор» — деревянная преграда рыбе, выходящей из речки). В русских топонимах наблюдаются сходные семантические типы: реки Горельная, Тундровая, Собакина, Ершовая, Большая Запорная, Березовая, Засольная; озера Большое Окуновое, Щучье, Окунево, Верховое, Сибкраевское (от Сибирский край).

Своеобразие топонимов Нижневартковского района проявляется в наличии этнонимических и отантропонимных типов. Это вышеотмеченные названия — река Ивана Степановича, озеро Афонькина, озеро Лысенкова, поселки Соснино и Былино, а также поселок Покачёвский (рода Покачёвых), река Рутьлёконэмтор (хант. *руть* — «русский»), кроме того, наименования с компонентом из хантыйского языка *ях*, *яха* — «народ»: реки Чёнъяха, Нючаяха, Еккуньях; поселок Ларьяк.

Отдельные названия связаны со священными местами или легендами о духах, обитавших в тех местах. Как пишет В.И.Сподина³⁶, хантыйское название озера Сыс-лор связано с преданием о духах, которые, нырнув в озеро, расположенное неподалеку от Покачей, вынырнули на противоположной стороне, произнеся

«сыс», т.е. «долгое». Соседнее озеро получило название Йимын-лор (Священное озеро) — озеро, где живут эти духи. В составе подобных топонимов встречаются компоненты *торм/торум* — «верховное божество» (Тормэмтор, Торум-Кат-Пугол), *лунг* — «дух» (Лунгэмтор).

Топонимы, обозначающие рельеф местности, содержат компоненты «увал», «урман», «гора», «урочище», «бор», «материк»: Урочище Черный Урман, Сабунский Бор, Аганский увал, Сибирские Увалы, Урочища Высокий Материк, Горелый Материк, Нинканъеганский Материк. В хантыйских названиях также содержатся элементы, указывающие на вид местности: *хым* — «яр» (Урочище Вантяхым), *тыр* — «груда» (болото Сакальтяр), *кор* — «чистое топкое болото» (болото Поттым-Куккор), *куй* — «болото» (Урочище Вороккуй).

Происхождение ойконимов Нижневартовского района связано в основном с обозначением вида или места поселения, о чем свидетельствуют компоненты: хантыйский *ват* — «город», в других источниках: *вата* — «укрепленное поселение» (дер. Вата); хантыйский *пугол* — «неукрепленное селение, юрты» (пос. Кож-Ран-Пугол, пос. Локонтпугол); мансийский *кур* — «деревня» (пос. Покур); хантыйский *пас* — «протока» (г.Лангепас, дер.Пасол). Часть населенных пунктов имеет названия, связанные с наименованиями близлежащих рек: поселки Сыртъёган, Варьёган, Усть-Колекъёган, Колекъёган, Лабазъёган, Асес-Ёган.

К югу от города Нижневартовска преобладают русские наименования, представляющие разнообразные семантические типы, в том числе связанные с природно-ландшафтными особенностями: поселки Высокий, Чистоборск, Излучинск, Белозерный, Сосновый бор, Быстрая протока, Зайцева речка.

Рассмотренные примеры позволяют судить не только об общих тенденциях в наименовании географических объектов, но и об истории народов, заселявших регион.

Примечания

¹ Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993. 208 с.; Волдина Т.В. История изучения хантынского фольклора (XIX—XX вв.): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. Томск, 2000. 17 с.; Она же. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск, 2002. С. 45—46; Молда-

нов Т.А. Картина мира в медвежьих играх северных хантов (XIX—XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2002. 22 с.; Пушкарева Е.Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 2003. 47 с.

² Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск, 2001. 124 с.

³ В краю селькупов: Красноселькупский район: Природа. Люди. Экономика. Экология. Екатеринбург, 2000. С. 90—92.

⁴ Булгакова И.В. Лексика, отражающая материальную культуру селькупов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 22 с.

⁵ Герасимова Д.В. Лексика, связанная с охотничьим и рыбным промыслом в мансийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 16 с.

⁶ Онина С.В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством: Монография. Йошкар-Ола, 2003. 154 с.

⁷ Санхорова Г.Н. Региональный французский язык как новая традиция разговорного французского языка // Межкультурная коммуникация: Тезисы докл. и сообщений сибирско-французского семинара (Иркутск, 15—17 сентября 1993 г.). Иркутск, 1993. С. 44—46.

⁸ Шатилов М.Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Тюмень, 2000. 288 с.

⁹ Спиридонова И.Е. Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: Опыт историко-социологического исследования. Новосибирск, 1999. С. 48.

¹⁰ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 254.

¹¹ Там же. С. 255.

¹² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 240.

¹³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 326.

¹⁴ Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. Томск, 2001. 344 с.; Шатилов М.Б. Ваховские остяки...

¹⁵ Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам... С. 145.

¹⁶ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. Томск, 1999.

¹⁷ Соловар В.Н. Картинный словарь хантыйского языка: Казымский диалект. СПб., 1997. 159 с.; Шатилов М.Б. Ваховские остяки... С. 106, 135.

¹⁸ Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках / Сост. Е.И.Ромбандеева, Л.П.Акт. Ханты-Мансийск, 1998. С. 6—9.

¹⁹ Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. С. 45—46.

²⁰ Загадки мансийские (вогульские) / Авт.-сост. Т.Д.Слинкина. Ханты-Мансийск, 2002. 258 с.

²¹ Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках. С. 6—9.

²² Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь. СПб., 2005. 360 с.

²³ Терешкин Н.И., Сподина В.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Нижневартовск, 1997. 335 с.

²⁴ Соловар В.Н. Картинный словарь хантыйского языка: Казымский диалект.

- ²⁵ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Пробные статьи. Ч. 1. Препринт. Новосибирск, 1998. С. 4.
- ²⁶ Там же. С. 64.
- ²⁷ Там же. С. 53.
- ²⁸ Шатилов М.Б. Ваховские остяки: этнографические очерки.... С. 55.
- ²⁹ Кошкарёва А.М. Словарь специальной лексики Обь-Иртышского междуречья. Нижневартовск, 2006. 234 с.
- ³⁰ Кошкарёва А.М. Специальная лексика северных районов Тюменской области: Монография. Нижневартовск, 2003. 140 с.
- ³¹ Шульце Б. Многозначность слова в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 30. Томск, 1996. С. 37—39.
- ³² Сподина В.И. Представление о пространстве...; Вэлла Ю. Поговори со мной. Нижневартовск, 2004. 128 с.
- ³³ Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. Ханты-Мансийск, 2000. С. 205.
- ³⁴ Там же. Т. 1. С. 133.
- ³⁵ Малолетко А.М. Палеотопонимика. Томск, 1992. 264 с.
- ³⁶ Сподина В.И. Представление о пространстве... С. 78.

Раздел 2

ПРОШЛОЕ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVII – XX вв.

Глава 1

НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ XVII – XVIII вв. ОБ ИСЛАМЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Каждый регион мира уникален, и это своеобразие сложилось под влиянием многих факторов. Чтобы понять причинно-следственную связь, необходимо пройти путь от сбора (или даже систематизации) эмпирического материала до анализа социокультурной ориентации человека (групп людей) в мире.

Историография как наука, изучающая историю накопления знаний об объекте исторического процесса — человеке и социальных группах, объединенных различными социальными связями (в нашем случае религиозными), предполагает определенный уровень объективизации знаний. В вопросе об изучении истории аккумуляции знаний об исламе этот уровень, конечно, зависит от отношения индивида, социума, государств к этой религии, как и к ее вероучительным основам и региональным особенностям, состоянию и направленности в развитии коллективной памяти.

На рубеже XVII—XVIII вв. благодаря активному включению европейцев (и европейского типа мышления) в процесс познания Западной Сибири происходили качественные изменения, в том числе связанные с возможностью в печатной форме на разных языках донести знания до читателя. К тому времени Западная Европа, пройдя период Возрождения, уже вступила в эпоху Просвещения, изменив логико-теоретические принципы мышления ее жителей. Но при этом, как справедливо заметил А.Каппелер, идеология Просвещения позволяла признать равным европейцам только оседлых мусульман, а остальных следовало еще «цивилизировать»¹. Естественно, что кочевники (казахи и барабинские татары), или исторически недавно ставшие оседлыми другие группы сибирских татар, европейцами ставились на низкую ступень цивилизационного развития.

Но в условиях Западной Сибири западноевропейское мышление могло измениться, если видело в рядом живущем человеке равного себе. Людями Нового времени в Западной Сибири, кардинально отличавшимися от «человека Средневековья»

представлениями о мире и причинно-следственных связях, были немногочисленные европейцы, оказавшиеся здесь: служащие, путешественники, ссыльные. Их статус мог существенно меняться под влиянием обстоятельств и местных потребностей. Например, еще с XVII в. к Тобольскому и Тюменскому гарнизонам «причисляли и пленных немцев, сосланных в Сибирь и поверстанных там на службу»². Парадокс состоял в том, что к немцам русское традиционное мышление относилось тогда почти всех европейцев, а «путешественником поневоле» оказался и сосланный в Тобольск как иноземец-католик хорват Ю. Крижанич. Но и до Крижанича, и при нем в Сибири жило немало иностранцев, судя по их статусу — образованных дворян и буржуа (крестьяне, как в Европе, так и в России оставались в массе безграмотными), не чуждавшиеся на чужбине и «писательства». Точно известно, что в 1666 г., когда Крижанич жил в Тобольске, в крае уже служило 46 иностранных офицеров, посланных для организации сибирских полков, но не все ограничивались исполнением прямых обязанностей. Воспитанные в Западной Европе и вне устоявшейся среди русских сибиряков «конфигурации коллективного опыта» — при анализе прошлого Сибири они смогли непредвзято посмотреть на жизнь местных мусульман, а по возвращении на родину, не боясь наказания, обнародовать впечатления. Например, один из офицеров в том же (1666) году составил подробные этнографические наблюдения о сибирских татарах и бухарцах. Автор хранящейся в публичной библиотеке Копенгагена рукописи на немецком языке неизвестен, но, по всей вероятности, он был немцем или проезжавшим через немецкие земли, поскольку отметил, что прекрасно построенные деревянные дома бухарцев имеют большие окна и двери «на немецкий образец». Неизвестный автор более беспристрастно, по сравнению с православными коллегами, и, заметим, подробно описал жизнь здешних татар и бухарцев, зафиксировав, что в Тобольске в то время не было разделения по конфессиям: «Нижний город совсем открыт <...> и населен русскими, бухарцами и татарами». Отдельное упоминание есть о воззрениях мусульман: богослужении, культовых учреждениях, одежде служителей культа, порядке совершения молитв и т.п.³ В работе не содержалось объяснительных схем ислама и

региональных отличий, но она все же являлась «прорывом» в объективизации знаний, хотя и поздно дошла до читателя.

Живший в крае в 1661—1673 гг. другой офицер — А.Доббинс (Доббин) составил рукопись «Генеральное описание Сибири», переданную в Москву в 1673 г. И.-А. фон Бранду, который (что значимо!) и напечатал ее в 1697 г.⁴ Доббинс оценил культуру сибирских татар, следовавших требованиям ислама и знавших арабское письмо. Эта работа стала известным в Западной Европе печатным словом о мусульманах края⁵.

Сочинения Г.-А.Шлейссингера, вряд ли бывавшего в Сибири, представляют собой переработку рукописи «Die gantze Beschreibung Reusslandts, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet» («Полное описание России, находящейся под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича», послужившее основой для всех его последующих сочинений, в частности, «Anatomia Russiae deformatae, oder historische Beschreibung der Moskowiter oder Reusslandts, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fuersten Iwan und Peter Alexewitz eigentlich befandte anno MDCLXXXVIII») и более позднего сочинения — «Neu-entdecktes Sybirien, oder Slowerien, wie es anitzo mit allen Staedien und Flecken angebauet ist») и др.⁶

Независимо от названий, в каждую из указанных книг почти целиком вошли сведения, имевшиеся в первом издании (имеется в виду «Полное описание России»), а остальное представляет собой либо плод авторской фантазии, либо данные, заимствованные из иных работ, либо передачу рассказов, услышанных от других лиц⁷. Отсюда и весьма поверхностное суждение Шлейссингера: «Что касается жителей Сибири, то это почти исключительно русские, за исключением немецких офицеров, стоящих на границах со своей стражей (Milice), затем немного армян и татар, исповедующих греческую религию [?! — А.Я.] и подчиненных русским законам, как я уже выше упоминал». И хотя в тексте рукописи «Вновь открытая Сибирь» нашли отражение мировоззрение и политическая позиция немецкого журналиста (типичные для его эпохи и среды), стоит заметить: автор специально остановился на изменениях, что произошли в России накануне петровских реформ.

Да и среди православных по происхождению ученых прорыв по части научного познания предмета исследования произошел только в Петровскую эпоху, которая иногда воспринимается как время вестернизации отечественной науки, но на самом деле был связан с западноевропейской рационалистической традицией Нового времени, «добравшейся» и до изучения истории религий. Причина кроется во внутренних и внешних обстоятельствах, обусловивших расширение тематики, создание ячеек и учреждений науки и их кадрового потенциала, расширение методологии исследований. И здесь очень точно заметил В.Г.Мирзоев: «Наука перестала быть областью бесплодных схоластических мудствований. От нее стали требовать ответов, выдвигаемых жизнью»⁸.

В этой связи отметим ошибочность позиции В.Г.Мирзоева, утверждавшего уже названием первой главы своей монографии «“Отписки” и “скаски” землепроходцев как исходная основа сибирской историографии» о приоритете в объективизации знаний о Сибири и ее населении за носителями православного мировоззрения из числа крестьян, казаков, чиновников. Но их познания (что подтверждал и сам Мирзоев) не выходили за пределы примитивно утилитарных потребностей, хранились в секрете и лишь «постепенно (хотя и медленно) становились достоянием значительного круга людей»⁹. Это «постепенно» длилось два столетия — после их публикации и тогда, когда появилась значительная масса их потребителей — грамотных людей из простолюдинов, способных непредвзято смотреть на *другую* культуру (природа Сибири уже стала *своя*).

Западная Сибирь к началу XVIII в., по мнению ряда ученых, стала мощным геополитическим градиентом продвижения России в районы Средней Азии, который значительно облегчался фактическим «демонтажем» тюркско-мусульманского геополитического «центра силы» и поэтапной интеграцией его разрозненных фрагментов в административно-политическую систему Российской империи¹⁰.

Петровская эпоха, как известно, отмечена и интересом к Востоку. Это определялось, безусловно, амбициозными (во многом нереализованными) планами Петра I по расширению российской территории в Азии и усилению политического влияния. В 1710—30-е гг. начинают давать результаты преобразования, проведенные

царем в области культуры и образования, в связи с чем наметилась определенная рационализация сознания под влиянием секуляризации общества. Именно тогда и делает первые шаги российское религиоведение, в рамках которого и развивалось отечественное исламоведение.

Существенный вклад в исламоведение внесла группа европейских ученых и путешественников (вольных или невольных) по региону. Важно и то обстоятельство, что эти уроженцы Западной Европы выполняли в России культуртрегерские функции, внедряя инновационные технологии, европейский образ мышления и иную трудовую этику. Немаловажно, что в основном это были жители тех земель, где протестантская религия (и соответствующий тип морали) в борьбе с католицизмом уже «отвоевала место под солнцем», внедряя в умы верующих идею построения «рая» не только на небесах, но и на Земле. Отсюда и новый характер деятельности протестанта, стремившегося расширить границы познаваемого мира. Поэтому логично, что немало протестантов оказывалось среди тех, кто стремился «Drang nach Osten».

Будучи разносторонне образованными людьми, они внесли существенный вклад в развитие российской науки, которая «создавалась не только корифеями, но и тысячами людей — историками и неисториками, писателями и учеными, лицами гражданского, военного и духовного звания <...> в Москве и Петербурге, Оренбурге, Архангельске, Казани, Астрахани, в Сибири»¹¹. Города региона, очевидно, стали в тот период мощными аккумуляторами различных культурных ценностей, импульсами в развитии образования и изменений в поведенческой культуре, как и города европейской части России.

Уже в 1720—30 гг. Сибирь активно включается в сферу интересов российских (как правило, иностранцев по происхождению) ученых. Они существенно расширили источниковую базу за счет использования таких методов, как сбор письменных (в т.ч. архивных) источников, опрос местного населения, послов, купцов, полевое обследование. Но вряд ли стоит соотносить эти попытки объективизации знаний о регионе (не говоря уже о культуре его коренного и аборигенного населения) с той классификацией историографии, которую предложил В.Г.Мирзоев («народная,

официальная и зарождающаяся буржуазная»), даже в XVIII в., не говоря уже об историографии XVII в.¹²

Первой с научными целями за Урал в 1720—1727 гг. ушла экспедиция Д. Г. Мессершмидта, которого (согласно заключенному с правительством договору) обязали «изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности». Заметим особо, что Мессершмидту принадлежит первенство в исследовании древнетюркской письменности, которую он назвал «рунической» по сходству с рунами Скандинавии. Результаты работы зафиксированы в его дневниках, хранящихся в архивах¹³, и публикациях.

Спутником Мессершмидта в 1721—1722 гг. был пленный офицер, уроженец Померании Ф. И. фон Страленберг (Таберт)¹⁴, еще до экспедиции собравший значительный материал — в 1719 г. он самостоятельно составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги» с соответствующими описаниями и комментариями. Таберт отметил миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви по распространению «греческой веры» в крае, но заметил: «Коренные народы — естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках». В Тобольске в 1720 г. Страленберг познакомился с В. Н. Татищевым, а встретившись с ним в Швеции в 1724—1726 гг.¹⁵, подарил ему свои труды. К тому моменту собранный в Сибири материал Таберт уже опубликовал, первоначально в Нюрнберге, а затем в Стокгольме¹⁶. Книга вызвала такой интерес в Европе, что вскоре была переведена на английский¹⁷, французский и испанский языки¹⁸. Таберт таким путем сделал известными средневековое зеркало и амулет с арабскими надписями (а их атрибутировал ориенталист Г. Я. Кеер), которые могли относиться к периоду существования Сибирского ханства.

Заслугой Таберта-Страленберга является и приобретение у ахуна Тобольска Азбакевича (с которым он состоял в дружеских отношениях) и введение в научный оборот сочинения XVII в., написанного Абу-л-Гази Бахадур-ханом «Шаджара-и турки». Рукопись, якобы привезенная в Тобольск бухарским купцом, принадлежала Азбакевичу, который, по словам Страленберга, «показал

мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он называл Чингиз Китап, т.е. «Книга Чингиза»¹⁹. Первоначально она была переведена на русский язык пленными шведами с помощью знакомого татарина.

Носителям европейского типа мышления и представителям европейской науки (где уже складывались школы ориенталистики) оказалась «по плечу» сложная задача объективного анализа региональной истории ислама. Не случайно, что и «...для миссионерской исламистики главными врагами из стана немусульман были западные ориенталисты»²⁰, поскольку применяемые ими методики и техники исследования сибирского ислама прямо свидетельствовали о региональных отличиях, иногда вступавших в острые противоречия с формами этой религии, присущими, например, Ближнему Востоку или Средней Азии.

Иногда трудно определить степень достоверности тех или иных источников, если принимать во внимание дистанцию текста и интерпретатора, особенно из числа немусульман, по отношению к текстам с мусульманской составляющей во времена, когда в качестве официальной идеологии господствовало православие. В данном случае перевод татарских источников на русский язык можно рассматривать как важный показатель развития культурных связей, поскольку это не было технической работой. На этом фоне материалы Г.-Ф.Миллера более научно доказательны, поскольку подтверждаются иными сведениями, а не только полученными по рассказам тобольских татар и бухарцев:

Один старый шейх, признававшийся ими святым, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: господь ему открыл, что в Сибири покоится много святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боге, и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминовения. Он ходил по всем мазаретам, или кладбищам, и в разных местах показал могилы семи таких святых, называя их по именам. Они были с этих пор признаны таковыми, и их память еще до сих пор почитается татарами²¹.

Это сообщение Миллер сравнивал с натурными ощущениями, находя подтверждение в предании о загадочном культе «семи

святых братьев» — *етти-огайни*, широко распространенном как в устных версиях, так и в письменных сочинениях («семь святых чудотворцев» — *хавтан*, или «семь Мухаммедов») по всей Средней Азии и за ее пределами (Северный Афганистан, Пакистан, Индия, Синьцзян), выполняющем, как и в Западной Сибири, примерно одну и ту же функцию — «сакральными средствами объединять (и, добавим, охранять) эту землю»²².

Именно с Г.-Ф.Миллера²³ в сибиреведческой литературе утвердилось мнение, что так называемые татарские летописи, упоминавшиеся авторами Сибирских (Строгановской, Есиповской, Ремезовской) исторических сочинений, являлись устными преданиями сибирских татар, которые слушались, фиксировались и использовались русскими летописцами²⁴.

До наших дней остаются актуальными слова К.Н.Бестужева-Рюмина: «Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала всего богатства собранного им материала»²⁵. Подчеркнем, что Миллер был прекрасным методологом, используя различные приемы критики (как принято было называть — внешней и внутренней) источников, к которым он обращался, внимательной их дифференциации. Важно отметить, что как Миллер, так и впоследствии другие зарубежные путешественники и участники экспедиций, кроме прямых наблюдений при составлении дневников, записок учитывали сведения первых летописей, высказав свое мнение по спорным вопросам. Стало понятным, что описание таких источников возможно и «снаружи», но «адекватной» трактовки событий ждать от них трудно. «Изнутри» же они не представляют строго научное сочинение.

Столь же очевидно, что оценочным критерием для него была принадлежность той или иной группы населения к религии или этносу. Допускаем, что идентификация *мусульманин* — *всякий другой* была не собственной позицией Миллера (остававшегося лютеранином), а отражением мощной идеологемы, основанной на противопоставлении русского *иноверцам* (куда включали и собственных *инородцев*)²⁶. В то время для русских по происхождению *татарин* — *всегда бусурманин*, а для дворян — еще и олицетворение азиатчины.

Не будем заблуждаться, утверждая, что европейские путешественники и исследователи уже в начале XVIII в. были объективны при анализе мусульманских «страниц» — все-таки они были христианами (католиками, протестантами) по воспитанию (большинство и по убеждениям) и ислам оценивали как *совсем чужой*, культивируя в трудах европейский повествовательный исторический шаблон, лишь в деталях и формах отличавшийся от православной интерпретации. К тому же не все материалы являются результатом глубокого и цельного изучения, некоторые дают довольно случайные, разрозненные, а порой и противоречивые сведения об исламе. У многих авторов не было соответствующей научной подготовки, они мало знали об особенностях уклада жизни сибиряков. К тому же иностранцы не всегда могли отделить мусульман от «язычников». Так, пройдя по регионам, населенным мусульманами, В.Беринг по возвращении в 1730 г. в Санкт-Петербург из экспедиции и якутов причислил к тем, кто «веру имели от старины махаметскую»²⁷. Не только отсутствие необходимой базы исследования, но и труднодоступность отдельных районов способствовали необъективности и неполноте их наблюдений. Но собранные сведения и материалы (в том числе археологические, нумизматические, археографические) аккумулировались в созданной по указу Петра I Кунсткамере²⁸, а затем и в Азиатском музее.

Г.В.Стеллер не писал об исламе в Западной Сибири (хотя и проводил здесь исследования), но, как справедливо отметил В.Г.Мирзоев, его заслугой являются прогрессивные воззрения на этнографию: для него население края было не только объектом этнографического исследования, но и субъектом культурно-исторического развития²⁹.

Примечания

¹ Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам России // Отеч. история. 2003. № 2. С. 132.

² Гезенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892.

³ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв. Иркутск, 1941. С. 349—351.

⁴ Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999. С. 7; Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Салехард; Тюмень, 2004. Т. 1. С. 271.

⁵ Eine seltsame und sehr anmerkliche Beschreibung von Siberien // Brand J.-A. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plescovien, Gross Naugardien, Tweeren und Moscovie etc. Wesel, 1702.

⁶ Schleussinger G.-A. Anatomia Russiae deformatae, oder historische Beschreibung der Moskowiter oder Reusslands, wie es sich anjetzo unter Regierung zweener Zaaren oder Gross-Fuersten Iwan und Peter Alexewitz eigentlich befandete anno MDCLXXXVII; Neu-entdecktes Sybirien, oder Slowerien, wie es anitzo mit allen Staedien und Flecken angebauet ist, etc. Jena. 1690; Die gantze Beschreibung Reusslands, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet. Zittau, 1693.

⁷ Лаптева Л.П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII в. // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 104.

⁸ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.) Кемерово, 1963. С. 8.

⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 11, 15.

¹⁰ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX вв. М., 2004. С. 40.

¹¹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1971. Т. 3. С. 77.

¹² Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). С. 16.

¹³ Архив РАН. Ф. 98. Оп. 1, № 1—3; № 21. Л. 102—108.

¹⁴ На протяжении всех 13 лет плена проводил научную работу. См.: Катанов Н.Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Т. 19. Вып. 2. Казань, 1903. С. 105—128.

¹⁵ Шольц Б. Варяжский вопрос в записках Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 195—196.

¹⁶ Stralenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

¹⁷ An historical, geographical descripton, of the North and Eastern parts of Europa and Asia, but more particulary of Russia, Sibirie and Great Tatory. Transl. Into English. L., 1738.

¹⁸ Последнее по времени издание на русском языке: Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: северная и восточная часть Европы и Азии / Сост. Е.А.Савельева, Ю.Н.Беспятных, В.Е.Возгрин. М.; Л., 1985—1986. Вып. 1—2.

¹⁹ Кононов А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок» // Сов. тюркология. Баку, 1971. С. 3—12.

²⁰ Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 3. С. 10.

²¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 198—199.

²² Абашин С.Н. «Семь святых братьев» // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 27—28.

²³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 161.

²⁴ См.: Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Истор. изв., издаваемые истор. обществом при Имп. Моск. ун-те. 1916. Вып. III—IV; Белич И.В. Легенда о «Ташатканском камне» // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995 Т. II; Belich I. The folklore of the siberian tatar in «The History of Siberia» by Remezov S. and relics of shamanism // The International conference on shamanism. Nara, 1995; Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке // Сибирские огни. 1981. № 12.

²⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история от древнейших времен. М., 1886.

²⁶ Д.Г.Мессершмидт, П.С.Паллас, Г.В.Стеллер получили образование в протестантской *Franckesche Stiftungen* и в университете в Галле, который стал центром руссееведения, но при этом издержки православного воспитания (характерные для российского образования того времени) учащихся «не задели».

²⁷ Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730—1733. / Сост. Н.Охотина-Линд, П.-У.Меллер. М., 2001. Ч. 1: Морские отряды. С. 19, 90.

²⁸ *Palas des wissens. Die Kunst-und Wunderkammer Zar Peters des GroBen*. В. 1—2. Munchen, 2003.

²⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). С. 50.

Глава 2

К ИСТОРИОГРАФИИ ИСЛАМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исламская идеология оказала огромное влияние не только на культуру тюркского населения Сибири, но и на его этническую историю. В этом контексте сложились два подхода к судьбе сибирских татар: автохтонный (который разделяет часть сибирских исследователей) и тот, при котором сибирских татар воспринимают как часть татарского субэтнуса¹. Персидский историк Рашид Эддин (Рашид-ад-Дин), живший в 1274—1318 гг., первым посвятил Прииртышью и его народам специальную работу — «Сибирская страна». Но в целом в тот период, как точно заметил Х.Атласи, «исламские богословы и ученые слишком много сил тратили на схоластические споры ... история — единственная наука, способная спланировать людей, — совершенно игнорировалась ими»². Некоторые исследователи при освещении истории народов Сибири, в том числе их религиозных верований, включают в свои труды сведения из записок итальянского путешественника Марко Поло, написанных в конце XIII в., где очень запутанно даются сведения о занятиях, быте и религиозных верованиях сибирских татар. По Марко Поло, в Сибири обитают и белые медведи, и верблюды, и дикие ослы; татары своего бога делают из войлока; из продуктов питания сибирских татар называются фараонские крысы, обитающие в Монголии. На неточность опубликованных сведений по запискам Марко Поло в свое время указывал еще В.В.Бартольд и другие исследователи³. Некоторая информация о крае содержалась в материалах католических миссионеров и дипломатов Юлиана (1237 г.), Плано Карпини (1247 г.) и др.

Петровская эпоха отмечена интересом к Востоку. В 1710—30 гг. начинают давать результаты преобразования, проведенные Петром I в области культуры и образования. В 1716 г. появился первый перевод Корана на русский язык. Первой вышедшей на русском языке (но написанной на латыни) работой, специально посвященной исламу, является «Книга система или состояние

мухамеданския религии», изданная в Петербурге в 1722 г. Д.Кантемиром — бывшим господарем Молдовы, укrywшемся в России после Прутского похода 1711 г.⁴. В 1730-е гг. и сама Сибирь активно включается в сферу научных интересов российских ученых. Собранные ими сведения и аккумулированные материалы (в том числе археологические, нумизматические, археографические) накапливались в приказах, воеводских канцеляриях, в Кунсткамере (позднее — в Азиатском музее). Первыми же востоковедами, приглашенными в созданную в Петербурге Академию наук, были Г.Багер и Керх, которых больше занимали тюркские языки и в меньшей степени — ислам.

Отечественная светская наука долгое время ограничивалась переводом источников и трудов зарубежных исследователей ислама, что по меткому замечанию М.А.Батунского, определило узость подходов россиян, которые у западных авторов «заимствовали, по существу, и всю теоретическую экипировку, и фактологический материал»⁵. Долгое время светское исламоведение концентрировалось на факультете восточных языков в Санкт-Петербургском университете и определялось задачей перевода источников и научных работ (преимущественно европейских исследователей) по исламу⁶. Наиболее характерным в этом отношении трудом является четырехтомная «История ислама с основания до новейших времен» А.Миллера⁷, переведенная Н.А.Медниковым, где фактически нет материала об исламе в Сибири. Едва ли не самую важную часть записок участников научных экспедиций второй половины XVIII в. составляют сведения о верованиях тюркских племен Сибири.

Проблемы доисламских религиозных мировоззрений татар сибирского региона нашли отражение и в трудах западноевропейских путешественников и участников научных экспедиций XVIII в. Д.Г.Мессершмидта, И.Г.Гмелина, Г.Ф.Миллера и др. В 1744 г., возвращаясь из своего путешествия по Сибири, Миллер передал Петербургской академической библиотеке рукопись, которая вначале была названа «Тобольской летописью», а затем «Историей Сибирской», созданную С.У.Ремезовым. Как заметил А.В.Бородин, «Удостоенный звания академика, Миллер в течение полувека неустанно изучал русские древности. В 1732—1742 гг. он принимал активное участие в Сибирской академической

экспедиции, где собрал огромное количество прежде неизвестных науке документов по русскому средневековью. Привезенные им в Санкт-Петербург из Тобольска архивные материалы получили наименования “портфели Миллера”; они и до сих пор составляют источниковедческую основу для исследования целых периодов Сибири»⁸. Свою большую работу «Описаніе Сибирскаго Царства...»⁹ Г.Ф.Миллер, которого Х.Атласи назвал «самый добросовестный из российских историков»¹⁰, начинает с описания Сибирского ханства и его населения. О сохранении доисламских верований до последнего времени у сибирских татар Тоболо-Иртышского региона у Миллера читаем: «Некоторый Би или князец Аялинских татар при устье реки Тары сказывал мне, что он сам еще помнит с самых молодых лет, каким образом его родители и сродники во всем тамошним народом содержали еще идолопоклонческое суеверие. Равным образом о некоторых татарах между Тобольским и Демьянским ямом в Лебауких юртах и по большей части в Туринском уезде живущих известно, что они всегда прибывали в идолопоклонстве, пока они с остяками вместе не обращены были к христианской вере. Из барабинцев же поныне многие идолам служат, а некоторые из них исповедуют магометанский закон, то недавно обрезание приняли»¹¹. Описание погребального обряда у туринских татар (юрты Епанчинские и Ембаевские) Миллером в 1742 г. говорит больше всего о следах, сохранившихся от язычества. По исламским канонам мусульмане не хоронят покойного в гробу, не кладут в могилу различную утварь (хозяйственные принадлежности покойного).

Опираясь на внутринаучные ценностные критерии, Миллер в специальной главе рассматривает историю обращения Кучумом и его братом Ахмет Гиреем тобольских татар в «магометанскую» веру. При этом ученый считает, что в силу ряда обстоятельств Кучуму не удалось внедрить ислам в своем владении повсеместно. «По словесному объявлению татаръ и бухарцевъ» он записал легенды об установлении культа местных святых, «которыхъ память татары и ныне празднуютъ»¹². Безусловно, не во всем Миллеру удалось объективно рассмотреть историю региона, что привело его к выводу: «Первый и главнейший народ в Сибири есть татары, которые живут в полуденных странах около рек Тобола, Иртыша, Оби, Томи и Енисея и в лежавших степях между помя-

нутыми реками»¹³, тогда как этнический состав края в тот период был представлен не только сибирскими татарами, но и чулымскими тюрками, казахами.

И.Е.Фишер также отмечал в записках о введении Кучумом в Сибири магометанской веры и писал, что в то время «многие татары остались еще в идолопоклонничестве»¹⁴. Важно отметить, что как Г.Ф.Миллер, так впоследствии и другие зарубежные путешественники и участники научных экспедиций, кроме своих наблюдений, при составлении дневников, записок учитывали сведения первых летописей, сказав свое слово по спорным вопросам и очистив первые летописи от вымыслов.

Интересный материал для более поздних исследователей оставил И.П.Фальк, зафиксировавший остатки каменной (!?) мечети и упавшего минарета в Кызыл-Туре.

Позже побывавший в Тобольске англичанин Дж. Белл Антермонский свидетельствовал, что татары «к иностранцам относятся уважительно»¹⁵. Оказались в Сибири полезными 9 тыс. (из них 1000 офицеров) плененных под Полтавой уроженцев Швеции, Польши, Прибалтики, Голландии, Фландрии, германских княжеств. Пленные стремились познать Сибирь и в научном отношении. Капитан И.Б.Мюллер вошел в угроведение брошюрой 1720 г. «Жизнь и обычаи остяков, народа, живущего почти до самого Северного полюса...». А И.Т. фон Страленберг (Табберт) после возвращения в Европу опубликовал книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», где заметил: «Коренные народы — естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках». Будучи очень наблюдательным исследователем, Страленберг оказался надежным спутником ученого из Данцига Д.Г.Мессершмидта в его путешествиях по региону. Мессершмидт был здесь с 1710 по 1727 г., но уже в 1719 г. он составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги». В 1740 г. в составе экспедиции французского астронома Н.И.Делиля в Березове был Т.Кенигсфельд, который вел дневник, проводил топографические съемки, зарисовывал поселение.

На основе живых экспедиционных наблюдений и изучения архивов Тюмени, Тобольска, Семипалатинска, Омска, Петропав-

ловска служивший на Иртышской пограничной линии (в Омской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской крепостях) майор И.Г.Андреев в своих работах (в частности, в «Домовой летописи») отразил жизнь, культуру (особенности традиционных верований и воздействия на них ислама) и быт казахского населения, в том числе юга Западной Сибири¹⁶.

В начале XIX в. этнограф В.В.Пассек писал: «Война и сами имена Героев сохранились в памяти татар, тамошних жителей. Они говорят, что знают могилу Ермака, но не объявляют русским, где она; знают могилу Кучума (могила сея не далее 20 верст от Тобольска) и ежегодно собираются отправлять на ней свою тризну. Их вражда к нам, кажется, уже исчезла; но еще остается взаимная недоверчивость»¹⁷. В бытность сибирским генерал-губернатором будущий премьер-министр России М.М.Сперанский близко познакомился с исламом и, более того, вместе с помощником (и будущим декабристом) Г.С.Батеньковым¹⁸ стал подготавливать законодательные акты по вопросам регулирования отношений мусульман с государством. В «Уставе об управлении инородцев» и «Уставе о сибирских киргизах» подтверждались «екатерининские вольности», недопустимость переселения «отсталых народов», как это практиковалось в Америке. Среди коренного населения Сибири Сперанский предполагал выделить «оседлых инородцев»: «Поелику вера киргиз-кайсаков по сие время в сущности более языческая, чем магометская, то представляется надежда к обращению многих из них в христианство»¹⁹.

В рассматриваемый период появляются первые публикации светского характера, повествующие о местных особенностях ислама. О том, например, что чтился как мусульманский подвижник хан Кучум (в память об этом раз в несколько лет на развалины Искера собирались мусульмане), писал П.А.Словцов²⁰. Н.М.Карамзин, создавая свою «Историю государства Российского», не мог обойти проблему исторического прошлого Сибири, для чего провел анализ летописных источников, выделив Строгановскую «Историю о Сибирской земле и о Царствии», Летопись Саввы Есипова, «Сказание о Сибирском царстве» (сокращенный вариант Есиповской летописи), «Новый летописец» и «Тобольский летописец» С.У.Ремезова. Карамзин выписал «слово в слово» из Строгановской летописи: «Бысть в Сибирской стране, на

реце Ишиме, некто Магометова закону царь, именем Ивак²¹, родом татарин»²². Повествуя о периоде присоединения Сибири в девятом томе своего труда «История государства Российского», Н.М.Карамзин описывал последнее сражение за Искер: «Ермак, Иван Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицание: с нами Бог!, а слепой Кучум, стоя на горе с имамами, с муллами своими, кликал Магомета для спасения правоверных»²³.

Исключительное место в отечественном исламоведении принадлежит Ч.Ч.Валиханову — выпускнику кадетского корпуса в Омске. Его труды знаменуют возрождение научного интереса к истокам культуры тюркского населения, что характерно было для периода «мусульманского Ренессанса». Написав немало работ по мусульманской культуре, в том числе и в Сибири²⁴, Ч.Ч.Валиханов одним из первых зафиксировал, например, бытование среди сибирских татар шаманов — «камь»²⁵. Но Ч.Ч.Валиханов выступал не только как наблюдатель, замечая о сути «Жами атауарих», повествовавшей о событиях периода присоединения Сибири к Русскому государству: «По своему изложению эта книга также замечательна. Здесь басен менее, нежели в Абулгази²⁶ и Шейбанинамэ. Начало и слово Борису²⁷ написано языком очень понятным и довольно витиевато, во всяком случае, это замечательный памятник татарской панегирики»²⁸. Позже Омский кадетский корпус закончил и Г.Е.Катанаев, рассмотревший в своих многочисленных публикациях как вопросы присоединения Сибири, так и особенности современной ему религиозной ситуации в среде казахов и сибирских татар²⁹. В Омске жили, служили и учились многие люди, внесшие вклад в востоковедение и исламоведение: Н.С.Джетбысбаев, Г.А.Колпаковский, Л.Г.Корнилов, М.В.Певцов, А.П.Проценко, А.Г.Серебрянников, Н.Ф.Ситняковский, М.А.Терентьев³⁰ и др. Это объясняется и определенной востоковедческой традицией, заложенной созданием Азиатской школы. В созданной при штабе Омского военного округа типографии выходили труды, которые, хотя и косвенно, но имели отношение к изучению ислама в российских пределах и на сопредельных территориях, как, например, работа С.А.Щепихина³¹. Созданное в 1882 г. в Омске Степное генерал-губернаторство охватывало своей властью обширное пространство Акмолинской и Семипалатинской областей, где первое время действовало

«Степное уложение» 1868 г., регулирующее и вопросы духовной жизни.

В работах отечественных ориенталистов середины XIX в. А.К.Казим-Бека, Н.В.Ханыкова, Н.Е.Торнау, к сожалению, не анализировались процессы, происходившие в Сибири, хотя, несомненно, они имеют большое значение при изучении истории ислама в России.

В деле исламизации сибирских татар, как уже говорилось выше, велико было значение миссионеров, прибывавших из других регионов арабского мира. Истовое почитание миссионеров как святых настораживало немногих местных образованных мулл, поскольку первый столп ислама гласит: «Нет Бога кроме Бога и Мухаммед — его пророк», т.е. не допускаются иные авторитеты. Редко, но издавались за рубежом, в основном в странах арабского мира, книги, касающиеся ислама в России, но о Сибири они писали, в основном, только в связи с распадом Золотой Орды³². В своей книге «Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края» во II и III главах Т.А.Догуревич, подробно описывая быт, нравы, религии, историю христианизации народов Западной Сибири со времен Ермака (XVII—XIX вв.), показывает причины сохранения здесь языческой религии, трудностей миссионерской деятельности, подводит некоторые итоги миссионерства к концу XIX в.³³

Стоит остановиться на впечатлениях особой группы миссионеров — выходцев из мусульман — И.Петрова, Г.Волкова, В.Мрзяева. Например, разъездной священник И.Петров в «Путевых заметках» и других материалах освещал проповедническую деятельность за шесть лет, подробно описав религиозное состояние татар, встречи с мусульманскими лидерами³⁴. О том, что не всегда крещение бывших мусульман заканчивалась успехом, писал М.Патрушев, который упомянул о «беседе со старокрещеным татаринном, который отпал от православия в мухамеданство и проходит государственную службу в Тюмени»³⁵ и т.д.

Политика Русского государства среди инородческого населения сибирского края вообще и татар в частности довольно широко освещена в трудах краеведов. Немалое число исследователей писало о периоде присоединения края к Сибири, отчасти касаясь

вопросов исповедования тюркским населением исламской религии³⁶. В 1818 г. Г.Спасский фиксировал, что каждый год (в мае и сентябре) татары собираются на месте разрушенного Искера для поминовения погибших и «поклонения погребенным здесь святым»³⁷. Уроженец Ишима П.П.Ершов пошел значительно дальше в осмыслении событий прошлого. Собранные им предания легли в основу поэмы «Сузге», которая в литературном отношении уступает «Коньку-Горбунку», но гораздо более существенна для осмысления. Предыстория вопроса такова: П.А.Словцов³⁸ зафиксировал переход исторических личностей и преданий в разряд почитаемых героев и сакральной истории. Об этом, в частности, свидетельствует поминовение хана Кучума на Сузгуне — средневековом татарском городище — окрестным мусульманским населением. В ответ на призыв П.А.Словцова (явившийся результатом его раздумий при «видении весны» 27-го мая 1830 г. на Сузгуне и прозвучавший со страниц его «Прогулок вокруг Тобольска») «заняться краеведением» первым откликнулся вернувшийся в Сибирь из Петербурга П.П.Ершов. Сам П.П.Ершов стал своеобразным «результатом» соединения сибирской традиционной культуры (основанной на переплетении русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур) и европейского образования, примером «золотого века» русской литературы и просвещенного провинциализма. В совокупности в сибирской истории это называется «тобольским типом культуры». П.П.Ершов предпочел «взять в подруги поэзию», и вместе с читателем совершил (в поэме «Сузге») прогулку по историческим окрестностям Тобольска, посетив приметные места Подчеваш, Искер и Сузгун. Ершов в поэтическом рассказе о судьбе Сузге отразил, что для русской культура татар становилась «своей». Любопытно, что в драматической сцене «Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка»³⁹, действие которой происходит, якобы, в Багдаде во времена Горун-аль-Рашида, герой по манере разговора и предприимчивости больше схож с тобольскими татарами⁴⁰.

Художник и краевед М.С.Знаменский в 1881 г. в «Тобольских губернских ведомостях» опубликовал очерк «Прогулка по историческим окрестностям г.Тобольска. Искер», где есть живые свидетельства о сохраняющемся культе почитания легендарных героев прошлого, проведенного с соблюдением мусульманской

обрядности⁴¹. Особое место в становлении исламоведения (в контексте, как нам представляется «провинциального ориентализма») в Западной Сибири принадлежит Западно-Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества, интересы которого распространялись и на сопредельные регионы. Благодаря этому создавалась база более глубоких системных исследований мусульманской тематики, формировался кадровый потенциал. О том, что к деятельности этого объединения проявляли внимание и в Петербурге, свидетельствует рецензия одного из виднейших отечественных специалистов по исламу В.Р.Розена на «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», где в качестве цели ставилась «благородная задача точного, беспристрастного описания современного местного состояния умов и течения религиозной мысли»⁴². А.Е.Крымский публикует книгу «Мусульманство и его будущность»⁴³.

Создавались условия и для появления новых подходов и концепций. Одной из таких была теория областничества. Еще в 1886 г. «Московские ведомости» обвиняли газету, издаваемую Ядринцевым в «духе сепаратизма». О роли бухарцев в распространении и укрепления ислама среди сибирских татар Н.М.Ядринцев писал довольно часто. В частности, он отмечал, что «во все времена Средняя Азия снабжала Сибирь своими проповедниками: ходжами, муллами»⁴⁴. Издаваемая Ядринцевым газета «Восточное обозрение» «имеет большое сходство с крымской татарской газетой Гаспринского “Переводчик” и мало носит на себе характер русского литературного органа... “Восточное обозрение” всегда с особым удовольствием давало место на своих страницах тем статьям, которые всеми силами защищали, обеляли и даже ставили на известную высоту ислам и ламаизм. Мусульманскую окраску придавали ей статьи, подобные статьям Искандер-Мурзы и разных других лиц, укрывавшихся под разными псевдонимами»⁴⁵.

Н.П.Остроумов в серии книг дал объективную картину положения ислама не только в Средней Азии, но и в целом по России, осветив и зарубежные проблемы⁴⁶.

В.В.Бартольд, которого отличала высокая степень конфессиональной толерантности как в жизни, так и в науке, особо подчер-

кивал то обстоятельство, что Россия «наложила на себя ответственность решать судьбу многих миллионов русско-подданных мусульман»⁴⁷. Бартольд отметил идентичность конфессионального и этнического, сложившуюся у отечественных мусульман, что нашло отражение в Переписи 1897 г.

С.К.Патканов в конце XIX в. писал, что «усиленное распространение мусульманской веры здесь началось в XVII в. и продолжалось до начала XVIII в., когда не только все татары Тобольского округа уверовали в пророка, но и часть остяков и вогулов. Не всюду, впрочем, и инородцы-язычники охотно принимали навязываемую им новую веру (ислам. — *А.Я.*) а иногда с оружием в руках отстаивали своих богов, как, например, татары, проживающие по Среднему Иртышу, в пределах нынешней Карагайской волости. Успехам распространения мусульманства способствовало переселение в Тобольский округ большого числа бухарцев и других среднеазиатских выходцев... Эти успехи, однако, вовремя были остановлены великим просветителем Сибирского Севера Филофеем Лещинским, который в два года обратил в христианство народы, живущие по Конде, по нижнему Иртышу и по Оби. Ему же удалось, правда, ценой больших трудов, привести в лоно христианской церкви и тех вогулов и остяков, а также татар Туринского округа, которые незадолго до этого были обращены в магометанство благодаря стараниям ревностных мулл.

С тех пор прошло уже 170 лет, но случаи присоединения значительного числа магометан к православию, за исключением лишь одного (случая. — *А.Я.*), в данном крае не повторились»⁴⁸.

Религиозный образ жизни, вопросы богословия и духовного развития народа находят отражение в народном творчестве, являются объектами большого внимания татарских ученых, просветителей. В творческой деятельности таких ученых-просветителей как Г.Курсави, Ш.Марджани, К.Насыри, Р.Фахретдинов, М.Бигиев вопросы духовного развития народа тесно связываются с его религиозным мировоззрением. Некоторые из них внесли большой вклад в развитие татарской богословской литературы. Ш.Марджани, которого В.В.Бартольд называл «основоположником прогрессивного направления среди татар»⁴⁹, а другие — «отцом татарской истории», в своих произведениях в комплексе исторических аспектов татарского населения России много места

уделяет религиозным воззрениям народа, описанию содержания работы мусульманских учебных заведений (медресе), указывая на низкий уровень в них учебного процесса, отсталость в смысле образования мусульманских священнослужителей, которые ратовали в основном за старомодные учебные заведения, кадилизм. В своем произведении «Источники по истории Казани и Булгара» в главе о начале самоуправления мусульман России, первым муфтием Оренбургского Мусульманского Духовного Собрания (1778) автор называет выходца из Поволжья Бурундукова, впоследствии наследники которого являлись священнослужителями и в Тюменском крае⁵⁰. Ш.Марджани и Р.Фахретдинов выступали за возрождение и развитие мусульманского образования, передаче знаний по таким дисциплинам, как право, хадисоведение, риторика, лексикология и морфология арабского языка⁵¹. В эпоху, когда мусульманское духовенство боролось с новыми веяниями демократической мысли, видный татарский ученый-просветитель К.Насыров вопреки всем препятствиям упорно работал в русле пропаганды и популяризации новых знаний среди народа. Его книга «Образцы народной литературы казанских татар» (1896), которая была высоко оценена Н.Катановым, является одним из первых произведений просветительского движения у татар⁵². Народные представления составляют основу литературного творчества татарского народного поэта Г.Тукая, каждое произведение которого являлось рупором передовой мысли. Он, как и К.Насыри, был озабочен низким уровнем содержания обучения в мусульманских учебных заведениях. В начале 1907 г. он уходит из медресе и, ведя борьбу с религиозным фанатизмом, духовной отсталостью, пишет произведение «О чем говорят шакирды, покинувшие медресе», в котором бичует систему обучения в медресе, где много места отводится зубрежке догм шариата и привитию навыков осуществления религиозных ритуалов, и призывает татарскую молодежь «в счастье и в беде ... народу помогать в труде»⁵³. В произведениях татарского писателя-просветителя Г.Исхакий отражены религиозные воззрения татар, роль медресе как источника знаний и хранителя религии. Будучи активным участником движения джадидизма, он указывал на несоответствие учебно-воспитательных порядков в медресе требованиям времени: «одними проповедями и заклинаниями невозможно

поднять культурно-общественную жизнь татарской нации на уровень передовых народов»⁵⁴.

Становление российского исламоведения приходится на рубеж веков, когда, с одной стороны, формируется толерантная позиция светских ученых; с другой стороны — российские мусульмане оказываются в орбите новых социальных идей, и прежде всего, джадидизма. Именно с идеями джадидизма согласуется первое в тюркской историографии монографическое исследование «Себер тарихи»⁵⁵ («История Сибири») Хади Атласи. Он первым обобщил известные в то время материалы и проанализировал источники, с горечью отметив: «...что до наших тюркских ученых, то они никогда не писали, да и теперь молчат, о великих делах славных предков, игравших в мировой истории выдающиеся роли. Во всем мы плетемся в хвосте: как вовремя не получила наша замечательная нация многих полезных знаний по культуре, точно так же по причине собственной нерасторопности навсегда утраченными для нас оказались полезные и яркие страницы истории»⁵⁶.

Говоря о первоначальном этапе распространения ислама, Хади Атласи писал: «Мусульманские миссионеры, ученые-теологи прибыли из Бухары и терпеливо внедряли учение ислама в языческий край. Однако местные жители нередко ловили этих людей и приносили в жертву своим богам. Мусульманская вера распространялась с большим трудом. Сделавшись ханом Сибири, Кучум с самого начала взялся за дело со всей серьезностью», но «в дальних от Искера землях, куда мусульманским ученым проникнуть не удалось, народы так и остались язычниками; даже некоторые племена татар на Иртыше»⁵⁷.

Работавший в Уфе в Духовном управлении сибиряк А.Г.Ибрагимов в речи на III Всероссийском мусульманском съезде говорил: «Единство /иттихад/ — это основная политика нашей религии, братство — самая определенная основа»⁵⁸.

Н.Катанов перевел и опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» и в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» рукописи «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев в Западной Сибири», пролившие свет на неизвестную историю распространения здесь ислама. В них повествуется о борьбе основателя Ордена мистиков «Накшбандия»

имана ходжа Багаутдина против тюркских племен Прииртышья с целью обращения их в единоверие⁵⁹ (ислам. — А.Я.).

Владея обширным кругом письменных источников по истории народов Ближнего Востока, В.В.Бартольд написал ряд оригинальных трудов по истории ислама и Арабского Халифата, которые собраны в VI томе его «Сочинений». В научно-популярных очерках «Ислам», «Культура мусульманства», «Мусульманский мир» и других, опубликованных в 1918—1922 гг., Бартольд рисует широкую картину исторической обстановки, характеризует эволюцию мусульманского учения в основных чертах. В трудах Бартольда региональные аспекты ислама в Сибири специально не рассматриваются, но его исследования и научные положения в методологическом плане имеют большое научное значение⁶⁰.

В советский период исламоведения фактически существовали две традиции: «академическая», представленная В.В.Бартольдом, И.Ю.Крачковским, А.Е.Крымским, Батунским, и «атеистическая», связанная с идеологией воинствующего научного атеизма и, соответственно, определявшаяся партийными и советскими органами. А их политика, в свою очередь, зависела от изменяющегося стратегического курса и тактических задач на том или ином историческом этапе. Характерным примером являются «Очерки панисламизма и пантюркизма в России» и «История ислама в царской России»⁶¹ или воинствующая атеистическая литература, изданная в регионе. Из немногих советских ученых, обращавшихся в 1920-е гг. к истории Сибири и ее «исламской составной», выделим С.В.Бахрушина, обнаружившего новые источники — «ясачные книги», «шерти»⁶². Следуя Н.М.Ядринцеву, изучавшему историю колонизации Сибири, С.В.Бахрушин отмечал, что еще до пришествия войска Ермака у Сибирского ханства были прочные связи с Казанью и Бухарой⁶³. Приоритет в исследовании истории ислама, после сложившихся востоковедческих центров — Москвы, Ленинграда, Ташкента, принадлежал Казани. Археологи изучали этногенетические связи тюркского населения, исследуя и памятники мусульманской культуры⁶⁴. Касаясь этнографии, отметим, что доисламским верованиям в культуре сибирских татар были посвящены многие работы Ф.Т.Валеева⁶⁵.

Период распада Золотой Орды нашел отражение в определенном количестве работ, изданных с 1950-х гг.⁶⁶ После учиненного

в 1944 г. «разгрома» эпоса «Идигей» долгие годы в среде тюркологов сохранялось опасение в обращении к подобным источникам и их осмыслению. В этом смысле М.А.Усманов внес важный вклад в исследование источников по истории сибирских татар⁶⁷. Интересно его исследование перевода исторического произведения Рашид эд-Дина «Сборник летописей»⁶⁸, который в 1602—1605 гг. написал Кадыр Али-бек.

В Западной Сибири же при отсутствии кадров традиция исламоведения вообще оказалась прерванной. Только в отдельных работах историков и краеведов «присутствовали исламские сюжеты»⁶⁹, но это не являлось их целью. Так, в статье Г.И.Еремина на основании отдельных религиозных явлений (например, доисламских верований) ставится вопрос о сложности этногенеза западносибирских татар⁷⁰. Существенный прорыв в тюркологии и мусульмановедении региона принадлежит созданной Н.А.Томиловым школе. Понятия о доисламских пережитках у сибирских татар, «перекочевавших» в область народных знаний о душах людей и животных, «духах-хозяевах», родовых и семейных хранителях, почитаемых животных отражены и в статье Н.А.Томилова «Основные тенденции этнокультурных процессов у коренных народов Тоболо-Иртышского региона на современном этапе»⁷¹. Им же рассматривается похоронная обрядность в XVI—XX вв. у сибирских татар: места захоронения, надмогильные сооружения, одежда покойника, способы захоронения, поминки по умершему, способы захоронения и обрядность умерших неестественной смертью⁷².

В изданных в 1960-е гг. работах по истории «сибирских бухарцев»⁷³ впервые после долгого перерыва стало обращаться внимание не только на этногенетические, но и на культурные связи Средней Азии и Сибири, о религиозной составляющей этих связей говорить было «не принято». Это прослеживается и в работах сибирских ученых, написанных в 1960 гг. 1970-е — середина 1980-х гг. не отмечены особыми открытиями и яркими публикациями, освещающими историю ислама в Западной Сибири. В.В.Каргалов провел в одной из своих статей мысль о том, что завоевание Сибири носило лишь оборонительный характер от «мусульманских захватчиков» (извне. — А.Я.)⁷⁴. В этот период начала складываться традиция изучения «сибирского ислама»,

органично «выросшая» из тюркологических школ Казани и Омска. Их лидеры — Ф.Т.Валеев и Н.А.Томилов — иногда объединялись. Так, в 1980—90-е гг. они опубликовали ряд работ по истории сибирских татар, где вместе с вопросами этногенеза, хозяйственной и культурной жизни освещены вопросы религиозных отношений татар сибирского региона⁷⁵.

Увеличился и интерес к истории различных конфессий. Появились работы, посвященных феноменам исламской культуры в регионе⁷⁶. К одной из первых библиографических работ, относящихся к этой проблематике, отнесем указатель, посвященный сибирским татарам (где есть и исламская тематика), подготовленный С.В.Федотовой⁷⁷.

1990-е годы — это начало нового этапа в сибирском исламоведении, связанного с празднованием 600-летия распространения ислама в Сибири. В 1994 г. была опубликована работа патриарха сибирской тюркологии И.Б.Гарифуллина, в которой на основе известной публикации Н.Катанова «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против иноверцев в Западной Сибири» и преданий рассмотрены вопросы проникновения ислама в сибирский регион, опубликован список первых миссионеров и их астана⁷⁸. С 1994 г. в сибирском регионе — Омске, Тюмени и Тобольске — проходят научно-практические конференции и симпозиумы⁷⁹, имеющие принципиально важное значение для изучения истории ислама в регионе. Проблеме «начальной истории ислама» в Сибири были посвящены доклады А.Г.Селезнева и Н.А.Томилова, которые проследили процесс развития религиозных верований тюркских племен с древнейших времен до сегодняшних дней⁸⁰; В.И.Соболева, который сделал вывод, что распространение ислама в этом крае прошло в несколько этапов⁸¹; Ш.К.Ахметовой, высказавшей предположение о 1514 г. как дате принятия ислама казахами в сибирском регионе⁸²; Ф.С.Сайфуллиной о наличии в фольклоре легенд и преданий, посвященных жизни, деятельности, верованиям шейхов и их мавзолеем⁸³; И.В.Белич⁸⁴, В.А.Зах⁸⁵, Р.Г.Балтанов⁸⁶, Ф.Х.Гильфанова пишут о формах проявления религиозности населения⁸⁷. Доисламские верования тюркских племен и их религиозная жизнь в Средневековье довольно подробно рассматриваются казанским историком Г.Л.Файзрахмановым в книге «История сибирских татар с

древнейших времен до начала XX в.»⁸⁸, где подробно рассматриваются особенности внедрения ислама. Проблемы формирования верований у тюрков в западно-сибирском регионе в XV—XVI вв. освещаются в работе А.Г.Селезнева и И.А.Селезневой «Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма»⁸⁹. В книге рассматриваются основные элементы традиционного мировоззрения сибирских татар, образы народного ислама, символика погребального обряда, в научный оборот вводятся оригинальные полевые этнографические материалы, освещается проникновение ислама в сибирский регион, уточняется роль ислама в отдельных позднезолотоордынских татарских государствах в XV—XVIII вв. В первую очередь имеются в виду вопросы проникновения и распространения ислама в Тюменском (Сибирском) ханстве⁹⁰. Подчеркивается дискуссионность даты проникновения ислама в западносибирский регион и ограниченность его распространения, более низко оценивается уровень реальной исламизированности тюрко-татарских обществ в Сибири в XVI—XVIII вв. Изданные к тому времени новые исторические источники⁹¹ позволили и В.В.Трепалову утверждать, что трон Джучидов (Шибанидов) в Сибири в большей степени держался на ногайских штыках: «...мусульманизация улуса Джучи развернулась под эгидой Эдиге, который проводил активную конфессиональную политику»⁹². В статье «Миссионеры ислама в сибирско-татарском фольклоре» ученые Тобольского пединститута Р.А.Вафеев и Ф.С.Сайфуллина рассматривают записи Н.Катанова «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против иноверцев Западной Сибири» как важный источник для определения даты проникновения ислама в сибирский регион. На основе полевых материалов студентов института они повествуют о чудесах и тех таинствах, которые происходят в местах захоронений святых шейхов, о которых народ сложил легенды, передающиеся из поколения в поколение. В статье приводятся некоторые из этих легенд и преданий⁹³.

В статье И.Б.Гарифуллина «Кучум и ислам в Сибири» повествуется о проникновении и распространении ислама в Западной Сибири, подчеркивается важная роль Кучума, который ввел в Сибирском ханстве ислам как официальную религию. Вместе с тем, в статье указывается, что Кучуму не удалось в период своего

правления ханством охватить исламизацией все тюркоязычное население края. Недостаток мусульманских священнослужителей, отдаленность некоторых татарских поселений, укоренившиеся привычки части населения к идолопоклонству не дали возможности осуществить исламизацию всего населения повсеместно и в кратчайший срок⁹⁴.

Публикуются статьи о влиянии русского народа на культуру татар⁹⁵. Р.К.Уразметова помимо общемусульманских праздников (Ураза, Курбан-байрам и др.), проводимых по скользящему лунному календарю, довольно подробно рассматривает у сибирских татар местные, приуроченные к определенному циклу. Автор подчеркивает неоднородность обрядов и праздников годового цикла у сибирских татар, что связано со спецификой этнической истории населения этой территории. Отмечено также, что в традиционной обрядности сибирских татар наблюдалась большая сохранность древних языческих черт, чем в праздниках и обрядах волго-уральских татар⁹⁶.

В статье Ф.Б.Гарифуллина рассматривается мусульманская эмиграция в странах Юго-Восточной Азии, называются имена богословов, которые возглавляли мусульманские общины. Указывается также численность мусульман и количество мечетей, построенных в этих странах⁹⁷.

З.Н.Сокова считает, что религиозность среди сибирских татар является способом «духовной консолидации нации». По данным социологических опросов 2001 г., 48,5% татар, проживающих на юге Тюменской области, считают себя «верующими», 78—79% отмечают мусульманские праздники Курбан-байрам и Ураза-байрам. В статье отмечено противостояние верховных муфтиев Г.М.Бикмулина и Н.Аширова, которое не способствует консолидации татарско-исламского сообщества, созданию для мусульман «единого мусульманского пространства»⁹⁸.

Некоторые исторические аспекты религиозных верований татар сибирского региона, проявления у них традиционных обрядов нашли отражение в сборнике статей, изданном институтом истории АН РТ в 2002 г. Автор статьи «Искерское княжество тайбугитов (XV—XVI вв.)» А.Г.Нестеров, рассматривая исторические аспекты появления ислама в Сибири, считает, что распространение ислама в Сибирском княжестве в середине XVI в. только

начиналось. «Вероятно, правители государства считали себя мусульманами, — пишет он, — население же, в том числе татарское, сохраняло древние языческие верования. Активных распространителей ислама среди тайбугидских правителей не нашлось». Специфический облик духовной культуры татар сибирского региона прослеживается в статье Ф.Л.Шарифуллиной «Особенности традиционной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей». Она рассмотрела по Тюменской области свадебный обряд татар, расселенных в заболотной части региона, где население отличается наличием «древнетюрского субстратного слоя», угорского и самодийского, и отсутствием бухарского и казанско-татарского компонентов. Для этой группы татар характерна высокая степень эндогамии. В статье подробно описываются ритуалы сватовства, свадьбы в селах Заболотья и специфические черты свадебной обрядности в южной части Тюменской области и в отдельных населенных пунктах Омской области. Делая выводы, автор отмечает относительно высокую степень эндогамии сибирских татар, что обеспечило сохранение устойчивых традиций и особенностей в свадебном комплексе. Интересными являются также типы свадебной обрядности, указанные в статье. Религиозные аспекты свадебной обрядности рассматриваются в статье Ф.С.Баязитовой «Свадебный обряд и его терминология в контексте народно-разговорного языка сибирских татар», в которой на основе систематизированного материала свадебная обрядность связывается с «живой стариной» — сохранившимися в народе реликтами духовной культуры — обрядами, верованиями, магическими действиями и т.д.

Наиболее подробно религиозная жизнь татар сибирского региона в дореволюционный период освещена в монографии Г.Т.Бакиевой «Сельская община тоболо-иртышских татар». Кроме различных функций сельской общины у татар (фискальной, хозяйственной, культурно-бытовой) в работе отдельно рассмотрена ее религиозная функция. Автор на основе широкого круга источников показывает роль татарской общины в решении различных вопросов, касающихся религиозной жизни. На конкретных примерах рассказывается об участии мусульманских священнослужителей в различных делах татарской общины (в решении судебных, других правовых вопросов)⁹⁹. Одному из аспектов

религиозных верований татар сибирского региона посвящена статья Г.И.Зиннатуллиной «Институт знахарства у сибирских татар». Автор отмечает, что в послереволюционный период народная медицина в сельской местности вытеснялась медициной официальной, но институт знахарства вплоть до сегодняшних дней продолжает играть в деревне важную роль. В статье показано, что сибирско-татарские знахари ведут свою родословную от древних шейхов, проповедников ислама, которых в свое время признавали не только как религиозных деятелей, но и как лекарей. В последнее время, по мнению автора, в силу различных причин, в том числе этнического плана, «резко повысился интерес к традиционным способам лечения со стороны широкого круга людей, рассматривающих народную медицину как альтернативу медицине научной». Статья «Роль мусульманского духовенства в жизни сибирских татар в XVIII — начале XX вв.» Ф.С.Усмановой написана на основе трудов И.Юшкова, Е.Зябловского, И.Завалишина¹⁰⁰.

Сообщение И.С.Карабулатовой «Специфика лечебной заговорной традиции сибирских татар юга Тюменской области в современных условиях» рассматривает некоторые способы лечения заговорной традиции (заговор от испуга, сглаза, от злых духов)¹⁰¹. В сообщении М.Н.Тихомировой «Этнические традиции заболотных татар в системе питания» сфера распределения добытой продукции внутри общин связывается с милостыней — «садакой», когда по установленной традиции после удачной охоты и ловли рыбы часть мяса или рыбы раздается родственникам, соседям, одиноким людям. В системе питания приводятся конкретные примеры запретов и ограничений, указываются правила хранения продуктов¹⁰². Национальные традиции сибирских татар, в том числе и обряды, связанные с религиозными верованиями, отражены в статье Г.Т.Бакиевой «Семейно-бытовые функции общины татар Сибири». Многие вопросы взаимоотношений между мужем и женой, а также между родителями и детьми у татар рассматриваются с точки зрения требований шариата, поэтому к регулированию семейно-брачных отношений в основном привлекались представители мусульманского духовенства, муллы¹⁰³.

Во 2 томе своего трехтомного труда «Татары, тюрки — потрясатели вселенной» (История Великих Империй), изданного

в 1997 г. в Набережных Челнах, Р.Н.Безертинов специально осветил «Историю Сибирского ханства» с момента правления Кучума, подробно описав сражение казаков с войсками ханства. Однако, подчеркнув в предисловии книги роль объединяющей народ национальной религии, автор ничего не сказал о религиозных верованиях здешнего народа, о роли Кучума во внедрении ислама в сибирском регионе, очень коротко остановившись лишь на начале деятельности архиепископства по христианизации присоединенного языческо-исламского края¹⁰⁴. В труде Г.М.Давлетшина «История духовной культуры тюрко-татар» важное место отведено проблемам проникновения и функционирования ислама среди тюрко-татар в Поволжье и Приуралье, но ислам среди тюрко-татар в сибирском регионе фактически не находился в поле зрения автора, за исключением общих рассуждений¹⁰⁵. Определенный интерес представляет статья московского ученого Д.Ю.Арапова «Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.)», в которой на основе архивных источников представлена структура мусульманского духовенства в Тобольском казачьем конном полку.

Региональные проблемы истории и современного состояния ислама освещены в трудах Р.А.Набиева «Ислам и государство» (2002), А.Б.Юнусовой «Ислам в Башкортостане» (1994), Л.Ю.Браславского «Ислам в Чувашии» (1997). В книге Р.А.Набиева рассматриваются вопросы культурно-исторической эволюции мусульманства на восточноевропейской территории Российской Федерации в контексте государственно-исламских отношений. Показаны основные этапы трансформации места и роли ислама в различные периоды развития государства и общества. Выделяются проблемы и позитивные процессы современного исламского возрождения в условиях общественных перемен. В книге А.Б.Юнусовой представлен результат комплексного исследования истории распространения и функционирования ислама на территории Башкортостана в X—XX вв., предпринятого на основе широкого круга архивных и опубликованных источников. В книге И.Ю.Братиславского рассмотрена история распространения и функционирования ислама на территории Чувашии, показаны государственная религиозная политика, роль религии в жизни общества. К источникам по истории ислама в Сибири

относятся работы исследователей Д.Ю.Арапова, Т.О.Батыркаева, Н.К.Гарипова, С.М.Исхакова¹⁰⁶. Некоторые материалы по исламу в Петропавловском округе Тобольской губернии имеются в энциклопедии «Северо-Казахстанская область». В частности, в одном из ее материалов говорится, что «в 1795 г. здесь осуществлено каменное сооружение — мечеть на средства генерал-губернатора в качестве подарка Екатерины II мусульманам. Однако стоимость строительства мечети значительно превысила выделенную властями сумму. Ее дополнил местный купец-скотопромышленник Касым. Кроме того, он пожертвовал в пользу правоверных прилегающие к мечети собственные строения под школу. Мальчики из 7 мусульманских семей обучались в ней арабской письменности и чтению Корана. Имя мецената мечеть носит до сих пор. Здание взято под учет как памятник архитектуры. Служба в мечети продолжалась до 1926 г.»¹⁰⁷.

Довольно подробно рассматривается антирелигиозная работа партийных организаций в национальных районах Сибири (1920—1928 гг.) П.Н.Пановым в книге «Из истории партийных организаций Сибири», но деятельность мусульманских общин и борьба с ними в статье не получили отражения¹⁰⁸. Во втором номере сборника научных статей и документальных материалов Тюменского государственного университета «Религия и церковь в Сибири» помещена статья Н.С.Половинкина и А.В.Чернышова «Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае (XVIII — начало XX вв.)». В статье довольно подробно рассказывается о создании учебно-методической и религиозно-просветительской литературы для нерусских народов края¹⁰⁹.

По материалам книги И.Турсынова «Очерки истории казахов Омского Прииртышья» газета «Истина» рассказывает о первой соборной мечети в г.Омске в 1829 г. — через 113 лет после освоения Омской крепости. В статье говорится, что в мае 1823 г. генерал-губернатор П.М.Капцевич отдает приказ командиру Сибирского инженерного округа инженер-полковнику С.А.Булыгину подготовить документы для строительства в Омске мусульманской мечети. Булыгин по плану архитектора Скородумова составил смету на сумму 594 439 рублей, и Сибирский комитет Министерства внутренних дел одобрил просьбу генерал-губернатора и дал заключение: «Комитет, приняв с уважением, что г.Омск

утвержден ныне главным местом области, которой принадлежат все сибирские киргизы, исповедующие магометанскую веру, считает со своей стороны постройку мечети делом полезным и для казны не отяготительным в том случае когда отпуск потребной суммы произведен не в один год вдруг, но рассрочен будет на два или даже на три года». Мусульмане Омска внесли пожертвования на строительство мечети, большую сумму (3 384 рубля) внес и генерал-губернатор П.М.Капцевич. Далее рассказывается о строительстве мечети и говорится, что в 1827 г. залили фундамент и возводили стены до окон, к следующему строительному сезону на Ирбитской ярмарке закупили все необходимые материалы, на стройке работало в разное время до 50 человек, получая за свою работу от 60 копеек до 2 рублей в сутки. Хотя Капцевич уменьшил купол мечети с 5,5 сажен до 4, мечеть выглядела красиво: минарет и купол были окрашены в зеленый цвет. Три золоченых шпиля с шарами завершались полумесяцами из белой жести, они украшали ажурные решетки. В статье пишется, что высота минарета составляла 18 метров, главного купола — 14 метров. Отапливалась мечеть голландскими печами. Для открытия мечети в 1829 г. был приглашен ахун Муххамед Шариф Абдрахманов, который впоследствии завоевал большую популярность среди огромного населения Степного края. Мечеть для многих родителей стала неким гарантом того, что их дети, обучаясь в омских учебных заведениях, не поменяют веру. О роли омской мечети в общественно-политической жизни края говорит то, что в период, когда волнения народных масс в степи усиливались и меры административного воздействия были исчерпаны, генерал-губернатор обращался с просьбой к ахуну Омской мечети успокоить население¹¹⁰.

Во многих монографиях, появившихся в регионе в последнее время, рассматриваются различные страницы истории средневековых государств в Сибири, история и современное положение ислама, исламской культуры¹¹¹, хотя это и не является основной целью этих изданий. Существенная часть прекрасно проиллюстрированной монографии Н.А.Миненко о Тюмени посвящена «исламским страницам» истории этого города¹¹².

Изданные в начале XXI в. региональные энциклопедии включают и статьи, посвященные исламу¹¹³. Отметим Большую

Тюменскую энциклопедию, где размещены принципиальные для нашей тематики статьи¹¹⁴. В частности, в статье «Ислам» указывается, что проникновение ислама в Зауралье было вызвано как стремлением среднеазиатских ханств распространить свое политическое влияние в регионе, так и внутренними социально-политическими условиями, связанными с образованием у сибирских татар самостоятельного государства, формирование которого тормозилось существовавшими в его составе мелкими феодальными владениями и религиозными различиями. Массовая исламизация тюркоязычного населения Сибири связывается с активной конфессиональной деятельностью Кучума. В статье «Джадидизм» говорится о распространении идей модернизации среди татар, джадидизм связывается с просвещением, демократизацией общества. В статьях о конфессиональных учебных заведениях — мектебе и медресе — рассказывается об организации в них учебного процесса. В энциклопедии отдельно включены некоторые сведения о Ембаевском медресе.

Примечания

¹ Атласи Х.М. История Сибири / Пер. с татар. А.И. Бадюгиной. Казань, 2005.

² Там же. С. 11.

³ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 41; Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2002. С. 13—14.

⁴ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004. С. 19.

⁵ Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 3. С. 10.

⁶ Задачи факультета определялись тем, что ученая цель должна занимать его «настолько, насколько это необходимо для приготовления для него преподавателей языков азиатских». (Кононов А.Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960. С. 13).

⁷ Миллер А. История ислама с основания до новейших времен: В 4 т. СПб., 1895—1896.

⁸ Бородин А.В. Сибирская столица. Тобольск, 1998. С. 3.

⁹ Миллер Г.Ф. Описание Сибирскаго Царства и всехъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покорения его Россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фридерикомъ Миллеромъ, исторіографомъ и проф. Университета академіи Наукъ и Соціетета Аглинскаго Членомъ: В 5 кн. СПб., 1787.

¹⁰ Атласи Х.М. История Сибири. С. 14.

¹¹ Миллер Г.Ф. История сибирская. СПб., 1787. С. 44.

¹² Миллер Г.Ф. Описание Сибирскаго Царства и всехъ произшедшихъ въ немъ Дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покорения его Российской державѣ по сіи времена... С. 5.

¹³ Там же. С. 2, 43.

¹⁴ Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 96—97.

¹⁵ Цит. по: Гарифуллин И.Б. Зарубежные путешественники и участники научных экспедиций о сибирских татарах (в помощь изучающим историю Тюменского края). Тюмень, 1995. С. 4, 7.

¹⁶ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилегающей к российской границе по части Кольванской и Тобольской губерний крепостными дополнениями. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1795—1796. Ч. CXV—CXVIII; Домовая летопись Андреева, по роду их, писанная Иваном Андреевым в 1789 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1870.

¹⁷ Пассек В.В. Нечто о сибирских козаках и об Искере // Вестник Европы. 1828. Ч. 160—161. С. 229—232.

¹⁸ Батеньков Г.С. (1793—1863) — уроженец Тобольска. После Отечественной войны 1812 г. и европейского похода в 1816 г. сдал экзамен на звание инженера в корпусе путей сообщения, после чего вернулся в Сибирь, где стал заниматься не только инженерными изысканиями, но и статистическими исследованиями, необходимыми для подготовки государственной реформы.

¹⁹ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961.

²⁰ Словцов П.А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999. С. 29—30.

²¹ В Есиповской летописи Ивак назван Оном, а в Ремезовской — Онсомом.

²² Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Примечания к IX т. СПб., 1845. Кн. III. Ст. 144 [Репринт. М., 1989].

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского Т. IX—XII. Калуга, 1993. С. 156—157.

²⁴ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984—1985.

²⁵ Валиханов Ч. Избр. соч. М., 1986. С. 39.

²⁶ Имелась в виду «Шаджара-и турки» Абу-л-Гази Бахадур-хана.

²⁷ Борису Годунову, которому служил автор «Жами ат-тауарих» Кадыргали Жалаири (Карача).

²⁸ Валиханов Ч.Ч. Соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 159.

²⁹ Катанаев Г.Е. Еще об Ермаке и его сибирском походе (Новые вариации на старую тему) // Записки Западно-сибирского отделения ИРГО, 1893. Кн. 14. Вып. 1; Он же. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII—XVIII столетиях по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых людей // Записки Западно-сибирского отделения ИРГО. 1893. Кн. 14. Вып. 1.

³⁰ См.: Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь / М.К.Басханов. М., 2005. С. 78, 117, 121—122, 178—179, 196—197, 210—211, 233—235 и др.

³¹ Щепихин С.А. Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Тыловой район. Омск, 1914; Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск, 1913, и др.

³² Например, Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах. Аджаиб ал-Мак дур фи ахбар Тимур. Каир, 1305/1887—1888. С. 63.

³³ Догуревич Т.А. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края / Т.А.Догуревич. СПб., 1897. С. 167.

³⁴ Петров И. Из поездки Тобольского миссионера в Казанскую губернию. Казань, 1904; Он же. Путевые заметки священника за 1909 г. Тобольск, 1911.

³⁵ Патрушев М. Из дневника диакона Михаила Патрушева. Тобольск, 1907. № 14. С. 407—411; № 15. С. 428—433; № 16. С. 470—474.

³⁶ Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1—2.

³⁷ Спасский Г. Собрание исторических, статистических и других сведений о Сибири и странах сопредельных оной // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 1. С. 28—30.

³⁸ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1836.

³⁹ Ершов П.П. Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка // Сборник литературных статей, посвященных памяти А.Ф.Смирдина. СПб., 1858. Т. 3.

⁴⁰ Большая Тюменская энциклопедия: В 3 тт. Тюмень, 2004. Т. 1. С. 407.

⁴¹ Знаменский М.С. Прогулка по историческим окрестностям г.Тобольска. Искер // Тобольские губернские ведомости. 1881. № 39. С. 5.

⁴² Розен В.Р. Рецензия на «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Омск, 1888 Кн. X. // Записки Восточного общества. 1889. Т. 4. С. 419.

⁴³ Крымский А.Е. Мусульманство и его будущность. М., 1898. С. 105—106.

⁴⁴ Ядринцев Н.М. Сочинения. / Под ред. С.Г.Пархимовича. Тюмень, 2000. Т. 2. Сибирские инородцы, их быт, современное положение. С. 336.

⁴⁵ Миропиев М.А. Современное движение среди русских инородцев // Положение инородцев в России. СПб., 1901. С. 66—67.

⁴⁶ Остроумов Н.П. Исламоведение. Ташкент, 1912—1914.

⁴⁷ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи. С. 12.

⁴⁸ Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Вып. X. Ч. 1. С. 62.

⁴⁹ Бартольд В.В. Факты по истории ислама и Арабского халифата. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 133.

⁵⁰ Марджани Ш.Б. Источники по истории Казани и Булгара (Мустафал Аль Ахвар фи Ахвали Казан вэ Болгар). Казань, 1899. С. 211.

⁵¹ Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань, 2002. С. 29.

⁵² Ярмухаметов Х.Х. Поэтическое творчество татарского народа. Алма-Ата, 1969. С. 16.

⁵³ Тукай Габдулла. Альбом. Казань, 1966. С. 106.

⁵⁴ Исхаки Г. Свобода в обучении, или Счастливая жизнь в изучении наук // Мирас. 1996. № 7—8 (56—57). С. 59.

⁵⁵ Он же. Исчезновение спустя двести лет // Мирас. 1997. № 2 (63).

- ⁵⁶ Атласи Х.М. История Сибири. С. 11.
- ⁵⁷ Там же. С. 51—56.
- ⁵⁸ Цит. по: Медин ал'ислам. 2005. № 7 (10). С. 7.
- ⁵⁹ Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против иноверцев в Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. IV. № 28. С. 1.
- ⁶⁰ Бартольд В.В. Факты по истории ислама и Арабского халифата.
- ⁶¹ Аршуни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931; Климович Л.И. Ислам в царской России. М., 1936.
- ⁶² Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Сибирские огни. 1927. № 3; Он же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1927 и др.
- ⁶³ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2: Избранные работы по истории Сибири в XVI—XVII вв. С. 93.
- ⁶⁴ Дремов В.А. Краниологические данные о происхождении томских татар // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969; Он же. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979; Он же. Антропологический состав и внешние связи чулымских тюрков по данным краниологии // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984; Левашова В.П. Вознесенское городище Барабинского округа // Советская археология. 1956. Т. 13; Плетнева Л.М. О культурной и этнической принадлежности памятников Томского Приобья V—VIII вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
- ⁶⁵ Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX вв.). Л., 1976. С. 320—331; Он же. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар // Из истории Сибири. Томск, 1976. Западносибирский сборник. С. 244—249; Валеев Ф.Т., Валеев Б.Ф. О реликтах доисламских верований в религиозном мировоззрении западносибирских татар // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 38—40 и др.
- ⁶⁶ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; Spuler B. Die Golden Orda und Russland Schicksal // Saeculum. VI. 1955 и др.
- ⁶⁷ Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 33—96.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1969.
- ⁷⁰ Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири // Вопросы истории СССР. 1972. С. 409, 463.
- ⁷¹ Томилов Н.А. Основные тенденции этнокультурных процессов у коренных народов Тоболо-Иртышского региона на современном этапе // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 49—59.

⁷² Томилов Н.А. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.

⁷³ Зияев Х.З. Урта Осие ва Сибирь XVI—XIX асрлар. Ташкент, 1962; Он же. Средняя Азия и Сибирь (2-я пол. XVI—XIX в.). Ташкент, 1962; Он же. Сибирлик узбеклар (XVI аср. — XIX асрнинг бошлари). Тошкент, 1958; Он же. Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.). Ташкент, 1968.

⁷⁴ Каргалов В.В. Сибирский поход 1483 г. и его последствия // Вопросы истории. 1983. № 11.

⁷⁵ Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX—XX вв. Казань, 1980; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981; Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Казань, 1993; Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996; Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск, 1992.

⁷⁶ Белич И.В. Культовые места сибирских татар как историко-этнографический источник // Тезисы докладов областной научной конференции, посвященной 400-летию Тобольска, «Роль Тобольска в освоении Сибири». Тобольск, 1987. С. 40—41.

⁷⁷ Сибирские татары: Библиографический указатель / Сост. С.В.Федотова. Тюмень, 1991.

⁷⁸ Гарифуллин И.Б. Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. Тюмень, 1994.

⁷⁹ Международная научная конференция «Исламская цивилизация в преддверии XXI в.» (Омск, 1994), Международная научно-практическая конференция «Влияние ислама на культуру народов Сибири», посвященной 600-летию ислама в Сибири (Тюмень, 1995), I Сибирский симпозиум «Сибирские татары. Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск, 1998).

⁸⁰ Селезнев А.Г., Томилов Н.А. Некоторые проблемы изучения ислама в Сибири // Ислам, общество и культура. Омск, 1994. С. 127—133; Томилов Н.А. Ислам и культура Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири: Материалы научно-практической конференции, посвященной 600-летию ислама в Сибири. Тюмень, 1998. С. 13—17.

⁸¹ Соболев В.И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура. С. 140—142.

⁸² Ахметова Ш.К. Глубина этнической памяти (к истории распространения ислама у омских казахов) // Ислам, общество и культура. С. 13—14.

⁸³ См.: Сибирские татары: Культурное наследие народов Западной Сибири. С. 148—149.

⁸⁴ Белич И.В. Цингалинская астана // Сибирские татары: Культурное наследие народов Западной Сибири. С. 18—19.

⁸⁵ Там же. С. 50—51.

⁸⁶ Призывал к возрождению медицинских традиций ислама (правил гигиены, психического самоконтроля, правил здорового образа жизни, диетологии, физиологии, педиатрии и т.д.).

⁸⁷ Гильфанова Ф.Х. Характер и формы проявления религиозности среди мусульманского населения Тюменского района // Ислам, общество и культура. Омск, 1994. С. 50—51.

⁸⁸ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX в. Казань, 2002. С. 81—87, 163—171, 252—256.

⁸⁹ Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.

⁹⁰ Исхаков Д.И. Тюрко-татарские государства XV—XVI вв. Научно-методологическое пособие. Казань, 2004. С. 8.

⁹¹ Клавихо Р.Г. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403—1406 гг.) / Пер. со староисп., предисл., коммент. И.С.Мироковой. М., 1990. С. 144; Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. Алматы, 1992. С. 99.

⁹² Трепалов В.В. История Ногайской орды. М. 2001. С. 565.

⁹³ Влияние ислама на культуру народов Сибири // Материалы научно-практической конференции, посвященной 600-летию ислама в Сибири. Тюмень, 1998. С. 44—46.

⁹⁴ Гарифуллин И.Б. Кучум и ислам в Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири. С. 47—49.

⁹⁵ Валеев Ф.Т. К вопросу о прогрессивном влиянии русского народа на развитие культуры сибирских татар (по материалам второй половины XVII — начала XIX вв.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 25.

⁹⁶ Уразметова Р.К. Современное состояние бытового ислама у татар // Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 2001. С. 88—93; Она же. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников сибирских татар // Сибирские татары. Казань, 2002; Она же. О некоторых результатах изучения бытового ислама у татар Западной Сибири // Сулеймановские чтения — 2004. Материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2004. С. 85—86.

⁹⁷ Гарифуллин Ф.Б. Мусульманские религиозные деятели Урала и Сибири в странах Юго-Восточной Азии (1920—30-е гг.) // Сулеймановские чтения—2004... С. 21—22.

⁹⁸ Сокова З.Н. Ислам и сибирские татары на современном этапе // Сулеймановские чтения — 2004... С. 57.

⁹⁹ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень; М., 2003.

¹⁰⁰ Усманова Ф.С. Роль мусульманского духовенства в жизни сибирских татар в XVIII — начале XX в. // Сулеймановские чтения—2005. Материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2005. С. 164.

¹⁰¹ Карабулатова И.С. Специфика лечебной заговорной традиции сибирских татар юга Тюменской области в современных условиях // Сулеймановские чтения — 2005... С. 86—88.

¹⁰² Тихомировой М.Н. «Этнические традиции заболотных татар в системе питания» // Сулеймановские чтения — 2005... С. 153—154.

¹⁰³ Бакиева Г.Т. Семейно-бытовые функции общины татар Сибири // Сибирские татары. Культурное наследие народов Западной Сибири. С. 123—125.

¹⁰⁴ Безертинов Р.Н. Татары, тюрки — потрясатели вселенной. История Великих Империй. Набережные Челны, 1997.

¹⁰⁵ Давлетшин Г.М. История духовной культуры тюрко-татар. 1999.

¹⁰⁶ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.); Гарипов Н.Х. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII — начале XX вв.: Опыт духовного управления мусульман: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция: весна 1917 г. — лето 1918 г. М., 2003.

¹⁰⁷ Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы, 2004. С. 321.

¹⁰⁸ Панов П.Н. Из истории партийных организаций Сибири // Научные труды Новосибирского пединститута. Новосибирск, 1968. Вып. 24. С. 41—51.

¹⁰⁹ Половинкин Н.С., Чернышов А.В. Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае (XVIII — начало XX вв.) // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1991. Вып 2. С. 14—21.

¹¹⁰ Истина. 2006. Январь. С. 8.

¹¹¹ Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000; Похлебкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII—XIV в. (1238—1598): Справочник. М., 2000.

¹¹² Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004.

¹¹³ Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Т. 1. Салехард; Тюмень, 2004. Т. 1. С. 346.

¹¹⁴ Большая Тюменская энциклопедия: В 3 т. Тюмень, 2004. Т. 1. С. 74, 116—117, 137, 210—211, 391, 425; Т. 2. С. 6, 12, 34, 190, 269—270; Т. 3. С. 97, 104—105, 284, 397 и др.

Глава 3

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ В ОЦЕНКЕ С.В.БАХРУШИНА

С.В.Бахрушин — член-корреспондент АН СССР, профессор Московского университета, один из ведущих отечественных историков первой половины XX в. — сыграл важную роль в изучении Сибири, более 30 лет посвятив исследованию ее прошлого. Крупнейший знаток архивных материалов, он ввел в научный оборот целые комплексы документов, обогатил науку методами изучения отдельных видов источников, одним из первых начал применять новые подходы к изучению колонизационных процессов Зауралья.

В наибольшей степени историка привлекали историко-географические аспекты освоения Сибири. Огромное значение С.В.Бахрушин уделял тем путям, по которым русское население в XVI—XVII вв. продвигалось на восток. Итогом исследования этого вопроса стало несколько блестящих работ по истории колонизации «Закаменной Руси», при написании которых ученый использовал помимо уже известных совершенно новые, ранее не учтенные источники, в том числе картографические — чертежи перепроходцев, создававшиеся по мере их продвижения на восток.

Следует отметить, что посылаемым в Сибирь государевым воеводам и дьякам вменялось в обязанность географическое описание зауральских владений России. Поэтому каждый новый этап «проездов», а тем более основания опорных пунктов во вновь присоединенных областях отмечался соответствующими донесениями и чертежами. Такая отчетность, на взгляд С.В.Бахрушина, является самой точной фиксацией фактов основания сибирских городов и путей проникновения за Урал.

На протяжении XVII в. в Сибири были созданы сотни чертежей. Несмотря на то, что их подавляющая масса терялась в архивах, картографический опыт и практические знания землепроходцев оказали неоценимую помощь при создании первых сводных чертежей и описаний Сибири. Составление самого раннего такого свода С.В.Бахрушин относил к 1633 г. Основанием для

этого вывода послужило упоминание в тексте князя Дмитрия Алачева, ставшего кодским князем именно тогда. Еще одним подтверждением такой датировки, по заключению историка, является то, что посылка ясачных сборщиков на Лену, про которую говорится в росписи к чертежу, началась не ранее 1631 или 1632 г.¹ Впоследствии тобольская администрация этот чертеж положила в основу общей карты Сибири, составленной в 1667—1672 гг.

Карт, составленных первопроходцами Сибири, сохранилось немного, большая часть чертежей и росписей к ним, хранившихся в сибирских архивах, была утрачена, а некоторые уцелели благодаря их изданию в XVII в. западноевропейскими путешественниками, — замечает ученый. Так, благодаря голландцу Исааку Массе, сумевшему собрать сведения о восточной окраине России и о дорогах, туда ведущих, сохранилась русская карта северных берегов Сибири с прилегающими к ним островами, которая вошла в «Краткое описание путей и рек, ведущих из Московии в Сибирь, в Самоедию и Тунгусию», изданное в 1612 г. (на голландском языке)².

К числу особенно ценных картографических источников по истории Зауралья С.В.Бахрушин относил «Чертежную книгу Сибири» С.У.Ремезова. Перу этого известного сибирского картографа и географа конца XVII — начала XVIII вв. помимо «Истории Сибирской», написанной в 1690-е гг. и включающей «Летопись Сибирскую краткую Кунгурскую», принадлежат «Описание о сибирских народах...» и «Чертежная книга Сибири».

Тщательно изучив ремезовское сочинение, С.В.Бахрушин соглашается в его оценке с «отцом сибирской истории» Г.Ф.Миллером, отмечая, что «С.У.Ремезов первым начал планомерно научно изучать прошлое Сибири»³.

В 1696 г. царским указом тобольскому сыну боярскому Семёну Ремезову, к тому времени уже достаточно зарекомендовавшему себя своими трудами по географии, было предписано составить первый атлас зауральской части России. По словам ученого, над этим атласом С.Ремезов трудился пять лет, и работа его вышла далеко за рамки поставленной задачи. С.У.Ремезов в представлении С.В.Бахрушина «создал не просто географический атлас: у него мы найдем и чертежи городов, довольно точные,

насколько можно судить по сверке с документами, и направление главных путей, иногда сведения о зоологических богатствах того или иного уезда; очень тщательно отмечает он местожительство отдельных сибирских народов и наряду с русскими деревнями показывает также «юрты» остяков, татар и других иноземцев»; наконец, тобольский сын боярский «дает и ряд исторических справок, внося на свои карты краткие заметки исторического содержания»⁴. Всего атлас С.У.Ремезова включал более 150 чертежей.

По мнению С.В.Бахрушина, при создании «Чертежной книги» С.У.Ремезов использовал имевшиеся в библиотеке Сибирского приказа многие «географические книги» и «чертежные переводы» сибирских городов, а из архива тобольской съезжей избы почерпнул подробные статистические сведения о Тобольске, начиная с 1638 г.

Собирая сведения для составления атласа, С.У.Ремезов не ограничивался географическими данными, а стремился охватить как можно больший круг сведений; географические изыскания стали тесно переплетаться с историческими, — подчеркивает С.В.Бахрушин. «Не довольствуясь письменными источниками, Ремезов опрашивал всяких “старожилов, памятных бывальцев”, “ведомцев”, “бывальцев в непроходимых местах и каменех безводных”, ... притом опрашивал не только “розных чинов русских людей”, но также “иноземцев, бухар, татар и калмыков и новокрещенных”», — отмечал исследователь⁵.

На взгляд С.В.Бахрушина, Ремезовская летопись является наиболее интересным источником, отражающим ход колонизационного процесса, начиная с зауральской экспедиции Ермака до середины XVII в.

Картографическая деятельность С.Ремезова оказала большое влияние на развитие всей русской картографии той поры. Благодаря работам этого сына боярского более правильные географические представления о Сибири проникают и в западноевропейскую картографию. В частности, изданная в 1704 г. и затем неоднократно переиздававшаяся карта Исаака Идеса была выправлена с учетом ремезовских чертежей из «Чертежной книги Сибири» 1701 г.

Подвергнув тщательному анализу «Чертежную книгу Сибири» С.У.Ремезова, «Список с чертежа Сибирские земли», «Краткое

описание» И.Массы, а также описания «чрезкаменного пути» П.М.Ламантьера и С.Герберштейна и сравнив их с документальными источниками, хранящимися в «Портфелях Миллера», архивах Сибирского приказа, Якутской воеводской канцелярии, С.В.Бахрушин выявил и подробно проанализировал более тридцати речных, морских и сухопутных дорог в Сибирь. Ученый согласился с устоявшейся точкой зрения, что за «Камень» вели два основных водных пути — реки Печора и Кама с их притоками, но Печорский путь признает более древним. Сравнив описание этого пути в «Списке с чертежа Сибирские земли» 1672 г. с документами Сибирского приказа, Бахрушин указывает на неправильное название некоторых рек, упоминаемых в «Списке», а также отмечает, что С.Герберштейн при переводе допустил ошибку в названии волока. Что касается времени, затрачиваемого на Печерский путь, то историк признавал верным расчет времени, имеющийся в «Списке». После издания «Описания Сибирского государства» устаревшая карта Герберштейна была скорректирована по новому географическому атласу.

При описании путей в Восточную Сибирь С.В.Бахрушин помимо «Чертежной книги» С.Ремезова использовал доклад мангазейского воеводы А.Ф.Палицына, сопровождающийся картой, а также «роспись» землям к востоку от Енисейска, составленную енисейским воеводой С.И.Шаховским⁶.

С.В.Бахрушин отмечает большой интерес А.Ф.Палицына к географии Сибири. Основываясь на показаниях служилых людей, ходивших на Лену, а также тунгусских князцов (аманатов), этот мангазейский воевода составил в 1632 г. записку о Лене и о путях к этой «великой реке»⁷. В 1633 г. по приезду в Москву Палицын передал свою роспись и чертеж в приказ Казанского дворца, после чего на Лену была отправлена экспедиция с целью составления подробного описания пути. Результатом этой экспедиции стала карта и к ней «роспись», на основании которых С.В. Бахрушин заключает, что уже к 1640-м гг. пути на Лену были основательно обследованы.

В «Очерках по истории Красноярского уезда в XVII в.» С.В.Бахрушин ссылается на чертеж первого енисейского воеводы Я.Хрипунова, приписывая ему инициативу выбора места для будущего города Красноярска и составление чертежа «...урочищам

и местам, где можно быть в Тюлкиной земле острогу»⁸. Исследователь высказал предположение, что Красноярск — первый город в Сибири, для которого был разработан план строительства.

Для восстановления топографии Красноярска С.В.Бахрушин использовал данные «Чертежной книги Сибири» С.У.Ремезова. Сравнив их с отложившимся в архиве Сибирского приказа кратким описанием острога, ученый отмечает, что чертеж Ремезова не во всем совпадает с документом. Это натолкнуло исследователя на мысль, что летописец петровского времени не был в Красноярске, а для своего чертежа использовал данные из вторых рук⁹.

Помимо чертежных росписей, составленных сибирскими воеводами (которые исследователь считал важными источниками по освоению восточной окраины), С.В.Бахрушин использовал в своих трудах описания дорог и чертежи, составленные русскими путешественниками (указывая при этом, что чертежи русских мореплавателей легли в основу европейской картографии Ледовитого океана), — исследователем Камчатки В.Атласовым, мореходом С.Дежневым, якутским атаманом и землепроходцем М.Стадухиным¹⁰.

Еще одним интересным памятником, содержащим картографические данные, С.В.Бахрушин находил «статейный список» Н.Спафария. В 1675 г. из Москвы «для разведывания путей в Китай» было направлено русское посольство во главе с переводчиком Посольского приказа Н.Г.Спафарием, которому было поручено «провесть всякими мерами» дороги и составить им чертеж, что он и выполнил, создав не только подробную карту пути от Тобольска до Пекина, но и «чертеж Китайского государства»¹¹. По мнению С.В.Бахрушина, «веденный им статейный список пути от Тобольска до Китайского государства явился ценнейшим источником по истории Сибири»¹². Историк неоднократно ссылается на него в своих работах.

Позднее, в 1692 г., Петр I отправил в Китай нового посланника — Э.Избранда, который составил еще одно описание этого пути. С.В.Бахрушин провел детальное сличение «статейного списка» Н.Спафария со списком Избранда и пришел к выводу, что в работе отсутствуют многие ценные подробности, о которых (мы. — С.Р.) читаем в «Китайской книге» Спафария¹³. Однако ученый

признает, что труд Избранда тоже имеет научную ценность, и ссылается на него при написании «Истории якутов в XVII в.»¹⁴.

Впоследствии произведение «иноземца Датской земли» Эверта Избранда использовал голландец Николай Витзен при подготовке к изданию в 1705 г. своего знаменитого сочинения «О северной и восточной Тартарии», которое С.В.Бахрушин относил к числу особенно важных источников по истории Сибири. В представлении ученого труд амстердамского бургомистра «представляет довольно бессистемное собрание географических описаний и справок, легших в основание его превосходных по тому времени работ по картографии Азии»¹⁵. В основу этого труда были положены, с точки зрения С.В.Бахрушина, как уже напечатанные книги (сочинение Исаака Массы), так и выписки из официальных документов, сделанные самим Витзеном, а также рассказы, записанные со слов его знакомых, в частности, знаменитого думного дьяка Андрея Виниуса, стоявшего во главе Сибирского приказа¹⁶.

По заключению ученого, в распоряжении Витзена имелось несколько чертежей Сибири, которые, к сожалению, позднее были утрачены. И в этом, с точки зрения С.В.Бахрушина, состоит особая ценность сочинения Витзена, т.к. в нем сохранилось, хотя и в «голландском переводе, ... очень много не дошедших до нас русских известий о Сибири»¹⁷.

Сравнив карту Избранда с картой из сочинения Н.Витзена, С.В.Бахрушин подверг сомнению замечание голландца, что карта датчанина «большую часть взята из его карты». На взгляд историка, карта Э.Избранда — «более точная, и те ошибки, которые имеются на карте Витзена, здесь исправлены»¹⁸.

Сличив план Красноярска, составленный Витзеном, с ремезовским чертежом города, историк заключил, что рисунок Витзена в его «Noord en Ost Tartarien» является копией с ремезовского, рассчитанной на большую близость к действительности, но по существу не только ничего не добавляющей, но отчасти затемняющей некоторые детали»¹⁹. Исследователь указывает, что голландец допустил несколько серьезных описок, но тем не менее признает труд Н.Витзена «драгоценным собранием материалов» о Сибири XVII в., благодаря которому сохранились некоторые источники по истории Зауралья, не имеющие аналогов на русском языке.

Таким образом, можно констатировать, что в своих исследованиях С.В.Бахрушин часто обращался к картам и чертежным росписям (что почти не нашло отражения в отечественной науке), сохранившимся в различных архивах, считая их ценными источниками по освоению Сибири. «Совершенно очевидно, что составление их (чертежей и карт. — *С.Р.*) шло одновременно с продвижением русских людей все дальше на восток, следовательно, они достаточно достоверно отражают ход колонизационного процесса», — резюмировал исследователь²⁰. Проанализировав все имеющиеся в его распоряжении картографические источники, С.В.Бахрушин пришел к выводу, что именно русские чертежи «раскрыли перед Западной Европой до тех пор неведомый угол Азии», а почти все иностранные карты были основаны на чертежах русских первопроходцев²¹.

Примечания

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 237.

² Там же. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 88.

³ Там же. С. 53. См. также: Бахрушин С.В. Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 19.

⁴ Бахрушин С.В. Г.Ф.Миллер как историк Сибири. С. 19.

⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 33.

⁶ Известный писатель князь С.И.Шаховской, не раз бывавший в Сибири, послал в 1630 г. в Москву «роспись имянную рекам и новым землям и князю, с которых государев ясак збираетца в Енисейский острог», где называет не только «землицы» в бассейне Верхней Тунгуски, но и «землицы, которые живут по Лене реке, конны и оленны», перечисляет тунгусские племена и указывает пути с Енисея на Лену.

⁷ С.В.Бахрушин отмечал, что при составлении проекта А.Ф.Палицын в основном использовал данные военной экспедиции под началом С.Новацкого. В более ранней работе «Исторический очерк заселения Сибири» историк пишет, что данные этой экспедиции использовал другой мангазейский воевода — Андрей Паладен, также предложивший «проект завоевания Лены, приложив нему описание и чертеж пути» См.: Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири. М., 1922. С. 35.

⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 17.

⁹ Там же. С. 101.

¹⁰ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 126.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 181.

¹⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 135.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 101.

²⁰ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 48.

²¹ Там же. С. 157.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СИБИРИ В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ОТЗЫВАХ С.В.БАХРУШИНА

Научное наследие выдающегося историка С.В.Бахрушина, чье имя основательно вошло в советскую историографию, продолжает привлекать исследователей¹. Однако остается неопубликованным ряд отзывов и рецензий ученого, которые, как подчеркивалось на научной конференции, состоявшейся в Нижневартовске 30 октября 2007 г. по инициативе кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета и посвященной 125-летию со дня рождения замечательного сибиреоведа, представляют «историографический интерес как составная часть творчества ученого»². Заметим, что конференция, где были представлены доклады по проблемам источниковедения, историографии, методологии творческого наследия С.В.Бахрушина, о его вкладе в тюркологию и исламоведение, явилась заметным событием в научной жизни региона³.

Основным направлением исследовательского творчества С.В.Бахрушина стало изучение истории Сибири⁴.

Активно сотрудничавший в 1920-е гг. с представителями петербургской школы (особенно тесные деловые и человеческие отношения у него сложились с ее главой С.Ф.Платоновым), С.В.Бахрушин был арестован по так называемому «Академическому делу», сослан в далекий Семипалатинск, затем освобожден. Вскоре он стал членом-корреспондентом АН СССР (1939 г.), а через два года удостоен Сталинской премии (1941 г.).

Уже в начале 1920-х гг. С.В.Бахрушин был признан известным историком Сибири, свидетельством чего можно считать отзыв, составленный М.М.Богословским 20 августа 1924 г., где сказано, что С.В.Бахрушин «пользуется широкою печатною известностью» и уже опубликовал «несколько ценнейших» работ по «русской торговле на Севере и в Сибири». Рецензент отметил, что в последние годы С.В.Бахрушин сосредоточил свое внимание на истории Зауралья и «занят приготовлением обширного труда по истории этого края». Исследование, над которым работал С.В.Бахрушин, признается «ценным», так как, по мнению М.М.Богословского, «до сей поры Сибирь, край, который имеет столь важное значение в настоящей жизни России и которому предстоит еще более важное значение в будущем, совершенно не имеет научно написанной истории». С.В.Бахрушину отдается первенство в разработке сибирской проблематики, он же был признан «пионером, прокладывающим первые, в высшей степени трудные, пути» в этом начинании, который приступил к разбору и изучению «громадного, нетронутого архивного материала, хранящегося во многих архивах»⁵.

В личном фонде С.В.Бахрушина хранятся отзывы, написанные им на труды известных ученых, в том числе для представления своих коллег и учеников к высшей Государственной премии — Сталинской (статус лауреата давал ему такое право).

С.В.Бахрушин, воспринявший все самое лучшее от старой профессуры, представителей двух основных историографических школ (московской и петербургской), сформировался как историк-марксист⁶. С этих позиций он и рассматривал исторический процесс в своих работах. После возвращения из ссылки С.В.Бахрушин составил отзыв на фундаментальный труд С.А.Токарева «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.», называя его «крупным достижением исторической науки»⁷.

Проблемы истории малых народов Сибири и Дальнего Востока занимали С.В.Бахрушина многие годы⁸. Особенно его привлекала история Якутии. Эта тема впервые стала предметом его изысканий еще в 1920-е гг. и являлась составной частью разносторонних научных интересов ученого до последних дней его исследовательской деятельности. Опубликованное в 1927 г. исследование С.В.Бахрушина «Исторические судьбы Якутии» было высоко

оценено⁹. Например, Ф.Г.Сафронов рассматривал его как основу «подлинно научного изучения» истории аборигенов Восточной Сибири.

Отзыв на книгу С.А.Токарева представляет интерес не только с точки зрения историографии, но и является, в некоторой степени, образцом научной полемики по проблемам социально-экономической истории и этногенеза одного из самых крупных этносов азиатской части России, итогом сформировавшихся воззрений выдающегося сибироведа по ряду дискуссионных вопросов истории Якутии¹⁰.

С.В.Бахрушин среди достижений советской историографии выделял изучение прошлого «малых народов нашего Союза, в том числе народов Севера и Сибири»¹¹. Он критиковал своих предшественников за недостаточное понимание общественных процессов, за то, что они, с его точки зрения, рассматривали народы Сибири как «объекты истории, не способные к самостоятельному историческому развитию». Следовательно, проблему «смены общественных формаций» у аборигенов России С.В.Бахрушин рассматривал как главную. В начале XX в. целый ряд исследователей (А.П.Окладников, Н.Н.Степанов, сам С.В.Бахрушин) стал привлекать русский актовый материал XVII в., который ранее рассматривался, по мнению С.В.Бахрушина, «односторонне», вообще «игнорировался» или использовался только для иллюстрации истории «русской колонизации»¹².

Книга С.А.Токарева в плане разрешения заявленных проблем, по мнению С.В.Бахрушина, «занимает совершенно исключительное место и по обилию привлеченных им источников, и по всесторонности, и по глубине затронутых вопросов, и по методу исследования».

Коснувшись источников исследования С.А.Токарева, выдающийся источниковед отметил, что автор «исчерпал все доступные изучению архивные материалы по истории якутов» названного периода. Опираясь на собственный опыт, С.В.Бахрушин главную роль среди исторических источников отводит «челобитным якутов» и «судебным делам по возбужденным им искам», рассматривая их как «ценнейшие»¹³. С.А.Токареву же приписывается «честь» в использовании этих источников в «совокупности»,

«всестороннего и углубленного их изучения»; кроме того, он впервые стал исследовать «так наз[ываемые]¹⁴ ясачные книги».

Оценивая выводы дореволюционных исследователей В.Л.Серошевского и Г.В.Ксенофонтова, С.В.Бахрушин замечает, что они «восстанавливали прошлое якутского народа на основании совершенно ненаучного использования данных якутского эпоса», поэтому допустили «ошибки» и пришли к «фантастическим построениям». С.В.Бахрушин принципиально не соглашался с выводом о наличии у якутов «феодальной монархии». Взгляды на общественное устройство якутов у самого С.В.Бахрушина в некоторой степени трансформировались. Если в работе «Исторические судьбы Якутии» ученый писал о процессе разложения первобытнообщинных отношений, то позднее он пришел к выводу о наличии у них феодальных отношений «с сохранением некоторой патриархальной оболочки»¹⁵, а в отзыве на книгу С.А.Токарева писал о «ведущем значении феодальных элементов в якутском обществе до русского завоевания». Проблема же «смены общественных формаций» называется С.В.Бахрушиным среди «очередных»¹⁶ и, следовательно, является самой главной для советских исследователей.

Применяя системно-сравнительный метод, С.А.Токарев сопоставляет сведения эпоса с письменными источниками, что дает ему возможность получить «ценные выводы». Идя по этому пути, он критически относится и к этнографическому материалу¹⁷, не отрицая его значения для «восстановления общественного строя якутов в древности», но соотносит его с актовым материалом и поэтому «с успехом толкует письменные источники», отделяет «доисторические пережитки в быту якутов от реальных фактов более позднего времени», что позволило ему опровергнуть «неверное и политически вредное представление о господстве родового быта и отсутствии классовой дифференциации у якутов»¹⁸.

С.А.Токареву удалось, применяя «критический» (сам С.В.Бахрушин склонен называть его «историческим») подход к этнографическим сведениям, «показать эволюцию общественных отношений у якутов» и тем самым «научно поставить и рассмотреть исчерпывающе вопрос об общественном строе якутов» в анализируемое время.

Вывод С.А.Токарева (он «справедливо отрицает и родовой строй у якутов, и наличие у них развитого феодализма») рецензент поддержал, но не согласился с тезисом о «ведущем значении феодальных элементов» у якутов до прихода русских. Этому вопросу отведена вторая часть монографии; ее С.В.Бахрушин называет «основной и наиболее важной». Характеристика, данная якутам С.А.Токаревым, по мнению С.В.Бахрушина, — «прекрасная», ценным признается используемый материал, который раскрывает «развитие якутского хозяйства (зарождение ремесла), причем этот вопрос автором рассматривается «не статически»; изучается и вопрос о «возникновении частной собственности на скот и частной собственности (которая, по наблюдениям исследователя, появилась здесь «сравнительно поздно») на землю». Хотя С.В.Бахрушин и призывает считаться с высказанным мнением, но для его подтверждения он призывает провести «дополнительные изыскания»¹⁹.

Используя «методы и теоретические построения классиков марксизма», сопоставляя данные этнографии с ясачными книгами и актовым материалом, по мнению С.В.Бахрушина, соискатель Сталинской премии «блестяще» выявил «пережитки племенно-родового строя» у якутов в XVII в. Главы, посвященные характеристике племен, родов и большой семьи у якутов, «вносят большую ясность» в решение названных вопросов. По убеждению С.А.Токарева, у якутов процесс образования классов шел уже на стадии разложения родоплеменных отношений. Этот процесс (в этом точки зрения рецензента и автора монографии совпадают) не связывается с военными действиями, как утверждали «некоторые из прежних историков», а является следствием развития «производительных сил». С.А.Токаревым подробно исследуется проблема рабства у якутов, дается характеристика взаимоотношений тойоната и якутской общины. Заслугой автора монографии считается «ниспровержение теории родового строя», которая рассматривалась как «незыблемая форма» общественного развития у якутов. Но, как историк-марксист, С.В.Бахрушин в «классовой дифференциации» и видел признаки «классовой борьбы» у якутов в исследуемый период.

Возвращаясь к общественным отношениям, С.В.Бахрушин отмечает, что С.А.Токарев «несколько преувеличил ведущую роль

рабовладения». По мнению рецензента, автор монографии неоправданно большую роль отводил влиянию царизма на «упадок рабовладения» и «развитие феодализма».

Отзыв был просмотрен автором, о чем свидетельствуют пометки, вставки, исправления. Они не носят всеобъемлющего характера, однако в вопросе о рабовладении (принципиальном вопросе) С.В.Бахрушин заменил предложение, где излагается важная мысль. «Во всяком случае, он (С.А.Токарев. — *В.М.*) значительно смягчил свои первоначальные суждения о якутском рабовладении». Вероятно, С.В.Бахрушин хотел видеть некоторую трансформацию взглядов С.А.Токарева и их сближение со своими воззрениями.

Знатор истории якутов, С.В.Бахрушин касается в отзыве вопроса их этногенеза. Теория «автохтонного происхождения», поддержанная С.А.Токаревым, по убеждению С.В.Бахрушина, не является «оригинальной» в силу того, что сторонники «южного происхождения» якутов, в принципе, не отрицают роль влияния на них и народов Севера. Кроме того, С.В.Бахрушин полагает, что С.А.Токарев признает «южные элементы» в этногенезе якутов, но, «может быть, не придавая им достаточного значения». Несмотря на эти расхождения, С.В.Бахрушин признает за С.А.Токаревым «большую роль»²⁰ в разрешении вопроса об окончательном формировании народности в районе Ленского бассейна.

Подводя итоги своих размышлений, С.В.Бахрушин оценивает монографию как «одно из крупнейших течений в советской исторической науке». Оригинальность выводов, системный подход к исследованию различных материалов, привлечение обширного актового материала в книге С.А.Токарева позволило С.В.Бахрушину оценить ее как капитальный труд и высказаться за присуждение его автору Сталинской премии. Содержание отзыва способствует уточнению отдельных вопросов по истории якутов, имеющих принципиальное значение.

Аналогичный отзыв был написан на книгу С.В.Киселева «Древняя история Южной Сибири»²¹ в 1949 г. буквально за несколько месяцев до смерти ученого. С.В.Киселев — один из самых талантливых учеников С.В.Бахрушина — занимался древней историей и археологией Сибири, стал лауреатом Сталинской премии (1950 г.) и членом-корреспондентом АН СССР (1953 г.).

В начале XX в. историей Сибири занималась целая плеяда выдающихся ученых. В центре внимания их были проблемы сибирского летописания, русской колонизации, роль в этом процессе купеческой семьи Строгановых, проникновение иноземцев в Сибирь, пути, проложенные русскими людьми за Урал с XI в., становление воеводской системы управления. Однако оставалось много неизученных вопросов, например, «истории Южной Сибири домонгольского нашествия вообще написано не было никем», — отмечает С.В.Бахрушин. Поэтому книга С.В.Киселева оценивается им как «исключительной важности работа по истории народов СССР»²².

Историю Южной Сибири «совершенно не знали»²³, — пишет С.В.Бахрушин в отзыве, — а предпринимаемые «попытки реконструировать» ее на основе «отрывочных и неясных показаний», зарубежных, прежде всего китайских, источников²⁴, которые, к тому же еще и «произвольно толковали» с привлечением «случайных археологических открытий», не способствовали достижению «научных результатов». Рецензент отдает С.В. Киселеву первенство в написании «последовательной истории Южной Сибири от эпохи неолита» до рубежа новой эры. Примечательно, что в основу исследования были положены результаты многолетних раскопок и документальных изысканий, анализ и сопоставление «археологических материалов с письменными источниками»²⁵.

Ценность многолетней исследовательской работы С.В.Киселева заключалась, по мнению С.В.Бахрушина, в «создании марксистской концепции общественного развития народов Южной Сибири», за что он и был представлен к Государственной премии.

В первой части отзыва указано на «ущербность» буржуазной науки²⁶, в данном случае «археологии», в лице выдающегося ее представителя В.А.Городцова. Буржуазная археология, по мнению С.В.Бахрушина, «ограничивалась изучением отдельных памятников и в лучшем случае на основании случайного материала» делала совершенно необоснованные, «фантастические выводы»²⁷. «Только советские археологи приступили к научной систематизации археологических данных и к построению на их основании научных концепций общественного развития народов в древности, руководствуясь учением классиков марксизма о формациях», — писал ученый.

С.В.Киселеву ставится в заслугу, что он «наглядно показал этапы развития местной южно-сибирской культуры», доказал тезис о «самостоятельности» развития региональной культуры, как выражается знаток истории аборигенов Сибири, «на самобытных местных корнях», хотя не отрицается и роль миграционных процессов. «Этот вывод чрезвычайно важен», — отмечает выдающийся ученый. Далее С.В.Бахрушин предстает в редком качестве археолога, он отмечает основные периоды развития народов южной Сибири в глубокой древности (Андроновская, Афанасьевская, Карасунская, Тагарская культуры), отмечает главные изменения в общественном и хозяйственном строе народов этого региона. Затем кратко прослеживает их трансформацию в более позднее время Сармато-Гуннской, Пазырыкской, Таштыкской, Тагарской эпох. С.В.Бахрушин поддержал мнение С.В.Киселева об «общественном расслоении» у большинства народов обширного региона.

С.В.Бахрушин отмечает, что «все выводы автора построены на тщательном изучении могильных инвентарей и погребальных обрядов». С.В.Бахрушин считает доказанным «основной тезис о самостоятельном архаическом развитии южно-сибирских народов и о преемственности изучаемых им (С.В.Киселевым. — *В.М.*) культур»²⁸.

Общественное развитие способствовало возникновению (как пишет С.В.Киселев, «сложению») государств — Тюркского на Алтае и Кыргызского на Енисее. В этой связи С.В.Бахрушин отмечает значение открытий, сделанных С.В.Киселевым, для «расширения познаний в данной области»; ему удалось «по новому осветить целый ряд вопросов», например, «об удельном весе земледелия в хозяйстве древних кыргызов», до выхода монографии «не правильно» трактовавшемся. Рецензент находит «очень интересными теоретические соображения» исследователя Южной Сибири о «классовом характере» названных государств. К существенным удачам С.В.Киселева отнесено создание «последовательной истории» народов Южной Сибири до образования варварских государств; он же «установил этапы» общественного развития народов, «изучил и этнический состав», следовательно, «внес много нового и ценного» в разрешение этого (этнического

состава народов. — В.М.), как его называет С.В.Бахрушин, «темного вопроса».

«Прекрасно доказанной», с научной точки зрения, мыслью, которую С.В.Бахрушин считает «очень важной», является сделанный в монографии вывод «о тесной связи» перечисленных культур с культурами Восточной Европы. Подтверждением этому является «соседство археологических памятников». «Точно так же устанавливает С.В.Киселев, — отмечает рецензент, — признаки культурной общности Южной Сибири с Восточно-Европейской и в позднейшую эпоху». Обнаружение тесных связей культур Южной Сибири с Восточной Европой разрушило, по мнению С.В.Бахрушина, две буржуазные легенды: первую — «об оторванности Южной Сибири от мировых культурных центров» — и вторую — о «вековой отсталости сибирских народов и неспособности их преодолеть эту отсталость»²⁹.

Сам заинтересованный этнограф, С.В.Бахрушин особое внимание обратил на «очень ценные» сведения, посвященные этногенезу народов региона.

«Заслуживают большого внимания» гипотезы «о происхождении орхонского алфавита» и его связи с «местными тамгами». Рецензент находит «любопытными суждения о происхождении погребальных масок», однако отмечает, что установить полную аналогию с римскими масками С.В.Киселеву «не удалось».

Рассмотренный отзыв показывает, что С.В.Бахрушин зарекомендовал себя знатоком древней истории Южной Сибири. Хотя работ по этому периоду у него нет, но рассмотренный отзыв позволяет констатировать, что данный период древней истории находился в сфере его научных интересов. Выдающийся историк в этом отзыве о книге С.В.Киселева выступает за системное использование данных историографии, археографии, этнографии, археологии.

Указанные отзывы не только свидетельствуют о заслугах ученого, его авторитете в официальных государственных структурах. Это — и новые сведения о малоизвестных страницах его общественной и научной работы, ориентиры новых направлений его исследовательского поиска, который продолжался до последних дней его жизни.

В незаконченной рецензии (в тексте встречается указание на это) на книгу С.В.Киселева С.В.Бахрушин приводит интересную характеристику, данную своей Родине П.Словцовым³⁰, которого он называет «сибирским Карамзиным» (столь высокая оценка его научных заслуг встречается впервые). С.В.Бахрушин обратил внимание, что досоветская историография предпринимала определенные шаги к изучению народов Сибири (как пишет С.В.Бахрушин, уже академическая экспедиция 1733—1743 гг. «обратила внимание на археологические памятники Сибири»³¹), но создать «цельную научную концепцию истории Сибири» не могла. И только после октябрьских событий 1917 г. ученые приступили к «систематическому изучению» Зауралья. С.В.Киселеву рецензент отводит «видное место» среди «советских археологов, работающих над сибирскими проблемами» — на основе марксистской методологии, «руководствуясь учением классиков марксизма о формациях», он впервые написал историю Южной Сибири от неолита до I в. н.э.³² Данные археологии, в частности, изменения в погребальных обрядах, как отметил С.В.Бахрушин, позволили автору исследования «установить этапы социально-экономического развития»³³ народов Алтая и Минусинской котловины.

Важным рецензенту представляется взаимовлияние культур (в том числе восточнославянских и чудских племен), свидетельством чего служат «растительные узоры и звериные композиции», которые господствуют и в армянских, и в грузинских, и во владими́ро-суздальских храмах. Этот стиль, по замечанию С.В.Бахрушина (даже такие детали подмечены исследователем), «восходит к скифо-сарматским прототипам»³⁴. В конце рецензии С.В.Бахрушин пишет, что в монографии нарисовано «широкое полотно до сих пор неведомой истории Южной Сибири», а труд С.В.Киселева считается «громадным достижением советской археологии».

Указав на вышедшие исследования А.П.Окладникова по древней истории приленского и прибайкальского населения, С.И.Руденко о берингоморской культуре, С.В.Бахрушин связывал надежды на «открытие новой страницы» в истории Сибири. С чувством гордости за советскую науку С.В.Бахрушин писал, что «история “страны не веселой” перестает на наших глазах быть неразрешенной и темной загадкой»³⁵. Рассмотренная, вероятно,

не законченная рецензия является важным дополнением к известному отзыву на труд С.В.Киселева, она помогает уточнить отдельные малоизвестные факты творчества выдающегося историка Сибири первой половины XX в. По всей видимости, он задумывал подробную рецензию, где хотел дать анализ и советской историографии, развить выводы, изложенные в отзыве об исследовании С.В.Киселева.

Важным направлением исследования Сибири в творчестве В.С.Бахрушина следует признать локальную историю³⁶. В этой связи ценными представляется его рецензия на работу Н.К.Ауэрбаха и отзыв на книгу З.Я.Бояршиновой³⁷, написанные по просьбе авторов исследований.

К С.В.Бахрушину официально обращались деканат и общественные организации Историко-филологического факультета Томского университета с просьбой дать отзыв на исследование З.Я.Бояршиновой. В ходатайстве отмечалось, что «мнение ученого, пользующегося большим авторитетом и искренним уважением среди самых широких кругов советских историков, тем более существенно для нас, что Ваши советы и указания сыграли столь большую роль в работе Бояршиновой, завершением которого она обязана, прежде всего, Вашему содействию»³⁸. Кроме того, отмечалось, что при «положительной оценке» факультет «считал бы возможным включить т. Бояршинову в список кандидатов 1948 года».

С.В.Бахрушин отметил, что диссертация представляет «ценный вклад в изучение истории Сибири XVII в.», это «удачный опыт локального исследования печатных источников»; сказано, что это, по сути, первая работа такого плана. Особо подчеркнуто, что автор работы применил новый прием (метод) — сочетание анализа «письменных источников» с «археологическими материалами»; по мнению С.В.Бахрушина, это «новый момент в нашей историографии и крупное достижение диссертанта», который «вносит много нового». Отметив ряд недостатков, в основном «технических», С.В.Бахрушин высказал пожелание: в ближайшее время «после некоторой редакционной работы» исследование опубликовать. Указав, что «ни в дореволюционной литературе, ни в советской у нас нет подобной работы ни по одному из уездов Сибири», он рассматривал диссертацию З.Я.Бояршиновой

как значительный шаг в разрешении «ряда сложных вопросов по истории колонизации Сибири в XVII в.».

Существенным вопросом является социальный состав колонизационных потоков. Предпочтение отдается крестьянской колонизации, что и было отмечено С.В.Бахрушиным³⁹ как «правильная» позиция, однако, на его взгляд, не до конца исследован вопрос о роли «беглых помещичьих крестьян из центральных районов», в основном из северо-восточных черносошных. Поддержал С.В.Бахрушин и мнение Н.Н.Оглоблина о роли «гулящих людей», подчеркнув «напрасность» полемики по этому поводу со стороны З.Я.Бояршиновой. Подчеркивается в отзыве и роль монастырской колонизации, которая характеризуется как «хищническая»; примером могут служить земельные захваты Алексеевского монастыря. Таким образом, С.В.Бахрушин рассматривал социальный состав колонизационных потоков комплексно, отводил главное значение в освоении Зауралья деятельности московского правительства.

Знаток воеводской системы не согласился с мнением о поддержке воеводой Бунаковым томского бунта. Нечеткое разграничение полномочий (С.В.Бахрушин пишет о «неясности взаимоотношений») двух воевод приводило к ситуации «сведения счетов» одного с другим, «в целях устранения своего товарища»⁴⁰. Важным замечанием автора отзыва является указание на то, что споры между воеводами «были обычным», «далеко не единичным явлением».

Для С.В.Бахрушина важно решить проблемы общественного строя, восстановить который «труднее всего». Он же указывает на пробел в этом вопросе, допущенный исследовательницей, замечая, что «томские племена не представляли собою однородной массы», и что у тарских племен «процесс феодализации пошел несколько дальше, чем у их соседей». В этой связи автор отзыва советовал обратить «специальное внимание» на томских бухарцев как «часть постоянного населения города Томска».

Высказался С.В.Бахрушин и по вопросу верований коренного населения, обратив внимание на ограниченность указаний З.Я.Бояршиновой на язычество как широкое понятие. Для него важны частности и детали, которые многое могут разъяснить и,

как ему думается, лучшим определением верований в данном случае был бы «шаманизм»⁴¹.

В то же время, по мнению С.В.Бахрушина, «раздел об ясачных людях и служилых людях разработан очень хорошо и полно»⁴².

Отзыв является не только разбором сочинения, рекомендацией о присвоении ученой степени и публикации сочинения. Он конкретизирует и развивает взгляды С.В.Бахрушина по проблемам истории отдельно взятого сибирского уезда, несогласие же по отдельным вопросам, затронутым З.Я.Бояршиновой, свидетельствует не столько о ее промахах, сколько о заинтересованности С.В.Бахрушина локальной историей, требующей системного подхода к анализу всех сторон жизни местного населения: общественной, экономической, культурной, религиозной.

Бесспорно, выдающийся источниковед активно использовал многочисленные данные письменных, этнографических источников по истории сибирских народов, приходил к важным научным выводам, что способствовало созданию им концепции сибирского летописания, становления воеводской системы управления. В этой связи интересен отзыв, написанный на книгу А.И.Андреева «Очерки по источниковедению Сибири. XVII век»⁴³, представленной автором на соискание докторской степени (кстати, не привлекая внимания исследователей).

Еще в начале 1920-х гг. С.В.Бахрушин и А.И.Андреев активно работали над написанием «Очерков по истории колонизации Севера и Сибири», а затем совместно готовили к изданию «Историю Сибири» Г.Ф.Миллера. Отношения у них сложились дружеские, например, в письме С.Ф.Платонову от 15 апреля 1927 г. С.В.Бахрушин просил его передать «большой привет Александру Игнатьевичу»⁴⁴.

11 сентября 1940 г. авторитетный сибиревед написал отзыв на монографию известного исследователя (часть I), где с первых строк И.А.Андреев характеризуется как исследователь, имеющий «исключительные познания архивных материалов по Сибири», который изучил «громоздкое число самых разнообразных памятников по истории географии и этнографии Сибири». Для С.В.Бахрушина важно подчеркнуть, что соискателю при «всестороннем» изучении архивов удалось «открыть ряд источников, которые либо считались потерянными, либо совсем не были известны». Пер-

венство этих открытий С.В.Бахрушин отдает «совершенно неизвестным» чертежам У.Ремезова, в частности, двум чертежам Камчатки, «являющимся первыми картами это полуострова», содержащими «ценные данные» о его работах. Кроме того, И.А.Андрееву посчастливилось «открыть отрывки “Географического описания Сибири”», «отчасти восстановить» «Описание о народах Сибири», а также карту Сибири Виниуса. Названные находки были столь значительны, что рецензент не стал останавливаться «на менее значительных открытиях», которые тоже будут способствовать «расширению кругозора» всех исследователей Сибири.

А.И.Андрееву ставится в заслугу «блестящее разрешение целого ряда вопросов», например, он дал «совершенно точную хронологию картографических и других трудов Ремезова»⁴⁵, установил время написания и «предположительно автора» «Описания новые земли Сибирского государства», «чрезвычайно детально» восстановил историю трудов «отца сибирской истории» Г.Ф.Миллера, сравнил тексты С.П.Крашенинникова и Штеллера, что само по себе, по убеждению С.В.Бахрушина, имеет «исключительную ценность» в разрешении «в высшей степени запутанного вопроса», а «вновь открытые рукописи» позволили по-новому классифицировать сибирские летописи.

Проделанная работа А.И.Андреева характеризуется как «кропотливая и безукоризненно четкая», способствовавшая появлению «чрезвычайно ценного труда» по «актуальным вопросам» нескольких взаимосвязанных проблем: «истории народов Сибири, этнографии Сибири и исторической ее географии».

Отмеченные заслуги позволили С.В.Бахрушину констатировать, что А.И.Андреев «не имеет предшественников» в отношении «источниковедения XVII в.», а его «работы в этой области открывают совершенно новые страницы» в изучении истории Сибири.

Основоположник историографии истории Сибири⁴⁶ отметил, что автор монографии актового материала «почти не касается», а труд, названный «Очерками», «не претендует на исчерпывающее содержание»⁴⁷, однако много внимания уделено материалам картографического и литературного характера, а «сибирские летописные своды», по меткому замечанию рецензента, «изучены совершенно заново» с «исчерпывающей полнотой»⁴⁸.

Совершенно профессионально С.В.Бахрушин отмечает промахи в работе, говорит о своих «разногласиях» с автором. «Общим недостатком», по его мнению, является отсутствие попытки связать изучаемые памятники с «эпохой», с «историческим периодом», к которому они принадлежат. Кроме того, для непревзойденного источниковеда важно определить «ценность того или иного источника» и ответить на ряд принципиальных вопросов: «Чем объясняется усиление интереса к географии, истории и этнографии Сибири в конце XVII в., при Петре I и его ближайших приемниках, наконец, в 1770—80-х годах? Как отражалось общее мировоззрение, господствовавшее в литературе эпохи, на подход к научным вопросам и на ход их разрешения?» На эти вопросы ответа из монографии он не получил. (Отметим, что рецензент с большой ответственностью подошел к составлению отзыва, проявив научную объективность и принципиальность, несмотря на многолетнее знакомство с соискателем). От внимательного рецензента не ускользнули и другие недостатки, например, С.В.Бахрушину представляется, что автор труда «сузил свою задачу», в некоторых местах «формально» исследовал тексты, но маститый историк увидел, что методологические подходы А.И.Андреева положили «конец несколько кустарным и иногда неряшливым приемам изучения исторических текстов», «вводят предельную четкость в ряд вопросов» и устраняют «литературные неясности». Все выводы и утверждения «покоятся на детальном изучении грандиозного архивного материала», поэтому, оценивая труд, С.В.Бахрушин признает за ним «исключительную ценность», приветствует появление первой его части, высказывается за «скорейший» выход второй и «бесспорное право»⁴⁹ А.И.Андреева на ученую степень доктора исторических наук.

Отзыв подтверждает неоднократно высказываемую мысль, что С.В.Бахрушин был выдающимся источниковедом. В.И.Шунков отмечал, что «несмотря на появление новых работ по сибирскому летописанию (к этим исследованиям он относит и труд А.И.Андреева) наблюдения С.В.Бахрушина сохраняют свое значение и интерес»⁵⁰.

Рассмотренные отзывы и рецензии свидетельствуют о важной стороне творческой деятельности С.В.Бахрушина. К нему обращались из Комитета по присуждению Сталинской премии за отзывами на серьезные исследования, которые свидетельствовали,

что проблемы истории Сибири оставались важными и в середине XX в. Сам ученый предстает как знаток многих вопросов истории Сибири, и не только сибирского летописания, ее колонизации и становлении воеводской системы управления. Много внимания в своих отзывах исследователь уделял проблемам древнейшей истории, трансформации общественно-экономических отношений малых народов Сибири, этногенеза, локальной истории. В последние месяцы жизни ученый продолжал строить творческие планы, связывая их со своей основной темой — историей Сибири, где оставалось столько же простора для исследователя, как ее безбрежные пространства. Следовательно, для заинтересованных исследователей в многогранном творчестве С.В.Бахрушина остается еще немало загадок.

Примечания

¹ Солодкин Я.Г. О некоторых трактовках взглядов С.В.Бахрушина на зарождение сибирского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции (Москва, 26—28 января 2006 г.). М., 2006. С. 379—382; Он же. Научное наследие С.В.Бахрушина и некоторые дискуссионные проблемы истории раннего сибирского летописания // Прошлое Западной Сибири: дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения С.В.Бахрушина (Нижевартовск, 30 октября 2007 г.). Нижевартовск, 2007. С. 23—34; Он же. С.В.Бахрушин о летописных источниках «Истории сибирской» С.У.Ремезова (К оценке творческого наследия выдающегося ученого). // Там же. С. 34—42; Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и формирование взглядов С.В.Бахрушина на проблемы колонизации Сибири // Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 77—82; Он же. О программе курса С.В.Бахрушина по истории Сибири // «Aus Sibirien — 2006»: научно-информационный сборник. Тюмень, 2006. С. 78—80, и др.

² Митрофанов В.В. Об отзыве С.В.Бахрушина на книгу С.А.Токарева по истории якутов // Прошлое Западной Сибири... С. 46.

³ География авторов, приславших материалы (Барнаул, Тюмень, Сургут, Ишим, Новосибирск, Омск, Нижевартовск), позволяет говорить о ее Всероссийском уровне. Авторитетные исследователи Л.В.Алексеева, А.С.Иваненко, В.Я.Мауль, О.Н.Наumenko (Бортникова), А.А.Николаев, А.И.Прищепа, Э.М.Рянская, Ф.Н.Рянский, Я.Г.Солодкин, А.П.Ярков и др. представили доклады по дискуссионным и малоизученным проблемам истории, географии, культуры, языкознания.

⁴ Исследователи творчества С.В.Бахрушина подсчитали, что им опубликовано более 40 книг, статей и рецензий по проблемам истории Сибири (однако

точное количество не называется). См.: Шунков В.И. Труды С.В.Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 7; Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 16—17; Шейнфельд М.Б. Методология работ С.В.Бахрушина по истории Сибири // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX—XX вв.). Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 107.

⁵ Архив Российской Академии Наук (далее — АРАН). Ф. 624. Оп. 4. Д. 25. С.Ф.Платонов, выступая с известным докладом на русской исторической неделе в Берлине в 1928 г., назвал С.В.Бахрушина «историком Сибири». Это была оценка ученого перед европейской научной общественностью. См.: Платонов С.Ф. Проблема русского севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 113.

⁶ Иногда это подчеркивание самим С.В.Бахрушиным принимало искаженные формы. Например, в отзыве на исследование З.Я.Бояршиновой он заметил, что сведения и выводы П.Н.Буцинского для советского ученого не могут служить «доказательствами», хотя ранее он использовал его работы «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», «К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск» среди «главных пособий» во время работы над своим «Очерком» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 2211. Л. 10), а позже называл его ученым, который сделал «первую попытку» к «полному и всестороннему изучению» дел Сибирского приказа. Исследования П.Н.Буцинского со всеми их недостатками С.В.Бахрушин оценивал как «крупный шаг вперед в деле изучения сибирской истории» (Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 69). Другой пример: «служилых людей» С.В.Бахрушин предлагал называть «царскими», а не «русскими», чтобы «отделять деятельность русского народа и политики царизма» (что было не всегда оправдано).

⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 507.

⁸ Эти вопросы были предметом исследования в серии его работ: «Туземные легенды в “Сибирской истории” С.Ремезова», «Самоеды в XVII в.», «Исторические судьбы Якутии», «Ясак в Сибири в XVII в.», «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.», «Сибирские служилые татары в XVII в.», «Хозяйство и общественный строй у якутов в XVII—XVIII вв.». Следовательно, на протяжении ряда десятилетий С.В.Бахрушина занимали малоизученные, дискуссионные вопросы истории коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Эти проблемы были не только предметом исследований, но частью учебного процесса. Об этом свидетельствует и разработанная им программа курса по «Истории Сибири». См.: Митрофанов В.В. О программе курса С.В.Бахрушина... С. 78—80.

⁹ Позже С.В.Бахрушин называл себя среди других историков Якутии (АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 507. Л. 2—2 об). Признанием этого следует считать и официальное приглашение ученого Президиумом Верховного Совета, Советом Министров ЯССР, Якутблкомом КПСС на юбилейное заседание 27 августа 1947 г., посвященное 25-летию автономной республики (АРАН. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 5).

¹⁰ Попутно заметим, что С.В.Бахрушин и С.А.Токарев редактировали сборник «Якутия в XVII веке».

¹¹ Начало научного изучения народов Севера С.В.Бахрушин относил в XVIII в., а первыми историками народов Севера считал Г.Ф.Миллера и С.П.Крашениникова; среди историков Сибири им назван А.Н.Радищев (АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 537. Л. 1). Напомним, что С.В.Бахрушин готовил работу «А.Н.Радищев как историк Сибири» (Там же. Д. 154. Л. 1—7 об).

¹² АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 507. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Авторские сокращения в тексте отзыва раскрываются в квадратных скобках. Этому историческому источнику сам С.В.Бахрушин отводил важную роль в характеристике общественно-экономического строя аборигенов Сибири. На ясачные книги обратил внимание задолго до С.А.Токарева сам С.В.Бахрушин, сведения, содержащиеся в них, он использовал при написании статьи «Самоеды в XVII в.», опубликованной еще в 1925 г. Следовательно, приписывание первенства в использовании ясачных книг С.А.Токареву не совсем верно.

¹⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. М. 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 187.

¹⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 507. Л. 1—2.

¹⁷ Сам С.В.Бахрушин также критически и осторожно подходил к использованию этнографических данных. Примером этого служит отзыв о труде З.Я.Бояршиновой, где ученый замечал: «Наоборот, я бы осторожнее пользовался этнографическим материалом XIX в., т.к. не названо, когда и при каких условиях появились те или иные бытовые явления у жителей Томского края». Сам же С.В.Бахрушин активно собирал этнографические сведения, свидетельством чему служит его письмо С.Ф.Платонову, где выражалась благодарность за «сведения о туземном костюме XVII—XVIII вв.», которые он «собирал, в полном смысле, по крупицам». См.: Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и формирование взглядов С.В.Бахрушина ... С. 79.

¹⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 507. Л. 1 об. (с чем полностью соглашается С.В.Бахрушин).

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. В папке, где хранится названный отзыв, имеется и черновой вариант, вероятно, подробной рецензии на этот труд. Во всяком случае, написанный и отосланный отзыв С.В.Бахрушин просил вернуть в копии, что и было сделано 6 февраля следующего 1950 г. членом комитета по присуждению Сталинской премии ученым секретарем комитета профессором В.Кузнецовым. Копия на 4-х листах была приложена к сопроводительному письму на бланке комитета за № р—38 (АРАН. Ф. 624. Д. 488. Л. 1). Неоконченный материал, довольно большой по объему, занимает 6—16-й листы, повторяет в отдельных местах официальный отзыв, но имеет ряд существенных дополнений, хотя в целом характеристика, данная труду С.В.Киселева, подтверждена. Данное обстоятельство говорит, что С.В.Бахрушин намеревался опубликовать развернутую рецензию на книгу, но, вероятно, болезнь не позволила ее закончить.

²² АРАН. Ф. 624. Д. 488. Л. 2.

²³ Еще в XIX в. были предприняты отдельные попытки в этом направлении. См., напр.: «Пособие к написанию истории Забайкалья» (1885 г.) и «Краткий

очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г.» (1887 г.) В.К.Андреевича.

²⁴ В названной программе С.В.Бахрушин среди источников по истории народов Сибири в отдельный блок выделяет китайские источники. См.: Митрофанов В.В. О программе курса С.В.Бахрушина... С. 79.

²⁵ АРАН. Ф. 624. Д. 488. Л. 2. Важность привлечения археологических источников и сравнения их с письменными отмечал С.В.Бахрушин и в отзыве на исследование З.Я.Бояршиновой.

²⁶ В 1920-х гг. С.В.Бахрушина С.А.Пионтковский причислял к «буржуазным историкам» наряду с С.Ф.Платоновым, М.К.Любавским, которые были «историками прежде всего великорусского народа, певцами господствующего прошлого Великороссии, при полном замалчивании истории отдельных национальностей» (Брачев В.С. Феномен С.Ф.Платонова и наша историческая наука // Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 48). Г.Красинский считал С.В.Бахрушина продолжателем традиций «дореволюционной, буржуазной» историографии (Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 80).

²⁷ АРАН. Ф. 624. Д. 488. Л. 2. К серьезным недостаткам дореволюционной историографии С.В.Бахрушин относил использование почти «исключительно нарративных источников (летописи, описания путешественников)» и фольклора, актовый же материал привлекался лишь «в незначительной степени» (АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 537. Л. 2).

²⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 488. Л. 3—4.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Цитату «История страны невеселой, зима среди пестрых нравов и обычаев, без мечтаний славы, без проявления гения, без побед, без политики, история, не выдавшая у себя великих мира, кроме великих изгнанников его, наследовавшая, вместо Эллорских храмов, одни курганы или непрочитанные на утесах писанцы» С.В.Бахрушин использовал, см.: Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3. Ч. 1. С. 68.

³¹ В известных тезисах «Историческое изучение Севера» С.В.Бахрушин указывает другую датировку — 1730—1740 гг. Начало дореволюционного краеведения Сибири С.В.Бахрушин связывал с работами В.В.Крестинина (АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 537. Л. 1).

³² АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 488. Л. 6—7.

³³ Там же. Л. 8.

³⁴ Там же. Л. 15—16.

³⁵ Там же. Л. 16.

³⁶ Свидетельством этому являются «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.».

³⁷ Бахрушин С.В. Рец.: Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея // Сибирские огни. 1930. № 6. С. 127; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. ТомГУ. 1950. Т. 112 (об этом см.: Митрофанов В.В. О связях С.В.Бахрушина с исследователями истории Сибири // Западная Сибирь... 2006. Вып. 8. С. 11—26).

³⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 40. Л. 9.

³⁹ Следовательно, надо согласиться с О.Н.Вилковым, отвергавшим упреки в адрес С.В.Бахрушина со стороны З.Я.Бояршиновой в «преувеличении торгово-промышленной струи в русской колонизации» и в умалении «деятельности русского земледельца» (Вилков О.Н. Концепции С.В.Бахрушина и В.И.Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI — начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 72).

⁴⁰ Аналогичная ситуация была и во время «мангазейской смуты» 1630—1631 гг., когда поссорились воеводы Г.И.Кокорев и А.Ф.Палицын. Этот эпизод был исследован С.В.Бахрушиным в статье «Мангазейская мирская община в XVII в.».

⁴¹ На проблемы религии С.В.Бахрушин обращал внимание, отмечая, что в исторической литературе этому вопросу (особенно процессу христианизации) уделялось «большое место» (АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 537. Л. 2).

⁴² АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. 476. Л. 1—4 об.

⁴³ Там же. Д. 473. Л. 1—2.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 26. Напомним, что А.И.Андреев был арестован по «делу Платонова» и сослан в Сибирь. Как видно, ему больше «повезло», он почти год находился на Енисее, поэтому с просторами, климатом Сибири был знаком не понаслышке. А.И.Андрееву же принадлежит статья, посвященная выдающемуся сибиреведу. См.: Андреев А.И. С.В.Бахрушин как историк Сибири // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953. (Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 157. Факультет народов Севера. Вып. 2).

⁴⁵ В.И.Шунков скромнее оценивает исследование А.И.Андреева в этой части. Он пишет, что «А.И.Андреев дает материал для уточнения биографии С.У.Ремезова» См.: Шунков В.И. Труды С.В.Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3. Ч. 1. С. 17.

⁴⁶ Так оценивал С.В.Бахрушина В.Г.Мирзоев. См.: Мирзоев В.Г. Основные проблемы домарксистской историографии Сибири // Доклады I межвуз. науч. конф. по историографии Сибири. Кемерово, 1969. С. 149.

⁴⁷ Название «Очерки» продолжает замечательную традицию дореволюционной историографии. Вспомним «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С.Ф.Платонова, «Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II» и Очерк русской дипломатики частных актов» А.С.Лаппо-Данилевского, «Очерки по истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв.» М.А.Дьяконова, «Очерки по истории русской культуры» П.Н.Милюкова, «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» М.К.Любавского, и др.

⁴⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 473. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 1—2.

⁵⁰ Шунков В.И. Труды С.В.Бахрушина... С. 6.

Глава 5

СИБИРСКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ (XX в.)

Вторая половина XVII в. знаменует новый этап в истории сибирской летописной традиции: с этого времени в Сибири начинается работа над созданием комплексных летописных сочинений (сводов). В настоящее время эти сочинения рассматриваются как редакции Сибирского летописного свода¹ (далее — СЛС) — памятника сибирского летописания последней четверти XVII в., в основе которого лежат распространенная редакция первой официальной сибирской летописи — Есиповской (далее — ЕЛР) и «Описание о поставлении городов в Сибири по взятии ея» (далее — Описание), дополненные сведениями документальных источников различного характера.

В канун XX в. был опубликован обширный труд И.И.Тыжнова, посвященный сибирским городским летописям². Не потерявший со временем своей научной ценности, он был высоко оценен исследователями позднего сибирского летописания второй половины XX в.

Заслуга И.И.Тыжнова состоит в том, что он не только дал оценку изучению сибирских летописных сводов к 1898 г., но и представил обзор и анализ доступных на то время списков «сибирских городских летописей». Основу работы составили четыре сочинения: «Книга записная» (далее — КЗ), «Записки к истории сибирской службы» (далее — Записки), «Сибирский летописец» (далее — СЛ) и «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах, и кто они имянно и в каких городах были, и кто какой город строил и когда, писанное в Тобольском доме архиерейском 1791 г. Печатано в Тобольске в 1792 г.» (далее — КП).

И.И.Тыжнов не ограничился анализом текстов самих памятников и представил анализ их источников, имевшихся в его распоряжении, в частности, источников КЗ — росписи городских воевод и московских летописей XVII в. Сопоставление данных

документальных источников с летописными известиями позволило И.И.Тыжнову сделать вывод о высокой степени достоверности последних. Исследователь первым установил связь между КЗ и Описанием, увидев в последнем ее аналог. Положения исследователя о времени составления, составе, источниках рассматриваемых памятников до сих пор сохраняют свою научную значимость³.

В своей работе И.И.Тыжнов обратил внимание исследователей на острую необходимость собирания, изучения и научного издания списков сибирских летописных памятников второй половины XVII — XVIII вв. Из специальных работ, посвященных спискам поздних сибирских летописей, в этот период выделяется только статья А.А.Иониной о списке Описания № 364/200 из собрания библиотеки Киево-Печерской Лавры⁴.

А.А. Ионин представил подробный пересказ списка, отметил его отличия от КЗ и пришел к заключению, что найденный им вариант Описания был составлен на основе КЗ с использованием других источников. Н.А.Дворецкая позднее отметила, что предположение о тесной связи предыдущих редакций сводов с последующими, сделанное А.А.Иониным скорее интуитивно (оно не основывалось на качественном текстологическом анализе), оказалось весьма значимым для дальнейшего изучения СЛС⁵.

До 1980-х гг. исследователи сибирского летописания рассматривали комплекс поздних летописных сочинений как собрание отдельных произведений — сводов. В работе А.И.Андреева был подведен своеобразный итог исследованиям сибирских сводов второй половины XVIII в. и намечены направления их дальнейшего изучения.

А.И.Андреев начал работу по изысканию и изучению сохранившихся списков сибирских сводов и пришел к одному из самых значимых для дальнейших исследований выводу о том, что Описание является непосредственным продолжением ЕЛР, подтвердив мнение, выдвинутое еще в 1749 г. Г.Ф.Миллером⁶.

Считая, что сравнительный анализ 26 списков Описания, введенных в научный оборот к 1960-м гг., требует отдельного исследования, А.И.Андреев все же выделил их некоторые характерные особенности. Так, он указал, что в большинстве рукописей Описанию сопутствует ЕЛР, реже — ее краткая редакция; списки оканчиваются разными годами: самый ранний — 1687, самый

поздний — 1791; одни списки являются особой редакцией Описания (Академический), другие представляют собой их копию, сняты с общего с ними оригинала (список ААН 1711 г., сходный с Карамзинским) или имеют в своей основе какой-либо из списков, дополненный рассказом о позднейших событиях (список ААН 1730 г. — копия Головинского списка, дополненная другим источником).

Сведения о Сибири в изученных им списках Описания А.И.Андреев объединил в пять групп: краткие известия о событиях времен покорения Сибири, сходные с известиями Есиповской и Ремезовской летописей; известия о назначении должностных лиц в Сибирь и их деятельности; сведения о деятельности сибирской епархии; этнографические данные; известия о московских событиях и государевых посольствах в азиатские страны⁷.

Вопрос о протографе поздних сибирских летописей А.И.Андреев считал не менее важным, чем аналогичный вопрос, поставленный в свое время С.В.Бахрушиным относительно ранних памятников сибирского летописания. Исходя из результатов текстологического анализа списков Описания, А.И.Андреев высказал ряд предположений относительно его источников и времени создания. По его мнению, первоначальный текст памятника возник до 1689 г., т.е. его самый ранний список — Головинский — нельзя считать исходным.

Исследователь полагал, что основой Описания является Тобольский летописец (известный также как «Летописец Тобольский» ротмистра Станкевича, не сохранившийся до наших дней), в котором не было никаких сведений о других сибирских городах. На раннее происхождение первоначального текста, как считал А.И.Андреев, указывает его явная связь со статьей Нового летописца (далее — НЛ) — памятника, созданного до появления ЕЛР, около 1630 г.

Принимая во внимание, что ранние сибирские летописи имели местное происхождение, в том числе «Краткое описание о Сибирской земле и о походе атамана Ермака» (далее — КО) — основа НЛ, исследователь пришел к выводу, что авторы НЛ и ЕЛР воспользовались, каждый в свое время, если не самим КО, то некой схожей с ним местной повестью. В дальнейшем, в процессе работы над текстом, сводчик присоединил к ЕЛР статью «О по-

ставлении града Тобольска», и созданный таким образом текст в последующих редакциях практически не менялся, а только дополнялся известиями других городских летописцев и принял форму свода⁸.

А.И.Андреев выделил еще несколько памятников позднего сибирского летописания, которые, по его мнению, не имеют связи с Описанием и являются самостоятельными сочинениями — «летописными сводами». К таковым исследователь отнес СЛ, «Летописец тобольской о Сибирской стране» Н.А.Абрамова (так называемый Абрамовский список, использованный при издании «Сибирских летописей» в 1907 г.), летопись Тобольска конца XVII — середины XVIII вв., известную также как Летописная книга о Тобольске и два летописца из собрания Миллера (списки-вариации ЕЛ краткой редакции).

А.И.Андреев отмечал, что эти сочинения отличаются самостоятельностью в подборе и изложении известий: большинство из них не встречается в других летописных сводах. Так, Абрамовский список имеет существенные расхождения с ЕЛР в изложении событий 1588—1707 г. и отличается большой подробностью в описании известий второй половины XVII в., большинство из которых не встречаются в известных летописных сводах и, по мнению исследователя, были записаны в Якутске. Летописная книга о Тобольске представляет собой собрание заметок о событиях городской жизни, снабженных астрологическими и метеорологическими пояснениями⁹.

И.И.Тыжнов, изучая СЛ, также отмечал, что большинство известий этого сочинения не находят подтверждения в других источниках, что не могло не заставить исследователя усомниться в их достоверности¹⁰. А.И.Андреев, в распоряжении которого оказался список СЛ, дополненный, по определению И.И.Тыжнова, «современными записями о жизни церковной и о местных происшествиях г.Тобольска», смог обосновать достоверность сведений СЛ. Этот список, обнаруженный А.И.Андреевым в сборнике П.А.Словцова из собрания Археографической комиссии (на стр. 297—384), следует за летописными известиями о Сибири XVII—XVIII вв., которые в обработанном виде содержатся и в его тексте. Смена почерков и сортов бумаги рукописи СЛ свидетельствует о том, что события XVII—XVIII вв. заносились в хронику совре-

менниками, что, по мнению исследователя, в целом подтверждает их достоверность¹¹.

Работа по изучению сибирских сводов второй половины XVII — XVIII вв., начатая А.И.Андреевым, получила продолжение в исследованиях Н.А.Дворецкой, значение которых для отечественного источниковедения трудно переоценить. Предпринятые исследовательницей изыскания не только значительно пополнили число списков сибирских летописных памятников, введенных в научный оборот¹², но и позволили пересмотреть ряд положений о развитии летописной традиции в Сибири и генеалогии сибирского летописания.

Н.А.Дворецкая поставила вопрос о существовании нескольких редакций единого Сибирского летописного свода, а не отдельных сводов, как считалось ранее. Сравнительный анализ летописных текстов, проведенный исследовательницей, привел ее к выводу, что сибирские «городские летописи» нельзя рассматривать как отдельные записи, составленные частными лицами. Н.А. Дворецкая видела в поздней летописной традиции в Сибири плод постоянной работы тобольской митрополии и приказной палаты. Только комплексный подход к изучению поздних сибирских летописей, а точнее, редакций СЛС, считает исследовательница, дает возможность воссоздать ход развития официального летописания в Сибири, определить его функции и задачи¹³. Н.А.Дворецкая выделяет пять редакций СЛС, самая ранняя из которых — КЗ, далее следуют Головинская, Нарышкинская, Шлецовская и Академическая. Последние две являются сочинениями XVIII в.

Первой редакцией СЛС, по мнению исследовательницы, следует признать КЗ и, как ее особый вариант, Записки. Н.А.Дворецкой удалось опровергнуть вывод И.И.Тыжнова о том, что эти сочинения представляют собой отдельные редакции СЛС и решить одну из задач, поставленных А.И.Андреевым, — определить источники Записок.

Исследовательница установила, что КЗ и Записки содержат общий текст, который значительно отличается от других известных списков СЛС. Ошибки в тексте КЗ, выявленные еще И.И.Тыжновым, Н.А.Дворецкая также отнесла на долю переписчиков. Она установила, что отличия сводятся к пропускам отдельных слов и фраз текста Записок в КЗ, что позволяет предпо-

ложить наличие у них единого протографа. Сопоставительный анализ Записок с другими редакциями СЛС показал, что большинство известий Записок, не имеющих аналогов в КЗ, совпадают с известиями Нарышкинской редакции (по списку РГАДА, ф. 181, № 223) в промежутке от 1687 г., на котором заканчиваются известия КЗ, до 1702 г., последнего в Записках. Таким образом Н.А.Дворецкая выявила взаимозависимость КЗ, Записок и Нарышкинской редакции СЛС¹⁴.

Анализ отличительных черт КЗ как отдельной редакции СЛС, таких как включение в ее текст московских известий, использование документов митрополичьего двора и приказной палаты, сведений о тобольских и сибирских событиях, позволил исследовательнице выявить круг источников КЗ. Так, Н.А.Дворецкая определила, что московские известия КЗ восходят не только к «Летописи о мятежах», как было установлено И.И.Тыжновым, но и к НЛ, и представляют собой его свободное изложение.

Исследовательница полагает, что источником московских сведений для составителя КЗ мог быть дьяк И.С.Горохов, отбывавший сибирскую ссылку в 1671—1676 гг., с которым автор редакции поддерживал связь и после возвращения последнего в столицу. На это указывают, например, весьма подробно изложенные в КЗ детали ссылки и лишения имущества и звания главы Посольского приказа А.С.Матвеева, и той роли, которую сыграл в этом И.С.Горохов. Н.А.Дворецкая отмечает, что составитель КЗ был не только знаком с московскими приказными людьми, но и начитан¹⁵.

Наряду с НЛ, источником для составителя КЗ стала, по мнению исследовательницы, некая тобольская летопись, составленная при архиепископе Корнилии в 1674—1677 гг. Об этом, на ее взгляд, свидетельствует внимание автора к событиям времени пребывания последнего во главе тобольской епархии, в частности, о пожаре в Тобольске в мае 1677 г. и гибели в огне угличского опального колокола, о каменном строительстве в городе¹⁶.

Вторая редакция СЛС — Головинская, представленная пятью списками, составлялась при тобольском воеводе А.П.Головине и представляет собой сокращенное изложение первой редакции с подробным описанием событий, выпавших на время пребывания воеводы в Сибири. Такое внимание к отдельному периоду исследовательница объясняет особой значимостью его в истории

Сибири (на это время приходится заключение Нерчинского мирного договора 1689 г.), что позволяет говорить о том, что СЛС рассматривался как история Сибири, и ему действительно придавалось официальное значение¹⁷.

Анализ списков редакции позволил Н.А.Дворецкой проследить этапы ее составления и выявить круг источников. Так, исследовательница установила, что составители использовали в работе документы Посольского приказа, исторические сочинения своего времени, в частности, Синописис, документы тобольской приказной палаты (список М содержит ссылки на грамоты, данные А.П.Головину, описание строительства земляного вала вокруг Тобольска).

Особенности изложения сибирских событий во второй редакции СЛС (строительная деятельность Корнилия, пожары в Тобольске и др.) указывают, полагает Н.А.Дворецкая, что ее составители также знали тобольскую летопись, составленную при митрополите Корнилии и имели доступ к митрополичьим архивам (о последнем свидетельствуют подробный рассказ о чине венчания на царство Ивана и Петра и грамота 1675 г. патриарха Иоакима к Корнилию)¹⁸.

Особенной чертой Головинской редакции, по определению Н.А.Дворецкой, является стремление ее составителей придать законченность ее тексту и наделить его определенной идеологической окраской, для чего в текст включаются сведения о Синодике Ермаковым казакам 1622 г., сходные с известиями ЕЛ, и рассказы о чудесах местночтимых икон, причем ЕЛ в составе Головинской редакции представляет собой переходный вариант от Основной редакции к Распространенной¹⁹. Данные наблюдения подкрепляют вывод исследовательницы об этой редакции СЛС как об этапе развития официальной линии сибирского летописания.

Н.А.Дворецкая отмечает, что особенности Головинской редакции получили развитие в третьей редакции СЛС — Нарышкинской: претерпели значительное сокращение сведения о времени правления А.П.Головина и известия тобольской летописи за 1650—80-е гг., что привело к появлению ошибок в тексте. Особое внимание в Нарышкинской редакции уделяется воеводству А.Ф.Нарышкина, что отражает общую тенденцию СЛС²⁰.

Нарышкинская редакция представляет собой, как полагает исследовательница, последний этап работы над стабилизацией текста СЛС и является самым устойчивым и распространенным его вариантом, так же как и ЕЛР, сопутствующая ему. Текст ЕЛР в составе Нарышкинской редакции, отмечает Н.А.Дворецкая, значительно усложнен стилистически и воспринимается как начало Описания, при этом в некоторых списках нарушается его стабильность. Последнее, по мнению исследовательницы, указывает на то, что со временем ЕЛ перестает восприниматься как «официальный памятник тобольской приказной палаты»²¹.

Шлецеровская и Академическая редакции СЛС, хотя и были составлены при тобольской канцелярии, по мнению Н.А.Дворецкой, официального значения не имели и отражали скорее не государственный, а частный интерес к истории Сибири²².

Комплексный анализ редакций СЛС позволил Н.А.Дворецкой проследить историю и тенденции развития его текста, выявить его источники, определить внутренние связи между списками СЛС и внешние — с сочинениями московского и сибирского происхождения, степень его значимости как исторического источника.

Исследовательница также наметила пути дальнейшего изучения этого памятника позднего сибирского летописания. Так, в числе задач, поставленных перед исследователями поздней летописной традиции в Сибири, Н.А.Дворецкая называет выяснение круга лиц, причастных к летописной работе в Тобольске, а также изучение характера отбора и использования приказных документов в СЛС²³.

Последний аспект нашел отражение в недавней работе Е.К.Ромодановской²⁴. Исследовательница отмечает, что специфика СЛС заключается в том, что со временем он утрачивает черты литературного сочинения, свойственные ранним летописным памятникам, и превращается в исторический справочник официального толка, содержащий сведения о воеводском управлении в Сибири. Это, по мнению Е.К.Ромодановской, является прямым следствием переноса сосредоточия летописной работы из архиепископского двора в тобольскую приказную избу, в результате чего при составлении редакций официального летописного свода увеличилась доля источников приказного происхождения, как местного, так и центрального²⁵.

В некоторых случаях, полагает Е.К.Ромодановская, приказными специально создавались документы, необходимые для дополнения или пояснения летописных известий. К таковым, считает исследовательница, следует отнести «Роспись сибирским воеводам, которые посланы были в Сибирь со 153-го году [и] в нынешнем во 167-м году» (далее — Роспись), текст которой отличается ежегодным изложением воеводских правлений и некоторыми разночтениями с летописью.

Е.К.Ромодановская указывает, что наличие разночтений в тексте документа и СЛС не только не нарушает их типологической близости, но и позволяет сделать вывод о том, что Роспись была специально подготовлена для составителя свода как документальная справка и стилистический ориентир для его летописной работы. Со временем такая ориентация привела к тому, что подобные списки из дополнения к основному летописному рассказу превратились в его итог, летописание приобрело «перечневый» характер и утратило свои литературные достоинства²⁶.

Примечания

¹ Термин введен А.И.Андреевым.

² См.: Тыжнов И.И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898. Ч. 1. Летописи города Тобольска.

³ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 51; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. М.; Л., 1960. Вып. 1; Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII века). Новосибирск, 1984. С. 9.

⁴ См.: Ионин А.А. Критико-библиографический обзор неизданной летописи сибирской «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» // Сибирский архив. Иркутск, 1913. № 9. С. 424—502.

⁵ Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод. С. 11.

⁶ Андреев А.И. Очерки... Вып. 1. С. 234. Более подробно о списках ЕЛР см.: Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). М.; Л., 1957. Т. 13. С. 472—475.

⁷ Дворецкая Н.А. Археографический обзор... С.235—239.

⁸ Там же. С. 243. Вопрос о связи НЛ с сибирскими летописями рассматривается всеми исследователями сибирской летописной традиции. Существует несколько взглядов на проблему взаимоотношения НЛ и ЕЛ и их протографов. В.Г.Вовина-Лебедева, разделяющая мнение А.И.Андреева об общем протографе НЛ и КО, представила новый взгляд на проблему. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 245—252. Историографию

вопроса см.: Яковлева А.М. Раннее сибирское летописание в отечественной историографии XX века // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Нижневартовск, 2006. Ч. 1. С. 95—117.

⁹ Андреев А.И. Очерки... Вып. 1. С. 248, 249.

¹⁰ См.: Тыжнов И.И. Заметки... Ч. 1. С. 148—175.

¹¹ Андреев А.И. Очерки... вып. 1. С. 246—247.

¹² См.: Дворецкая Н.А. Археографический обзор...

¹³ Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 14.

¹⁴ Там же. С. 20, 22, 24, 27.

¹⁵ Там же. С. 29, 31, 33.

¹⁶ Там же. С. 36, 37.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 48—50, 57.

¹⁹ Там же. С. 55, 71, 72.

²⁰ Там же. С. 82, 85.

²¹ Там же. С. 99, 104.

²² Там же. С. 112, 116.

²³ Там же. С. 118.

²⁴ См.: Ромодановская Е.К. Тобольская летопись и Сибирский архив // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 313—318.

²⁵ Там же. С. 314, 315.

²⁶ Там же. С. 316, 317.

Глава 6

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв. (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

До недавнего времени существовало представление о том, что подлинная история Севера Западной Сибири началась лишь после 1917 г. Якобы только при советской власти коренные жители края и русское старожильческое население получили возможность развиваться, освободившись от эксплуатации и угнетения. Однако исследования последних полутора десятков лет наглядно показали, что и предшествующий период наполнен важными и интересными событиями, достойными самого пристального внимания исследователей.

В равной степени это относится и к истории создания на территории Севера Западной Сибири начального, а также профессионального образования, получившего дальнейшее развитие уже в советскую эпоху. Зародившись в 10—30-х гг. XIX в., пройдя через трудные испытания — невнимание со стороны власти, недоверие русских старожилов, непонимание аборигенов, школы края в течение второй половины XIX — начала XX вв. превратились в реально значимый фактор культурной жизни, распространившись по слабо заселенным суровым местам далекой окраины Российского государства.

История народного образования на Севере Западной Сибири начала изучаться еще в предреволюционный период. В частности, интересные эпизоды о процессе обучения в школе с.Самарово, основанные на личных впечатлениях, приводятся Х.М.Лопаревым. Он дает характеристику первых учителей, организации учебного процесса¹.

Один из основоположников исторического краеведения в Западной Сибири Н.А.Абрамов рассказывает об общем состоянии трех училищ Министерства народного просвещения и нескольких церковных школ Березовского края по данным на конец 1840-х гг.² Многолетний опыт работы в Березовском уездном училище позволил ему прийти к выводу о том, что дети самоедов вполне

пригодны к обучению в русской школе и обладают для этого всеми природными задатками, так как они «показали необыкновенные способности... особенно в арифметике, рисовании и чистописании». Н.А.Абрамов также выражает сожаление, что «этим мальчикам не представилась возможности продолжить учение в высшем заведении»³. Вместе с тем хотелось бы отметить, что работам Н.А.Абрамова была присуща некоторая идеализация в описании школьного образования в крае.

Публикации священника З.Г.Козлова, двадцать лет прослужившего в северных приходах Березовского благочиния, обобщают материал по истории одноклассной школы при Кондинском Троицком монастыре, атак же актуализируют проблему приобщения «инородцев» к грамоте⁴. Он предлагал гражданской и светской власти рассмотреть вопрос об открытии повсеместно «юртовых школ», так как «замечается стремление отдавать детей в школы, но только родители с большой неохотой отправляют детей в отдаленные школы». По понятным причинам отец Зосима, отстаивая необходимость просвещения «инородцев», является приверженцем церковно-приходских учебных заведений, которые, якобы в отличие от «министерских», могут быть оплотом нравственности⁵.

Другого мнения придерживался известный исследователь Тобольского севера А.А.Дунин-Горкавич. Он много ездил по делам службы, стараясь проникнуть в самые отдаленные уголки вверенного ему лесничества, проводил опросы старожилов, знакомился с литературой о севере из фондов губернского музея, статистического комитета. Изучение экономического быта и культуры северян предопределили его выводы о том, что нужно вводить в первую очередь «министерские училища и при них ремесленные классы для ознакомления учеников с разными мастерствами и ремеслами, необходимыми в быту здешнего населения». Помимо этого следовало, по мнению Самаровского лесничего, устроить при школе огород для знакомства с «приемами ведения огородной культуры», общежитие для «инородцев»⁶. Аналогичные суждения А.А.Дуниным-Горкавичем высказываются и относительно возможных направлений деятельности инородческой школы при Обдорской миссии⁷.

Настоятель Обдорской миссии И.С.Шемановский, в ответ на сомнения в эффективности миссионерских школ Обдорска и Тобольска, раздававшиеся со стороны части либеральной интеллигенции, призывал не относиться скептически к первому опыту создания образовательных учреждений на «далеком Севере». Он указывал, что нельзя видеть в них только гибель для «надорвавших здоровье» жителей тундры. Через школы необходимо достичь определенного компромисса между ценностями традиционной культуры коренных жителей Тобольского Севера и веяниями современной цивилизации.

Пятилетний опыт обучения обдорских инородцев подсказал отцу Иринарху, что, во-первых, школа, «обогащая познаниями ум, смягчая сердца», обязана способствовать «сохранению нравственной связи учеников с родителями»⁸. Надлежит регулярно отпускать детей на каникулы к своим родственникам. Во-вторых, следует осознать всю важность обучения на родном языке. Желательно даже, чтобы ребенок знал несколько языков, что, несомненно, повысит авторитет обучения в глазах коренных жителей: «При разноплеменном составе учащихся в школе, обучение это (т.е. языкам распространенных в крае народов. — *В.Ц., О.Ц.*) не представит больших затруднений, если при добром отношении к детям наставников они будут заинтересовывать их изучением того или другого языка»⁹. В-третьих, И.С.Шемановский был сторонником практических знаний. Он считал, что школа «должна развивать в детях любовь к промыслам». В-четвертых, само местоположение школы, окружающая обстановка должны соответствовать привычным для детей природно-климатическим условиям. Требуется пересмотреть сами принципы помещения детей в инородческие приюты, пансионы. Поэтому нельзя без предварительной подготовки, без всякого желания с их стороны отправлять детей из Обдорска на обучение в Тобольск. Это ведет только к росту заболеваемости и даже смертности среди учащихся¹⁰.

Таким образом, И.С.Шемановским была намечена целая программа совершенствования системы образовательных учреждений коренных жителей Тобольского Севера. Многие из предложенного отцом Иринархом предвосхитило аналогичные меры, предпринятые в отношении развития инородческих школ уже в советский период.

Краткая история миссионерских школ излагается в юбилейном очерке Н.Д.Скосырева¹¹. Сообщаемые автором обобщенные сведения, основанные на отчетах Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского общества, настоятелей Кондинского монастыря и Обдорской миссии, отражают весьма непростые условия, в которых приходилось работать на Севере православному духовенству: *«Иностранцы все неохотно отдают в школу своих детей, особенно девочек, поэтому приходится ежегодно покупать их, хотя и недорогою ценою»* (курсив авторов. — В.Ц., О.Ц.)¹².

Большой справочный материал о народном образовании Тобольской губернии второй половины XIX в., ценные статистические сведения о численности школ, в том числе и на Севере Западной Сибири, приводятся в очерке инспектора народных училищ Е.Ф.Соколова¹³.

Значительное внимание в данный период уделялось поиску новых, соответствующих природно-климатическим и демографическим особенностям региона, форм организации школьной сети. В работах Е.Ф.Соколова и директора народных училищ Г.Я.Малыревского предпринимаются попытки проанализировать мировой и отечественный опыт создания передвижных школ с целью его применения в северных уездах Тобольской губернии¹⁴.

Интересные факты о появлении казачьей школы в Сургуте в 1830-х гг. и ее дальнейшей судьбе содержатся в статье П.Кириева¹⁵. Публикации на страницах Тобольской «частной» газеты «Сибирский листок» затрагивали проблемы, стоявшие перед образовательными учреждениями края: недостаточное финансирование со стороны государства¹⁶, необходимость наделения учителей льготами на проезд¹⁷, повышения им жалованья¹⁸, нехватка учебников¹⁹, потребность Сургута в городском училище²⁰ и т.п. Большой интерес в данном отношении представляют очерки, написанные политическими ссыльными — В.В.Бартеневым и С.П.Шевцовым²¹. Авторы сумели точно, ярко, убедительно охарактеризовать состояние школьного дела в Обдорске и Сургуте, выявить препятствия, мешающие налаживанию работы образовательных учреждений. Так, В.В.Бартенев предлагал развивать, прежде всего, профессиональное образование, благодаря чему можно было бы сформировать из детей остяков рыболовецкую ар-

тель, научить их полезному делу, которое принесло бы несомненную пользу, привить навыки товарищества и взаимовыручки²².

Вполне естественно, что в предреволюционный период разработка данной темы находилась в самой начальной стадии, не выходя за пределы простого накопления фактов, описания и краткой характеристики действующих школ, тесно связанных с их текущими нуждами и проблемой совершенствования системы народного образования на Тобольском Севере в целом. Много внимания уделяется решению тех проблем, которые должны помочь выполнению миссионерских задач. Служители церкви, исследователи Обского Севера, представители местной интеллигенции, политические ссыльные искали способы, которые могли обеспечить быстрый прогресс, как многим из них казалось — «вырождающихся инородцев», перевод экономики и культуры на рельсы «цивилизованного» европейского развития. Неотъемлемой частью такого пути представлялось внедрение образовательных учреждений, распространение более «передовой» христианской религии. В дореволюционных публикациях использовались, как правило, собственные наблюдения авторов, зачастую являвшихся участниками описываемых событий. В результате многие работы представляли собой своеобразные «истории в документах», не содержавшие полноценных развернутых комментариев. Эти сочинения интересны в плане первоначальной постановки проблемы, а также наличием богатого фактического материала.

Новый этап в разработке темы начинается в советский период. Для него характерен идеологический монополизм, остро критическое отношение к дореволюционному педагогическому опыту, связанному в крае преимущественно с деятельностью Русской православной церкви (РПЦ).

В работах А.Г.Базанова затрагиваются вопросы истории миссионерских школ на Крайнем Севере России²³. Вывод автора о влиянии миссионеров на просвещение аборигенов типичен для многих исследователей, занимавшихся в советское время проблемами, связанными с ролью православия в общественной жизни: «На протяжении всего существования эти школы не дали ни одного примера, из которого трудящиеся ненцы могли бы видеть в них пользу для себя и своего хозяйства. Они, конечно, и не могли дать таких примеров, ибо это были школы колонизаторские,

школы, призванные к утверждению порабощения и эксплуатации ненецкого трудящегося населения»²⁴.

Столь же категоричен в оценке образовательных учреждений Тобольского Севера предреволюционного периода Л.Е.Киселев. Выводы, к которым он приходит, тенденциозны и не подкреплены конкретными фактами: «Те немногие школы, которые имелись на Севере, были миссионерские и церковно-приходские, где дети воспитывались в религиозно-монархическом духе... Детей жестоко наказывали. Не удивительно, что эти школы не имели никакого авторитета среди населения, а число учащихся ежегодно сокращалось»²⁵.

Во многих случаях исследователи считали возможным ограничиться справочной информацией, которая давалась в сравнении с показателями последующего советского периода, что должно было показать огромные положительные сдвиги в образовании и воспитании подрастающего поколения²⁶.

Г.Н.Тимофеев, рассказывая о трудовом обучении в инородческой школе при Кондинском монастыре, посчитал необходимым подчеркнуть, что оно вводилось монахами якобы «с коммерческой целью». Причем «эксплуатация детского труда была очень жестокой. Дети изо дня в день выполняли работы без учета возрастных особенностей и их интересов, труд детей был тяжелым и утомительным»²⁷. Выводы Г.Н.Тимофеева однозначно негативные: «Миссионерские школы занимались не распространением знаний, а являлись, по существу, рассадниками христианской веры, они были не культурными очагами, а учреждениями изо щренных методов насильственной русификации...»²⁸.

В 1960—80-е гг. формируется новое отношение к оценке процессов христианизации народов Сибири, что не могло не повлиять на осмысление миссионерской деятельности в крае, просвещения коренных жителей края. Появляются исследования, авторы которых отказались от предвзятого отношения к политике государства и РПЦ в отношении аборигенов Севера.

Так, В.А.Кононенко, хотя и рассматривает организацию школ лишь под углом христианизации хантов и ненцев, тем не менее, указывает, что деятельность православного духовенства способствовала распространению грамотности, введению преподавания на родном языке хантов и ненцев и др.²⁹

О создании первых школ на Севере Западной Сибири применительно к христианизации местных жителей писала Н.А.Миненко³⁰. Для характеристики процесса и результатов обучения детей аборигенов автор использует материалы, собранные А.И.Сулоцким, путевые заметки М.А.Кастрена. Более подробно ею раскрываются ранние этапы существования учебных заведений, предназначенных преимущественно для русского населения: Березовского уездного училища (1818—1840-е гг.) и Сургутской казачьей школы (1835—1840-е гг.)³¹. В отличие от историков 1930—40-х гг., Н.А.Миненко находит способ компромиссного освещения достигнутых успехов в культуре и образовании и участия в этом процессе служителей православной церкви, как носителей новых для этого края духовных ценностей. Автором признаются прогрессивные последствия христианизации, распространения грамотности в крае.

О Ларьякской школе начала XX в. пишет, основываясь на личных впечатлениях, Г.А.Пирожников — бывший Сургутский уездный исправник³². Однако нужно иметь в виду, что его сочинение стало доступно широкому кругу читателей лишь несколько лет назад. Автор рассказывает о создании школы в 1904 г., слесарной мастерской при ней, о педагогической деятельности ее первого учителя Г.М.Дмитриева-Садовникова.

Таким образом, в советской историографии были лишь только намечены пути осмысления проблем образования и просвещения на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв. В это время происходит расширение круга источников, используемых авторами. Деятельность школ вписывается в контекст социально-экономической, политической и культурной истории края. Однако данная тема рассматривалась многими исследователями односторонне, с узко классовых позиций.

С начала 1990-х гг. в отечественной исторической науке происходят изменения, которые позволили по-новому, более объективно, взглянуть на опыт школьного строительства на Севере Западной Сибири.

Продолжила работу по изучению культуры Тобольского севера Н.А.Миненко. В соответствующем разделе «Очерков истории Югры» ею приводятся краткие сведения о школах края в 1840-х и 1910-х гг.³³

Одна из глав диссертации И.В.Белич посвящена развитию в XVIII — начале XX в. учебно-воспитательных учреждений для детей ненцев³⁴. Автор обращается преимущественно к истории учебных заведений Обдорска — церковно-приходской школы, школы грамоты, приюта Иринарха (Шемановского). Специфика научных интересов автора позволила ему обратить самое пристальное внимание на содержание образовательного процесса, программы обучения в школах в конце XIX — начале XX вв. И.В.Белич считает, что миссионерам не удалось превратить школы Обдорска в надежный оплот христианизации края. К концу рассматриваемого периода среди учащихся преобладали дети русских, а не аборигенов. На русском же языке велось обучение³⁵.

Вопросы церковно-школьного строительства затрагиваются в монографии Г.Ш.Мавлютовой. Она связывает создание первых учебных заведений в крае с инициативой Св. Синода, поддержанной местными светскими и церковными властями. В основном же Г.Ш.Мавлютова сосредотачивает внимание на деятельности Кондинской и Обдорской школ во второй половине XIX в. Автор раскрывает отдельные интересные страницы прошлого народного образования на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. В частности, ею упоминается о решении Тобольских епархиальных властей открыть при Березовской второклассной ЦППШ «миссионерское отделение для подготовки священно-церковнослужителей из аборигенов»³⁶. Г.Ш.Мавлютова приходит к выводу о положительных результатах культурно-просветительской деятельности миссионеров.

Все о той же Обдорской школе идет речь и в соответствующем разделе диссертации В.Ю.Вануйто³⁷. Автор рассматривает национальный и социальный состав учащихся в 1860—90-е гг. Хотя В.Ю.Вануйто делает ставший уже традиционным вывод о том, что «миссионерские и церковно-приходские школы не оправдали надежд, связанных с подготовкой будущих миссионеров и священнослужителей из детей коренной национальности», в то же время им отмечаются и позитивные итоги работы этих школ, выпустивших «много грамотных людей», впоследствии сыгравших «положительную роль в развитии культуры своего народа»³⁸.

Анализируя политику правительства в отношении религиозных традиций хантов в разные исторические периоды, Е.М.Гла-

вацкая выявила ряд новых фактов, связанных с развитием образования в крае в середине XIX в. На основе материалов Российского государственного исторического архива она сумела раскрыть предысторию возникновения церковных школ в Сургутском уезде в 40-х гг. XIX в., показать вклад, внесенный в создание первых учебных заведений в селах Ларьякском, Юганском, Ваховском, Верхне-Лумпокольском благочинным Березовских церковей, протоиереем И. Заборовским³⁹. Автор осветила отдельные аспекты истории школы при Кондинском монастыре, используя при этом переписку епископов Тобольских и Сибирских со Св. Синодом⁴⁰.

Несмотря на несомненные достоинства указанной работы, нельзя не отметить некоторые досадные погрешности, попавшие на ее страницы. На помещенной в конце монографии карте «Учебные заведения для народов Северо-Западной Сибири в XIX в.» обозначены школы в с. Локосово и с. Ваховском. На самом деле изображенное на карте «Ваховское» возникло в советский период и до революции, естественно, там никакой школы не было. «Ваховским» называлось село Локосово. То есть речь здесь идет об одной и той же школе. В равной степени это относится и к карте «Православные храмы на территории Северо-Западной Сибири в XVIII в.». На карте также присутствует школа в Мегионских юртах, в XIX в. не существовавшая, и в то же время отсутствует школа в с. Нижне-Лумпокольское.

К рассматриваемой теме прямое отношение имеет II глава исследования С. Н. Щербич, где значительное внимание уделено роли монастырей (в том числе и северных) в просвещении Тобольской епархии⁴¹. Внимание автора привлекает история открытия школы при Кондинском монастыре, раскрывается процесс обучения, программы, которым руководствовались преподаватели. Отмечается, что «несмотря на видимые недостатки, открытие при монастырях учебных заведений подготовило дальнейшее развитие системы начального духовного и школьного образования в епархии»⁴².

В. С. Сулимов является автором статьи, посвященной передвижным школам Тобольской губернии⁴³. Он вступает в полемику с советскими исследователями, заявляя, что меры, предприни-

маемые для организации передвижных школ, «были крайне необходимы и полезны»⁴⁴.

Огромный вклад, прежде всего, в выявление, публикацию, введение в научный оборот материалов по истории Севера Западной Сибири в целом и системы школьного образования в частности внес известный краевед, журналист В.К.Белобородов. Им было издано большое число архивных источников, статей и корреспонденций из периодики второй половины XIX — начала XX вв., которые могут служить надежным подспорьем в деле исследования заявленной темы для современных краеведов⁴⁵.

Также определенное внимание уделено истории церковных и миссионерских школ в серии сборников документов, подготовленных и выпущенных под редакцией В.Я.Темплинга и С.В.Турова⁴⁶. Огромная работа, проделанная составителями, хочется надеяться, позволит ученым-краоведам создать широкую панораму истории православия на Севере Западной Сибири в XVIII — начале XX вв. Некоторые помещенные в сборниках документы (рапорты священнослужителей, отчеты, переписка) имеют прямое отношение к деятельности школ Березовского и Сургутского уездов в XIX в.

Характерной приметой времени является то обстоятельство, что современные авторы не только стараются раскрыть отдельные сюжеты из истории школ, но и населить прошлое реальными людьми, со всеми их проблемами и противоречиями, достоинствами и слабостями. В частности, можно отметить публикацию воспоминаний Ф.Ф.Ларионова, с 1897 по 1914 гг. возглавлявшего Березовскую школу⁴⁷. Автором предисловия к изданию является В.М.Таскаев, весьма высоко оценивший педагогическую деятельность Ф.Ф.Ларионова.

Можно также отметить очерк В.К.Белобородова, посвященный судьбе известного краеведа Г.М.Дмитриева-Садовникова, где в том числе говорится о работе Григория Матвеевича на ниве народного просвещения в качестве организатора и руководителя начальной школы в Ларьяке⁴⁸. В.К.Белобородовым восстановлены основные вехи жизненного пути преподавателя Березовского уездного училища И.И.Суханова⁴⁹. Им же на страницах журнала «Югра» выпущена целая серия биографических очерков о видных общественных деятелях, предпринимателях Тобольского Севера

— Ямзиных, Башмаковых, Оболтиных, Козловых⁵⁰. В.К.Белобородов упоминает об учебе в школах края своих героев, а в некоторых случаях и об их педагогической, благотворительной и просветительской работе.

Кроме того, перу Валерия Константиновича принадлежит подробный анализ деятельности рыболовной школы В.Т.Земцова⁵¹. Автор сумел всесторонне осветить один из первых опытов профессионального образования на Тобольском Севере.

Определенный интерес для изучения материальной базы школ, содержания образовательного процесса, культурной жизни города в целом представляют работы, посвященные истории книг, библиотек⁵². Несомненной заслугой С.А.Белобородова стало обращение к теме библиотечного фонда Березовского уездного училища, который автор именует не иначе как «книжная жемчужина Тобольского Севера». Стремление выяснить способы комплектования собрания, установить ориентацию учебной литературы по различным научным направлениям приводит ученого к составлению списка из 60 наименований. Литература систематизирована по следующим направлениям: естественнонаучная тематика, биология, географические труды, литература гуманитарного содержания, художественные произведения. По мнению С.А.Белобородова, «не исключено, что книги этого замечательного собрания могли попасть не только в Ханты-Мансийск, но и в Сургут и др. сибирские города»⁵³.

Краткие сведения о миссионерских школах Тобольской епархии, преимущественно справочного характера, приводятся в работе Л.О.Самолововой, источником которой послужил отчет, составленный к 25-летию Тобольского епархиального комитета РПМО⁵⁴. В порядке общего обзора изложена история миссионерских школ на Севере Западной Сибири в работе Т.Л.Климовой и Е.П.Мартыновой⁵⁵, в статье Л.Н.Ванчицкой⁵⁶.

А.Ю.Коневым рассматривается отношение различных групп населения Тобольского округа к открытию образовательных учреждений в 50-х гг. XIX в. Автор приходит к выводу о том, что «государство не только декларировало право на получение образования коренным народам Сибири, но и создавало определенные возможности для реализации этих прав»⁵⁷.

Попытка рассказать об истории «очагов народного просвещения» на Тобольском Севере в начале XX в. предпринята О.И.Еремеевой⁵⁸. Автор признается, что «точных данных» о школах Севера за период до 1897 г. ей «обнаружить не удалось». Рассматривая динамику численности учебных заведений, автор утверждает, что в 1897 г. в Березовском и Сургутском уездах было 18 школ, в 1914 — столько же, в 1919 г. — 21⁵⁹. Не совсем ясно, откуда О.И.Еремеевой взяты две последние цифры, так как по нашим подсчетам к 1918—1919 гг. только одноклассных школ в Березовском и Сургутском уездах насчитывалась 31⁶⁰. По сведениям же «Отчета о состоянии церковных школ Тобольской епархии в 1914—1915 учебном году» в указанных уездах двухклассных и одноклассных школ имелось 22⁶¹. Автором названы фамилии некоторых педагогов школ Тобольского севера, а также приведены сведения о школах Обдорска, Березова и Сургута. В то же время датой основания светской школы в Сургуте указывается почему-то 1852 г.⁶², а не 1835, как считает большинство исследователей. В разделе, посвященном религиозно-нравственному воспитанию, рассказывается об истории Обдорской и Кондинской миссионерских школ. О.И.Еремеевой описывается в общих чертах деятельность первых на Тобольском Севере профессиональных классов и учебных заведений. В конечном счете, автор приходит к выводу, что «культура и просвещение затронули в основном лишь русскую часть населения...», сохраняя в основном «очаговый, локальный, ограниченный характер»⁶³.

Проблемам духовно-просветительской деятельности РПЦ в Западной Сибири в дореволюционный период посвящена монография В.Ю.Софронова. Автор раскрывает различные аспекты истории духовной школы Зауралья, сосредоточившись преимущественно на деятельности Тобольской духовной семинарии. В.Ю.Софронов рассказывает также о первых опытах, связанных с попытками организации латинской школы в Самарово в середине XVIII в. и русских школ в Сургуте, Березове, при Кондинском монастыре в конце XVIII в. Называются имена учителей, происходивших преимущественно из духовного сословия. Также обращается внимание на трудности, с которыми пришлось столкнуться духовенству при создании церковных школ на Тобольском Севере, к числу которых нужно отнести недостаточный

уровень подготовки педагогических кадров. Однако автор по каким-то причинам посчитал необходимым довести изложение материала только до XIX в. Хотя, как известно, начальное церковное образование (если рассматривать данное понятие в более широком контексте — не только как форму подготовки кадров духовенства) получило широкое развитие лишь во второй половине XIX — начале XX вв.

В.Ю.Софронов рассматривает также историю некоторых церковно-приходских школ Тобольского Севера в связи с деятельностью Обдорской и Кондинской миссий⁶⁴. В частности, им приводятся сведения о количестве выпускников ЦПШ при Обдорской Петропавловской церкви за 1850—70-е гг., о состоянии школы при Кондинском монастыре на начало 1880-х гг.⁶⁵ и др.

В целом же нужно отметить, что указанная В.Ю.Софроновым тема раскрывалась лишь фрагментарно, что связано как со спецификой задач, решаемых автором, так и с ограниченным числом используемых им источников. Никаких выводов по проблеме развития народного образования в крае в рассматриваемый период в работе не делается.

Небольшие исторические очерки местных краеведов продолжают появляться на страницах региональной прессы. Их авторы, как нам представляется, ставят перед собой задачу, прежде всего, проинформировать земляков о важных вехах прошлого родного края, касающихся, в том числе, и истории становления и развития народного образования⁶⁶.

Краткая справочная информация, отражающая этапы развития школьного образования в крае, находит отражение на страницах обобщающих работ, посвященных истории отдельных населенных пунктов Севера Западной Сибири. В частности, можно отметить книгу В.Фарносовой, в которой в порядке обзора рассказывается о школах г.Березова в XIX—XX вв.⁶⁷. Весьма лаконичны при раскрытии данной темы оказываются, как правило, и авторы других работ, посвященных истории районов и территорий⁶⁸. Примечательно, что в отличие от авторов советского периода, многие современные исследователи указывают в первую очередь на положительные результаты деятельности государственной власти по развитию просвещения в крае⁶⁹. Небольшие по объему

сведения о школах приводятся в работах, посвященных истории церквей и приходов, сел и деревень⁷⁰.

В самых общих чертах описаны предпринимаемые государством и РПЦ меры по развитию просвещения на Тобольском Севере в книге Ю.П.Прибыльского⁷¹. Автор приходит к традиционным еще для советской историографии выводам, что «дело обучения и воспитания северян не пользовалось вниманием и поддержкой правящего режима, оставаясь заботой энтузиастов-одиночек»⁷².

Развитию школ на территории края во второй половине XIX — начале XX вв. посвящено несколько статей О.П.Цысь⁷³. Автор говорит о формировании сети церковных школ в регионе как сумме целенаправленных действий, предпринимаемых государственной властью и РПЦ с целью повышения образовательного уровня, укрепления нравственных начал не только аборигенного, но и русского населения края. О.П.Цысь утверждает, что в течение XIX — в начале XX вв. происходит трансформация разрозненных учебных заведений на Севере Западной Сибири в определенную систему, предназначенную для решения широких образовательных, воспитательных и экономических задач.

В целом следует сказать, что указанная тема рассматривалась до недавнего времени преимущественно в контексте истории христианизации народов Севера Западной Сибири. В большинстве исследований о школах говорилось именно как об инструменте подготовки кадров священно-и церковнослужителей из числа «инородцев», а также как о средстве укрепления аборигенов в православной вере. В таком случае попытки создания духовенством школ, как правило, оказываются спорадическими, часто хаотическими усилиями, не дававшими заметного результата в силу ряда объективных и субъективных причин. Особенно заметно такой подход проявлялся в работах многих советских историков, априори отвергавших любые положительные результаты действий РПЦ по распространению просвещения среди коренных жителей Севера.

Таким образом, история народного образования на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. является одной из наименее изученных страниц прошлого края. Можно сказать, что исследователям этой темы предстоит еще многое сделать в направлении

поиска и публикации источников. До настоящего времени, данная тема, к сожалению, не становилась предметом сколько-нибудь тщательного изучения отечественных ученых. Появившиеся сравнительно недавно работы раскрывают только некоторые аспекты истории просветительских и образовательных учреждений в крае, не претендуя на всестороннее ее освещение. В частности, из поля зрения большинства ученых почти полностью выпадает начало XX в. — период, когда развитие учебных заведений на территории Среднего Приобья достигло наибольших масштабов. Слабо раскрыты пока еще такие вопросы, как педагогический состав учебных заведений, биографии учителей, вклад меценатов в организацию образовательных учреждений, материальное обеспечение школ, снабжение их учебными пособиями и т. п. А главное — не реконструирована в полном объеме хронология школьного строительства от появления первых школ до реформ советского периода, положивших начало новому этапу в истории нашей страны в целом и Севера Западной Сибири в частности.

Примечания

¹ Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 145—147.

² Абрамов Н.А. Описание Березовского края. Шадринск, 1993. С. 39—41.

³ Там же. С. 21.

⁴ Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы, за 65 лет (с 1844 по 1909 гг.) ее существования // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях (далее ТЕВ). 1910. № 16. С. 121—126; Он же. Памяти схиигуменьи Александры (Дружининой) // ТЕВ. 1915. № 44. С. 708—709.

⁵ Козлов З. Об инородческом севере // ТЕВ. 1911. № 6. С. 126.

⁶ Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Шадринск, 1994. С. 51.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Иринарх, игум. Из Обдорской миссии // Православный благовестник. 1903. № 21. Кн. 1. С. 216.

⁹ Там же. С. 217.

¹⁰ Иринарх, игум. Из Обдорской миссии (К вопросу о вымирании инородцев) // Православный благовестник. 1903. № 22. Кн. 2. С. 247.

¹¹ Скосырев Н.Д. Двадцатипятилетие Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского общества. 1872—1896 гг. Тобольск, 1895. С. 100—102.

- ¹² Там же. С. 102.
- ¹³ Соколов Е.Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896/97 учебный год (Статистический очерк). Тобольск, 1898.
- ¹⁴ Соколов Е. Передвижные народные училища Министерства народного просвещения в северных уездах Тобольской губернии // ТЕВ. 1909. № 10. С. 3—7; Маляревский Г.Я. Передвижные школы в Тобольской губернии // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. 1911. № 20. С. 4—10; № 21. С. 1—9.
- ¹⁵ Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901. № 122, 123.
- ¹⁶ Титов А. Где тонко — тут и рвется: Заметка о Березовском крае // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 1. С. 92—93.
- ¹⁷ А.Ф. К положению учащихся в Кондинском крае // Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В.Белобородов. Тюмень, 2003. С. 222—223.
- ¹⁸ Суханов И.И. К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Березовского края // Тобольские губернские ведомости. 1896. 21 января.
- ¹⁹ Д.-С. [Дмитриев-Садовников Г.М.] Обдорские очерки // Сибирский листок: 1912—1919. С. 210.
- ²⁰ Внутренние известия // Сибирский листок: 1912—1919. С. 389.
- ²¹ Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начал XX века. Екатеринбург, 1998. С. 112—217; Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север... С. 35—111.
- ²² Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири... С. 166—167.
- ²³ Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л., 1936; Базанов А.Г., Казанский Н.Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском севере. Архангельск, 1936.
- ²⁴ Базанов А.Г., Казанский Н.Р. Миссионеры... С. 51.
- ²⁵ Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974. С. 48.
- ²⁶ См., например: Турбинных Т. Рост учебных заведений в округе // Сталинская трибуна. 1955. 4 декабря.
- ²⁷ Тимофеев Г.Н. Миссионерские школы на Обском Севере // За коммунизм. 1985. 15 августа.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Кононенко В.А. Христианизация малых народов Северо-Западной Сибири в кон. XIX — нач. XX в. // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1972. Т. 524. Вып. 1. С. 84.
- ³⁰ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 269—270.
- ³¹ Там же. С. 121—123.
- ³² «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»: Историко-краеведческий сборник. Сургут, 2002. С. 32—34.
- ³³ Миненко Н.А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII — начало XX века) // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 246, 254.

³⁴ Белич И.В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов Севера (на примере северных самодийцев): Дис. ... канд. пед. наук. Тобольск, 1999.

³⁵ Там же. С. 84—85.

³⁶ Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень, 2001. С. 72.

³⁷ Вануйто В.Ю. Культурное развитие Обдорского Севера в XVIII — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

³⁸ Там же. С. 19.

³⁹ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. Екатеринбург: Салехард, 2005. С. 275—278.

⁴⁰ Там же. С. 279—281.

⁴¹ Щербич С.Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVII — начале XX вв. Опыт социокультурного исследования: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2001.

⁴² Щербич С.Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVII — начале XX вв. Опыт социокультурного исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2001. С. 25.

⁴³ Сулимов В.С. Передвижные школы Тобольской губернии на рубеже XIX — XX веков // Северный регион: экономика и социокультурная динамика: Сб. тезисов к всероссийской научной конференции. Сургут, 2000. С. 17—19.

⁴⁴ Там же. С. 19.

⁴⁵ См., например: Северная школа в XIX — начале XX в. // Краевед. Ежемесячный выпуск «Новостей Югры». 1996. № 6. С. 7; Школы на севере Тобольской губернии на рубеже XIX и XX веков (по материалам Тобольских газет) // Югра. 1996. № 4. С. 41; Просвещение инородцев в XIX — начале XX вв. (несколько дат и фактов) // Подорожник: Краеведческий сборник. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 52—59.

⁴⁶ Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я.Темплинга. Тюмень, 2004; Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / Сост., вступ. ст. и коммент. С.В.Турова. Тюмень, 2004; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII — XIX вв.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2006.

⁴⁷ Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника. Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск, 1993.

⁴⁸ См.: Дмитриев-Садовников Г.М. Версты и строки / Ред.-сост. В.К.Белобородов. Екатеринбург, 1998.

⁴⁹ Белобородов В.К. Эксцентричный Суханов (личность в свете документа) // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. С. 71—89.

⁵⁰ Белобородов В.К. Оболтины // Там же. 2004. № 1. С. 56—57; Он же. Ямзины // Там же. 2004. № 3. С. 64—67; Он же. Башмаковы // Югра. 2004. № 12. С. 51—53; Он же. Козловы // Там же. 2005. № 7. С. 68—71.

⁵¹ Белобородов В.К. Подвижники севера // Очерки истории Югры // С. 293—300.

⁵² Белобородов А.С. Библиотека Березовского уездного училища (материалы для реконструкции собрания) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. (г.Тобольск, 25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 142—143; Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 5—62.

⁵³ Белобородов А.С. Библиотека... С. 143.

⁵⁴ Самолова Л.О. Миссионерские школы в Тобольской епархии в конце XIX века (обзор источников) // Народное образование Тюменского края: историография, источниковедение: Материалы научной конференции. Декабрь, 1993 г. Тюмень, 1993. С. 48—51.

⁵⁵ Климова Т.Л., Мартынова Е.П. Миссионерские школы на Тобольском Севере в XIX в. // Исторический опыт народного образования Тюменского края: Материалы областной научной конференции. Тобольск, 1992. С. 35.

⁵⁶ Ванчицкая Л.Н. Традиции развития национальной школы и современность // Педагогика и школа: Материалы научной конференции, посвященной 40-летию Тобольского государственного педагогического института им. Д.И.Менделеева. Тобольск, 1994. С. 34—39.

⁵⁷ Конев А.Ю. «Новокрещенные» Тобольской губернии и развитие начального школьного образования (по материалам Тобольского округа 50-х гг. XIX века) // Образование в Западно-Сибирском регионе: история, современность, перспективы: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Тюменской области, 50-летию Тобольского государственного педагогического института им. Д.И.Менделеева. Тобольск, 2004. С. 8—9.

⁵⁸ Еремеева О.И. Свет и тени. Очерки истории духовной культуры народов Северо-Западной Сибири в начале XX века. Тюмень, 2004.

⁵⁹ Там же. С. 46.

⁶⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 320. Оп. 3. Д. 550. Л. 60.

⁶¹ См.: Школьный листок при ТЕВ. 1916. № 1. С. 2.

⁶² Еремеева О.И. Свет и тени... С. 52.

⁶³ Там же. С. 72, 91.

⁶⁴ Софронов В.Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX вв.). Тобольск, 2005. Ч. 1. С. 77—79, 85—88.

⁶⁵ Там же. С. 78, 86.

⁶⁶ См., например: Так начиналась летопись [об истории Болчаровской школы] // Кондинские вести. 1998. 30 января — 06 февраля; Морозова И. История. К 100-летию Березовской школы 1 ступени // Жизнь Югры. 2000. 1 декабря; Боротов Д. И долгие века... [об истории Ватинской школы] // Новости Приобья. 2002. 10 мая, и др.

⁶⁷ Фарносова В. Березово: история и современность. Тюмень, 2003. С. 189—191.

⁶⁸ См., например: Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 174—175; Загороднюк Н.И., Квашнин Ю.Н., Конев А.Ю. и др. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Тюмень, 2003. С. 41.

⁶⁹ См., например: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 272—273.

⁷⁰ См., например: Солодкин Я.Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана: Эколого-краеведческий альманах. Тюмень, 2002. С. 22—23; Вальгамов А.И. История церкви с.Мужи // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2004 г., Тобольск). Тобольск, 2004. С. 78; Богданова Н. Христианство на Конде // Югра. 2000. № 3. С. 52; Волжанина Е.А. Из истории поселка Нори: 1920-е гг. // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея — 2003. Тюмень, 2004. Вып. 17. С. 224.

⁷¹ Прибыльский Ю.П. Колыбель просвещения: К 300-летию сибирской школы. Тобольск, 2001.

⁷² Там же. С. 58.

⁷³ Цысь О.П. О педагогических кадрах церковных школ Березовского и Сургутского уездов в конце XIX — начале XX вв. // «Мира не узнаешь, не зная края своего»: Материалы X краеведческих чтений. Нижневартовск, 2006. С. 24—29; Она же. Церковные школы Березовского и Сургутского уездов в конце XIX — начале XX вв. // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. 2006. № 1 (13). С. 52—62; Она же. Участие сельского духовенства в организации и деятельности начальных церковных школ Тобольской епархии в 1880—90-е гг. // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории: Сб. науч. тр. Нижневартовск, 2007. Вып. 2. С. 48—66; Она же. Становление начального школьного образования в Сургутском уезде во второй половине XIX века // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. 2007. № 1 (15). С. 88—96.

Глава 7

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Проблематика изучения вопросов истории предпринимательства Северо-Западной Сибири периода середины XIX — начала XX вв. привлекает к себе внимание исследователей достаточно давно. По данной теме накоплена уже довольно значительная и разнообразная литература, которая в историографическом плане в той или иной степени рассматривалась в ряде работ¹. Однако в большинстве своем это работы, в которых рассматриваются отдельные аспекты торговой или промышленной деятельности сибирского купечества в рамках социально-экономического развития региона.

Сегодня эта обширная и пока еще недостаточно разработанная тема представляет большой интерес и ждет своего исследователя.

В изучении предпринимательства Северо-Западной Сибири периода середины XIX — начала XX вв. в современной исторической науке традиционно выделяются три основных этапа: дореволюционный, советский и постсоветский (современный).

Первый этап — дореволюционный, пришелся на пореформенную эпоху, когда изучение истории предпринимательства, можно сказать, шло по горячим следам. В дореволюционный период первые исследования истории предпринимательства Западной Сибири появились еще на рубеже XIX—XX вв. Особенности социально-экономического развития в эпоху капитализма привели к возрастанию у современников потребности в информации, отражающей ход этого развития, и повышению требований к ее полноте и надежности, о чем свидетельствует анализ периодической печати тех лет².

Начальный этап подготовки и выхода в свет публикаций о Северо-Западной Сибири приходится на середину 50-х гг. XIX в. — конец XIX в., проходившие под знаком новых явлений, связанных с реформами 60—70-х гг. XIX в., формированием новых социально-экономических и общественно-политических структур,

с одной стороны, и под влиянием ведущих тенденций развития исторической науки — с другой. Второй этап совпадает с началом XX в. и со временем начала Первой мировой войны, повлекшей за собой изменения в политической, социально-экономической жизни губернии и страны в целом.

Поскольку первые работы по истории торговли писались современниками событий, некоторые из них являются еще и ценным историческим источником. Так, важными событиями в общественной и культурной жизни Тобольской губернии стали выход в свет с 1857 г. «Тобольских губернских ведомостей» и появление «Памятных книжек», являющихся емким информационным источником по истории торговли и промышленности. Здесь, а также в центральных изданиях публикуются работы известных исследователей края Н.А.Абрамова³, Н.В.Шелгунова⁴, М.Стопановского⁵, Г.З.Елисеева⁶, К.Губарева⁷ и др. Заметным явлением стал выход в свет трехтомника И.Завалишина⁸, являвшегося, по мнению современников, своего рода объединением «обозрений» и путевых заметок. Исследовательская работа заметно активизировалась в связи с подготовкой к празднованию 300-летия присоединения Сибири: выходит в свет издание «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири», содержащее сведения по основным отраслям жизни губернии⁹.

Интерес представляет также «Справочная книжка Тобольской губернии. Примечания к карте Тобольской губернии: по сведениям до января 1904 г.», опубликованная в 1904 г. известным исследователем Севера Сибири А.А.Дуниным-Горкавичем, немало важными в рамках освещения вопросов предпринимательства являются и другие его работы¹⁰.

Наибольший резонанс в обществе среди трудов, изданных к этой дате, получили работы Н.М.Ядринцева¹¹, обосновавшего колониальную зависимость Сибири от центральной части России.

В результате возрастающего интереса центра к освоению богатых сибирских земель появляются различные аналитические публикации современников: статьи и монографии о географическом расположении губернии, ее климатических условиях, природных ресурсах, состоянии торговли и промышленности, инфраструктуры Сибири. В этой связи наиболее информативными являются работы: П.М.Головачева, З.Вольского, М.Боголепова,

М.Н.Соболева, Кл.Оланьона, А.А.Кауфмана, уже упоминавшиеся работы А.А.Дунина-Горкавича, посвященные изучению Тобольского Севера, и др.¹²

Все исследователи дореволюционного периода дают в своих трудах полную или краткую справку о географическом расположении сибирских губерний, различных населенных пунктах, городах губернии, состоянии торговли и промыслов. Подробно характеризуются климатические условия каждой лично обследованной автором территории Тобольской губернии, как, например, в работах А.А.Дунина-Горкавича¹³, или по сведениям статистических комитетов и губернских управлений¹⁴, путевым запискам путешественников и т.д.

В таких работах основной целью был многосторонний анализ пригодности территории Сибири в целом, и Тобольской губернии в частности, для водворения переселенцев из Центральной России в период переселенческого бума. Почти все исследования были направлены на выявление географических и природных ресурсов региона с целью развития на обследуемых территориях хозяйственной деятельности, торговли и промыслов как основного исторически сложившегося вида занятий населения Северо-Западной Сибири.

Вызывает интерес вопрос: чем было вызвано появление в XIX в. значительного числа публикаций по Северо-Западной Сибири и почему взоры столицы были обращены на Сибирь, ведь до середины XIX в. как отмечает, В.А.Ламин «совокупность акций, предпринимавшихся центром в Сибири, ограничивалась тремя основными составляющими: во-первых, по мере сил, охранить уже объявленные российскими территории Сибири; во-вторых, по возможности прирастить их, но так, чтобы не вызвать конфликта с сопредельным Китаем и, в-третьих, как весьма точно замечал в 1805 г. один из сотрудников русской дипломатической миссии в Китае Ф.Ф.Вигель, “держать Сибирь, хотя она сейчас и не нужна, как медведя на привязи”»¹⁵.

Анализируя взгляды современников на проблему социально-экономического развития Сибири, В.А.Ламин приводит слова литератора-публициста Н.Б.Герсевича, высказанные им на страницах журнала «Отечественные записки» в 1841—1842 гг.: «Сибирь России не нужна, от нее одни расходы и никакой пользы.

Бесплодная Сибирь паразитирует на производительной силе исторической России, поскольку последняя prepares для нее все: от железа и тканей до пряников и сундуков. А взамен не получает ничего»¹⁶. Действительно, торговый оборот между Россией и Сибирью в его денежном выражении складывался не в пользу Сибири. Сибирь покупала в России товаров на сумму вдвое—втрое большую, чем экспортировала во встречном направлении. Иначе говоря, Сибирь являлась рынком сбыта для российских товаропроизводителей и поставщиком дешевого сырья преимущественно сельскохозяйственного происхождения.

Если общеизвестная формула, утверждающая, что торговля — двигатель прогресса справедлива, то истина, по мнению В.А.Ламина, состояла в том, что сибирский рынок сбыта промышленных изделий из России ускорял ее движение по пути торгово-промышленного прогресса. Правда заключалась в том, что Россия паразитировала на аграрно-промысловом хозяйстве Сибири, а не наоборот. Однако, как отмечает автор, Н.Б.Герсевич категорично утверждал, что Сибирь — бесплодная колония, наподобие датской Исландии, и, «питаясь соками России, сама мало от того тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы». «Капиталы, ум и предприимчивость» и в будущем будут тратиться на Сибирь напрасно. Это утверждение звучало как предложение освободиться от тяжелого бремени содержания Сибири, как призыв отделиться от Сибири. В свою очередь, другие специалисты, в том числе декабристы, полагали, что Сибирь — страна будущего¹⁷.

В связи с этим мы не можем не согласиться с мнением В.А.Ламина о том, что «Сибирь в предреформенный и постреформенный периоды находилась перед порогом, за которым впереди виделась естественная перспектива технико-экономического и социокультурного прогресса, но перешагнуть его самостоятельно, без содействия извне, она не могла, или во всяком случае на это потребовалось бы длительное время. Собственные капиталы Сибири находились на уровне, совершенно несопоставимом с масштабами затрат, необходимых для динамичного движения по пути прогресса»¹⁸. Тюмень, например, в 70-е гг. по числу капиталов в пределах Тобольской губернии занимала второе место, здесь проживало около 200 купцов первой гильдии. В процентном соотношении число капиталов г.Тюмени от общего по

губернии на 1865 г. составляло 10,08%, на 1885 г. — 43,47%, на 1893 г. — 46%. На 1892 г. в Тобольской губернии численность выбранных купечеством и торгующим населением торговых документов составила всего 9185. Если брать во внимание значительность территории губернии, цифра эта незначительная, для стабильного роста экономики в три—четыре раза требовалось ее увеличение¹⁹.

Развитие предпринимательства в регионе по-прежнему пропорционально зависело от роста производительных сил. Торговая деятельность в этот период видоизменяется, тяготея к общности рыночной системы, вовлекая тем самым Северо-Западную Сибирь в систему единого всероссийского рынка, но наличие многих самобытных черт в ней (преобладание ярмарочной торговли, неразвитая система кредитования, преимущественно меновой характер торговых операций, отсутствие капиталов, разбросанность населения, бездорожье, обширность территорий, редкая сеть городов, сохранение натуральных основ хозяйствования и характера отношений Сибири с Европейской Россией) определяет замедленные темпы ее роста.

По мнению В.А.Лamina, рост внутреннего сибирского капитала искусственно тормозился также и административными мерами центральной власти, ограничивающей или запрещающей сибирской торговле непосредственный выход на зарубежный рынок и поощрявшей ее прессинг столичным торгово-предпринимательским истеблишментом²⁰. Последующая хозяйственная политика и практика России в Сибири вплоть до рубежа XIX—XX вв., считает В.А.Ламин, объясняет в некотором смысле, почему столица обращает взгляды на Сибирь именно в этот период: во-первых, правительством планировалось движение капиталов в Сибирь, во-вторых, регион все больше превращался в монопольный рынок сбыта товаров из России; в-третьих, программа переселения населения в Сибирь была продиктована отнюдь «не нуждами и заботами» Сибири, а малоземелием в русских губерниях и возрастающей до взрывоопасной степени социальной напряженности в евросибирской деревне. Теперь Россия решала за счет переселенческих программ свои социодемографические проблемы.

Как отмечает В.А.Ламин, вопреки широко бытовавшему среди современников мнению, что в переселенческой массе преобладают

непредприимчивые, несамостоятельные, нехозяйственные, безынициативные люди, или, как их именовали, «государственные пестуны», мужики ленивые и праздные, новые хлебопашцы вместе с сибиряками-старожилами в короткий срок вывели Сибирь в ранг ведущей хлебной житницы страны. Динамика объемов сибирского аграрного производства и прежде, до переселенческой программы, весьма выразительная, оказалась настолько высокоэнергичной, что от дешевого хлебного потока, хлынувшего в Россию, пришлось, чтобы не разорить российскую деревню и земельные латифундии Поволжья, Северного Кавказа и Украины, защищаться введением специального повышенного перевозочного тарифа, так называемого Челябинского перелома. Вместо того, чтобы открыть сибирскому хлебу широкий выход на международный рынок, где только-только начинал налаживаться хлебный экспорт из Канады и Австралии, отечественные политики вкупе с естественными противниками сибирской торговли — торгово-посредническими группировками Европейской России — сделали все, чтобы этого не случилось.

Несколько иначе складывалась ситуация, когда Сибирь вышла на крупные объемы производства высококачественного коровьего масла. Инициаторы тарифных и других способов ограничения сибирской торговли маслом не получили полного удовлетворения. Но не оттого, что правительственные инстанции озаботились содействием развитию сибирского маслоделия, а всего лишь потому, что за спиной этих инициаторов не было серьезных капиталов, непосредственно заинтересованных в удушении сибирского маслоделия.

«Держать и не пущать» Сибирь из клетки сырьевого придатка, рынка сбыта европейских товаров, позволять ей лишь то, в чем обнаруживается потребность в околоправительственных сферах финансово-промышленного капитала — вот главный девиз, как отмечает В.А.Ламин, более чем 300-летней политики России в Сибири. Экономическая и социальная политика, базовым основанием которой является дискриминация по схеме: с одной стороны центр, олицетворяющий общегосударственные интересы, а с другой — регионы, периферия, провинция, окраины, в которые зачисляется вся остальная территория страны, не должна иметь собственных экономических и социальных интересов, а обязанная

служить только интересам центра, — со временем неизбежно приводит к катастрофе²¹.

Современники не всегда могли избежать субъективизма в оценке государственной экономической политики в отношении Сибири и состояния торговли в регионе, тем не менее, их труды представляют значительный интерес, поскольку являются живым отражением той эпохи. В работах Ю.Гагеймстера наблюдается попытка некоторого научного осмысления региональной специфики, пока ограниченная рамками сбора и публикации фактического материала²².

Большая группа работ дореволюционных исследователей посвящена анализу вопроса о соотношении и роли государственного и частного предпринимательства в улучшении путей сообщения, как внутренних, так и связующих с центральными областями империи²³. Отмечалось наличие высокого потенциала развития паромства на реках Зауралья²⁴. В работе А.Бубликова характеризуется интерес частного предпринимательства к строительству железных дорог в регионе²⁵. По мнению автора, допущение частного капитала к строительству, например, Уральской железной дороги должно было способствовать ускорению данного процесса. При этом он ссылаясь на мнение министра финансов Рейтерна, который считал, что «частное» железнодорожное строительство будет способствовать улучшению финансового положения страны.

И.С.Блюх, И.Х.Озеров, Н.А.Кислинский, А.С.Чупров анализировали правительственную политику в области строительства железных дорог²⁶. Следует заметить, что в работах дореволюционных исследователей достаточно критически оценивалась как политика правительства, так и деятельность российских предпринимателей в сфере железнодорожного строительства. Авторы отмечали, что работа только формально финансировалась акционерными обществами, в действительности же подавляющая часть средств предоставлялась казной. И.Х.Озеров писал о вреде, наносимом развитию транспорта Урала желанием правительства взять его под свой контроль и передать заказы на железнодорожное строительство казенным заводам. По его словам, «казенные заводы усиленно конкурируют с частными, особенно в области паровозостроения и судов, допуская скидки против цен частных заводов на 15% и рассрочку на 5 лет»²⁷.

Сведения по истории частного предпринимательства можно обнаружить в работах дореволюционных авторов, писавших о некоторых других отраслях экономики²⁸, о развитии предпринимательской деятельности в различных губерниях за Уралом²⁹, а также об отдельных предпринимателях и их организациях³⁰.

Исследования по отраслям и регионам Северо-Западной Сибири интересны тем, что в них особое внимание обращалось на изучение отраслей производства, имеющих общероссийское значение, большая роль отводилась региональному компоненту. В частности, анализировалось состояние рыбного промысла и перерабатывающего его продукцию производства³¹.

Так, А.А.Дунин-Горкавич дал характеристику крупных рыбных арендаторов, привел полный список рыбопромысловых угодий в Обдорской волости в конце XIX в. К крупным арендаторам рыбных угодий Обдорского края он отнес М.Д.Плотникова, Т.А.Витязева, Ф.Н.Карпова, А.В.Первова, С.П.Мещерякова, Д.Чупрова, И.И.Карпова, Т.И.Карпова, А.Рочева. Особенно подробно он описал деятельность торгового дома «Михаил Плотников и сыновья», тобольских промышленников Новицких и Протопоповых, О.Котовщикова, Ф.Карпова, С.Бронникова, Ф.Корнилову и др.³²

Подводя итог анализу работ дореволюционных исследователей, в целом можно отметить, что для второй половины XIX — начала XX вв. для дореволюционной историографии характерно изучение состояния предпринимательства Северо-Западной Сибири с чисто практических целей. Был собран и частично опубликован богатый фактический материал о населении городов и социальной стратификации, о торговых, промышленных и ремесленных занятиях населения, сведения об истории городов и населенных мест губерний, количестве ярмарок, торговых площадей, казенных, общественных, частных торговых заведений и т.д.

Работы дореволюционных исследователей носят прикладной характер. Часто универсальный анализ развития экономики Сибири позволял освещать проблему предпринимательства даже тогда, когда речь и не заходила о конкретных его видах и формах. В качестве самостоятельного исследования проблема изучения истории предпринимательства комплексно так и не была поставлена. Накопленный материал, первичное его обобщение, постановка исследовательских проблем составляют большую ценность

для современных исследователей истории предпринимательства. В настоящее время эти материалы стали емкими историческими источниками и успешно используются исследователями.

Значителен вклад советских ученых в разработку проблематики, связанной с историей предпринимательства (хотя термин «предпринимательство» по большей части не использовался, вместо этого вводилось определение «торговля», а в отношении ее участников — «купец», «торговая буржуазия», «капиталист», «промышленник») (при анализе и оценке литературы этого периода мы используем сложившийся в советской исторической науке терминологический аппарат. — *авт.*).

Учитывая основные направления в изучении темы, теоретико-методологические принципы и методические приемы исследователей, в советской историографии проблемы можно условно выделить несколько этапов: 20—30-е гг. и середина 60—80-х гг. XX в.

В первые десятилетия существования Советского государства (20—30-е гг. XX в.) историей торговли, торговой буржуазии не занимался практически никто. В Сибири время от времени появлялись работы, напоминавшие об историческом прошлом отдельных отраслей народного хозяйства³³.

В 40-е и 50-е гг. проблематика истории развития торговли и капиталистических отношений пореформенного периода практически не освещается, исключение составили работы Р.М.Кабо и П.И.Лященко³⁴. Обобщающую характеристику экономики Сибири, основанную на опубликованных материалах, по мнению И.И.Кротт, дал П.И.Лященко. И.И.Кротт отмечает, что среди источников местного накопления капиталов автор выделяет крупные крестьянские хозяйства, что свидетельствует о их вовлеченности в предпринимательскую деятельность, а также торговую буржуазию³⁵. Его работа «История народного хозяйства СССР», опубликованная в 1952 г., стоит особняком, попадает в период отсутствия публикаций по истории торговли региона.

Новый этап в изучении истории развития торговой деятельности региона середины XIX — начала XX вв. начинается примерно в середине 60-х гг. В этот период исследований первенство принадлежит барнаульским и томским историкам³⁶.

Весь период, начиная с 50-х и вплоть до конца 80-х гг. советскими исследователями история торговли разрабатывалась в

соответствии с идеологическими установками классовой борьбы и угнетения буржуазией рабочих масс. Вслед за В.И.Лениным советские историки вынуждены были либо стремились показать, в первую очередь роль, государства в подавлении экономических интересов трудящихся и господство капитала во всех сферах торговли. Предметом изучения также были сюжеты, касающиеся влияния правительственной политики на социально-экономическое развитие региона, проявления государственно-монополистического капитализма, тенденций развития промышленности и сельского хозяйства середины XIX — начала XX вв., история революционного движения, на фоне которого торговля и торговый капитал фигурировали как рычаг давления капитализма на рабочие массы и др.³⁷ Эти сюжеты преобладают в исследованиях на протяжении всего существования советской исторической науки. Историографических работ по данной проблеме опубликовано не было.

Литература по истории торговли Сибири в 70-е — начале 80-х гг. XX в. анализировалась в историографических работах В.Г.Мирзоева, Л.М.Горюшкина, Н.А.Миненко, М.Б.Шейнфельда³⁸. Оценка торговли советскими авторами давалась в основном через призму идеологических установок коммунистической партии, хотя в литературе конца 80-х — начала 90-х гг. можно говорить и о наметившемся постепенном уходе от марксистско-ленинских формулировок.

Более глубоко процесс изучения развития торговли в регионе рассмотрен в работе Л.М.Горюшкина³⁹, а затем в его совместной работе с Н.А.Миненко «Историография Сибири (дооктябрьского периода)», вышедшей в свет в 1984 г.⁴⁰ Авторы достаточно полно выявили и изучили имеющуюся литературу по истории дореволюционной Сибири, изданную в период до 1984 г. Работа написана в свойственных для советской науки традициях идеологизации истории, которые сказались на анализе исследований. Авторами, по нашему мнению, были несколько жестко, искусственно разведены и противопоставлены различные направления в дореволюционной литературе. Многие авторы так называемого буржуазного направления подверглись не всегда оправданной критике. Тем не менее, Л.М.Горюшкин и Н.А.Миненко отметили

значительный вклад этих исследователей в освещение проблемы развития капиталистических отношений в Сибири.

Интересной, на наш взгляд, представляется работа В.А.Скубневского «Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии»⁴¹. Работа имеет историографический характер, автором сделана попытка обзора исследований о городах пореформенной Сибири, причем анализ касается вопросов социально-экономического развития и работ, опубликованных уже после издания многотомной «Истории Сибири»⁴².

Характерной чертой советских исследований середины XX в. было то, что общая негативная оценка экономической политики царизма в них почти всегда сопровождалась комплексным анализом государственной поддержки отечественного предпринимательства⁴³. В своих работах авторы все чаще обращают внимание на отсутствие специальных исследований по проблемам развития торговли сибирских городов в советской исторической науке.

В последующие годы большое внимание историки уделяют изучению истории города, привлечению новых источников, за счет чего значительно расширяется источниковая база и проблематика исследований. Город рассматривается как торговый и промышленный центр. Роль сибирского города в развитии торговли и, соответственно, в экономике губерний обстоятельно рассмотрена в работах Д.И.Копылова, Ю.П.Прибыльского⁴⁴, В.Ю.Князева, В.Ф.Ретунского⁴⁵, Н.М.Дмитриенко⁴⁶ и др.

Появляются работы, посвященные изучению разрозненных сюжетов торговли. Среди них можно выделить статьи В.П.Бойко, Г.Х.Рабиновича, Л.Г.Сухотиной⁴⁷. Статьи В.П.Бойко посвящены изучению источников формирования крупной буржуазии, рассматривается хлебная торговля, дается оценка торгового значения города в сибирской торговле. В целом исследование заслуживает положительной оценки, но в нем нет данных по другим слоям населения, участвовавшим в торговле. Работы Г.Х.Рабиновича хронологически охватывают преимущественно период империализма. Автор дает подробный анализ состава городской буржуазии Тобольской губернии, уделяет внимание процессу развития форм монополистического капитализма в торговле. Изучая предпринимательскую деятельность буржуазии региона, автор показал картину торговой деятельности крупнейших фирм

— Второвых, Жернаковых, Кухтериных и многих других. Им подробно описана торговля таких центров, как Томск, Новониколаевск, Барнаул, торговым центрам Тобольской губернии, к сожалению, уделено незначительное внимание. Г.Х.Рабинович привлекает значительное число источников, некоторая часть источников автором фрагментарно характеризуется.

На основе статистических, опубликованных и архивных материалов Н.М.Дмитриенко характеризует динамику и структуру городской торговли Томска. В исследовании даны сравнительные показатели по другим городам Сибири, в том числе по Тюмени. Автором не рассматривалась ввозная и вывозная торговля⁴⁸.

В 1985 г. выходит в свет специальный сборник работ, посвященный вопросам историографии и источниковедения Сибири периода капитализма, подготовленный научными сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. В сборник вошли статьи по историографии и источниковедению истории буржуазии, формированию капиталистических отношений в городах и сельском хозяйстве региона, рассматриваются вопросы методики исследования истории. Среди работ, вошедших в сборник, хотелось бы отметить работу В.П.Бойко⁴⁹, посвященную исследованию сибирской периодической печати как источника по изучению крупной буржуазии Западной Сибири второй половины XIX в., статью А.В.Старцева⁵⁰, посвященную источникам по истории пушного дела в Западной Сибири 2-й половины XIX — начала XX вв.

Некоторые вопросы изучения новых форм, которые развились в торговле в пореформенный период XIX в., но корни которых уходят в более ранний период, рассматриваются в работах И.Ф.Гиндина⁵¹, Д.И.Копылова⁵², Е.И.Соловьевой⁵³, О.Н.Вилкова⁵⁴, А.А.Мухина⁵⁵. Социально-экономические аспекты развития города, неотъемлемой частью которых является торговля, поднимаются в работах В.П.Шпалтакова⁵⁶.

Серьезный вклад в изучение истории предпринимательства вносят работы Д.Я.Резуна⁵⁷. Это касается его публикаций как историографического, так и конкретно-исторического характера. Особо необходимо отметить, что под его непосредственным руководством вышло в свет такое оригинальное издание как «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири»⁵⁸.

В 90-е гг. XX в. наметился новый этап в изучении истории предпринимательства, торговли Сибири. Это связано не только с изменением экономической и общественно-политической ситуации в стране, но и с внутренними тенденциями развития научного знания. Происходит дальнейшая дифференциация в изучении истории Северо-Западной Сибири. В качестве самостоятельного объекта выделяется сибирское купечество⁵⁹.

Появляется ряд работ авторских коллективов сибирских университетов и отдельных исследователей, посвященных проблемам социально-экономического и административного развития городов Тобольской губернии и Сибири в целом⁶⁰. В 1994 г. выходят в свет «Очерки истории Тюменской области» под редакцией В.М.Кружина. Издание книги совпало с празднованием 50-летнего юбилея Тюменской области. В «Очерках» кратко характеризуются основные формы торговли, приводится динамика оборотов ярмарок, торговых предприятий города. Основное внимание уделяется процессам, происходившим в промышленности и сельском хозяйстве Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв.⁶¹

Подводя итог анализу исследовательских работ середины 60-х — начала 90-х гг. XX в., можно отметить следующее общее видение авторами проблематики.

Во-первых, все авторы стремились показать особенности социально-экономического развития сибирского региона пореформенного времени, которые, за некоторым отличием, в общих чертах подобны: основными экономическими центрами являются города, в экономике большинства городов ведущую роль играла торговля, промышленность была развита слабо и не перешла на фабричную стадию. Города имели малочисленное население, не являлись значительными центрами промышленного производства по сравнению с Центральной Россией, но они, несомненно, были организующими центрами сибирского рынка, центрами оптовой торговли. Значение сибирского города как центра торговли, особенно в пореформенный период, значительно возросло. Между тем, в большинстве публикаций о городах соответствующие торговле разделы либо отсутствуют, либо сводятся к нескольким абзацам, посвященным перечню лавок, магазинов, названий нескольких торговых фирм. Приводятся данные об оборотах торговли на какой-либо год, взятые из статистических губернских обзоров.

Во-вторых, Северо-Западная Сибирь в большинстве исследований представляется отсталым регионом страны. Авторами выделены общие параметры развития городской промышленности (количество фабрик, заводов, основные виды производства и ремесла), показана тенденция развития от мелкотоварного к мануфактурному производству, установлено количество ярмарок и других форм периодической и стационарной торговли, отмечен рост товарооборота. Однако над исследователями экономической жизни по-прежнему довели стереотипы прошлого. Наличие купцов и денежного обращения отождествляется с переходом к буржуазному обществу, а простая кооперация в производстве выдается за рассеянную или смешанную мануфактуру.

В-третьих, существует некоторая недооценка структурных различий рыночных отношений на разных стадиях его развития, рынок подчас представляется не как жизненная среда, а как нечто навязанное сверху для эксплуатации населения, оторванное от исторического процесса. Частично отрицается традиционность существовавших на территории региона форм торговли и их позитивное влияние на развитие сибирского рынка. Авторы постоянно сравнивают уровень состояния торговли Сибири с состоянием торговли России, хотя это сравнение в принципе не выдерживает критики. Из-за специфики сибирского региона здесь наблюдались характерные для сибирской торговли формы и виды, обусловленные не только зависимостью сибирского рынка от изменений в метрополии, но и сложившимися в течение веков традициями.

В конце 90-х — начале 2000-х гг. история предпринимательства, пожалуй, — все еще самый популярный сюжет. Выходит ряд работ, посвященных этой тематике, защищаются диссертационные работы. В Тюменском госуниверситете за период с 1999 по 2002 гг. защищено 3 работы, касающиеся истории предпринимательства и промышленности⁶². Торговле в этих работах уделяется внимание как вспомогательной сфере, позволяющей за счет привлечения источников по истории торговли раскрыть историю интересовавших авторов проблем. Сибирская торговля пореформенного периода нуждается в дальнейшем исследовании. Необходимо изучение не только взаимосвязи промышленности и рынков Сибири с Центральной Россией, но и изучение рынков Сибири и Урала, а также местных рынков. В настоящее время нет полного представления о соотно-

шении в городах ярмарочной и стационарной торговли. Слабо изучены и отдельные виды торговли: хлебная, мануфактурная и другие. Еще менее изучен в литературе источниковый комплекс по истории предпринимательства.

На рубеже XX—XXI вв. значительно активизировались исследования по истории Крайнего Севера Западной Сибири — полуострова Ямал. Толчок был дан подготовкой трехтомной энциклопедии по Ямалу. Создание Ямальского филиала Института истории и археологии РАН, начатая им подготовка к созданию четырехтомной истории Ямала побудили историков Урала и Сибири целенаправленно и более основательно заняться разработкой конкретных проблем истории данного региона.

В литературе, посвященной истории социально-экономического развития Ямала, можно выделить несколько направлений в изучении предпринимательства: во-первых, работы, посвященные традиционным формам товарообмена местного аборигенного и русского населения, во-вторых, формам хозяйствования (охота, пушной промысел, рыбодобыча, оленеводство, собирательство) и процентному соотношению их вовлеченности в губернский рынок, в-третьих, роли и доле участия русских купцов-промышленников в экономике региона, его развитии.

В целом, проведенный анализ литературы указывает на разрозненность сведений о развитии предпринимательства на Ямале во второй половине XIX — начале XX вв. Тем не менее, их обобщение позволяет выделить основные проблемы из истории предпринимательской деятельности в регионе, которые затрагивают исследователи. Основные из них: роль российских предпринимателей в географическом и хозяйственном освоении края; политика правительства в отношении предпринимательства на Крайнем Севере Западной Сибири и ее особенности в конкретных отраслях экономики; формы и методы предпринимательства на Ямале в пореформенный период; влияние предпринимательской деятельности русского населения на развитие региона.

Наиболее часто исследователи обращаются к вопросу о значении Обдорской ярмарки, которая к середине XIX в. стала крупнейшей на Тобольском Севере⁶³.

Можно выделить и небольшое количество специальных работ о крупных предпринимателях России, помогавших осваивать

Ямальский полуостров⁶⁴, а также о предпринимателях, имевших свое дело на Ямале⁶⁵.

Рассматривая роль российских предпринимателей в географическом освоении Крайнего Севера Западной Сибири, исследователи высоко оценивают вклад М.К.Сидорова (1823—1887) — крупнейшего российского золотопромышленника второй половины XIX в., купца первой гильдии. Он известен как меценат, поддерживавший строительство храмов, приютов, школ на Крайнем Севере, в том числе в с.Обдорское. Много внимания М.К.Сидоров уделял освоению северных окраин России. В 1852—1882 гг. он направил 1,7 млн. руб. на субсидирование исследования Северного морского пути и снаряжение экспедиций для обследования Обской губы.

Историки указывают на целый ряд причин, которые побудили его заняться этой деятельностью. Е.В.Привалова отмечает, что «со второй половины XIX в. был возобновлен вопрос о возможности и коммерческой доходности судоходства в Северном Ледовитом океане», и деятельность М.К.Сидорова вписалась в этот общий процесс⁶⁶. По словам Е.Н.Коноваловой, в конце 1850-х гг. известный сибирский промышленник М.К.Сидоров открыл месторождение графита в Туруханске⁶⁷. Е.В.Привалова подчеркивает, что «открытие в Туруханском крае месторождения графита побудило промышленника М.Сидорова искать варианты его дешевой перевозки к месту сбыта. Появилась необходимость исследовать сухопутные и водные сообщения с Печоры на Енисей»⁶⁸.

Исследователи указывают на роль М.К.Сидорова в организации других научных экспедиций. Г.И.Иванцова пишет о первой экспедиции Н.А.Э.Норденшельда (1875), изучавшего условия мореплавания по Северному морскому пути⁶⁹.

В современной литературе отмечается вклад и А.М.Сибирякова (1849—1933), одного из самых преуспевающих российских золотопромышленников XIX в., иркутского купца первой гильдии, в субсидирование научных экспедиций по исследованию Крайнего Севера Западной Сибири. Он создавал свой капитал различными способами. По мнению Л.В.Сапоговской, Сибиряковы были причастны к винным откупам. А.М.Сибиряков занимался золотопромышленностью в сочетании с пароходным бизнесом⁷⁰.

По мнению современных исследователей, значительную роль предприниматели сыграли в модернизации жизненного и хозяйственного укладов коренного населения Ямала. И.В.Побережников время с начала XIX до начала XX вв. определяет как этап ранней модернизации Крайнего Севера Западной Сибири⁷¹. Исследователи подчеркивают, что особенности этого процесса на Крайнем Севере Западной Сибири определялись как структурой его экономики, так и политикой правительства в данном регионе.

Е.В.Привалова отмечает, что экономика Обского Севера в изучаемый период носила сырьевую направленность в связи с удаленностью рынков сбыта. Для аборигенного населения было характерно комплексное хозяйство, сочетавшее в разных пропорциях рыболовство, оленеводство и охоту. С середины XIX в. в связи с упадком добычи пушнины и промысла дикого оленя на первой место в экономике края выдвинулось промышленное рыболовство⁷². По мнению И.В.Побережникова, «в экономике районов Крайнего Севера Западной Сибири складывается многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения»⁷³.

Исследователи отмечают несколько экономических факторов, способствующих внедрению товарно-денежных отношений в хозяйство северного края. Главную роль в развитии предпринимательства на Ямале играло русское население, однако не местное, а из других регионов. Русское торгово-промышленное предпринимательство было основано на рыболовстве и торговле с инородцами⁷⁴. И.В.Побережников пишет: «Не менее заметную роль в этом плане в Северо-Западной Сибири сыграли зыряне-ижемцы, появившиеся в Березовском округе в первой половине XIX в. и к концу столетия дисперсно расселившиеся в иноэтнической среде от р.Ляпин до Байдарацкой губы»⁷⁵. По словам Т.И.Бакулиной и В.П.Петровой, «размещались они главным образом в Обдорске, занимались в основном торговлей, значительная часть их стала оленеводами, кочевала в тундре и лесотундре»⁷⁶. «Будучи оторванными от первичного окружения и не наделенные казенной землей в Березовском округе (они оставались прописанными в Архангельской губернии), коми-ижемцы в значительной степени были вынуждены специализироваться на торгово-посреднической деятельности, в частности, между Печорой и Обью»⁷⁷.

Исследователи характеризуют государственную политику русского правительства, которая оказывала сильное влияние на развитие предпринимательской деятельности на Ямале. Основы этой политики для районов Крайнего Севера Западной Сибири были заложены еще в 1822 г. в «Уставе об управлении инородцев».

Е.М.Главацкая указывает на то, что русским строго запрещалось «самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных»⁷⁸. Возможно, именно это обстоятельство объясняет наличие на Севере Западной Сибири устойчивой формы меновой торговли и продажи в кредит, а также создание государством запасных магазинов.

По словам Т.И.Бакулиной и В.П.Петровой, «русское население на Обском Севере до начала XX в. было малочисленным, отчасти из-за тяжелых природных условий, не позволявших заниматься земледелием, но в большей степени это объясняется государственной политикой, которое оберегало инородческое население. На Обском Севере долгое время не разрешалось селиться, охотиться, вести свободную торговлю на угодьях коренных жителей»⁷⁹. Это не мешало, тем не менее, складыванию повсеместно на Севере Западной Сибири ситуации, когда инородцы находились в полной экономической зависимости от русских торговцев.

Особенной, как отмечают современные исследователи, была государственная политика и в отношении предпринимательской деятельности в каждой отрасли экономики Обдорского края. Большое внимание исследователи уделяют развитию предпринимательской деятельности в рыболовстве Обдорского края. Е.В.Перевалова пишет: «В конце XVIII в. в Нижнем Приобье зарождается рыбный рынок и рыбопромысловое предпринимательство. Ежегодно сюда направлялись промысловые суда туринцев и тоболяков, совмещая добычу рыбы со скупкой ее у местного населения». Промышленная добыча рыбы началась в XIX в., когда «повсеместно практикуется аренда (“кортом”) рыболовных угодий у коренных жителей»⁸⁰. По словам И.В.Побережникова, «при этом традиционное хозяйство аборигенов в значительной мере подвергается деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала. Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду приводит к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в

сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства»⁸¹.

Е.В.Перевалова считает, что «к середине XIX в. сдача инородцами рыболовных угодий в аренду купцам и рыбопромышленникам достигла широкого размаха»⁸². По словам Е.М.Главацкой, «никакие ограничительные меры властей не смогли предотвратить того, что к середине XIX в. приезжие промысловики и местные русские арендаторы превратились в реальных хозяев рыболовных угодий по Нижней Оби»⁸³.

Е.В.Перевалова наиболее обстоятельно характеризует правительственную политику в области рыболовства во второй половине XIX — начале XX вв. Она отмечает: «Власти стремились сохранить рыболовные угодья Березовского края за коренным населением. По новому положению аренда неводных песков и прочих промысловых мест: ям, соров, проток, салм, плавных песков — у остяков и самоедов ограничивалась четырьмя годами, по истечению срока должен был заключаться новый контракт. Арендные отношения с инородцами оформлялись в письменном виде при согласии двух третей всех вотчинников. Правовое значение документ приобретал после регистрации в инородной управе и у обдорского земского заседателя. В договорах непременно оговаривались условия аренды»⁸⁴. Она сообщает, что в 1866—1868 гг. было возбуждено дело «Об ограждении интересов инородцев Березовского округа по рыбопромышленности». Среди тех, кто проходил по делу, были тобольский купец Плотников, березовские купцы Нижегородцевы, Поповы, Чупровы⁸⁵.

При характеристике арендаторов современные исследователи ссылаются на монографию А.А.Дунина-Горкавича «Тобольский Север», в которой приведен полный список рыбопромысловых угодий в Обдорской волости и имена людей, арендовавших их в конце XIX в. В то же время следует обратить внимание на то, что современные авторы оперируют различными фамилиями.

Т.И.Бакулина и В.П.Петрова относят к крупным арендаторам рыбных угодий Обдорского края М.Д.Плотникова, Т.А.Витязева, Ф.Н.Карпова, А.В.Первова, С.П.Мещерякова, Д.Чупрова, И.И.Карпова, Т.И.Карпова, А.Рочева⁸⁶. Е.В.Перевалова среди крупных арендаторов называет торговый дом «Михаил Плотников и сыновья», промышленников Новицких и Протопоповых,

О.Котовщикова, Ф.Карпова, С.Бронникова, Ф.Корнилову⁸⁷. По нашему мнению, к крупным рыбопромышленникам Обдорского края в XIX в. можно отнести также купцов Матюшиных⁸⁸.

В литературе специальное внимание уделено деятельности Михаила Даниловича Плотникова (1826—1910) — купца третьей гильдии, который занимался оптовой и розничной торговлей. В 1864 г. он создал собственное пароходство, которое к концу его жизни насчитывало 100 пароходов, плавающих в Нижнем Приобье, в частности, в Обдорск. В 1866 г. он основал первое в Западной Сибири предприятие по производству бумаги. Им был основан торговый дом «Плотников и сыновья», имевший агентства в Березове и Обдорске⁸⁹. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова отмечают, что «Торговый дом “Михаил Плотников и сыновья” арендовал Куруптинский (Круптинский) песок у юрт Вонтяжских, у ханты юрт Аксарковских — песок Сумутнель и Аксарковский. Кроме денежной аренды Плотников выплачивал ежегодно 30 пудов ржаной муки»⁹⁰.

Н.А.Повод отмечает роль коми-ижемцев в развитии предпринимательской деятельности в области рыболовства на Ямале. Она пишет: «Длительная аренда рыболовных угодий коми-ижемцами у коренного населения привела к тому, что некоторые коми получали промысловые пески фактически в пожизненное владение, из среды коми начали выделяться рыбопромышленники»⁹¹.

По словам Е.В.Переваловой, в дальнейшем «правительство неоднократно принимало меры по сохранению рыбных богатств Сибири. В соответствии с положением Совета Главного управления Западной Сибири (1879 г.) на регион распространялись меры по регулированию рыбного промысла, разработанные в общегосударственном Уставе сельского хозяйства. Устав запрещал употребление снастей и приемов добычи, препятствующих свободному ходу рыбы из морей и озер в речное устье. По уставу сельского хозяйства 1903 г. был запрещен хищнический лов рыбы самоловами (вид перемета с большими крючками). В 1895—1896 гг. Министерством земледелия и государственных имуществ для исследования состояния рыболовства бассейна реки Обь был командирован Н.Варпаховский»⁹².

Исследователи описывают усилия предпринимателей по организации переработки рыбы в Обдорском крае. В 1898 г. была

открыта первая консервная фабрика, принадлежавшая торговому дому «Михаил Плотников и сыновья». Она была открыта в Пит-лярских юртах, в Обдорске был ее филиал. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова пишут: «В 1900 г. в 70 верстах по Оби ниже Обдорска на Сумутнельском песке фирма открыла Аксарковское отделение консервной фабрики, даже перевезли туда здание из Тобольска. В начале века там работало чуть более 20 человек. Мастеров, специалистов по изготовлению рыбных консервов фирма обучала в Обдорске, Тюмени, Тобольске, а паяльщиков выписывали из Одессы»⁹³.

М.Д.Плотников укомплектовал предприятие новейшим оборудованием из Швеции, что позволило преобразовать Обдорский филиал в самостоятельную рыбоконсервную фабрику. Ее производительность составляла 90 тыс. банок в год. Продукция фабрики неоднократно получала награды на международных выставках⁹⁴.

Е.В.Перевалова отмечает, что в 1901 г. в Обдорском крае появилось еще одно консервное предприятие, принадлежавшее Е.Новицкому⁹⁵.

В современной литературе по истории предпринимательства Северо-Западной Сибири XIX — начала XX вв. как одно из тематических направлений можно выделить изучение роли традиционных способов хозяйствования аборигенов региона в товарообмене как одной из форм предпринимательской деятельности.

Многие авторы отмечают тот факт, что предпринимательская деятельность в оленеводстве Ямала имела существенные особенности. Оленеводством в Обдорском крае занимались самоеды, остяки, зыряне и отчасти русские. Ненецкое оленеводство было слабо связано с рынком и полностью обеспечивало потребности владельцев стад. Предпосылкой для внедрения товарно-денежных отношений в эту отрасль можно считать то, что к середине XIX в. поголовье стад оленей значительно увеличилось. Размеры стад колебались от 200—300 до 2—3 тыс. и более голов⁹⁶. По словам В.П.Петровой и Г.П.Харючи, это стало причиной социального расслоения среди коренного населения. Они пишут: «Существовал минимум оленей, необходимых для удовлетворения семьи в пище и в одежде за счет естественного прироста стада. Для тундровой зоны этот минимум определялся 200—250 голов»⁹⁷. Естественно, что стадо, превышающее данное

количество оленей, содержалось для товарных целей, что еще раз подтверждает вовлеченность коренного населения в торговую деятельность.

Исследователи основательно проанализировали вклад коми-ижемцев в развитие предпринимательской деятельности в области оленеводства в Обдорском крае во второй половине XIX — начале XX вв.

Н.А.Повод пишет, что «коми переселенцы смогли приспособить к новым условиям традиционную систему ведения оленеводческого хозяйства»⁹⁸. По словам А.П.Зенько, «коми-ижемцы придали оленеводству товарный характер, усовершенствовали породу оленей и формы выпаса и по количеству оленей вскоре превосходили ненцев»⁹⁹. И.В.Побережников подчеркивает: «Коми-ижемцы усовершенствовали заимствованную у ненцев систему оленеводства: ввели лучший уход, больший забой скота из-за боязни падежей, передвинули сроки перекочевок на 3—4 недели, что позволяло сохранять молодняк и сокращало сами расстояния перемещений»¹⁰⁰. Е.В.Перевалова отмечает: «Разведение оленей зырянами предпринимается исключительно с коммерческими целями — продажа оленьего мяса и шкур (ежегодно забивалась 1/5 часть поголовья). Если самоеды заготавливали по 30—50 туш в год, то зыряне производили до тысячи (1—1,8 руб. за пуд)»¹⁰¹. А.В.Старцев и Ю.М.Гончаров указывают, что у зырян оленей было больше, чем у ненцев, раз в 400; зыряне обеспечивали Север оленьим мясом, одеждой из оленьих шкур (гуся, малицы) и др.¹⁰²

Следует констатировать, что в современной литературе нет единства в оценке предпринимательской деятельности коми-ижемцев на Ямале. А.А.Южаков и А.Д.Мухачев пишут, что «одни исследователи считают процесс товаризации или коммерциализации оленеводства в целом положительным явлением, другие обвиняют коми-ижемцев в перераспределении этнической собственности ненцев — домашних оленей в свою пользу, закабалении кочующего населения»¹⁰³.

Н.А.Повод отмечает, что развитие оленеводства ижемцев «определялось постоянной рационализацией технологических приемов и целенаправленной селекционной работой с целью максимального получения либо продуктов оленеводства (мяса, шкур),

либо с упором на разведение так называемых “возовых” оленей»¹⁰⁴.

Достаточно развитой отраслью экономики Ямала с точки зрения развития предпринимательства была торговля. Е.В.Перевалова указывает, что «Устав об управлении инородцами» 1822 г. объявлял свободу частной торговли с туземцами. Вводилась круглогодичная торговля в городах и русских селениях. Однако сохранялись запреты на ярмарочный торг до полной уплаты ясака инородцами и на куплю-продажу в местах их проживания¹⁰⁵.

В XIX — начале XX вв. частной торговлей занималось почти все русско-зырянское население (купцы, мещане, крестьяне) Обдорска, Мужей, Кушевата. Мелкие промышленники и торговцы, осуществлявшие скупку пушнины непосредственно у инородцев, играли первостепенную роль в товарообороте Нижнего Приобья. Н.А.Повод пишет: «Практиковались различные формы торговой деятельности — ярмарочная стационарная, выездная, существовала также нелегальная продажа спиртных напитков»¹⁰⁶.

В современной литературе высказываются различные мнения по поводу того, кто играл наиболее важную роль в торговом предпринимательстве на Крайнем Севере Западной Сибири. По мнению Е.В.Переваловой, основные «выгоды от торговли с инородцами сосредотачивались преимущественно в руках тобольских (Бронников, Корнилов) и березовских купцов, державших в Обдорске своих доверенных лиц»¹⁰⁷.

С.В.Туров считает, что ижемские зыряне создавали конкуренцию русским торговцам, не позволяя им монополизировать товарообмен с аборигенным населением¹⁰⁸. Н.А.Повод пишет: «Богатые коми-ижемцы монополизировали торговлю почти всеми продуктами оленеводства и, частично, рыбой и пушниной. Крупных торговцев среди коми не было, но их хорошие знания местных условий и тесные связи с коренным населением позволяли им успешно конкурировать с русскими, особенно мелкими торговцами. В то же время их деятельность была выгодна крупным местным и тобольским торговцам, которые практиковали передачу товаров мелким торговцам в долг, под реализацию»¹⁰⁹. И.В.Побережников подчеркивает: «Зыряне стали оплотом Обдорской ярмарки, выполняя здесь посредническую функцию между ненцами-оленьеводами и приезжими русскими купцами»¹¹⁰.

Н.А.Повод пишет: «В середине XIX в. они продавали на ярмарках в основном рыбу, пушнину, оленье шкуры, медные и железные изделия, а вывозили, в первую очередь, муку и хлеб, пушнину, оленье кожи, причем объем стоимости скупаемой продукции почти в три раза превышал объем продаваемых товаров. К концу XIX — началу XX вв. коми продавали в основном оленье мясо и шкуры, кроме того — металлические изделия, деревянную посуду и другие предметы утвари; закупали большей частью оленье шкуры и рыбу. Товары, закупленные коми-ижемцами в Tobольской губернии, в дальнейшем переправлялись в Архангельскую губернию»¹¹¹.

Особая политика проводилась правительством в северных районах Сибири в отношении винной торговли. В 1833 г. был разрешен ввоз к инородцам «горячих» напитков, с этого времени они получили право ввозить спиртное в свои стойбища, в том числе и для продажи. В 1847 г. было создано акцизно-откупное комиссионерство, а с 1861 г. введен акциз¹¹².

Государство категорически запрещало торговлю с инородцами чиновникам и священникам. Е.В.Перевалова пишет: «В предписании генерал-губернатора Западной Сибири “О беспорядках и злоупотреблениях в Обдорске, Сургуте и Пельме” (1860—1861 гг.) отмечалось, что земские чиновники “потворствуют” местным торговцам, позволяя им ввозить вино с “дуращими подмесеями” и продавать его инородцам “по баснословным ценам”, несмотря на “строгое воспрещение”. Пользуясь страстью инородцев к вину во время ярмарок, они спаивают их с вымогательством за это пушнины, а что всего безнравственнее, сами должностные лица принимают участие в этом зловредном торге»¹¹³.

Российское правительство пыталось преодолеть имеющиеся злоупотребления в винной торговле усилением роли государства в этой отрасли. В 1889 г. в Обдорске был открыт общественный кабаk. Управление им осуществляли выборные доверенные лица из членов сельской общины. Из доходов обдорского кабака сельским обществом уплачивались государственные налоги, сборы, содержались школа, больница. Остатки от прибыли, примерно 20—30 руб. на человека, делились поровну между членами сельского общества. С открытием кабака в Обдорском крае улучшилось качество вина, уменьшилась его стоимость, но возросло

пьянство¹¹⁴. В 1902 г. была введена винная монополия. Надзор за торговлей возлагался на органы администрации городов и сел. В с.Обдорское в начале XX в. водка-углевка стоила 50 коп. за бутылку, столовая водка — 70 коп. Пиво завозилось в Обдорское пароходами и продавалось в судовом буфете¹¹⁵.

До 1899 г. была широко распространена тайная винная торговля. Водка разбавлялась водой, иногда наполовину, смешивалась с купоросом и табаком. Стоимость одной бутылки такой смеси достигала 1 руб. Вся подпольная продукция сбывалась в основном инородцам во время проведения торгов в городе или при меновой торговле. С тайной винной торговлей государство боролось различными методами: от взимания штрафов до заключения под стражу. С появлением государственных кабаков кормчество уменьшилось, но не исчезло совсем. Тайная винная торговля развернулась в тундре. Торговцы загружали нарты водкой и разъезжались зимой по самоедским чумам, летом — по рыболовным станам. Винной торговлей нередко занимались богатые самоеды. В целом, объемы винной торговли постоянно увеличивались. В среднем в год продавалось по ведру вина на семью¹¹⁶.

Т.И.Бакулина и В.П.Петрова пишут: «Торговцы старались угостить коренных северян, сопровождая угощение водкой. Такой способ торговли приводил не только к спаиванию ненцев и ханты, но и способствовал их обману в ходе обмена. В конце XIX в. местные жители все чаще стали ратовать за то, чтобы угощение было чайное, а не водочное»¹¹⁷.

В конце XIX — начале XX вв. на северных окраинах Нижнего Приобья появляются частные промышленно-торговые фактории. По словам Т.И.Бакулиной и В.П.Петровой, «крупные промышленники и торговцы стали устраивать в тундре фактории, где могли продавать товары в течение всего года»¹¹⁸. Е.В.Привалова приводит конкретные примеры деятельности факторий в Обдорском крае. На р.Пур братьями Тетюцкими было основано «Пуринское заведение — Ивадонадо», куда ежегодно отправлялось до 1000 пудов ржаной муки, 20 пудов кренделя, 15 пудов сахара, 30 пудов табака, 20 ведер спирта. Они ежегодно скупали у низовых самоедов пушнины на 30—35 тыс. руб. и вывозили мороженой, сухой и соленой рыбы на 7,5 тыс. руб. На становищах Хэ и

Ныда вели круглогодичную торговлю промышленники Турков и Попов, на р.Таз — тобольский купец Нартымов¹¹⁹.

В то же время исследователи указывают на охранительную политику государства в этой области. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова пишут: «Российское правительство стремилось обеспечить народы Севера продовольствием и боеприпасами. Снабжение хлебом велось через хлебозапасные магазины. Такой магазин имелся в Обдорске, там мука спускалась в долг на несколько лет, рассчитаться можно было пушниной или деньгами, что позволяло спасти местное население от голода. В этом же магазине можно было взять порох и свинец по более дешевым ценам, чем у частника»¹²⁰.

Исследователи с различных сторон оценивают влияние предпринимателей на жизненный и хозяйственный уклад населения Обдорского края во второй половине XIX — начале XX вв. И.В.Побережников считает, что «к рубежу XIX — XX вв. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственная деятельность»¹²¹.

В.П.Петрова и Г.П.Харючи пишут: «Втягивание натурального хозяйства в рыночные отношения, проникновение на Север недобросовестных торговцев, социальное расслоение стали все сильнее влиять на жизнь ненцев. Тяжелые условия жизни, голод, болезни, начавшееся пьянство разрушающе действовали на существующее в тундре равновесие человека и природы»¹²². По словам Т.И.Бакулиной и В.П.Петровой, «тяжелое положение северян из-за эпидемий, голода в результате массового падежа оленей усугублялось бессовестным грабежом рыбопромышленников и торговцев, спаивавших аборигенное население, мздоимством чиновников, захватом угодий и пастбищ»¹²³.

Е.М.Главацкая пишет: «Предпринимательская деятельность купцов и крестьян вынуждала хантов переселяться в отдаленные районы. В то же время развитие товарно-денежных отношений, превращение рыболовного промысла в товарную отрасль хозяйства

способствовали концентрации населения вблизи богатых песков и административно-торговых центров»¹²⁴.

По словам Н.А.Повод, «торгово-посредническая деятельность коми имела большое значение для Березовского округа, в частности, способствовала обеспечению коренного населения необходимыми товарами, развитию товарно-денежных отношений, формированию ценовой политики, углублению торговой конкуренции. Торговая деятельность коми связывала северные окраины Тобольской губернии с центральными городами европейской части России и, с помощью транзита, — с Центральной Европой»¹²⁵.

С нашей точки зрения, исследование роли предпринимательства в освоении Обдорского края во второй половине XIX — начала XX вв. должно быть продолжено. История предпринимательства на Крайнем Севере Западной Сибири — это не просто интересная исследовательская проблема. Эта проблема важна и с точки зрения доказательства того, что модернизационные процессы в этом регионе имели собственных носителей.

Краткий историографический анализ литературы конца XX — начала XXI вв. показывает, что, несмотря на определенные достижения в изучении предпринимательства Северо-Западной Сибири середины XIX — начала XX вв., этот вопрос пока еще изучен слабо и, несомненно, нуждается в специальном исследовании. Несмотря на обилие публикаций, посвященных региону, историография истории предпринимательства пока еще только формируется. Остается множество нерешенных проблем, в основном это такие вопросы как разработка теоретико-методологических принципов, подходов, критериев оценки существующей литературы и самой предпринимательской деятельности, формирование категориального и терминологического аппарата.

Как показал историографический анализ, сегодня наблюдается некоторая неравномерность в изучении различных аспектов предпринимательства: активно изучаются вопросы о роли частного капитала в освоении региона, о численности и социальном составе предпринимательской среды, таких формах торговой деятельности, как ярмарочная, меновая, оптовая торговля, но, за небольшим исключением, нет работ, посвященных анализу специализации товарно-сырьевого рынка региона, специализации

предпринимательской деятельности, ее направленности, формах и видах, еще меньше работ, посвященных анализу формирования и состава источникового комплекса по истории предпринимательства. Дальнейшая научная разработка таких вопросов истории предпринимательства Северо-Западной Сибири указанного периода поможет значительно обогатить современную историческую науку.

Примечания

¹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (в домарксистский период). М., 1970; Горюшкин Л.М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск, 1973; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири до-октябрьского периода (кон. XIX — нач. XX вв.). Новосибирск, 1984; Дмитриенко Н.М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма. Томск, 1985. С. 98—108; Скубневский В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 84—97; Зиновьев В.П. Промышленное и транспортное освоение Сибири во второй половине XIX в. в советской историографии: Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск, 1988; Горюшкин Л.М., Ламин В.А., Резун Д.Я. Исторический опыт развития предпринимательства в Сибири // Всероссийская конференция по экономическому развитию Сибири. Новосибирск, 1993. С. 1—20, и др.

² В 1860 в России вышло около 2 тыс. названий периодической продукции на разных языках, а в 1895 г. российские типографии выпустили 8,7 тыс. наименований книг общим тиражом около 40,8 млн. экземпляров. Более того, по данным известного библиографа Н.Рубакина, в 1905 г. нищая и безграмотная Россия занимала 1-е место в мире по количеству печатной продукции на душу населения. См.: Рубакин Н. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. 1909. № 12. Отд. II. С. 20.

³ См.: Абрамов Н.А. Город Тюмень (в сокращении) // Беспалова Л.Г. Живое прошлое (писатели XIX в. о Тюмени). Свердловск, 1987. С. 70.

⁴ Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге // Русское слово. 1863. № 2. Отд. I. С. 32.

⁵ Стопановский М. Из воспоминаний о Тобольске // Очерки. 1863. 23 января. № 2.

⁶ Елисеев Г.З. О Сибири // Современник. 1858. № 12. Отд. II. С. 179; Он же. Русское слово. 1863. № 2. Отд. I. С. 7.

⁷ Губарев К. Путевые заметки от Тобольска до Березова // Современник. 1863. № 1—2. Отд. I. С. 363.

⁸ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Общ-во распространения полезных книг. М., 1862.

⁹ Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881.

¹⁰ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904; Он же. Обзор современного положения и нужд Тобольского Севера. Тобольск, 1905; Он же. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. СПб., 1910; Он же. Справочная книжка Тобольской губернии. Примечания к карте Тобольской губернии: по сведениям до января 1904 г. Тобольск, 1904; Он же. Материалы по исследованию низовьев реки Оби, произведенному в 1908 году в промыслово-экономическом, географическом и судоходном отношениях. Тобольск, 1909.

¹¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею 300-летия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности. СПб., 1882; Он же. Сибирь как колония. СПб., 1892; Он же. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 1892.

¹² Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914; Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. Изд. 1-е, 1908; Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908; Соболев М.Н. Добывающая и обрабатывающая промышленность // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. Оланыон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1904.

¹³ Дунин-Горкавич А.А. Справочная книжка Тобольской губернии; Он же. Тобольский Север. Т. 2.

¹⁴ Статистический обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск, 1900; Описание Тобольской губернии. Тобольск, 1916.

¹⁵ Ламин В.А. Аналитический обзор методологии исследований истории регионального социально-экономического развития // История Ямала: дискуссии и научные решения. Салехард; Екатеринбург, 2006. С. 20—48.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Еланцева О.П. Источники по истории торговли Тобольской губернии в пореформенный период (1861—1914 гг.): Дис.... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. С. 206, 254.

¹⁸ Ламин В.А. Аналитический обзор методологии исследований истории регионального социально-экономического развития. С. 20—48.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гагеймстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854.

²¹ Романов Д.И. Сибирско-Уральская железная дорога. СПб., 1868; Колупанов Н.Н. Экономическое значение северного направления Уральской линии. СПб., 1869; Шипов Д.Н. Уральская железная дорога. СПб., 1869; Нуоров Н. Записка о Сибирско-Уральской железной дороге. СПб., 1870; Островский Н.О. К вопросу о железных дорогах в Сибири. Пермь, 1880; Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881; Рыбаков Д., Белов В. Наши пути сообщения. СПб., 1882; Верховский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно. СПб., 1898; Маляревский Г.Я. О проведении железной дороги до города Тобольска, как

средство к оживлению севера Западной Сибири: Доклад, составленный по поручению железнодорожной комиссии Н.Я.Маляревским, одобренный Тобольской городской думой. Тобольск, 1905 и др.

²² Михайлов П. Судоходство по р.Каме и ее притокам. СПб., 1877; Шулятников М. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. М., 1893; Лаврухин А. Нужды Западно-Сибирского судоходства. Тюмень, 1901; Левитов И. Сибирское судоходство. Екатеринбург, 1901.

²³ Бубликов А. Частное железнодорожное строительство последних лет. СПб., 1914.

²⁴ Там же. С. 12.

²⁵ Блиох И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние общества. СПб., 1878; Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам Комитета Министров: В 3 т. СПб., 1902; Чупров А.И. Об установлении правительственного контроля за денежными оборотами железнодорожных обществ // Чупров А.И. Речи и статьи. М., 1909. Т. 3.

²⁶ См.: Кризис Пермской солепромышленности // Зап. Перм. отд-я имп. Русск. техн. общ-ва. 1908. Вып. 5; Мурашкинцев А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири: Отчет о командировке в Тобольскую губернию. СПб., 1902; Звездин Л. Краткий очерк возникновения и развития в Тобольской губернии маслоделия // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1910.

²⁷ См.: Смышляев Д.Д. Сведения о промышленности в некоторых зауральских уездах // Сб. Пермского земства. 1873 (июль—август); Юшков И.Н. Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии. 1876 год. Б/м., б/г.; Голодников К. Тобольская губерния накануне трехсотлетней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 1; Он же. Материалы по исследованию низовьев реки Оби... и др.

²⁸ См.: Левитов И. Сибирские коршуны. СПб., 1894; Сибиряков А. К вопросу о внешних рынках Сибири. Тобольск, 1894; Штейнфельд Н.П. Горнопромышленные съезды в Екатеринбурге // Сб. мат. для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1989. Вып. IX, и др.

²⁹ См.: Варпаховский Н.А. Рыбный промысел в бассейне реки Оби. Тобольск, 1896; Дунин-Горкавич А.А. Доклады по вопросам рыболовства в Тобольской губернии. Тобольск, 1910.

³⁰ См.: Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 1. С. 135, 138.

³¹ Березин Н.И. Материалы по вопросу о вывозе из Западной Сибири пищевых продуктов (хлеб, мясные товары и скот, масло) и животного сырья (кожевенные товары и шерсть) и положение Западно-Сибирского района по отношению к общерусскому и мировому рынкам этих продуктов. М., 1921; Вельман В. Финансовое положение Сибири и наши задачи // Жизнь Сибири. 1922. № 4; Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1923; Назаров Ф. Сибирская торговля до войны и теперь // Жизнь Сибири. 1924. № 56 С. 5—8.;

³² Кабо Р.М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии. М., 1949; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 2. Капитализм.

³³ Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. (историография вопроса) // Источниковедческие и историографические аспекты Сибирской истории: коллективная монография. Ч. 1 / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2006. С. 164.

³⁴ Дихтярь Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960; Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири. Томск, 1965; Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торговли и торгово-ростовщического капитала в Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1965. С. 37—43; Борзунов В.Ф. Из истории формирования сибирской буржуазии в конце XIX — начале XX вв. // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул, 1968; Мосина И.Г. Состав и численность буржуазии Сибири в период империализма // Уч. зап. Томского пед. ин-та. Томск, 1969; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975.

³⁵ Лященко П.И. История народного хозяйства. Т. 2. Капитализм; Гринберг Ц. Революционное движение в Тобольской губернии. Тюмень, 1961; Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири; Гиндин И.Ф., Иванов Л.М. О неравномерности развития российского капитализма // Вопросы истории. 1965. № 9. С. 125; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Томск, Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма, 1968; Боханов А.Н. Российское купечество конца XIX — начала XX вв. // История СССР. 1985. № 4. С. 50—57 и др.

³⁶ Мирзоева В.Г. Историография Сибири (в домарксистский период). М., 1970; Горюшкин Л.М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск, 1973.

³⁷ Горюшкин Л.М. Историография Сибири.

³⁸ Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири. Новосибирск, 1984.

³⁹ Скубневский В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии. С. 53—64.

⁴⁰ История Сибири. Т. 1—5. Л., 1968—1969.

⁴¹ Лященко П.И. История народного хозяйства. Т. 2; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма, 1968; Боханов А.Н. Российское купечество конца XIX — начала XX вв. С. 50—57.

⁴² Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск, 1969.

⁴³ Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск, 1986.

⁴⁴ Дмитриенко Н.М. Торговля г.Томска в период капитализма. Томск, 1987.

⁴⁵ Бойко В.П. Крупная буржуазия Тюмени во второй половине XIX в. // 400 лет Тюмени: история и современность: Тез. докл. и сообщ. городской науч. конф. Тюмень, 1986; Рабинович Г.Х. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983 №. 3. С. 19.

⁴⁶ Дмитриенко Н.М. Торговля г.Томска в период капитализма.

⁴⁷ Бойко В.П. Сибирская периодическая печать как источник по изучению крупной буржуазии Западной Сибири второй половины XIX в. // Вопросы

историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 53—64.

⁴⁸ Старцев А.В. Об источниках по истории пушного дела в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 64—75.

⁴⁹ Гиндин И.Ф. Банки и промышленность в России до 1917 г. К вопросу о финансовом капитале в России. М., 1927; Гиндин И.Ф., Иванов Л.М. О неравномерности развития российского капитализма. С. 125.

⁵⁰ Копылов Д.И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Свердловск, 1973.

⁵¹ Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

⁵² Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири. Новосибирск, 1990.

⁵³ Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма 1861—1917 гг. М., 1972; Он же. Взаимодействие технического и социально-экономического развития Сибири в конце XIX — начале XX вв. Свердловск, 1989.

⁵⁴ Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997.

⁵⁵ Резун Д.Я. О населении Западной Сибири на рубеже XVIII—XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991; Он же. Сибирское купечество: страницы истории // Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 3. С. 176.

⁵⁶ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 7 т. Новосибирск, 1995.

⁵⁷ Ноздрев Г.А. Российское купечество в Сибири // Деловая Сибирь. 1993. № 18. С. 4—5.

⁵⁸ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Тюмень, 1995.

⁵⁹ Очерки... Гл. V—VI. С. 99—119.

⁶⁰ Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999. С. 3; Васильева Л.В. Частное предпринимательство в городах Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2001; Еланцева О.П. Источники по истории торговли Тобольской губернии в пореформенный период. 2002.

⁶¹ См.: Санду Т.А. Обдорская ярмарка // Словцовские чтения — 99. Тюмень, 1999; Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX в.: Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002, и др.

⁶² См.: Еланцева О.П. Сибиряков Александр Михайлович // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Салехард, 2004. Т. 3. С. 83; Она же. Сидоров Михаил Константинович // Там же. С. 84, и др.

⁶³ См.: Задорожная О. Плотников и сыновья // Югра. 1999. № 1; Еланцева О.П., Еманов А.Г. Плотников Михаил Данилович // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. С. 292.

- ⁶⁴ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен. Салехард; СПб., 2000. С. 239.
- ⁶⁵ Коновалова Е.Н. Кушелевский Юрий Иннокентьевич // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. С. 81—82.
- ⁶⁶ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 240.
- ⁶⁷ См.: Там же. С. 243.
- ⁶⁸ См.: Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX—XX вв. Урал и Сибирь: модели развития. Екатеринбург, 1998. С. 191, 197.
- ⁶⁹ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 34.
- ⁷⁰ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 414.
- ⁷¹ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 39.
- ⁷² См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 414.
- ⁷³ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 39.
- ⁷⁴ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 29.
- ⁷⁵ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 40.
- ⁷⁶ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. С. 95.
- ⁷⁷ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 29.
- ⁷⁸ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 419.
- ⁷⁹ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 39.
- ⁸⁰ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 419.
- ⁸¹ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. С. 107.
- ⁸² Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 419.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 38—39.
- ⁸⁵ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 421.
- ⁸⁶ Еланцева О.П. Рыболовный промысел // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 38—41.
- ⁸⁷ См.: Еланцева О.П., Еманов А.Г. Плотников Михаил Данилович. С. 292.
- ⁸⁸ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 39.
- ⁸⁹ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 15.
- ⁹⁰ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 419.
- ⁹¹ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 37.
- ⁹² См.: Еланцева О.П., Еманов А.Г. Плотников Михаил Данилович. С. 292.
- ⁹³ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 419.
- ⁹⁴ См.: Иваненко В.Е., Темплинг В.Я. Оленеводство // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. С. 252—254.
- ⁹⁵ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа: Учеб. пособие. Тюмень, 2000. С. 28.
- ⁹⁶ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 14.
- ⁹⁷ Зенько А.П. Коми-зыряне // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. С. 41—42.
- ⁹⁸ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 42.
- ⁹⁹ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 419.

- ¹⁰⁰ Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVIII — начало XX вв.). Барнаул, 1999. С. 83.
- ¹⁰¹ Южаков А.А., Мухачев А.Д. Этническое оленеводство Западной Сибири: ненецкий тип. Новосибирск, 2001. С. 19.
- ¹⁰² Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 14.
- ¹⁰³ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 437.
- ¹⁰⁴ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 16.
- ¹⁰⁵ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 437.
- ¹⁰⁶ См.: Туров С.В. К вопросу о роли коми-зырян ижемской группы в заселении и хозяйственном освоении тундровой зоны Северного Зауралья (первая половина XIX — 20-е гг. XX вв.) // Угры: Мат. VI Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2003. С. 240.
- ¹⁰⁷ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 16.
- ¹⁰⁸ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 42.
- ¹⁰⁹ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 15—16.
- ¹¹⁰ Еланцева О.П. Кабак // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. С. 5.
- ¹¹¹ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 437.
- ¹¹² Еланцева О.П. Кабак. С. 5.
- ¹¹³ См.: Государственный архив Тюменской области. Д. 1045. И. 2. Оп. 1. Л. 40.
- ¹¹⁴ Еланцева О.П. Винная торговля // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 1. С. 178.
- ¹¹⁵ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 34.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 440—441.
- ¹¹⁸ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 34.
- ¹¹⁹ Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв. С. 42.
- ¹²⁰ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 34.
- ¹²¹ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 34.
- ¹²² Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. С. 106.
- ¹²³ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 16.
- ¹²⁴ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. С. 106.
- ¹²⁵ Повод Н.А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). С. 16.

Глава 8

УЧАСТИЕ ВОСПИТАННИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СИБИРИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

Развитие сети образовательных учреждений, формирование студенчества как особого социокультурного слоя, увеличение количества учащихся средних и низших школ являлось характерными чертами модернизации России, проходившей на рубеже XIX—XX вв. Эти же процессы, начавшиеся несколько позже, чем в центральной части страны, протекали и на ее отдаленной сибирской окраине, и в начале XX в. студенческая и учащаяся молодежь составляла уже достаточно заметную группу городского населения сибирского региона.

Воспитанники учебных заведений активно проявляли себя в общественном движении, хотя, по замыслу властей, возможности участия в нем у данной категории населения были существенно ограничены.

Особенности социального поведения студентов и учащихся во многом были связаны с их возрастными характеристиками. Принадлежность воспитанников учебных заведений к молодежи как особой социально-демографической группе определяла свойственное им стремление к переменам, обостренное восприятие несправедливости, склонность к массовым действиям, высокую степень эмоциональности, увлечение идеями радикального переустройства общества. Кроме того, студенты и учащиеся находились только в стадии подготовки к профессиональной деятельности. Отсутствие привязанности к месту службы, концентрация их в городах, дискриминация в материальной и правовой сфере способствовали тому, что проявления протеста в молодежной среде носили активные формы и оказывали большое влияние на состояние общественного движения в регионе.

В то же время быстрая политизация всех слоев общества, происходившая на фоне подъема общественно-политического движения в стране в начале XX в., способствовала широкому привлечению различных категорий населения к освободительной

борьбе. Студенческая и учащаяся молодежь, в силу своего промежуточного социального положения, оказалась той общественной группой, за влияние на которую боролись партии, представлявшие три основных политических лагеря в России (революционно-демократический, либеральный и черносотенно-монархический).

Кроме того, увеличение в Сибири числа средних и низших школ, а особенно появление в Томске высших учебных заведений, оказало влияние на самые разные стороны жизни общества: научную, культурную, благотворительную, экономическую. Вузы становились центрами науки, образования и культуры, центрами пропаганды научных знаний. Студенческая и учащаяся молодежь, осознавая возложенную на нее миссию содействия прогрессивному развитию страны, стремилась к активному участию в просветительной, благотворительной, культурной сферах.

Таким образом, комплексное исследование участия воспитанников учебных заведений в общественной жизни Сибири в конце XIX — начале XX вв. предполагает исследование изменения численности и социального состава студентов и учащихся края; изучение основных причин вовлечения вузовской и учащейся молодежи в общественное движение; анализ академических и политических выступлений воспитанников учебных заведений; рассмотрение форм и содержания их научно-просветительной и благотворительной деятельности. Важным моментом также является освещение влияния различных политических партий на движение студенческой и учащейся молодежи, равно как участия самих воспитанников учебных заведений в партийно-политическом движении.

Господствовавшая в советской историографии тенденция рассмотрения движения студентов и учащихся через призму их протестных действий, выступлений против ненавистного «царского режима», а также необходимость показа ведущей роли РСДРП в этом процессе определила и односторонний подход к анализу источников. Значительная их часть либо вообще выпадала из поля зрения исследователей, либо трактовалась необъективно: искусственно выделялись те фрагменты, которые соответствовали доминирующей идее, остальные факты замалчивались или не принимались во внимание. На сегодняшний день задача искуст-

венной политизации прошлого уже не довлеет над историком, хотя это не исключает иных проблем в создании источниковой базы исследования. В этой связи стоит обратить внимание на те составные части источникового корпуса, которые определяют полноту разработки исследуемой темы.

Обширный круг источников, характеризующих основные аспекты участия студенческой и учащейся молодежи в общественной жизни Сибири в конце XIX — начале XX вв., включает в себя документы центральных и местных управленческих и правоохранительных органов; материалы делопроизводства учебных заведений; материалы, исходящие от самих воспитанников учебных заведений и их организаций; документы местных организаций политических партий; публикации в периодической печати; воспоминания участников событий и другие материалы, анализ которых способен составить фактологическую основу исследования.

Указанные документы находятся как в центральных, так и в местных архивных хранилищах, поэтому сбор информации в условиях обширности сибирского края представляет для исследователя определенные трудности.

Необходимые для характеристики движения воспитанников учебных заведений сведения о численности студентов и учащихся в Сибири, их социальном происхождении, материальном положении представлены в имеющейся исследовательской литературе лишь частично. Поэтому особый интерес в этом отношении представляют фонды Управления Западно-Сибирского учебного округа (фонд 126) Государственного архива Томской области (ГАТО), Главного инспектора училищ Восточной Сибири (фонд 63) Государственного архива Иркутской области (ГАИО), поскольку именно сюда поступали отчеты учебных заведений, и здесь же велась соответствующая статистика.

К указанным источникам примыкают издававшиеся по распоряжению администрации Западно-Сибирского учебного округа справочники о состоянии народного образования в крае¹. В них имеется конкретно-фактический материал о количестве учебных заведений в Западной Сибири в разные годы, числе воспитанников, обучавшихся в них, размере платы за обучение. Подобные справочные издания выходили и в Восточной Сибири², а кроме

того данные по учебным заведениям включались в памятные книжки, издававшиеся в различных сибирских губерниях³.

Сведения об открытии учебных заведений и данные о частичном финансировании школ, училищ и семинарий из местных средств, учреждении стипендий для ряда учащихся содержатся в фондах местных управленческих органов. Например, в фонде 30 (Омская городская дума) и фонде 172 (Омская городская управа) Государственного архива Омской области (ГАОО); фонде И-1 (Тюменская городская управа), фонде И-2 (Тюменская городская Дума) Государственного архива Тюменской области (ГАТюО).

Важнейшим источником для изучения правового положения студентов и учащихся как одного из факторов, определявших их активное участие в борьбе за свои права, является комплекс законодательных актов и нормативных документов. Регламентация всех сторон жизни студентов и учащихся как молодого поколения, еще не получившего доступ к участию в общественной жизни, исходила непосредственно от Министерства народного просвещения, затем получала свою трактовку в распоряжениях попечителей учебных округов и дополнялась на местах постановлениями начальства самих учебных заведений. Поэтому для рассмотрения правового положения воспитанников учебных заведений необходимо обращение как к фондам Министерства народного просвещения (фонды 733, 740, 741) Российского государственного исторического архива (РГИА), так и к фондам Управления Западно-Сибирского учебного округа (фонд 126) ГАТО и Главного инспектора училищ Восточной Сибири (фонд 63) ГАИО.

Для характеристики правового положения студенчества большой интерес представляют изданные университетские Уставы и Правила для студентов, которые регламентировали различные стороны жизни высшей школы⁴. В средних и низших учебных заведениях страны правила поведения учащихся разрабатывались на основе министерских инструкций и указаний местного учебного начальства. Они отражены, в основном, в фондах самих учебных заведений либо в виде брошюр, изданных типографским способом. Особое внимание в правилах уделялось исполнению учащимися религиозных обязанностей. Например, инструкция для воспитанников Иркутской учительской семинарии предписывала,

что во время молитвы и богослужения «ученики должны стоять прямо, безмолвно, внимая без всякой рассеянности всему, что читается, поется и совершается в храме; равно и молиться должны с должным благоговением, полагая правильно на себе крестное знамение»⁵.

Важнейшим направлением воспитательной деятельности педагогического персонала учебных заведений являлся контроль за всеми сферами жизни их воспитанников. Особое внимание учебного начальства уделялось поведению учащихся вне стен школы, что явно прослеживается при изучении документов, хранящихся в фондах учебных заведений края. Так, например, в материалах фондов Тюменского реального училища имеются правила поведения учащихся, принятые совещанием по вопросу о внешкольном поведении учащихся г.Тюмени в сентябре 1908 г. Они включали в себя типичные положения, в число которых входило обязательное ношение формы, посещение учащимися церкви, ограничение просещения воспитанниками средних учебных заведений театров и других увеселительных мест, а также обязательство всех лиц учебного персонала следить за поведением учащихся всех учебных заведений города, сообщая при необходимости об этом начальству соответствующего учебного заведения⁶.

Таким образом, документы и материалы, хранящиеся в фондах учебных заведений архивных хранилищ Западной⁷ и Восточной⁸ Сибири, представляют собой еще одну важную группу источников. В них сосредоточена информация о численности воспитанников ряда учебных заведений, их социальном происхождении, материальном и правовом положении.

Содержательно к ним близки опубликованные официальные отчеты о состоянии и деятельности сибирских высших учебных заведений, включающие сведения о назначении стипендий, суммах выдаваемых пособий и ссуд, сословном составе студентов и курсисток и проч.⁹

Кроме этого, фонды учебных заведений и местного учебного начальства содержат в себе сведения о формах проявления общественной активности студентов и учащихся, наличии в их среде собственных организаций, об организации трудовых дружин среди учащихся в период первой мировой войны, сборах пожертвований и т.п.

Другой составной частью источниковой базы исследуемой проблемы участия воспитанников учебных заведений Сибири в общественной жизни края являются документы центральных и местных управленческих и правоохранительных органов. В источниках этой группы содержится поступавший в распоряжение властей материал, характеризующий участие студентов и учащихся в общественной жизни Сибири. В частности, значительная информация о тех или иных проявлениях протестных действий (стачках, сходках, митингах) студенческой и учащейся молодежи содержится в фонде 733 (Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения), фонде 740 (Департамент общих дел Министерства народного просвещения), фонде 741 (Отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения) РГИА. В фондах Особого отдела и 4-го делопроизводства Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) имеются поступавшие в распоряжение политической полиции сведения о влиянии различных партий в среде вузовской и учащейся молодежи и об участии самих студентов и учащихся в деятельности тех или иных партийных организаций. Определенная информация по этим сюжетам присутствует также в материалах фонда 124 (Уголовное отделение 1-го департамента Министерства юстиции) ГАРФ и фонда 1405 (Министерство юстиции) РГИА.

Материалы, характеризующие участие вузовской и учащейся молодежи в общественном движении в крае, находятся и в различных фондах местных архивов Сибири. В них содержатся сведения о выступлениях студентов и учащихся, реакции на эти действия со стороны местных властей, информация о деятельности студенческих и ученических просветительных и благотворительных организаций. Руководству местных правоохранительных органов также поступали донесения полицейской агентуры об участии воспитанников учебных заведений в работе партийно-политических организаций. Значительная часть таких материалов, преимущественно в рамках Западной Сибири, сосредоточена в Государственном архиве Томской области в фонде 3 (Томское губернское управление), фонде 104 (Томское городское полицейское управление), фонде 126 (Управление Западно-Сибирского учебного округа), фонде 411 (Томское губернское жандармское

управление). Большое значение для всестороннего рассмотрения вопросов участия студентов и учащихся в общественном движении имеют документы, находящиеся в фонде 190 (Прокурор Омской судебной палаты), фонде 270 (Омское жандармское управление), фонде 25 (Омская судебная палата), фонде 14 (Омское городское полицейское управление), фонде 272 (Омское жандармское полицейское управление железных дорог) ГАОО. В ГАТюмО интерес представляют фонд И-217 (Товарищ прокурора Тобольского окружного суда по Тюменскому участку) и фонд И-239 (Помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления). Материалы фондов ГАТюмО, возможно, не столь обширны в рамках заявленной проблематики, но в них содержатся достаточно редкие документы. Так, например, в фонде И-239 находится текст антивоенного воззвания «Опомнитесь, люди-братья», написанного в период первой мировой войны, под которым стояли и подписи учащихся.

Данные по воспитанникам учебных заведений Восточной Сибири представлены, преимущественно, фондами Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Государственного архива Красноярского края (ГАКК). В ГАИО особый интерес представляют дела, находящиеся в фонде 600 (Иркутское губернское жандармское управление), где содержится материал о распространении пропаганды среди воспитанников средних учебных заведений, деятельности ученических организаций; фонде 601 (Иркутское районное охранное отделение) и фонде 63 (Главный инспектор училищ Восточной Сибири), содержащих сведения о волнениях среди учащихся; а также в фонде 243 (Иркутский окружной суд), фонде 246 (Иркутская судебная палата), фонде 24 (Главное управление Восточной Сибири), фонде 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора).

В Государственном архиве Красноярского края сведения о протестной деятельности учащихся сосредоточены в фонде 858 (Енисейский временный генерал-губернатор), фонде 827 (Енисейское губернское жандармское управление), фонде 832 (Начальник Красноярского отделения Томского жандармского полицейского управления железных дорог).

Материалы, исходящие от самих воспитанников учебных заведений и их организаций, являются еще одной важной частью

источниковой базы исследования. К ним относятся перехваченные полицией письма студентов и учащихся, издания агитационно-пропагандистского характера (например, листовки и воззвания), отчеты о деятельности кружков и землячеств, рукописные и гектографированные журналы и др. Большинство этих документов находится на хранении в фондах Особого отдела и 4-го делопроизводства Департамента полиции ГАРФ; фондах 126 (Управление Западно-Сибирского учебного округа), 102 (Томский университет), 194 (Томский технологический институт), 101 (Томская 1-я мужская гимназия) ГАТО; фондах 190 (Прокурор Омской судебной палаты) и 270 (Омское жандармское управление) ГАОО; фонде 530 (Тобольская духовная семинария) Государственного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске» (ГУТО ГА в г.Тобольске); фонде 5 (Истпарт-отдел) Архивохранилища документов общественно-политических организаций и движений (АДОПОД) Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Имеющиеся в них данные позволяют более точно судить о настроениях и взглядах студентов и учащихся, степени их политизации, наличии определенных течений и групп в этой среде.

Большое количество полученных агентурным путем писем томских студентов содержится в фонде Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации. Письма не могут претендовать на объективное отражение действительности, но показывают, как сама действительность, преломляясь через авторское сознание, отображалась на бумаге. Поэтому письма наряду с другими источниками так привлекали внимание полицейских органов, давая важный дополнительный материал о настроениях в студенческой среде, происходящих событиях и пр. Довольно часто студенты писали и о деятельности в молодежной среде организаций нелегальных политических партий. Так, в письме студента Томского технологического института эсера Наума Ванникова (март 1908 г.) говорится: «После ареста двух товарищей — социалистов-революционеров мне пришлось почти одному вести агитацию за забастовку в технологическом институте до половины января 1908 г. И агитация прошла успешно: после двух бурных сходов большинством 565 против 305 забастовка была принята... Каково теперь настроение студенчества?

Ответ самый безотрадный: каждый ушел в себя, из чертежных и лабораторий никого не вытянешь, и единственная после Рождества сходка не смогла собрать и 300 человек. Настроение упало. Хорошо еще, что я имею 2 кружка среди рабочих, а то студенчество совсем охладело»¹⁰.

Необходимые сведения, дающие возможность в той или иной мере судить о тактике революционных партий в отношении студенческой и учащейся молодежи, содержатся в документах местных организаций РСДРП и ПСР. Таковыми являются, в частности, прокламации, обращенные к воспитанникам учебных заведений. Документы подобного рода выявлены в фонде Особого отдела Департамента полиции ГАРФ, фонде 270 (Омское жандармское управление), фонде 438 (Коллекция прокламаций, листовок и воззваний) ГАОО и ряде других фондов местных сибирских архивов. Сами же ученические организации, как правило, подпадавшие под влияние того или иного партийного течения, тоже издавали собственные листовки и призывы к обществу.

Листовки, прокламации, письма, воспоминания в большом количестве отложились, благодаря деятельности комиссии Истпарта, в бывших партийных архивах. Редкие материалы содержатся в фонде 5600 Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Единицы хранения фонда представляют собой библиотеку Томского комитета РСДРП, созданную из материалов революционной нелегальной литературы, обнаруженной в 1983 г. при сносе ветхого дома в Томске. Несмотря на не слишком хорошую сохранность и утрату некоторых частей текста, данные материалы уникальны, поскольку некоторые из них представлены в единичном экземпляре и не отложились в иных архивохранилищах края. В состав данной коллекции вошли, в том числе, листовки студенческого социал-демократического кружка, Томского комитета союза молодежи, обращение «К учащимся местных средних школ» Томского комитета реалистов, журнал Союза учащейся молодежи «Наша жизнь», обращение к студентам Объединенного комитета студентов университета и технологов, Устав Центрального союза студентов, листовка ПСР «К молодежи» и др. Основная масса материалов датирована 1904—1905 гг.

Фонд 4 204 (Коллекция документов о борьбе за установление Советской власти и социалистическом строительстве) ЦДНИТО содержит большое количество воспоминаний участников событий, например, членов томской студенческой большевистской группы 1916—1917 гг. Д.Г.Оппенгейма, А.Т.Якимова, М.Ф.Парняковой, М.К.Абрамовой. Здесь же сохранились студенческие листовки разных лет. В материалах фонда представлены воспоминания бывших студентов и учащихся о событиях, происходивших в Томске в период первой российской революции.

Мемуары участников революционного движения, бесспорно, служат необходимым звеном при формировании источниковой основы исследования. Некоторые из них были изданы (например, воспоминания К.И.Джапаридзе о выступлениях студентов Томского технологического института в 1910—1911 гг. и ряд других¹¹), но значительная часть мемуаров до сих пор не опубликована и хранится только в фондах сибирских архивов. Так, воспоминания Ф.Г.Виноградова, К.Плюхина, В.Айзина, Карлова, Молотовникова, содержащие немало сведений о деятельности учащихся г.Омска в период первой российской революции и после ее завершения, находятся в фонде 19 (Омский Истпарт) Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДННО). Здесь же сохранились воспоминания о молодых годах сибирских революционеров, а в начале XX в. — воспитанниках учебных заведений Залмане Лобкове, Вениамине Тверитине, Стиве Дорониной и др.

Мемуары Н.Третьяковой об участии в революционном движении учащихся средних учебных заведений Барнаула в 1910—1911 гг. и воспоминания К.Липинской об организации и работе Союза молодежи в Минусинске хранятся в фонде 5 (Истпартотдел) АДОПОД ГАНО.

В Тюменском областном центре документации новейшей истории (ТОЦДНИ) большой интерес представляют фонды 4012 (Объединенный фонд документов личного происхождения) и 4058 (Коллекция документов по истории общественно-политического движения в Тобольской губернии и Тюменской области). В них содержатся воспоминания, автобиографии, сведения об участниках революционного движения. Например, здесь сохранились воспоминания участницы подпольного социал-демо-

кратического кружка в Тобольске ученицы акушерско-фельдшерской школы З.И.Могилевской, воспоминания участника нелегальной организации Союза социалистической молодежи при Тобольской сельскохозяйственной школе А.Д.Москвина и другие образцы мемуарной литературы.

Типологически подобные документы по восточно-сибирскому региону имеются в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) и Центре хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК).

В ГАНИИО воспоминания, листовки Иркутского комитета РСДРП по поводу волнений и забастовок в учебных заведениях отложились в фонде 300 (Иркутский Истпарт). Здесь же сохранились копии жандармских донесений о революционном движении среди учащихся г.Иркутска, рукописные ученические издания (например, журнал Союза учащихся г.Иркутска и журнал «Объединение»), документы ученических организаций (в частности, «Обращение группы учащихся-протестантов средней школы ко всем учащимся средних учебных заведений г.Иркутска и Читы», 1905 г.) В фонде находятся также письма учащихся, свидетельствующие об их участии в деятельности политических партий (например, письма воспитанника Иркутской гимназии Павла Гродского) и хроника революционного движения молодежи в Восточной Сибири (1866—1916 гг.)

В фонде 64 (Красноярский Истпарт) ЦХИДНИ КК имеются сведения о революционном движении учащихся г.Красноярска. Здесь сосредоточены материалы издания Красноярской ученической организации «Светоч» (1905 г.), материалы Союза учащихся г.Красноярска (1905—1906 гг.), воспоминания об участии в революционных событиях 1905 г. в Красноярске учениц фельдшерской школы, учащейся молодежи г.Енисейска и др.

Воспоминания о революционном движении молодежи Енисейска в 1916—1920 гг. неуставленного автора под заголовком «Путь революционной молодежи Сибири» сохранились в фонде 1 785 (фонд Ф.А.Березовского) одного из центральных архивов страны — Российского государственного архива литературы и искусств (РГАЛИ).

Воспоминания содержат немалый конкретно-фактический материал, но источники такого рода субъективны, и использовать

их необходимо при сопоставлении с фактами, содержащимися в других документах. Это даст возможность избежать не только ошибок фактического характера, но и более объективно оценить те события, о которых писали авторы мемуарной литературы.

Существенной частью источниковой базы по истории молодежного движения стала сибирская периодическая печать, на страницах которой публиковались разнообразные сведения о тех или иных формах участия студентов и учащихся Сибири в общественно-политической жизни края, реакции на протестные действия воспитанников учебных заведений со стороны местных и центральных властей. Немало места на страницах периодических изданий уделялось также вопросам материального и правового положения учащейся и вузовской молодежи, благотворительной деятельности студентов и учащихся, работе земледельцев. Наиболее информативными в этом плане являются либеральные газеты, такие как «Сибирская жизнь» и «Утро Сибири» (Томск), «Омский вестник» и «Омский телеграф» (Омск), «Жизнь Алтая» (Барнаул), «Голос Сибири» (Красноярск). К этой же группе источников можно отнести и издававшийся в Петербурге журнал «Сибирские вопросы», полностью посвященный сибирской проблематике.

Определенный интерес представляют также журналы «Сибирская школа» (Красноярск) и «Образовательное дело в Азиатской России» (Харбин), содержащие циркулярные распоряжения министерства народного просвещения и характеристику состояния современной школы, данную в изложении авторов журнальных статей.

Особое место в ряду периодических изданий принадлежит журналу «Сибирский студент» (Томск). Его публикации позволяют взглянуть на студенческую жизнь как бы изнутри, глазами самих студентов. В журнале печатались заметки по актуальным вопросам, волновавшим студенчество, публиковались результаты анкетных опросов, характеризовалась деятельность собственных студенческих организаций, давались отклики на происходившие в стране события. Все это позволяет более определенно судить о настроениях, царивших в среде вузовской молодежи.

В то же время официально издаваемого журнала, отражавшего проблемы учащейся молодежи в Сибири, не было. Редкие примеры

разрешенных к печати ученических журналов представляют собой литературно-художественные издания, такие как журнал воспитанниц Иркутского института Императора Николая I «В часы досуга» (Иркутск, 1917 г.) или сборник литературных произведений учеников Иркутской мужской гимназии «Первый подснежник». Но даже эти литературные по характеру издания стремились привлечь внимание общества к актуальным вопросам современности. Поэтому во вступительной части к третьему выпуску журнала иркутских гимназистов (март 1914 г.) звучало следующее обращение к читателям: «Как ранний подснежник, появляющийся после долгого, холодного зимнего покрова, служит предвестником наступающей весны и расцвета природы, так и наш сборник среди серой и томительно однообразной жизни гимназиста является предвестником свободного расцвета молодых сил, пробуждением мысли и первых проблесков литературного творчества. И наш “подснежник” — первый подснежник, ибо в нашей родной холодной Сибири он является первым гимназическим сборником литературных произведений. Эти стремления юношества вырваться из оков будничной грубо-обыденной жизни, эти первые подснежники нашей мысли должны быть дороги для каждого сознательного человека, и мы надеемся, что этот сборник встретит... сочувствие и внимание общества»¹². Основным мотивом в произведениях гимназистов была идея служения народу.

В условиях отсутствия свободы слова молодежь стремилась донести свои мысли и чувствования до общества посредством выпуска нелегальных, отпечатанных на машинке или написанных от руки изданий. В разные годы они появлялись практически во всех крупных городах Сибири. Некоторые из них отложились в архивных фондах, некоторые — в библиотечных. Например, в библиотеке Иркутского государственного университета имеются 4 молодежных журнала, изданных в 1901—1903 гг.: «Братство» (гимназический журнал литературно-художественного содержания), «Студент» (журнал, издававшийся, видимо, политическими ссыльными-студентами в Иркутске), «Забастовка» (журнал учеников Иркутской духовной семинарии), «Окраина» (журнал революционной учащейся молодежи г.Иркутска).

В целом, имеющиеся источники типологически разнообразны и позволяют дать достаточно полную характеристику места и роли студенческой и учащейся молодежи Сибири в общественной жизни края в конце XIX — начале XX вв.

В то же время анализ указанных источников показал специфику источниковой базы, заключающуюся в разнородности документов, их рассредоточенности по центральным и местным архивам страны. Значительная часть материалов до сих пор либо не была введена в научный оборот, либо изучалась явно тенденциозно. Выявление степени достоверности источниковой информации и взаимосвязи различных видов источников, стремление к объективному анализу документов — задача любого исследователя.

Примечания

¹ См., например: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1895 г. Томск, 1895; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. Томск, 1909; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1916, и др.

² Памятная книжка Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1 января 1880 г. Красноярск, 1880; Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1898—1899 уч. год. Иркутск, 1899; Краткий исторический очерк учебных заведений г.Иркутска. Б/г., б/м., и др.

³ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884; Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. Омск, 1887; Памятная книжка Томской губернии на 1914 г. Томск, 1914; Памятная книжка по Забайкальской области на 1914 г. Чита, 1914; Памятная книжка по Енисейской губернии на 1913 г. Красноярск, 1913; Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 г. Иркутск, 1887, и др.

⁴ См., например: Университетские уставы 1863, 1884 гг.; Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. 1-е изд. СПб, 1888; 2-е изд. М., 1898; Правила для студентов и вольнослушателей Императорского Томского университета. Томск, 1909.

⁵ Инструкция для воспитанников Иркутской учительской семинарии. Иркутск, 1893. С. 2.

⁶ ГАТюмО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 194. Л. 136—139.

⁷ ГАТО. Ф. 101 (Томская 1-я мужская гимназия); Ф. 102 (Томский университет); Ф. 193 (Сибирские высшие женские курсы); Ф. 194 (Томский технологический институт); ГАОО. Ф. 32 (Омская 1-я мужская гимназия); Ф. 62 (Омская 3-я женская гимназия Хвориновой); Ф. 94 (Омский учительский институт); Ф. 115 (Омская учительская семинария); Ф. 19 (Сибирский кадетский корпус); Ф. 43

(Омское техническое училище); Ф. 65 (Омское среднее сельскохозяйственное училище); Ф. 64 (Омское землемерное училище); Ф. 113 (Омская центральная фельдшерская школа); Ф. 218 (Войсковая ветеринарно-фельдшерская школа Сибирского казачьего войска); ГАТюмО. Ф. И-55 (Тюменская женская гимназия); Ф. И-57 (Тюменское Александровское реальное училище), Ф. И-78 (Тюменское уездное училище); Ф. И-92 (Тюменское частное коммерческое училище Колокольниковых); Ф. И-95 (Ишимское мужское высшее начальное училище); Ф. И-58 (Ишимская женская гимназия); Ф. И-59 (2-е Тюменское мужское высшее начальное училище); Ф. И-70 (Ишимское высшее начальное женское училище); Ф. И-94 (Ишимское городское училище); ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 530 (Тобольская духовная семинария).

⁸ ГАИО. Ф. 213 (Иркутское горное училище); Ф. 211 (Иркутское промышленное училище); Ф. 209 (Иркутское коммерческое училище); Ф. 65 (Иркутский учительский институт); Ф. 128 (Иркутская учительская семинария); Ф. 127 (Иркутская акушерско-фельдшерская школа); Ф. 66 (Иркутская частная женская гимназия Некрасовой); Ф. 124 (1-я Иркутская женская гимназия И.Е.Хаминова); Ф. 125 (2-я Иркутская женская гимназия И.Е.Хаминова); ГАКК. Ф. 349 (Красноярская учительская семинария); Ф. 267 (Енисейская мужская гимназия); Ф. 640 (Красноярская женская фельдшерская школа); Ф. 433 (Красноярское землемерное училище); Ф. 855 (Красноярское реальное училище).

⁹ См., например: Отчет о состоянии и деятельности Томского технологического института им. Николая II за 1909 г. Томск, 1910; Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 г. Томск, 1911; Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов (за осенний семестр 1910/1911 академического года). Томск, 1911, и др.

¹⁰ ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65. Л. 7.

¹¹ Джапаридзе К.И. Из революционного прошлого томского студенчества // Путь борьбы. Вып. 1. Томск, 1923. С. 56—60; Баранский Н. В рядах сибирского социал-демократического союза (воспоминания о подпольной работе 1897—1908 гг.). Новониколаевск, 1923; В борьбе и тревоге: Сб. воспоминаний и документов. 1905—1919 гг. Барнаул, 1986.

¹² Первый подснежник: Сб. литературных произведений учеников Иркутской мужской гимназии. Вып. 3. Иркутск, 1914. С. 4.

Глава 9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*

На начальной стадии гражданской войны на востоке России важную роль сыграло Временное Сибирское правительство (ВСП). Напомним, что это правительство просуществовало недолго. Оно было сформировано в Томске на нелегальном заседании небольшой группы депутатов временной Сибирской областной думы, проходившем в ночь на 29 января 1918 г., а 3 ноября того же года передало верховную власть на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству. Но за девять месяцев своего существования ВСП проделало большую работу. Весной 1918 г. под руководством учрежденного им Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) было создано антибольшевистское подполье и нелегальные вооруженные формирования, которые в конце мая — июле 1918 г. совместно с legionерами Чехословацкого корпуса свергли советскую власть в Сибири. В результате на всей освобожденной от большевиков территории была установлена власть ВСП. В начале сентября 1918 г. контролировавший Забайкалье атаман Г.М.Семенов добровольно подчинился ВСП. В октябре 1918 г. ему передали свои властные полномочия оба существовавшие на Дальнем Востоке правительства: Временное правительство автономной Сибири П.Я.Дербера — И.А.Лаврова и Деловой кабинет Временного правителя генерала Д.Л.Хорвата. В конечном счете под контролем ВСП оказалась огромная территория от Челябинска до Владивостока.

ВСП внесло большой вклад в консолидацию контрреволюционных сил Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока для борьбы против советской власти. В сентябре 1918 г. при его активном участии в Уфе было создано Временное Всероссийское правительство, а Административный совет ВСП составил основу Совета министров этого общероссийского органа власти.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 07-01-00551а).

Наконец, ВСП сформировало самое крупное и боеспособное оперативное объединение на востоке России — Сибирскую армию. В дальнейшем именно Сибирская армия явилась тем фундаментом, на котором были созданы вооруженные силы Российского правительства адмирала А.В.Колчака.

Вполне естественно, что деятельность ВСП получила отражение в мемуаристике и научно-исследовательских публикациях. Анализ литературы о ВСП свидетельствует о том, что начало осведомлению его создания и деятельности положили отнюдь не историки, а мемуаристы-эмигранты, в недавнем прошлом активно участвовавшие в борьбе против советской власти на востоке России. Буквально по свежим следам событий, в 1919—1921 гг., эта тема нашла попутное отражение на страницах сочинений А.А.Аргунова, Г.К.Гинса и Л.А.Кроля. В изучаемое время названные авторы стояли на разных политических позициях, в разной мере были осведомлены о ВСП и, естественно, в разной степени полно, глубоко и объективно охарактеризовали это правительство.

Воспоминания члена ЦК партии эсеров А.А.Аргунова содержали небольшой и довольно односторонне подобранный фактический материал, хронологически относившийся главным образом к двум последним месяцам работы ВСП, а тематически посвященный в основном омскому кризису 20—22 сентября 1918 г. Автор проводил мысль о том, что через два месяца после своего прихода к власти, т.е. к осени 1918 г., Совет министров ВСП «стал являть собою мало действующий расстроенный аппарат». Как считал А.А.Аргунов, с сентября 1918 г. реальная власть перешла от него к Административному совету, состоявшему «в большинстве из чиновников, прошедших школу старого режима, сохранивших отчасти и симпатии к нему», которые невидимыми, но многочисленными нитями были связаны с «военными и гражданскими элементами реакционных кругов»¹.

Богатый фактический материал о ВСП содержали воспоминания бывшего управляющего делами ЗСК и Совета министров ВСП Г.К.Гинса, позиционировавшего себя как беспартийного, но являвшегося, по оценке хорошо его знавшего П.В.Вологодского, «правомыслящим кадетом»². Особенно много внимания мемуарист уделил характеристике членов ЗСК, Совета министров и

Административного совета, их взаимоотношениям и деятельности, а также освещению внутренней политики ВСП.

В отличие от А.А.Аргунова, Г.К.Гинс считал большинство членов Совета министров ВСП (во всяком случае — П.В.Вологодского, И.А.Михайлова и И.И.Серебренникова) политическими центристами. В то же время он достаточно критично оценивал деятельность Совета министров, видя главные причины его слабости в отсутствии внутренней политической однородности и неспособности противостоять внешним партийным влияниям³.

Напротив, исключительно высоко Г.К.Гинс оценивал Административный совет ВСП, инициатором создания и творцом которого он сам являлся. Силу Административного совета мемуарист видел в беспартийности его членов и в их приверженности интересам реального дела. Г.К.Гинс утверждал, что в обществе сложилось превратное представление о роли Административного совета: «деловые его качества были забыты, а политическая роль была утрирована»⁴. Сам же мемуарист считал, что действительное значение Административного совета состояло в том, что он являлся опорой центристского политического курса, проводимого ВСП в составе П.В.Вологодского, И.А.Михайлова и И.И.Серебренникова.

Большой интерес представляли воспоминания Л.А.Кроля — бывшего члена ЦК партии кадетов, в котором он находился на «левом» фланге, с 19 августа 1918 г. являвшегося заместителем председателя Временного областного правительства Урала. Л.А.Кроль много внимания уделил характеристике политической атмосферы Омска и взаимоотношениям Временного Всероссийского правительства и ВСП. Он проанализировал проводимую ВСП политику и применявшиеся им при этом методы, а также поведение ключевых фигур ВСП — министров И.А.Михайлова и И.И.Серебренникова, генералов А.Н.Гришина-Алмазова и П.П.Иванова-Ринова, главным образом через призму их отношения к Временному областному правительству Урала.

Л.А.Кроль привел важный фактический материал, позволивший ему сделать вывод о том, что ВСП «не останавливалось перед самыми грубыми приемами, расшатывавшими всякий престиж власти [Временного областного правительства Урала] в глазах населения». В качестве обобщающей оценки проводимой

ВСП политики Л.А.Кроль счел возможным процитировать в воспоминаниях фрагмент своего выступления на заседании Совета областного правительства Урала, в котором были такие слова: «... Методы действий Сибирского правительства поведут к краху антибольшевистской государственности»⁵.

В конце 1920-х гг. вышли в свет небольшие по объему воспоминания бывшего члена Всероссийского Учредительного собрания от Иркутской губернии эсера М.А.Кроля и министра снабжения ВСП И.И.Серебренникова, являвшегося в 1918 г. беспартийным областником.

М.А.Кроль осветил политическую атмосферу накануне и в период августовской сессии Сибирской областной думы, а также позицию ВСП по отношению к думе⁶. В воспоминаниях И.И.Серебренникова нашли отражения два вопроса: участие делегации ВСП в работе Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 г. и в формировании Совета министров Временного Всероссийского правительства в октябре — начале ноября 1918 г.⁷

Несколько шире и подробнее о ВСП И.И.Серебренников написал в первом томе вышедших почти десять лет спустя воспоминаний. В них содержались краткие характеристики многих коллег мемуариста по работе, нашли отражение главные проблемы, стоявшие в то время перед правительством. Принципиально важное значение имели сделанные И.И.Серебренниковым выводы о роли и месте ВСП в политической жизни сибирского макро-региона. Бывший министр считал, что реальная власть принадлежала не ВСП, а военным⁸.

Что касается советских историков, то долгое время они писали о ВСП исключительно мало и самое главное — недостоверно. Такое состояние историографии темы можно объяснить совокупностью как объективных, так и субъективных факторов.

В 1920-е — начале 1930-х гг., которые традиционно считаются начальным этапом советской историографии гражданской войны в России, ряды историков были немногочисленны. К тому же они состояли в основном из людей, не имевших достаточной профессиональной подготовки, но принимавших непосредственное участие в событиях революции и гражданской войны. Такие историки были проникнуты духом революционного экстремизма, считали

себя солдатами коммунистической партии, мобилизованными на «исторический фронт», и отождествляли занятие историческими исследованиями с агитационно-пропагандистской работой в массах. Свою главную задачу они видели в том, чтобы «разгромить» на страницах исторических публикаций уже побежденную на полях сражений контрреволюцию. Специальных исследований о ВСП советские историки 1920-х — начала 1930-х гг. не проводили. Причины, по которым эта тема для историков тех лет не являлась актуальной, вполне понятны. Для советской историографии более важной идеологической задачей являлась дальнейшая дискредитация режима адмирала А.В.Колчака, являвшегося во время гражданской войны главным и наиболее опасным противником большевиков. В результате ВСП становилось персонажем как бы промежуточным и второстепенным, отходило на задний план, хотя некоторые советские историки знали о «демократическом» этапе сибирской контрреволюции не понаслышке и не только по источникам.

Как следствие, информация о ВСП появлялась в исторической литературе в основном попутно. Она встречалась преимущественно в статьях и книгах, посвященных гражданской войне в Сибири⁹ или в России в целом¹⁰. Объемы текстов о ВСП в этих изданиях существенно колебались. Они составляли от нескольких строчек, как в монографии Н.Е.Какурина, до небольших разделов, как в монографии В.Ф.Владимировой.

Парадоксально, но факт: публикации большинства советских историков 1920-х — начала 1930-х гг. почти не содержали достоверных данных о ВСП. Напротив, они изобиловали не просто ошибочной, а откровенно вымышленной информацией. Причем приоритет в этом деле должен быть отдан бывшему меньшевику, профессору А.Г.Гойхбаргу, после Октябрьского переворота вступившему в РКП(б), в 1920 г. служившему заведующим отделом Сибирского революционного комитета и в мае того же года выступавшему государственным обвинителем на судебном процессе по делу бывших колчаковских министров. «Рекордсменом» же по объему введенного в историческую литературу фальсификата должен быть признан другой бывший меньшевик — П.С.Парфенов, ставший большевиком после Октябрьского переворота и работавший с 1923 г. на ответственных постах в Москве.

Первое издание книги П.С.Парфенова, вышедшее в Харбине в 1921 г., было подвергнуто в эмигрантской печати жесточайшей критике за сочинительство источников и фальсификацию фактов. Однако советские рецензенты приняли ее выход на «ура». В опубликованной во втором номере московского журнала «Пролетарская революция» рецензии открыто было заявлено, что главное достоинство книги П.С.Парфенова «заключается в марксистском изложении и освещении хроники событий гражданской войны в Сибири, основанном (так в тексте. — *В.Ш.*) на богатом фактическом и документальном материале».

В предисловии к ее второму изданию, подготовленном Истпартом, утверждалось, что автором были «сделаны поправки и дополнения, благодаря чему основное достоинство книги возросло»¹¹. В результате такой влиятельной поддержки, оказанной П.С.Парфенову со стороны руководителей советского «исторического фронта», созданные им мифы были быстро восприняты советскими историками, надолго и прочно вошли в их источниковую базу. Между тем о степени достоверности фактического материала и выводов, имеющих в книге П.С.Парфенова, можно судить хотя бы по его утверждению о том, что в сентябре 1918 г. по указанию атамана П.П.Иванова-Ринова ВСП было разогнано и перестало существовать¹².

Что касается концептуальной составляющей сочинений первых советских историков о ВСП, то она была незамысловатой и в принципе сводилась к тенденциозной характеристике его классово-политической сущности, основанной на суждениях вождя коммунистической партии В.И.Ленина о роли меньшевиков и эсеров в событиях революции и гражданской войны. Главную «заслугу» ВСП советские историки 1920-х — начала 1930-х гг. видели в том, что своей деятельностью оно расчистило дорогу для торжества монархической контрреволюции и установления военной диктатуры адмирала А.В.Колчака.

Впрочем, эти утверждения не отличались оригинальностью и не являлись отражением сибирской специфики. Аналогичные суждения советские историки высказывали и об антибольшевистских правительствах, образованных умеренными социалистическими партиями в других регионах России. История контрреволюции на Волге, на Урале, в Сибири и на Украине, писал, например,

в предисловии к книге В.Ф.Владимировой ее редактор Я.Л.Яковлев, есть «прежде всего история того, как буржуазия использует (так в тексте. — *В.Ш.*) в своих интересах любое эсеровское или меньшевистское знамя для того только, чтобы подготовить таким образом свое полное единовластие»¹³.

В ряду статей и книг, изданных в 1920-е — начале 1930-х гг. советскими историками и содержащих информацию о ВСП, заслуживают быть отмеченными как положительное явление три публикации. Первая из них — это подготовленная С.А.Пионтовским хрестоматия о гражданской войне в России, вторая — составленная В.В.Максаковым и А.Н.Туруновым хроника гражданской войны в Сибири. В общей сложности она включала около трех десятков документов, вышедших из лагеря самой сибирской контрреволюции. Третья публикация, принадлежавшая С.А.Пионтовскому, представляла собой подборку документов, освещающих позицию ВСП накануне и во время работы Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 г.¹⁴ Однако отобранные публикаторами для издания действительно ценные документы давали одностороннюю картину событий, а увидели свет только потому, что «работали» на советскую историческую концепцию антинародного и антинационального характера ВСП. Большим недостатком последней по времени публикации С.А.Пионтовского являлось несоблюдение элементарных археографических норм: отсутствие указания на место и время создания многих документов, подписей их авторов и легенд.

Единственной специальной публикацией 1920-х — начала 1930-х гг. о ВСП стала статья А.А.Ансона в «Сибирской советской энциклопедии». Статья была написана на основе уже имевшейся к тому времени литературы по теме. В ней содержалась краткая информация о том, кем, где и когда было создано ВСП, о его персональном составе и партийной принадлежности министров, причем около половины этих сведений не соответствовало действительности. Из текста статьи можно было понять, что уже в июне 1918 г. состоявший из эсеров ЗСК ВСП отменил все декреты советской власти, денационализировал промышленные предприятия и ликвидировал профессиональные союзы, что также являлось вымыслом. А.А.Ансон писал, что по требованию торгово-промышленных кругов ЗСК создал при себе «деловое

совещание», в состав которого наряду с кадетами вошли и монархисты. В действительности никакого «делового совещания» при ЗСК никогда не существовало. Точно такой же выдумкой являлось утверждение А.А.Ансона о том, что 23 июня 1918 г. собравшаяся в Томске группа членов ВСП декларировала его новый состав, который в дальнейшем, «идя на поводу у буржуазии», «быстро ушел из-под влияния потерявшей почву обл[астной] думы и своей деятельностью усердно расчищал путь для единоличной диктатуры»¹⁵.

Публикация указанной статьи, имевшей обобщающий характер, в столь авторитетном и широко тиражированном издании оказала большое влияние на дальнейшее изучение ВСП. Благодаря этому в советской историографии в качестве непререкаемой аксиомы на долгие годы закрепились приведенные в ней фактические данные и сделанные оценки.

Новый этап в изучении гражданской войны в России наступил в советской историографии в конце 1950-х гг., с приходом хрущевской «оттепели». Он характеризовался противоречивыми объективными условиями, в которых происходило развитие советской исторической науки. Позитивным фактором рассматриваемого этапа являлось то, что осуществлялось формирование новой «волны» историков, на этот раз профессионально подготовленных, не связанных своим жизненным опытом с событиями революции и гражданской войны и в меньшей степени, чем их предшественники, отягощенных личными симпатиями и антипатиями. Правда, ее представители принадлежали к поколению людей, родившихся и выросших в условиях сталинского тоталитаризма, с детства воспитывавшихся в духе классовой борьбы и идеологической непримиримости, что, естественно, не могло не сказаться на их мировоззрении и профессиональном поведении.

Историкам конца 1950-х — 1980-х гг., выбравшим предметом своего изучения контрреволюцию периода гражданской войны в России, пришлось столкнуться с большими трудностями. Основной массив архивных и опубликованных источников по этой теме, в том числе содержавших основную информацию о ВСП, оказался на режиме специального хранения и стал недоступен для большинства исследователей, особенно живших на периферии. Ситуация усугублялась ужесточением идеологического контроля

за научной работой историков со стороны КПСС, навязыванием ею принципа партийности в качестве важнейшей методологической установки, ленинских взглядов и оценок событий гражданской войны в России как концептуальной основы.

Гражданская война в России по-прежнему входила в число приоритетных тем советской историографии. Но идеологи КПСС требовали, чтобы предпочтение в ее рамках историки отдавали изучению победоносного опыта большевиков по защите завоеваний Октябрьской революции. На исследование же лагеря контрреволюции были наложены серьезные ограничения, которые усложняли и без того непростую ситуацию. Отстаивать право на изучение этой проблематики перед особо бдительными партийными цензорами приходилось, опираясь на авторитет самого В.И.Ленина, еще в январе 1906 г. написавшего, что революция и контрреволюция взаимосвязаны и что «революции без контрреволюции не бывает и быть не может»¹⁶.

В силу указанных объективных обстоятельств ход и результаты изучения ВСП в конце 1950-х — 1980-е гг. не могли не быть противоречивыми. Прежде всего нужно признать, что интерес к ВСП со стороны историков постепенно возрастал. Об этом убедительно свидетельствовал вышедший в 1968 г. в Ленинграде четвертый том обобщающей пятитомной «Истории Сибири», в котором ВСП и проводимой им политике было уделено несколько страниц.

Об этих же проблемах, естественно, с разной степенью полноты, компетентности и достоверности попутно писали в диссертациях, статьях и монографиях, посвященных гражданской войне в России и в Сибири, В.В.Гармиза, К.В.Гусев, М.А.Гудошников, В.А.Демидов, Ю.В.Журов, Б.В.Иванов, Г.З.Иоффе, В.А.Кадейкин, А.И.Крушанов, Т.В.Мальцева, М.Е.Плотникова, В.С.Познанский, А.Н.Резниченко, Л.А.Шиканов и др.¹⁷ Тогда же появилось несколько специальных публикаций М.Е.Плотниковой, В.А.Кадейкина и С.Г.Лившица, в названиях которых фигурировали ЗСК или ВСП¹⁸.

Парадоксальным образом период, когда у власти находилось ВСП, не нашел отражения только в одной крупной публикации тех лет — в очерках В.Л.Соскина¹⁹. На страницах этой книги, которую по фундированности фактами и их теоретическому

осмыслению можно отнести к лучшим сочинениям советских исследователей об эпохе революции и гражданской войны в Сибири, на смену свергнутой советской власти сразу же пришел режим адмирала А.В.Колчака. Объяснения этому странному проблемно-хронологическому пробелу В.Л.Соскин не дал. Можно высказать предположение, что таково было авторское видение специфики изучаемой им предметной области. Однако весьма сомнительно, чтобы в период гражданской войны сфера культуры могла существовать столь автономно и не испытывать воздействия со стороны государственной власти. Скорее всего, В.Л.Соскин не видел ни сложного политического состава сибирской контрреволюции, ни ее эволюции во времени.

Источниковая база большинства работ названных выше советских историков, кроме написанных М.А.Гудошниковым и А.Н.Резниченко, была шире, чем публикаций 1920-х — начала 1930-х гг. Тем не менее нельзя не отметить ее узость и прикарность во всех без исключения книгах и статьях, вышедших в конце 1950-х — 1980-е гг. С основным массивом документов по теме, хранившихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, ни один исследователь сколько-нибудь серьезно не работал, а если и обращался к ним, то очень фрагментарно и, главное, бессистемно, из-за чего ключевые документы оказались не изученными. Огромный информационный потенциал сибирской периодической печати того времени остался совершенно невостребованным. В то же время нередко использовались откровенно недостоверные источники. В качестве примера можно привести такой казус: содержание декларации, с которой 15 августа 1918 г. на заседании Сибирской областной думы выступил председатель Совета министров ВСП П.В.Вологодский, В.В.Гармиза изложил по тексту, опубликованному центральным органом РКП(б) газетой «Правда»²⁰.

Безусловным вкладом историков конца 1950-х — 1980-х гг. в изучение ВСП стало исследование ряда новых вопросов и расширение проблемного пространства. Принципиально важно, что в поле зрения историков оказались ЗСК, Административный совет, сентябрьский правительственный кризис, взаимоотношения ВСП и Сибирской областной думы, ликвидация делегацией ВСП на Дальнем Востоке Временного правительства автономной Сибири

и Делового кабинета Временного правителя генерала Д.Л.Хорвата. Наиболее активно этой проблематикой занимались В.В.Гармиза, Г.З.Иоффе, С.Г.Лившиц и М.Е.Плотникова.

Правда, основным исследовательским методом, которым оперировало большинство историков тех лет, оставался иллюстративный подход. Указанное обстоятельство делало практически невозможным их выход на качественно новый уровень изучения темы. К тому же свою основную задачу почти все авторы видели не в самостоятельном анализе документального материала и не в поиске научной истины, а в подтверждении эмпирическими сведениями тех оценок фактам, событиям и процессам, которые дал им В.И.Ленин. Отклонений от отмеченного «порядка» не наблюдалось. Более того, овладение ленинской концепцией гражданской войны в России считалось первоочередной задачей каждого исследователя и предпосылкой его творческого успеха.

Критического переосмысления результатов первого этапа советской историографии историки конца 1950-х — 1980-х гг. также практически не производили. Напротив, они оценивали их в основном высоко, а если и подвергали критике, то главным образом за недостаточное использование ленинского теоретического наследия²¹. Фактический материал и суждения советских историков первого поколения довольно широко использовались исследователями конца 1950-х — 1980-х гг., особенно В.В.Гармизой, В.С.Познанским и М.Е.Плотниковой, которые явно идеализировали достижения своих предшественников.

Своеобразное отношение демонстрировали советские историки к воспоминаниям эмигрантов. В.В.Гармиза, Г.З.Иоффе, С.Г.Лившиц, М.Е.Плотникова часто ссылались на фактический материал и оценки тех или иных деятелей и событий, содержащиеся в опубликованных в 1920-е гг. мемуарах, особенно Г.К.Гинса, Л.А.Кроля и И.И.Серебренникова. Но это заимствование нередко осуществлялось некорректно: цитаты вырывались из одного контекста и помещались в принципиально иной, что приводило к смысловому искажению авторской позиции.

Используемая многими историками конца 1950-х — 1980-х гг. терминология не отвечала академическим нормам, а была взята на вооружение из арсенала коммунистических агитаторов времен гражданской войны. Причем легко можно было

обнаружить такую зависимость: чем менее компетентен был автор, тем больше он прибегал к ненаучной лексике. Особенно усердствовали по этой части А.Н.Резниченко, В.А.Кадейкин и С.Г.Лившиц, занимаясь голословным обличением многочисленных врагов большевизма: эсеров, меньшевиков, контрреволюционеров, интервентов и т.п.

В итоге на эмпирическом уровне сколько-нибудь серьезного продвижения в изучении ВСП в конце 1950-х — 1980-е гг. не произошло. Фактическая основа темы оставалась крайне узкой и малодостоверной. Простой перечень ошибок, допущенных историками, мог бы занять не одну страницу. Для того, чтобы убедиться в объективности сказанного, достаточно проанализировать тексты о ЗСК²². Принципиально ничем не отличаются от них тексты, посвященные Совету министров и Административному совету ВСП.

Даже такие элементарные вопросы истории ВСП, как его происхождение и состав, чаще всего освещались в литературе недостоверно. Причем на звание «рекордсмена некомпетентности» могли претендовать несколько человек. Например, С.Г.Лившиц, по мнению которого ВСП «образовалось на основе местных контрреволюционных организаций, с конца 1917 г. пытавшихся противопоставить себя Советской власти и претендовавших на “господство” в Сибири»²³. Составить ему достойную конкуренцию мог В.А.Кадейкин. Он зачислил в состав ВСП вместе с представителями мелкобуржуазных партий не только кадетов, но даже бывших царских генералов²⁴. Или М.Е.Плотникова, которая так и не смогла разобраться в структуре и составе высших органов государственной власти Сибири. Она называла ВСП то эсеровским («чисто формально»), то «меньшевицско-эсеровским и областническим» (правда, «только с большими оговорками»), а его Совет министров — то кадетско-монархическим, то кадетско-монархическим «по своему большинству», то состоящим «из кадетов и “беспартийных”, настроенных еще правее кадетов»²⁵.

Отсутствие надежной фактической базы и большой разброс во мнениях по конкретным вопросам истории ВСП тем не менее не помешали историкам конца 1950-х — 1980-х гг. сформулировать ряд положений концептуального характера. В совокупности они создавали такой общеисторический контекст.

На начальной стадии гражданской войны в Сибири в авангарде борьбы против советской власти находилась «демократическая контрреволюция». Правда, объяснение тому, почему так произошло, историки давали различное: М.Е.Плотникова полагала, что российские и иностранные капиталисты «позволили» эсерам и меньшевикам выйти на авансцену политической борьбы; В.В.Гармиза считал, что монархическая контрреволюция предпочла не брать на себя главную роль по свержению советской власти, а «укрылась за спиной соглашательских партий»; С.Г.Лившиц утверждал, что сибирские кадеты и их союзники сознательно «выдвинули» эсеров и меньшевиков на передний план; по мнению Г.З.Иоффе, такая ситуация являлась отражением соотношения сил, существовавших в эсеров-кадетско-монархической коалиции. Однако почти все исследователи были единодушны в том, что отстранение эсеров и меньшевиков от власти произошло в Сибири намного быстрее, чем в Поволжье и, следовательно, фаза «демократической контрреволюции» здесь была изжита раньше. Пребыванием у власти кадетско-монархической контрреволюции они во многом объясняли причины того, почему именно в Сибири установилась военная диктатура адмирала А.В.Колчака.

В указанном контексте эволюция и место ВСП описывались историками следующим образом. В ходе свержения большевиков к власти пришел ЗСК, состоявший из эсеров, назначенных ВСП. Но созданный им деловой аппарат уже почти не имел в своем составе социалистов и оказался намного «правее» самого комиссариата. Переход в конце июня 1918 г. власти от ЗСК к Совету министров ВСП большинством исследователей интерпретировался как первый решительный шаг в деле формального отстранения сибирских эсеров от власти и едва ли не полного ее перехода в руки буржуазии. Только Г.З.Иоффе трактовал приход Совета министров к власти как сохранение эсеров-кадетско-монархической коалиции, но при возникновении в ней нового соотношения сил. Следующим этапом эволюции ВСП исследователи называли создание в конце августа 1918 г. Административного совета, которое они оценивали как переход реальной власти к кадетско-монархической реакции. Административному совету ВСП, трансформировавшемуся в начале ноября 1918 г. в Совет министров Временного Всероссийского правительства, приписывалось

активное участие в подготовке колчаковского государственного переворота.

Абсолютно верным в этом компендиуме можно признать только вектор политического развития Сибири и выделение этапов в эволюции ВСП, датированных появлением на арене событий Совета министров, Административного совета и устранением из Совета министров социалистов В.М.Крутовского, Г.Б.Патушинского и М.Б.Шатилова. Все остальные позиции советской историографии не выдержали испытания на фактическую достоверность и должны быть признаны несостоятельными.

Политические события в России на рубеже 1980—90-х гг. положили начало новому, постсоветскому, этапу в развитии отечественной исторической науки. В долгосрочном плане они позитивно повлияли на результаты деятельности российских историков. Особенно благотворно сказались снятие ограничений на доступ к архивным и опубликованным источникам, ликвидация идеологической цензуры, упразднение государственной монополии марксизма-ленинизма в области научной методологии. Не менее важно, что в науку стала активно входить новая генерация историков, получивших образование во время «перестройки» и в постсоветский период. Большинство ее представителей имело достаточный иммунитет против коммунистической идеологии и свои выводы пыталось делать на основе источников, а не искало ответы на вопросы в цитатниках коммунистических вождей.

Однако сегодня отчетливо видны и другие стороны российской действительности 1990-х — начала 2000-х гг., негативно сказавшиеся на результатах начальной фазы постсоветского этапа отечественной историографии. Назовем лишь некоторые из них.

Интерес к гражданской войне в России, к ее событиям и участникам вызвал ажиотажный спрос на литературу, посвященную данной проблематике. Удовлетворять его зачастую брались люди не только не компетентные в данном вопросе, но и малоквалифицированные. Коммерческие издательства в погоне за прибылью активно продвигали на книжный рынок сочинения тех авторов, которые работали в жанре исторической сенсации, на практике являвшейся профанацией. В то же время из-за сокращения финансирования научных исследований резко сократились контакты профессиональных историков и, можно сказать, произошел

распад их сообщества. Часть историков по конъюнктурным соображениям радикально поменяла свои взгляды, что стало свидетельством моральной эрозии и дополнительным фактором самодискредитации российской исторической науки. Качество диссертационных работ и публикаций 1990-х — начала 2000-х гг. свидетельствует о том, что произошло резкое снижение уровня профессионализма. По сути дела, потеряла свою миссию взыскательного судьи и доброжелательного советчика научная критика, а Высшая аттестационная комиссия утратила возложенную на нее государством функцию контроля за качеством подготовки специалистов высшей квалификации. Все это в совокупности породило проблемы, которые едва ли можно назвать только «болезнями роста».

Тем не менее в целом за прошедшие полтора—два десятилетия в исследовании гражданской войны в Сибири, в том числе в изучении ВСП, произошли значительные положительные изменения.

Прежде всего нужно отметить, что вышло в свет несколько документальных публикаций, в которых в той или иной степени нашла отражение деятельность ВСП²⁶. В результате в научный оборот введено довольно значительное количество новых архивных источников, а также материалов, опубликованных на страницах повременных изданий 1918 г., которые нередко дошли до наших дней в одном—двух экземплярах. Но научную ценность части этих изданий существенно снижает то обстоятельство, что они были выполнены в жанре так называемой «ксероксной археографии», т.е. без соблюдения элементарных правил публикации документов. Как следствие, тексты воспроизводили многочисленные ошибки источников, в них недостает комментариев, а в сборниках, опубликованных томскими историками, отсутствуют даже конкретные ссылки на источники информации.

Расширению источниковой базы темы во многом способствовало издание дневника бывшего председателя Совета министров ВСП П.В.Вологодского, включающего весь период пребывания П.В.Вологодского на этой должности. К настоящему времени имеются три варианта публикации этого важного источника. Первая из них была осуществлена в США Д.Г.Вулфом и С.М.Ляндресом, вторая — в Москве А.В.Квакиным и третья —

в Рязани Д.Г.Вулфом, Н.С.Ларьковым и С.М.Ляндресом²⁷. Публикацию дневника П.В.Вологодского, выполненная А.В.Квакиным, можно считать свидетельством непрофессионализма и образчиком того, как нельзя издавать источники. И, напротив, серьезным вкладом в расширение источниковой базы гражданской войны в России стала последняя работа интернационального коллектива историков.

Положительное влияние на изучение сибирской контрреволюции и ее государственности оказали проводившиеся с середины 1990-х гг. различного рода научные форумы. В их ряду прежде всего следует назвать конференции, посвященные истории «белой» Сибири (Кемерово, 1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005 гг.), проблемам истории государственного управления и местного самоуправления в Сибири (Новосибирск, 1996, 1997, 1998, 1999, 2003, 2006 гг.), гражданской войне в Сибири (Красноярск, 1999 г.; Кемерово, 2007 г.), материалы которых публиковались. Больше внимания ВСП стало уделяться в статьях, диссертациях и монографиях о гражданской войне в Сибири²⁸, на востоке России и в России в целом²⁹. По сравнению с советским периодом историографии намного выросло количество публикаций, в которых вопрос о ВСП нашел специальное освещение³⁰. Широко развернулось изучение биографий лидеров и активных участников антибольшевистского сопротивления³¹. Подчеркнем, что такая «антропологизация» темы, введение в научный оборот достоверных данных о руководящих деятелях сибирской контрреволюции во многом способствовали более адекватной оценке ее состава, политических взглядов, поведения и сущности.

Как следствие, значительно расширилась исследовательская проблематика. В статьях, диссертациях и монографиях А.В.Добровольского, В.В.Журавлева, С.П.Звягина, Н.С.Ларькова, Е.В.Лукова, А.А.Мышанского, А.Н.Никитина, В.М.Рыноква, Д.Г.Симонова, М.В.Шиловского и В.И.Шишкина были освещены такие вопросы, как создание центральных и местных органов государственной власти ВСП после свержения большевиков, персональный состав высших эшелонов власти (ЗСК, Совета министров, Административного совета) и комиссарского корпуса, структура органов военного управления и судебной системы, взаимоотношения центральных и местных органов власти, военных и гражданских

властей, аграрная и финансовая политика ВСП. Большое внимание исследователи уделили анализу законодательно-нормативных актов ЗСК, Совета министров и Административного совета, партийно-политического состава и борьбы внутри ВСП.

В качестве методологической основы большинство современных исследователей осознанно или интуитивно использовало принцип объективности и цивилизационный подход, что не замедлило сказаться на результатах их деятельности. Заметно изменилась лексика историков: значительно меньше стало идеологических оценок и клише, она стала более спокойной, научной и точной. Хотя мифы и тем более штампы советской историографии до конца еще не преодолены. Пожалуй, наиболее устойчивым и живучим мифом остается однозначная характеристика правления ВСП как «белого» периода в истории Сибири, тогда как на самом деле между «демократической» и «белогвардейской» разновидностями контрреволюции имела большая дистанция. В то же время, судя по содержанию публикаций А.В.Добровольского и М.В.Шиловского, среди современных исследователей имеются приверженцы «методологического плюрализма», включающие в свой арсенал классовый подход и традиционную марксистско-ленинскую терминологию.

В освещение изучаемых вопросов те или иные историки постсоветского периода внесли разный вклад и достигли различных результатов. Например, несмотря на наличие специальных диссертаций О.Ф.Гордеева и Ю.Г.Лончакова, а также нескольких статей других авторов, нельзя признать, что аграрная политика ВСП освещена полно и тем более глубоко. Одна из главных причин такого состояния изученности темы — элементарное незнание историками реального содержания аграрного вопроса в Сибири в 1918 г., поскольку все их рассуждения базируются на нескольких давно и хорошо известных исследователям источниках, не содержащих необходимой информации.

Намного лучше обстоит дело с изучением политической жизни Сибири, созданием и деятельностью высших органов государственной власти. Рост числа публикаций по этим вопросам обеспечил введение в научный оборот как большого количества ранее неизвестных фактических данных, так и появление новых выводов.

Обратимся к литературе о ЗСК, который к настоящему времени изучен наиболее подробно. Одна ее часть — диссертации и публикации А.Н.Никитина и Е.В.Лукова — была выполнена в источниковедческом и историко-юридическом ключе. Предметом изучения этих авторов являлся в основном корпус законодательно-нормативных документов. Тем не менее их объективный анализ, проведенный с привлечением минимального числа иных источников, позволил А.Н.Никитину уже в 1994 г. дать совершенно иную, нежели В.В.Гармизе и С.Г.Лившицу, оценку декларируемой ЗСК политики. Изучив принятые комиссариатом законодательно-нормативные акты, А.Н.Никитин пришел к выводу, что большинство из них было направлено «на продолжение демократических процессов, начатых Февральской революцией», а постановление от 25 июня 1918 г. даже «повышало статус органов городского самоуправления».

Несомненно, демократическую направленность, по оценке А.Н.Никитина, имели законодательно-нормативные акты ЗСК, регулировавшие социально-экономическую сферу. Более того, исследователь высказал мнение, что комиссариат «стремился проводить в данном вопросе сбалансированную политику, не отвергая категорически все, что существовало в социально-экономической области при большевиках»³².

Позиция Е.В.Лукова по этим вопросам в принципе совпадала с мнением А.Н.Никитина.

В вышедшей в 2004 г. новой монографии А.Н.Никитин повторил свои выводы десятилетней давности. «... Нормотворческая деятельность Западно-Сибирского комиссариата, — считает исследователь, — объективно была направлена на восстановление политической системы, существовавшей в России с 23 февраля по июль 1917 г., то есть в период двоевластия. Более того, она соответствовала желанию социалистов не только сохранить советы как гарант демократических завоеваний Февральской революции, но и отдельные результаты Октябрьской революции, связанные с социализацией земли и национализацией промышленности»³³.

Другая часть литературы о ЗСК — диссертации и серия статей Н.С.Ларькова и В.В.Журавлева — была выполнена в традиционном историческом ключе. Причем оба исследователя не ограничились только переосмыслением уже известных источников при помощи

новых методологических подходов. Они выявили и ввели в научный оборот новые важные документы, позволившие им значительно продвинуться как в освещении темы на уровне фактов, так и в понимании происходивших событий.

В частности, Н.С.Ларьков внес ясность в вопросы об обстоятельствах, месте и времени легализации ЗСК, его статусе и партийности членов комиссариата. Н.С.Ларьков первым правильно назвал всех членов комиссариата принадлежащими «к левому крылу партии социалистов-революционеров». Их революционным прошлым и приверженностью социалистическим взглядам исследователь объяснил такие факты, которые игнорировали предшествующие историки, как наименование созданных ими местных органов власти: «военно-революционные штабы», «военно-революционные комитеты», «комиссариаты». Исследователь высказал мнение, что и сам ЗСК «являлся, по существу, органом чрезвычайным, повстанческим, “революционным”»³⁴.

Важной представляется данная Н.С.Ларьковым оценка военно-политической ситуации, существовавшей в сибирском макрорегионе в начале лета 1918 г. «... Первые недели после антисоветского переворота в Сибири, — считает исследователь, — характеризовались скорее многовластием с присущим ему острым политическим соперничеством, нежели доминированием ЗСК и подчиненных ему структур (губернских и уездных комиссариатов, уполномоченных и т.п.)»³⁵. Названными объективными обстоятельствами автор объяснил непрочность положения комиссариата, его обеспокоенность своей легитимностью и стремление упрочить собственное положение через возобновление работы Сибирской областной думы, достижение признания законности Временного Сибирского правительства П.Я.Дербера, находившегося в это время на Дальнем Востоке, и подчинение себе формировавшейся Западно-Сибирской армии.

Недовольством либерально-демократических и тем более «правых» кругов персональным и партийным составом ЗСК и проводимой им политикой объяснял Н.С.Ларьков мощный прессинг с их стороны, которому сразу же подвергся комиссариат. С активностью «правых кругов», не скрывавших своих требований установления единоличной диктатуры, исследователь связывал быстрое возвышение командующего Западно-Сибирской отдельной

армией полковника А.Н.Гришина-Алмазова и получение им второй должности — заведующего военным отделом ЗСК, фактически означавшей для последнего потерю контроля над армией.

Большое внимание освещению деятельности ЗСК было уделено в публикациях и диссертации В.В.Журавлева. Этот вопрос рассматривался исследователем в широком историческом контексте с использованием большого количества как уже известных, так и новых источников. По мнению В.В.Журавлева, антибольшевистское движение, свергнувшее советскую власть в Сибири в конце весны — начале лета 1918 г., являлось коалицией (блоком) различных политических сил «от эсеров центра до правых кадетов включительно при руководящей роли правых эсеров». Принципиально важно, что в этой коалиции В.В.Журавлев видел не два течения — в отличие от тех немногих его предшественников, которые оказались в состоянии увидеть хотя бы неоднородность сибирской контрреволюции, — а три: «левое», «правое» и «центр»³⁶. Отсутствием партийно-политического единства местной контрреволюции историк объяснял те проблемы, которые испытывали органы государственной власти в Сибири с самого начала их формирования.

Конституирование ЗСК в качестве правительственного органа («верховой власти»), считает В.В.Журавлев, сопровождалось острой борьбой за власть между входившими в эту коалицию группировками. Формирование «делового аппарата» комиссариата, когда во главе его отделов в роли «технических специалистов» оказались выдвиженцы цензовиков, историк рассматривал как промежуточный итог этой борьбы, являвшийся компромиссом между эсерами, с одной стороны, и стоявшими правее их политическими группировками — с другой. Сравнив партийный состав самого ЗСК и глав созданных при нем отделов, В.В.Журавлев пришел к заключению, что «кабинет существенно отличался от “верховой коллегии” по своей политической окраске»³⁷. Заметим, что в принципе эту точку зрения нельзя считать новой, поскольку она уже высказывалась ранее советскими историками. Но позиция В.В.Журавлева от позиции предшественников отличается тем, что она не просто декларируется, а основывается на анализе фактических данных.

Двухнедельный период политического «сожительства» ЗСК и его «делового кабинета» В.В.Журавлев оценивает как время, когда в лагере контрреволюции произошла серьезная перегруппировка сил. Во-первых, открыто заявил о себе тандем в лице А.Н.Гришина-Алмазова и министра финансов И.А.Михайлова, вокруг которых начали консолидироваться «правые» круги. Во-вторых, «левый» фланг утратил доминирующее положение «в общей системе сибирской контрреволюции». В-третьих, на передний план выдвинулся «центристский сектор сибирской контрреволюции, олицетворением которого стала фигура П.В.Вологодского»³⁸.

Вполне закономерно, что большое внимание историки уделили выяснению причин, в силу которых 30 июня 1918 г. ЗСК передал власть Совету министров ВСП. А.Н.Никитин и А.В.Луков были склонны объяснять этот факт давлением со стороны «правых» кругов (буржуазии, военных, кадетов, части прессы — в первом случае, цenzовых и военных кругов — во втором), недовольных эсеровским составом и мягкой политикой ЗСК. Причем А.Н.Никитин вслед за советскими историками инициатором этой акции ошибочно считал частное совещание Сибирской областной думы, которое, якобы, состояло из областников и националистов и потребовало замены партийного, эсеровского правительства непартийным³⁹.

Н.С.Ларьков называл передачу верховной власти от ЗСК к Совету министров ВСП «вынужденным компромиссом между различными политическими силами антисоветского лагеря». Условием этого компромисса, по мнению Н.С.Ларькова, явилось «признание не только “идеи” Временного Сибирского правительства, но отчасти и его персонального состава». В отличие от предшественников, Н.С.Ларьков считал, что данный компромисс принес антисоветскому лагерю серьезные результаты, главными из которых стали «разгром большевистских войск и десоветизация Сибири к осени 1918 г.»⁴⁰.

Во многом иначе видел причины передачи власти ЗСК Совету министров ВСП В.В.Журавлев. В отличие от своих предшественников, исследователь на первое место поставил два других фактора и объяснял происшедшее событие тем, что комиссариат был ограничен в своих полномочиях территориальными рамками

Западной Сибири, а также тем, что основные свои задачи (организацию вооруженных сил, подготовку антибольшевистского переворота, восстановление самоуправлений и государственного аппарата) «он уже выполнил». В то же время В.В.Журавлев отдал дань традиционной аргументации: передача власти «была совершена под давлением армейского командования и руководителей ведомств». Более того, он солидаризировался с эмигрантским историком Н.Н.Головиным в том, что передача власти, несмотря на ее «внешне легальный, правовой облик» представляла собой «своего рода “мирный переворот”»⁴¹.

Значительно меньше, по сравнению с ЗСК, в постсоветский период изучались Совет министров и Административный совет ВСП. По мнению большинства исследователей, после перехода власти в Сибири к Совету министров в ВСП постоянно шла скрытая или открытая борьба. Преимущественно сквозь призму этой борьбы они и рассматривали историю высших органов государственной власти сибирской контрреволюции в июле — октябре 1918 г. Совершенно естественно, что наибольшее внимание историков привлек небольшой отрезок времени, на который выпал пик этой борьбы — последняя декада сентября.

Исследователи по-разному оценивали природу, сущность и глубину политического конфликта, который разразился в это время в высших эшелонах государственной власти Сибири.

Как можно догадываться, М.В.Шиловский считал источником конфликта неоднородность состава Совета министров и наличие в нем двух группировок: «левой» в составе В.М.Крутовского, Г.Б.Патушинского и М.Б.Шатилова, ориентировавшейся на Сибирскую областную думу, и «правой» в составе П.В.Вологодского, И.А.Михайлова и И.И.Серебренникова, которые, «выражая интересы “государственно настроенных” и “деловых” кругов, т.е. буржуазии, стремились порвать с думой и действовать самостоятельно». М.В.Шиловский утверждал, что инициатива развязывания конфликта принадлежала эсерам (в других случаях — думцам, эсерам-думцам, эсерам и националистам!), пытавшимся «взять в свои руки руководящие позиции во Временном Сибирском правительстве и восстановить его сползание вправо». Правда, с этим заявлением плохо согласуется вывод автора о том, что действия противостоявших эсерам Административного совета и «военщи-

ны» «были согласованы и осуществлялись по заранее разработанному плану»! Итогом конфликта, который М.В.Шиловский невинтно именует «омскими событиями», стало, по его мнению, значительное укрепление позиций «правой» части ВСП и кадетско-монархических (буржуазно-монархических) кругов⁴².

Во многом иначе подошел к оценке данного конфликта Н.С.Ларьков. Исследователь рассматривал его с привлечением новых уникальных источников, в более широком историческом контексте и оценивал как наиболее острую фазу политического кризиса (по оценке автора, «сражения за власть»), поразившего ВСП еще в начале сентября 1918 г. Главным источником кризиса Н.С.Ларьков считал нелегитимность власти, которая провоцировала умеренно социалистическое и праворадикальное течения в сибирском антибольшевистском движении на перманентную взаимную борьбу. Наступающей «стороной» в сентябрьском конфликте, который Н.С.Ларьков в терминах военного искусства квалифицировал как «встречный бой», исследователь считал эсеров, поставивших своей ближайшей целью получить большинство в ВСП и тем самым овладеть высшим органом исполнительной власти, избравших формой достижения поставленной цели заговор, а основным инструментом — подконтрольную эсерам Сибирскую областную думу.

Особенностью сентябрьского этапа борьбы за власть Н.С.Ларьков считал достижение ею наивысшего накала, перерастание «в жесткие и даже жестокие формы борьбы, включая вооруженное насилие и террор». По мнению исследователя, для ВСП эта борьба завершилась потерей «левого» крыла, благодаря чему оно «получило возможность более адекватно выражать интересы наиболее активных, прежде всего городских слоев и групп населения, боровшихся с большевизмом». Главный же итог «встречного боя» Н.С.Ларьков видел в том, что «резко возросла роль сибирской военщины, ее вторжение в политическую жизнь, вплоть до производства арестов в высшем эшелоне власти»⁴³.

Иную трактовку сентябрьскому конфликту дал А.Н.Никитин. Исследователь рассматривал его как проявление борьбы между сторонниками парламентаризма и авторитаризма, которая велась на протяжении лета — начала осени 1918 г. и в конечном счете закончилась поражением первых и победой вторых. По мнению

А.Н.Никитина, кризис «привел фактически к распаду наличного состава Совета министров, ослабил легитимность власти, обострил противоречия внутри антибольшевистского лагеря. Кризис показал, что система власти, представленная полновластным и безответственным правительством, крайне неустойчива, затрудняет функционирование институтов демократии, тяготеет к авторитаризму»⁴⁴.

Что же касается главной причины поражения сторонников сибирского парламентаризма, представленных «левым» течением сибирской контрреволюции, и укрепления влияния в ВСП «правых», действовавших на данном этапе в союзе с «центристами», то интересное наблюдение сделал В.В.Журавлев. Он верно отметил, что «усиление авторитарности власти, которое соответствовало политическим идеалам правых, отвечало естественной тенденции развития власти в условиях гражданской войны»⁴⁵.

Явным диссоном в ряду выводов о ВСП и его политике, сделанных большинством современных историков, звучат оценки, которые дал на страницах своей монографии А.В.Добровольский. В принципе, книга А.В.Добровольского представляет собой довольно своеобразный «продукт». Несмотря на наличие большого количества ссылок на неопубликованные архивные источники, она базируется в основном на хорошо известных и задолго до автора введенных в научный оборот документах. В значительной части монография не является самостоятельной работой, а может быть охарактеризована как компилятивное произведение, в котором причудливо соседствуют взаимоисключающие взгляды, высказанные историками как советского, так и постсоветского времени⁴⁶.

Но в большинстве случаев в оценке происходивших в 1918 г. на территории Сибири событий А.В.Добровольский шел за В.И.Лениным и его последователями-историками. Поэтому политический режим ВСП А.В.Добровольский охарактеризовал как белогвардейский террор, только отличавшийся «еще более разнужданными формами, чем в Среднем Поволжье, на Урале»; проводимую по отношению к профсоюзам политику — как еще более реакционную, чем правительства А.Ф.Керенского, а в рабочем вопросе — даже отбрасывавшую пролетариат «к временам самодержавия»⁴⁷.

По ряду основных позиций (методологические основания, отношение к советской историографии, трактовка ряда событий) весьма близко к А.В.Добровольскому стоит М.В.Шиловский. В то же время публикации названных авторов имеют существенные отличия. С одной стороны, монография М.В.Шиловского содержит значительный по объему фактический материал, впервые вводимый в научный оборот, с другой — ее отличает обилие элементарных фактических ошибок, терминологических неточностей, внутренних противоречий, эпатажных утверждений, ставящих под сомнение обоснованность авторских суждений.

Вот только некоторые ошибки, легко поддающиеся проверке, которые содержатся в параграфе о «демократической» контрреволюции: советская власть в Мариинске была свергнута не 16 июня, как утверждает автор, а 25 мая; 31 мая в Новониколаевске находился только один член ЗСК, а не все четверо (П.Я.Михайлов и В.О.Сидоров были в Томске, Б.Д.Марков выехал из Томска в Тайгу); 27 мая в Томске был арестован не В.О.Сазонов, а В.О.Сидоров, тогда как А.В.Сазонов в это время находился в Новониколаевске; ЗСК был образован не 1 июня в Новониколаевске, а 13 февраля в Томске; решение о создании отделов во главе с названными в монографии заведующими было принято ЗСК не 4 июня в Новониколаевске, а 14 июня в Омске; Административный совет был создан не в середине июня, а 24 августа; В.М.Крутовский приехал в Омск не в конце июня, а в начале июля⁴⁸. И этот перечень ошибок может быть легко продолжен.

Подводя итоги изучения ВСП, можно сделать вывод, что к настоящему времени имеется «стартовый» научный задел: выявлен довольно широкий круг опубликованных и архивных источников, поставлены важные научные проблемы, сформулированы выводы и высказаны гипотезы. Однако хорошо видны и существенные недостатки отечественной историографии темы, обусловленные прежде всего тем, что не только ее генезис, но и большая часть развития пришлось на десятилетия советской эпохи.

К числу главных недостатков постсоветской историографии нужно отнести «перекосы» в исследовательской проблематике. Усилия историков были сосредоточены главным образом на анализе политических событий и участии в них ВСП, а также на

внутренней борьбе, которая велась в самом правительстве. В то же время вне поля зрения исследователей оказалась деятельность членов ЗСК, Совета министров, Административного совета, глав различных ведомств и управлений по руководству всеми сторонами жизни сибирского макрорегиона и прилегавших к нему территорий, имевшая повседневный и рутинный характер, но составлявшая главное содержание их работы.

В частности, нуждаются в изучении политика ВСП по отношению к Сибирской областной думе, к органам городского и земского самоуправления⁴⁹, в рабочем вопросе, по консолидации контрреволюции на востоке России (прежде всего — участие в двух совещаниях в Челябинске и миссия П.В.Вологодского на Дальний Восток), дипломатическая деятельность. Особого внимания заслуживает проводимая ВСП карательная политика, поскольку именно в этом вопросе наследство советской историографии осталось совершенно непреодоленным. Наконец, требует комплексного изучения тема создания и функционирования органов военного управления, формирования и боевой деятельности вооруженных сил ВСП. Имеющиеся на эту тему интересные публикации П.А.Новикова, Д.Г.Симонова и В.А.Шулдякова⁵⁰ являются для этого хорошим заделом, но имеют фрагментарный характер и не дают обобщенной картины процесса военного строительства и вооруженной борьбы на территории востока России.

Другим существенным недостатком публикаций историков, выполненных в постсоветский период, является узость используемой ими источниковой базы при наличии огромного комплекса архивных и опубликованных источников. Причем самое поразительно то, что почти все писавшие о ВСП авторы проигнорировали корпус ключевых источников по теме исследования — журналы заседаний и совещаний ЗСК, Совета министров и Административного совета ВСП. Между тем именно эти источники необходимо было изучать в первую очередь, поскольку без обращения к ним невозможно ни нарисовать верную картину событий, ни получить объективные и глубокие выводы о деятельности ВСП и сибирской контрреволюции в целом.

О недооценке историками названного корпуса источников свидетельствуют выводы, сделанные в диссертации Е.В.Лукова. Подводя итоги своего исследования и явно преувеличивая значение

законодательно-нормативных актов ВСП как источника для изучения сибирской контрреволюции, автор в то же время констатировал, что «законодательные акты лишь в сочетании с другими историческими источниками, в том числе периодической печатью, мемуарами и т.д., позволяют составить цельное представление о периоде Гражданской войны в целом и основных этапах развития “сибирской государственности” и проводимой ею социально-экономической политике»⁵¹. Как видим, здесь отсутствует упоминание журналов заседаний и совещаний ЗСК, Совета министров и Административного совета ВСП.

Представляется, что дальнейшие усилия историков, занимающихся изучением ВСП, должны быть нацелены на ликвидацию выявленных перекосов и пробелов. Их преодоление необходимо вести с максимальной опорой на ключевые источники по теме исследования, избегая политико-идеологических пристрастий и используя весь арсенал методов и приемов современной исторической науки.

Примечания

¹ Аргунов А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. С. 22—23. Основные характеристики ВСП, данные в 1919 г., А.А.Аргунов воспроизвел через полтора десятка лет в публикации «Омские дни в 1918 году» (см.: Сибирский архив. Прага, 1935. Т. V. С. 191—206).

² Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918—1925). Рязань, 2006. С. 60.

³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1, Ч. 1. С. 102, 307.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 88, 91—92.

⁶ Кроль М.А. Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской областной думы (Из воспоминаний) // Вольная Сибирь. Прага. 1928. № 4.

⁷ Серебrenников И.И. К истории Сибирского правительства // Сибирский архив. Прага. 1929. № 1.

⁸ Серебrenников И.И. Гражданская война в России: великий отход. М., 2003. С. 346—347, 415—416.

⁹ Гойхбарг А.Г. Контрреволюционный переворот в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917—1920). Омск, 1920; Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918—1920 гг.

Харбин, 1921; Он же. Гражданская война в Сибири 1918—1920 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1925; Вегман В.Д. Областные иллюзии, рассеянные революцией (К истории возникновения Сибирской областной думы) // Сибирские огни. Новоиколаевск. 1923. № 3; Он же. Сибоблдума // Сибирские огни. Новоиколаевск. 1923. № 4, и др.

¹⁰ Майский И. Демократическая контрреволюция. М., 1923; Анишев А. Очерки истории гражданской войны (1917—1920 гг.). Л., 1925; Какурин Н. Как сражалась революция. М., 1925. Т. 1; Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам (Очерки по истории контрреволюции в 1918 году). М.; Л., 1927; Лисовский П. На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. М., 1928, и др.

¹¹ Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири 1918—1920. С. 5.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. С. 10.

¹⁴ [Ансон] А.А. Временное Сибирское правительство // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стлб. 563—565.

¹⁵ Пионтковский С. Гражданская война в России 1918—1921 гг. Хрестоматия. М., 1925; Хроника гражданской войны в Сибири (1917—1918 гг.) / Сост. В.Макасов и А.Турунов. М., 1926; Уфимское государственное совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. М., 1933. Т. 6 (61).

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 171.

¹⁷ Гудошников М.А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959; Резниченко А.Н. Начало гражданской войны в Сибири. Борьба большевиков против меньшевистско-эсеровской буржуазной диктатуры 1918 г. // Боевые годы. Новосибирск, 1959; Он же. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири в 1918 г. Новосибирск, 1972; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; Познанский В.С. Белый террор «демократической контрреволюции» в борьбе с Советской властью в Сибири // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975; Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976; Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917—1923 гг.). Новосибирск, 1978; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Шиканов Л.А. К вопросу о хронологических рамках «демократической контрреволюции» в Сибири // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Новосибирск, 1985; Он же. Сибирская контрреволюция на начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 — ноябрь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989; Шиловский М.В. Сибирское областничество и контрреволюция: к проблеме взаимоотношения // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Новосибирск, 1985; Жуков Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986, и др.

¹⁸ Плотникова М.Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Тр. Томского гос. ун-та. Томск, 1964. Т. 167; Она же. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4; Кадейкин В.А. Антирабочая политика Временного Сибирского правительства // Там же; Лившиц С.Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974; Он же. Временное Сибирское правительство // Вопросы истории. М., 1979. № 12; Он же. Внешняя политика Временного Сибирского правительства в июле—ноябре 1918 г. // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического отечества. Новосибирск, 1990; Временное Сибирское правительство // Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983; Западно-Сибирский комиссариат // Там же.

¹⁹ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965.

²⁰ См.: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. С. 111.

²¹ См., например, статью В.С.Познанского «Вопросы истории гражданской войны в “Сибирской советской энциклопедии”» (Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3) и монографию М.Е.Плотниковой «Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.)» (Томск, 1974. С. 75—106).

²² Подтверждение этого вывода см. в нашей статье: Шишкин В.И. Российская историография Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI—XXI вв.: Материалы VI Всероссийской научной конференции (22—24 марта 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 71—76.

²³ Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство. С. 98.

²⁴ Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. С. 40.

²⁵ Плотникова М.Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири. С. 56, 65—66; Она же. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. С. 181, 183, 186.

²⁶ Сибирская милиция (1918—1919 гг.): Сб. нормативно-правовых документов / Сост. С.П.Звягин и Л.И.Петрушева. Кемерово, 1997; Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь—ноябрь 1918 г.) / Сост. Е.В.Луков, С.Ф.Фоминых, Э.И.Черняк. Томск, 1998. Вып. 1—3; Антибольшевистское правительство (Из истории белого движения): Учеб. пособие / Сост. С.П.Васильченко, О.А.Васьковский, Е.П.Сичинский, Т.И.Славко. Тверь, 1999; «Реальная» политика Временного Сибирского правительства. (Публикацию подготовил С.В.Дроков) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2001. № 9; 2002, № 10; Процесс над колчаковскими министрами (май 1920 г.) / Отв. ред. В.И.Шишкин. М., 2003; Шишкин В.И. Журналы заседаний Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (июнь 1918 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2005. № 11; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.): Сб. документов и материалов /

Сост. и науч. ред. В.И.Шишкин. Новосибирск, 2005; Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.): Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И.Шишкин. Новосибирск, 2007, и др.

²⁷ Wologodskii Petr Vasil'evich. A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China: the Diary of Petr Vasil'evich Wologodskii, 1918—1925 / Compiled, edited, and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover Institution Press publication, 1922; За спиной Колчака. Документы и материалы / Под ред. А.В.Квакина. М., 2005; Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918—1925 гг.) / Сост., предисловие и комментарии Д.Г.Вулфа, Н.С.Ларькова, С.М.Ляндреса. Рязань, 2006.

²⁸ Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири (источниковедческие и историографические аспекты изучения). Томск, 1994; Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917—1918 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996; Гордеев О.Ф. Аграрные проблемы в Сибири и пути их решения (февраль 1917 — январь 1920 гг.). Красноярск, 1997; Он же. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в годы гражданской войны (конец 1917 — 1920 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003; Лончаков Ю.Г. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири в 1918—1919 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997; Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918 — 1919 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998; Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В.Ханжина. Екатеринбург, 1999; Симонен Д.Г. Белая Сибирская армия (май—декабрь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; Балмасов С.С. Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири 1918—1920 гг. // Белая гвардия. М., 2001. № 5; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917—1923 гг.). Новосибирск, 2002; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003; Луков Е.В. Нормативные акты как источник для реконструкции идеологических и программных установок антибольшевистских правительств в Сибири // Документ в меняющемся мире: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Томск, 27—28 ноября 2003 г.). Томск, 2004; Шишкин В.И. Частные совещания членов временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник НГУ. Сер. ист., филол. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 2 (история); Он же. К вопросу о судьбе Советов после антибольшевистского переворота в Сибири (конец мая — июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. Барнаул, 2005, и др.

²⁹ См., например: Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000; Бутаков Я.А. Гражданская война в России: альтернативные модели государственного строительства и управления. М., 2001; Рынков В.М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918 — 1919 гг.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.). Бахрушинские чтения 1998 г. Межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск, 2001; Он же. Финансовая по-

литика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006; Медведев В.Г. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в годы гражданской войны в России. Ульяновск, 2001; Звягин С.П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918—1922 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003; Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские силы России в период гражданской войны (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2006; Журавлев В.В. Государственное совещание в Уфе: к вопросу о путях и характере консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле—сентябре 1918 г. // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII—XXI вв. Бахрушинские чтения 2007 г. Новосибирск, 2007; Шишкин В.И. Из истории формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства (октябрь 1918 г.) // Вестник НГУ. Сер. ист., филол. Новосибирск, 2007. Т. 6. Вып. 1 (история), и др.

³⁰ Шиловский М.В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993; Он же. Новониколаевск как столица «белой» Сибири (к истории Западно-Сибирского комиссариата) // Вопросы истории Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997; Журавлев В.В. Реформа аппарата местной власти Временного Сибирского правительства (июль—август 1918 г.) // Материалы XXXII международной студенческой научной конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1994; Он же. Кадровый состав комиссарского корпуса Временного Сибирского правительства // Материалы XXXIII международной студенческой научной конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1995; Он же. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1; Он же. Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001; Он же. Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май—июль 1918 г.) // Проблемы истории гражданской войны на востоке России. Бахрушинские чтения 2003 г. Новосибирск, 2003; Он же. Государственная власть сибирской контрреволюции (май—ноябрь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны — летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. отечеств. ист. Новосибирск. 1996. № 2; Он же. Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1; Он же. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России. Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001; Симонов Д.Г. Органы военного управления в «белой» Сибири (1918 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII—XX веков. Новосибирск, 1997. Вып. 2; Луков Е.В. Порядок принятия и опубликования законодательных актов Западно-Сибирского комиссариата и

Временного Сибирского правительства // Гражданская война в Сибири: Сб. докладов и статей научной конференции (ноябрь 1999 г.). Красноярск, 1999; Он же. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири (конец мая — начало ноября 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; Он же. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июнь—ноябрь 1918 г.) // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 1999. Т. 2; Он же. Мероприятия сибирских антибольшевистских правительств по восстановлению судебной системы (май—ноябрь 1918 г.) // История белой Сибири: Тезисы IV научной конференции (6—7 февраля 2001 г.). Кемерово, 2001; Он же. Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. ст. Томск, 2002; Он же. Индивидуальные законодательные акты сибирских правительств как источник для изучения их политической и социально-экономической программы // Проблемы истории Кузбасса: Материалы научно-практической конференции. Прокопьевск, 2002; Он же. Аграрно-крестьянская политика Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 12; Мышанский А.А. Деятельность информационно-агитационного отдела министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства (июнь—ноябрь 1918 г.) // Материалы XXXVII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Секция истории. Новосибирск, 1999; Фирсов И.Ф. О структуре и функциях тюменской милиции в период Сибирского Временного правительства // Словцовские чтения — 2001. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001; Шишкин В.И. Журналы заседаний Совета министров Временного Сибирского правительства как исторический источник // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения. Нижневартовск, 2005; Он же. Административный совет Временного Сибирского правительства (24 августа — 4 ноября 1918 г.) // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII—XXI вв. Бахрушинское чтения — 2007. Новосибирск, 2007; Абрамовский А.А. Следственные комиссии Временного Сибирского правительства // Сибирь в период гражданской войны: Материалы международной научной конференции (6—7 февраля 2007 г., г. Кемерово). Кемерово, 2007, и др.

³¹ Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994; История «белой» Сибири в лицах. Биографический справочник. СПб., 1996; Звягин С.П. Министр юстиции Г.Б.Патушинский // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 2001. Вып. 4; Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск, 2007 (очерки о П.В.Вологодском, В.М.Круговском, Б.Д.Маркове, И.А.Михайлове, И.И.Серебренникове, М.Б.Шатилове); Шишкин В.И. Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 — ноябрь 1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2007. № 13, и др.

³² Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. С. 9.

³³ Никитин А.Н. Государственность «белой» России. С. 34.

³⁴ Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны — летом 1918 г. С. 27.

³⁵ Там же.

³⁶ Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции. С. 8; Он же. Рождение Временного Сибирского правительства. С. 26—27.

³⁷ Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского правительства. С. 41.

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири. С. 11; Никитин А.Н. Государственность «белой» России. С. 34.

⁴⁰ Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны — летом 1918 г. С. 29.

⁴¹ Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции. С. 12; Он же. Рождение Временного Сибирского правительства. С. 46; Он же. Государственная власть сибирской контрреволюции. С. 16.

⁴² Шиловский М.В. Омские события последней декады сентября 1918 г. С. 23, 25, 29, 35—36; Он же. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 256, 263.

⁴³ Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири. С. 63, 65.

⁴⁴ Никитин А.Н. Государственность «белой» России. С. 55.

⁴⁵ Журавлев В.В. Государственная власть сибирской контрреволюции. С. 23.

⁴⁶ Более подробно о монографии А.В.Добровольского см. в рецензии Н.С.Ларькова (Вестник НГУ. Сер. ист., филол. Т. 2. Вып. 2 (история). Новосибирск, 2003).

⁴⁷ Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. С. 142—143.

⁴⁸ Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. С. 200, 207—209, 213, 215.

⁴⁹ Имеющиеся на эту тему публикации и диссертация А.А.Мышанского демонстрируют, к сожалению, полнейшую некомпетентность автора (см.: Мышанский А.А. Деятельность сельскохозяйственных структур губернских земств Сибири в 1918—1919 гг. // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны. Ишим, 2001; Он же. Восстановление деятельности земских учреждений в 1918 г. в Сибири // История белой Сибири. Тезисы IV научной конференции (6—7 февраля 2001 г.). Кемерово, 2001; Он же. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 — январь 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004).

⁵⁰ Симонов Д.Г. История II Степного корпуса белой Сибирской армии (1918 г.). Новосибирск, 2001; Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска (1917—1920). М., 2004. Т. 1; Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.

⁵¹ См.: Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири. С. 21.

Глава 10

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1930-х гг. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ РЕГИОНА

Проблемы аграрного развития региона неоднократно находились в центре дискуссий историков, экономистов, политиков. Экономическая наука и практика хозяйственного освоения Севера Западной Сибири показали, что в условиях рыночной экономики присутствует спрос на натуральные сельскохозяйственные продукты, и есть люди, желающие организовывать производство молока, мяса, яиц и овощей.

Полагаем, что в советском опыте аграрного освоения территории можно выделить три этапа:

- 1) крестьянская ссылка и создание основ сельскохозяйственной отрасли, особенно земледелия, в регионе (1930—1945 гг.);
- 2) послевоенный этап, характеризовавшийся хозяйственным укреплением колхозов и совхозов (до интенсивного нефтяного освоения) (1945—1969 гг.);
- 3) сельскохозяйственное производство в эпоху развития нефтегазового комплекса (1970—80-е гг.).

На современном этапе сельскохозяйственное производство занимает в структуре экономики Севера незначительное место, Ямал и Югра ориентированы на привозные продукты¹.

Осмысление опыта аграрного освоения территории позволяет сделать вывод, что государство должно предоставить условия для занятия сельским хозяйством тем людям, у кого есть в этой области знания, умения, способности и желание работать, вводить систему дотаций и поощрений производителям сельхозпродукции, что в конечном итоге будет способствовать развитию аграрного сектора, предоставлению рабочих мест и самое главное — производству качественных продуктов питания.

Обращение к периоду 1930-х гг., когда происходило формирование общественного аграрного производства, весьма актуально, поскольку позволяет не только изучить, но и понять цену преобразований, значение отрасли для удовлетворения потребностей населения в продуктах питания.

Долгое время вопросам сельскохозяйственного производства в отечественной историографии не уделялось должного внимания. Следует напомнить, что советский период истории региона начал систематически изучаться лишь с конца 1950-х гг. в русле истории партийных организаций².

Приоритетными направлениями исследований тех лет являлись события революции 1917 г., установление советской власти, Гражданская война, советизация, коллективизация. Проблемы аграрного развития затрагивались в меньшей степени, что объяснялось неразработанностью темы в целом и конъюнктурным подходом, закрытием в качестве исследовательской темы спецпереселенцев.

В современном изучении аграрного развития Северо-Западной Сибири указанного хронологического периода можно выделить три группы исследований ученых. К первой относятся труды историков-аграрников, исследующих историю сельскохозяйственного производства по отраслевому признаку, прежде всего это тюменские ученые — А.С.Иваненко (доктор сельскохозяйственных наук, профессор Тюменской государственной сельскохозяйственной академии) и В.Е.Иваненко (кандидат исторических наук, доцент указанной академии). В состав второй группы мы бы включили историков, исследующих в контексте различных проблем прошлого региона вопросы аграрного развития Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Это профессор из Тобольска Ю.П.Прибыльский и его ученица Н.И.Загороднюк³ — кандидат исторических наук, попытавшиеся показать роль спецпереселенцев в различных отраслях экономики края, в том числе и в сельском хозяйстве. К этой группе мы также отнесли бы исследования, принадлежащие историкам из Екатеринбурга С.В.Горшкову и Н.Н.Попову, также рассматривавших вопросы крестьянской ссылки и не обошедших вниманием роль спецпереселенцев в аграрном развитии Югры, впрочем, как и О.К.Акмент из Сургутского госуниверситета.

Третью группу исследований представляют труды Л.В.Алексеевой — профессора Нижневартовского государственного гуманитарного университета, — представившей комплексную характеристику сельскохозяйственного развития Югры и Ямала в 1930-х гг., и ее учеников — молодых ученых В.В.Мошкина и

И.И.Коньшевой — аспирантов кафедры истории России указанного университета, завершающих кандидатские диссертации по аграрной тематике.

В постсоветский период указанными авторами было написано значительное число работ, благодаря которым удалось существенно конкретизировать многие сюжеты темы, детально представить развитие аграрной сферы северного региона.

В изучении аграрной истории региона можно выделить несколько приоритетных направлений:

- Крестьянская ссылка и вклад спецпереселенцев в аграрное освоение Югры и Ямала;
- Сельскохозяйственное производство: животноводство, земледелие, тепличное и парниковое хозяйство;
- Коллективизация и организация труда в колхозах, формы коллективов,
- Поставки продукции государству;
- Научные сельскохозяйственные организации: опорные и сельскохозяйственные пункты, лаборатории;
- Ветеринарное обслуживание колхозного животноводства;
- Землепользование и землеустройство.

Каждое из указанных направлений в той или иной мере изучено историками, однако уровень исследований, постановка проблем в них весьма отличаются. Нельзя не отметить и методологического плюрализма в освещении аграрной истории. В региональных исследованиях прослеживаются тенденции, заложенные учеными советского периода, что, вероятно, закономерно.

Вопросам коллективизации на Севере Западной Сибири посвящено несколько работ, в которых авторы пытаются пересмотреть ее ход, итоги, последствия. Как известно, зимой 1929—1930 гг. советская власть развернула кампанию по проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства. Поддержки в деревне кампания не встретила, но власти об этом не слишком и заботились. Коллективизация проводилась не «снизу», а «сверху», ее инициатором было государство, и новые коллективные хозяйства зачастую организовывались людьми пришлыми, специально командированными для этих целей в деревню. Главной целью коллективизации было увеличить размеры государст-

венных хлебозаготовок и не дать крестьянам придерживать зерно, т.е. распоряжаться им по собственному усмотрению.

Проблемы коллективизации в регионе обстоятельно рассмотрены в трудах Л.В.Алексеевой. Итогом проведенных исследований стала монография, в третьей главе которой изучена *роль спецпереселенцев в сельскохозяйственном освоении края*, проанализированы планы и *темпы коллективизации*, выявлены *формы создания коллективов*, впервые представлена в комплексе *производственная деятельность колхозов и совхозов*.

Автор обращает внимание на огромные усилия, предпринимаемые властями всех уровней к преобразованию северного хозяйства. Автор дискутирует с поколением советских историков по вопросу коллективизации в регионе. Л.В.Алексеева подчеркивает, что они придерживались мнения относительно охвата коллективизацией почти всего населения северных округов. Исследование Л.В.Алексеевой показало, что коллективизация к концу 1930-х гг. распространилась на значительную часть населения Остяко-Вогульского округа и не менее половины Ямало-Ненецкого. Коллективизация на Севере осложнялась тем, что проводили и руководили ею работники, воодушевленные наилучшими намерениями, но пришедшие со стороны, не знавшие языка и обычаев коренных народов.

Вопрос о сроках завершения коллективизации также вызвал дискуссии. Советские историки придерживались мнения, что она закончилась в 1937—1938 гг. Так, М.Е.Бударин считал, что коллективизация на Северо-Западе Сибири была завершена в 1937—1938 гг. В.А.Зибарев подчеркивал, что к 1937 г. завершилась в основном коллективизация рыболовецко-охотничьего населения, что коренным образом, по его мнению, изменило экономику и общественные отношения.

Исследование Л.В.Алексеевой позволяет заключить, что коллективизация к началу войны не была завершена.

Советские североведы связывали с коллективизацией огромные хозяйственные успехи. М.Е.Бударин одним из самых главных достижений колхозов считал развитие сельского хозяйства у коренных народов. Исследование Л.В.Алексеевой не подтвердило вывод М.Е.Бударина, поскольку главную роль в создании сельскохозяйственной базы сыграли спецпереселенцы, а не

коренные народы. В.А.Зибарев связывал итоги коллективизации с установлением колхозно-кооперативной собственности на средства производства, с устранением социального неравенства, эксплуатации бедных богатыми, с созданием основ колхозного строя в оленеводстве.

Л.Е.Киселев разделял мнение В.А.Зибарева о произошедших изменениях и писал, что колхозное строительство привело к революционной перестройке веками сложившихся форм и методов хозяйствования, образа жизни народностей Севера, явилось решающим средством социалистического преобразования их хозяйства и культуры. Коллективизация промыслового хозяйства способствовала ликвидации политической, хозяйственной и культурной отсталости аборигенов⁴.

Л.В.Алексеева не отрицает создание общественного производства в округах, однако, вопреки утверждению Л.Е.Киселева, считавшего, что коренные народы были его активными участниками, она полагает, что аборигены были лишь частично втянуты в него. Исследовательница утверждает, что колхозы Севера не были подготовлены к выполнению своих производственных задач, им не хватало опыта, средств, умелых руководителей. Создание общественного животноводства показало, что перераспределение скота от частных в колхозы и совхозы не решило проблемы увеличения сельскохозяйственного производства. Требовалось строительство производственных помещений, жилищ, общественных зданий — все это было отнюдь не легким делом, когда ресурсы страны были подчинены выполнению программы индустриализации. Тем не менее, советскому государству в целом колхозы должны были обеспечить большее поступление продукции в виде заготовок. У коллективных хозяйств было меньше возможностей уклониться от сдачи продуктов. В этом смысле свою задачу колхозы Севера выполнили.

Одной из особенностей коллективизации в округах Л.В.Алексеева считала колхозное строительство у оленеводов. Попытка создать подобные колхозы у оленеводов в первой половине 1930-х гг. не увенчалась успехом. Автор выявила, что колхозы были бедняцкими, с небольшим поголовьем оленей и существовали только в зимнее время, весной эти колхозы растворялись в тундре, зов которой был сильнее. Еще меньше социалистические

преобразования затронули ненцев Ямала, которые сохраняли традиционный жизненный уклад, вели кочевой образ жизни.

Из советских историков только В.А.Зибарев обращал внимание на специфику коллективизации оленеводов Ямала. Среди современных ученых распространены в целом отрицательные оценки социалистических преобразований, которые негативно отразились на состоянии оленеводства в 1930-х гг. Так, к примеру, В.Т.Поспелов считает, что оленеводческое хозяйство Северо-Западной Сибири в первой трети XX в. находилось на стадии крайнего упадка. С.В.Лезова высказала мнение, что создание государственного сектора болезненно сказалось на традиционном хозяйстве оленеводов тундры⁵.

В последующие годы тема коллективизации ненцев Ямала разрабатывалась и углублялась, результатом этого стала статья Л.В.Алексеевой «Коллективизация ненцев Ямала и ее итоги (1930—1941 гг.)»⁶, в которой автором дан анализ нормативных документов, согласно которым осуществлялась коллективизация на Крайнем Севере. Сопоставлены планы, темпы создания колхозов, их формы, количество по районам округа. В результате сделан вывод о замедленных темпах коллективизации в округе, ее отставании от других районов страны. Особенностью коллективизации Ямала стало создание колхозов преимущественно у занимающейся рыболовством части населения и у бедняков-оленеводов (у береговых ненцев). В колхозы не было вовлечено все население края, тундровые ненцы оставались вне коллективных хозяйств.

К схожим выводам ранее пришли Ю.П.Прибыльский и А.В.Головнев, подчеркивавшие, что, несмотря на все попытки административного и экономического давления советской власти, ненецкое оленеводство сохранило свои основные черты. Ни конфискации, ни перераспределение оленей, ни прямые репрессии против наиболее зажиточных оленеводов не смогли нарушить главных принципов оленеводства на Ямале⁷.

Сегодня более 13 тысяч ненцев Ямало-Ненецкого округа ведут кочевой образ жизни. ЯНАО — крупнейший оленеводческий центр. На его территории выпасается самое крупное в мире стадо северного домашнего оленя — более 500 тыс. голов. Большая

часть оленей — 62% находится в личной собственности, 38% — в общественной⁸.

Решение задач модернизации Севера было обеспечено использованием трудовой силы ссыльных крестьян. Сельскохозяйственное развитие края невозможно было бы обеспечить, если бы не крестьянская ссылка. Вопрос о численности спецпереселенцев на Севере Западной Сибири является одним из дискуссионных в науке. Ю.П.Прибыльский считал, что в Остяко-Вогульском округе в начале 1930-х гг. числилось 37 400 спецпереселенцев⁹. В.В.Мошкин полагает, что в 1932 г. в округе было учтено 30 243 человека¹⁰.

Нами установлено, что в результате трех этапов крестьянской ссылки в сельское хозяйство на Обь-Иртышский Север было распределено 11 400 человек. Однако по мере увеличения производственных планов для сельского хозяйства и в связи с высокой смертностью среди спецпереселенцев осуществлялась внутренняя переброска ссыльных с одного объекта на другой. К марту 1932 г. на территории Остяко-Вогульского округа наблюдалось увеличение числа спецпереселенцев, приписанных к сельскохозяйственным колониям. Их насчитывалось 3 982 семьи, или 16,1 тыс. человек¹¹. Земледелие преимущественно было распространено в Остяко-Вогульском округе. Расширение посевных площадей шло за счет обработки пойменных почв и раскорчевок. По данным Н.И.Загороднюк, к концу 1930-х гг. трудпоселенцы составляли 60—70% работников сельского хозяйства и кооперации¹².

В контексте расширения предмета исследования в рамках темы освоения края спецпереселенцами, В.В.Мошкин посвятил специальную работу состоянию подсобных хозяйств спецпереселенцев, в которой сделал вывод, что подсобные хозяйства играли исключительно важную роль в обеспечении спецпереселенцев и членов их семей продуктами питания¹³. В.В.Мошкин подробно представил механизм создания и функционирования неуставных артелей спецпереселенцев.

Одним из элементов изучения развития земледелия в округах является землеустройство. Первой научно-популярной работой, где были представлены некоторые данные по землеустройству, стала работа В.Г.Балина¹⁴, однако, несмотря на приведенные в ней интересные статистические материалы и сюжеты, работа не

лишена идеологической подоплеки. Нельзя не отметить важных подробностей, которые описывает автор, будучи участником этих процессов. В.Г.Балин осветил виды землеустроительных работ в Остяко-Вогульском округе, проблемы проведения землеустройства в регионе, но оценил его в целом положительно, считая, что оно завершилось к концу 1938 г. В работе не приводятся сведения, касающиеся объема выполненных работ, не затрагивается специфика землеустройства в разных районах территории.

Л.В.Алексеева также затронула проблемы землеустройства и землепользования в регионе¹⁵. Она считает, что эти процессы следует изучать с учетом вхождения региона в состав Уральской области. В статье систематизированы сведения об экспедициях на Север, осуществлявших землеустроительные работы. Исследовательницей выявлены проблемы, с которыми сталкивались землеустроители. Она считает, что на Севере в начале 1930-х гг. отсутствовал механизм регулирования пользования угодьями, что приводило к многочисленным конфликтам с аборигенами и пришлыми жителями. Анализ проблемы позволил ей заключить, что землеустройство на Севере Западной Сибири к началу Великой Отечественной войны не было завершено¹⁶.

Более углубленно этой темой занимается И.И.Коньшева, опубликовавшая более десятка работ, посвященных проблемам землеустройства и землепользования на Севере Западной Сибири в 1917—1941 гг. Ею изучены вопросы нормативно-правовой базы, различные формы землепользования, проблемы осуществления землеустройства в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг.¹⁷

А.С. Иваненко и В.Е.Иваненко в одной из работ¹⁸ попытались дать обзор сельскохозяйственного развития Остяко-Вогульского округа в 1930-е гг. Авторы сосредоточили свое внимание преимущественно на характеристике колхозного производства, проанализировали развитие земледелия и животноводства. В целом они позитивно оценили аграрное развитие региона в указанные годы. К сожалению, авторы «продублировали» уже описанные в отечественной историографии сюжеты, поскольку не учли ранее полученных другими исследователями научных данных, в частности, монографии Л.В.Алексеевой¹⁹.

А.С.Иваненко и В.Е.Иваненко недавно обратились к проблеме сельскохозяйственных опорных пунктов и посвятили их истории

специальную публикацию. Они осветили процесс создания опорных пунктов в округе. Выявили, чем они занимались, какие проблемы для них были характерны. Авторы представили в хронологическом порядке появление опорных пунктов в округе: Остяко-Вогульский, в с.Леуши Кондинского района, Березовский.

Итак, за последние 10 лет учеными региона выполнены исследования по изучению сельского хозяйства северных районов Тюменской области, преимущественно Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа. Завершены диссертационные исследования по темам крестьянской ссылки (где отражена роль спецпереселенцев в сельскохозяйственном освоении) и землеустройства на Обь-Иртышском Севере. Выполнены монографические исследования, включающие вопросы аграрного развития края. Становится очевидным, что необходимы не только специальные исследования, посвященные сельскохозяйственному производству края, развитию аграрной сферы в различные периоды новейшей истории Югры и Ямала, но и обобщающий труд по аграрной истории региона в XX в.

Примечания

1 Показатели развития сельскохозяйственного производства ХМАО за 2005—2006 гг. представлены по информации Управления агропромышленного комплекса (См.: <http://www.admhmao.ru/economic/selhos/selo.htm>) в следующем виде:

	2005	2006
Поголовье крупного рогатого скота	11 672	12 409
Поголовье лошадей	2 020	2 178
Поголовье овец	2 138	2 603
Поголовье птицы	150 892	171 725
Производство мяса всех видов (ц)	57 410	57 630
Производство молока (ц)	193 850	200 950
Производство яиц (тыс. шт.)	37 465	33 643
Посевные площади (га)	11 950	11 941
Поголовье свиней	14 633	20 383

Сведения, приведенные в таблице, позволяют заметить, что по уровню поголовья крупного рогатого скота округ не достиг показателей 1930 г. на 45%, а по площади посевных культур находится на уровне предвоенного 1940 г.

В ЯНАО ситуация с аграрным сектором еще сложнее. Сельскохозяйственная отрасль все еще не оправилась от кризиса. Земледелие практически отсутствует. А в животноводстве лишь только приступили к планированию развития отрасли.

В округе разработана программа поддержки сельского хозяйства на 2006—2010 гг. См.: Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. Екатеринбург, 2006. С. 201.

² См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Проблемы изучения истории Тюменской области в отечественной историографии // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2001. Тюмень, 2002. С. 134.

³ Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; Она же. Спецпереселенцы: социо-этнический аспект // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 241—243; Она же. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 34—35, и др.

⁴ Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 80; Киселев Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 1980. С. 336—337.

⁵ См.: Поспелов В.Т. Оленеводство и оленеводы Севера в первой трети XX века // Словцовские чтения — 2000. Тюмень, 2000. С. 252; Лезова С.В. Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 132.

⁶ Алексеева Л.В. Коллективизация ненцев Ямала и ее итоги (1930—1941 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2007. Вып. 9. С. 92—101.

⁷ Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994. С. 43.

⁸ См.: Съезд оленеводов России // Новости Приобья. 2002. 28 февраля.

⁹ См.: Прибыльский Ю.П. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря.

¹⁰ См.: Мошкин В.В. О численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе (по материалам ГАОПОТО) // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2006. Вып. 8. С. 164.

¹¹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. Екатеринбург, 2003. С. 191—198.

¹² Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.). С. 3, 19.

¹³ Мошкин В.В. О развитии подсобных хозяйств спецпереселенцев на Обь-Иртышском Севере в начале 1930-х гг. // Прошлое Западной Сибири. Дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: Материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения С.В.Бахрушина. Нижневартовск, 2007. С. 182—186.

¹⁴ Балин В.Г. Земельные отношения на Обском Севере. Новосибирск, 2000.

¹⁵ Алексеева Л.В. Землепользование и землеустройство на Обь-Иртышском Севере с середины 1920-х — 1930-е гг. // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2005. Вып. 7. С. 144—157.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См., например, Кобышева И.И. Земельно-водные отношения в 1920—30-х гг. на Обском Севере в исследовании В.Г.Балина // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 85—87; Она же. К вопросу о землеустройстве и землепользовании на Урале и Северном Зауралье (1917 — 1930-е гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Вып. 7. С. 130—143, и др.

¹⁸ Иваненко А.С., Иваненко В.Е. Сельское хозяйство Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) национального округа в 1930-е гг. // Северо-Западная Сибирь в прошлом и настоящем. Нижневартовск, 2007. С. 16—19.

¹⁹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера... С. 191—197, 204—239.

Глава 11

КРЕСТЬЯНСКАЯ ССЫЛКА НА ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ СЕВЕР В 1930—1933-е гг. В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Прошлое российского крестьянства продолжает привлекать пристальное внимание отечественных и зарубежных историков. Осмысление событий аграрной истории с позиций современной науки требует их переоценки, не является исключением в этой связи и крестьянская ссылка начала 1930-х гг.

Ссылка крестьян на Север Уральской области является одной из актуальных проблем изучения региональной истории, которая по-прежнему относится к числу недостаточно раскрытых.

Освоение необжитых и малообжитых районов Сибири посредством насильственных переселений с целью извлечения с указанных территорий разнообразных природных ресурсов, являлось одним из приоритетных направлений государственной политики советского руководства в 1929—1930-х гг. Для реализации данного направления сталинское правительство создавало резерв дешевой рабочей силы путем введения чрезвычайных мер по отношению к самому многочисленному классу в СССР — крестьянству, оправдывая свои действия сопротивлением кулаков коллективизации.

Промышленное развитие страны требовало значительного расширения сырьевой и энергетической базы. Однако разработка залежей угля и железной руды, а также освоение обширных лесных массивов, сосредоточенных в северных районах Урала, были законсервированы в связи с нехваткой рабочих рук. На лесозаготовки ежегодно приходилось завозить временную рабочую силу из различных регионов СССР. Это было связано с большими трудностями и срывом производственных заданий. С помощью спецпереселенцев руководство страны предполагало решить проблему рабочих рук в отдаленных регионах.

Западная Сибирь являлась одним из основных районов расселения огромной массы спецпереселенцев — раскулаченных крестьян, так называемых кулаков. Расселение, жизнеобеспечение и

жизнедеятельность спецпереселенцев, их вклад в развитие северных национальных округов, а также влияние на социально-экономические и демографические процессы на Обь-Иртышском Севере еще только начинает изучаться историографией.

Во многих регионах России, ранее являвшихся местом наиболее активного поселения спецпереселенцев, таких как Сибирь, Север, Урал, бывшие спецпереселенцы и их потомки составляют значительную часть жителей. Так как они выпадают из истории местного коренного населения, то особую актуальность в аспекте гармоничного развития межнациональных отношений приобретает изучение истории жизни спецпереселенцев. Работа важна и с той точки зрения, что без локальных исследований спецпереселенческого процесса, продолжавшегося на протяжении 1930—50-х гг. XX в., невозможно реконструировать и суммарно оценить переселенческую политику государства, ее последствия, а также исторический путь страны в целом, с его плюсами и минусами.

Появление категории спецпереселенцев стало прямым следствием насаждения государством принципа принудительного труда как главного экономического рычага в освоении природных богатств многих регионов нашей страны. Изучение жизни и деятельности спецпереселенцев позволяет проследить роль спецконтингента в создании мощного индустриального потенциала страны в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями. По этой причине изучение истории подневольного труда спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе в рассматриваемый период также имеет большую актуальность. Особый интерес представляет вопрос о работе государственных органов власти по созданию условий жизнедеятельности спецпереселенцев на спецпоселениях, результаты деятельности властных органов в данном направлении, а также проблемы правового положения спецпереселенцев.

В рамках советской и постсоветской историографии весьма сложно осуществить исчерпывающий анализ степени изученности данной проблематики, так как тема принудительных переселений долго была запретной для исследований, и на данном этапе происходит накопление фактического материала, вследствие чего число устоявшихся точек зрения по данной проблеме еще не так

велико, существует много вопросов, не выясненных историками до сих пор.

В отечественной историографии можно выделить несколько направлений в исследовании темы. К одному из направлений относятся работы по проблеме раскулачивания и выселения раскулаченных с мест постоянного проживания. Второе направление в изучении прошлого спецпереселенцев связано с историей депортаций народов в конце 1930-х — 1940-е гг. и судьбой депортированных на спецпоселениях.

Анализ историографии позволяет выделить 3 этапа в изучении проблемы крестьянской ссылки: 1) середина 1930-х — середина 1950-х гг.; 2) середина 1950-х — середина 1980-х гг.; 3) вторая половина 1980-х — 2008 гг.

Первые работы появились уже в 1930-е гг. Публикации середины 1930-х гг., как правило, представляли собой либо статьи партийных деятелей, организаторов и руководителей проведения «раскулачивания», либо публицистов, журналистов и пропагандистов, пытавшихся подробнее рассказать о новой политике партии, объяснить ее доступным языком, обосновать ее необходимость. Среди произведений партийных руководителей весьма интересными являются работы В.М.Молотова¹, возглавлявшего комиссию по подготовке «ликвидации кулачества как класса», и А.А.Андреева², руководившего работой комиссии по проведению «раскулачивания» в 1931—1932 гг. Значительный интерес для выявления региональных особенностей процессов и специфики восприятия политической линии на местах представляют работы секретарей областных (краевых) комитетов ВКП (б)³.

Сильной стороной этих публикаций является отражение позиций и умонастроений партийных руководителей областного уровня. Однако небольшие по объему работы отличались узостью источниковой базы, отсутствием исторического анализа и агитационно-пропагандистской направленностью.

Наряду со статьями видных партийных деятелей, доказывающих правильность выселения раскулаченных, имелись публикации, которые можно отнести к первым попыткам анализа процесса спецпереселения в рамках господствовавшей идеологии. Это работы И.М.Вайрекиса, М.М.Хатаевича, А.Е.Евдокимова и Р.И.Эйхе⁴, в которых выселение раскулаченных рассматривалось

как закономерное явление в процессе коллективизации и раскулачивания, носившее, по их определению, характер трудового перевоспитания бывших кулаков.

В целом можно отметить, что в 1930-х гг. работы по теме крестьянской ссылки еще не приобрели характера исторического исследования. Научная проблематика и методология изучения происходивших в деревне процессов только начинали формироваться. В то же время агитационно-пропагандистский характер многих работ не лишает их научного значения. Их ценность состоит в фиксации фактических данных, а также в отражении духа той эпохи, ее идейного содержания, настроений и ожиданий.

Традиция рассмотрения коллективизации и раскулачивания, заложенная в 1930-е гг., сохранилась и в последующие периоды отечественной историографии.

С середины 1930-х до середины 1950-х гг. отечественная историческая литература находилась в еще более жестких идеологических рамках, чем в предыдущие годы.

В 1938 г. вышел из печати «Краткий курс истории ВКП (б)», в котором закреплялись постулаты, несколько десятилетий не подвергавшиеся сомнению и оказавшие воздействие на формирование отечественной историографии. Так, констатировалось, что в ходе сплошной коллективизации были решены три вопроса: ликвидирован эксплуататорский класс кулачества, осуществлен переход от единоличных к общественным, колхозным хозяйствам, в сельском хозяйстве утвердились социалистические отношения⁵.

После выхода «Краткого курса истории ВКП (б)» тема «ликвидации кулачества как класса» стала считаться исчерпывающе изученной, и, соответственно, дальнейший научный поиск уже не приветствовался. Поэтому в последующие полтора десятилетия специальные исследования по данной теме практически не публиковались.

В конце 1940-х и в 1950-е гг. возрождается интерес исследователей к изучению истории аграрных преобразований в СССР по социалистическому переустройству сельского хозяйства. Основным направлением в исследовательской работе историков вновь становится проблема «ликвидации кулачества как класса» на основе сплошной коллективизации.

В то время вышли в свет первые открытые публикации по данной проблеме⁶, в которых анализировались вопросы теории, политики и практики местных партийных и советских органов по «ликвидации кулачества как класса» в связи со сплошной коллективизацией. В этих публикациях подчеркивался огромный вклад И.Сталина в разработку и осуществление данной политики.

Поворот к более глубокому изучению проблемы наметился после XX съезда КПСС. За десятилетие, истекшее после съезда, был издан целый ряд работ, авторы которых наряду с «разоблачением буржуазных фальсификаторов» положили начало планомерному исследованию политики в отношении зажиточного крестьянства в ее исторической и логической завершенности. Именно с этого момента стали предприниматься попытки рассмотреть судьбу выселенных крестьян со времени их переселения в отдаленные районы страны до «перевоспитания» в социалистическом духе. Важнейшим средством «перевоспитания» признавалось приобщение «бывших кулаков» к общественно-полезному труду. В то же время предпринимались попытки осуществить историографический анализ проблемы «ликвидации кулачества как класса в СССР»⁷.

В конце 1950-х гг. вышли статья В.П.Данилова и монография С.П.Трапезникова⁸. Применительно к Уралу, особое научное значение имеют работы А.В.Бакунина и Р.Г.Бергауза⁹, в которых впервые «раскулачивание» на Урале стали рассматривать как научную проблему. В русле разработки проблемы возникли вопросы о судьбе «раскулаченных» крестьян после «раскулачивания».

В 1960—70-е гг. в трудах историков, изучающих данную проблему, выражалась официальная точка зрения и четко прослеживалась линия, следуя которой выселение раскулаченных семей рассматривалось как перевоспитание граждан.

Развитием изучения проблемы судьбы бывших «кулаков» стала статья А.П.Финарова¹⁰, который рассмотрел процесс «трудового перевоспитания раскулаченных». В своей работе «К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР» А.П.Финаров на примере Красноярского края и на основе местных документов, в противовес «буржуазным историкам, распространяющим всякие небывлицы о судьбе бывших кулаков», пытался показать «действительную судьбу кулаков в СССР».

Он пишет: «Конечно, убийцы колхозных активистов, организаторы поджогов, руководители кулацких банд и т.п. подвергались арестам, содержались в тюрьмах или ИТЛ, а за особо тяжкие преступления к некоторым из них применялась высшая мера наказания»¹¹. Но, как считает автор, это было вполне естественно, так как Советская власть не могла оставить безнаказанными врагов, совершивших преступления против народа. В то же время основная масса «кулаков» была отправлена в малонаселенные районы страны, где все переселенные получили жилье и работу в леспромпхозах, на рыбных промыслах и на предприятиях лесной промышленности. Наиболее удачным моментом данной работы, на наш взгляд, является то, что в ней впервые был поднят вопрос об участии «бывших кулаков» в Великой Отечественной войне.

В многочисленных исследованиях 1960—70-х гг. получили дальнейшее освещение различные аспекты «ликвидации кулачества как класса», как в целом по стране, так и по отдельным регионам¹².

Большинство работ этого периода носили явный отпечаток политического мышления. В частности, И.Я.Трифонов¹³ в своей монографии, посвященной коллективизации, полагал, что «в ликвидации эксплуататорских классов диктатура пролетариата ни в коей мере не руководствовалась мотивами социальной мести в отношении бывших эксплуататоров, а ставила задачей вовлечение их в активную трудовую деятельность и постепенное перевоспитание в духе социализма»¹⁴.

Если рассматривать экономический аспект политики государства в отношении раскулаченного крестьянства, то действительно преследовались задачи вовлечения спецпереселенцев в наиболее важные в период индустриализации отрасли народного хозяйства, но И.Я.Трифонов рассматривает трудовую деятельность спецпереселенцев прежде всего в рамках «перевоспитания» бывших кулаков. Однако существовали и политические мотивы, т.е. уничтожение в деревне всякого сопротивления колхозному строительству. С этих позиций процесс спецпереселения в работе не рассмотрен. Тем не менее, будет справедливым отметить, что в монографии достаточно подробно были освещены вопросы численности, трудоустройства и культурно-бытового обслуживания раскулаченных.

В середине 1970-х гг. появился историографический очерк В.И.Погудина¹⁵, содержащий анализ основной литературы по важнейшим проблемам истории сибирского крестьянства советской эпохи, обобщивший достижения отечественной историографии.

Говоря о данном периоде исследования проблемы необходимо отметить научные труды В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого, Н.Я.Гущина, Н.И.Платунова.

По масштабности и глубине содержания наибольшую ценность представляет монография Н.А.Ивницкого «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса»¹⁶. В ней автор раскрыл основные этапы, формы и методы ликвидации кулачества как класса, направления их «трудового перевоспитания».

Н.А.Ивницкий утверждает, что хотя кулацкие семьи расселялись во многих районах, основными районами их поселения являлись Северный край, Урал, Сибирь и Казахстан, на долю которых приходилось почти 9/10 общего количества выселенных кулаков.

Н.А.Ивницким было также установлено, что для переселения и устройства кулацких семей на местах нового поселения руководством страны уже в 1930 г. было выделено 40 млн. рублей. В работе анализируются вопросы культурного, школьного строительства, медицинского обслуживания и социального обеспечения спецпереселенцев.

Н.А.Ивницкий пришел к выводу, что ликвидация кулачества как класса в СССР не означала физического уничтожения кулаков, а имела своей целью наряду с другими задачами трудовое перевоспитание бывших эксплуататоров¹⁷.

Главным объектом научных изысканий Н.Я.Гущина была проблема «раскулачивания» крестьянства. В рамках изучения данного вопроса историк обратился к исследованию «переселения кулаков» как одной из составных частей процесса «раскулачивания» в Сибири в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В своих работах ученый привел интересные данные о переселениях в пределах Сибири местных крестьян, а также о прибытии в регион «кулаков» из центральных районов страны¹⁸. Занимался Н.Я.Гущин и проблемами крестьянского переселения в Сибирь в 1920-е гг. Н.Я.Гущин относил процесс, связанный со спецпереселениями

1930-х гг., к одной из самых крупных демографических катастроф XX в.¹⁹ По утверждению автора, правовая, социальная и экономическая дискриминация «кулаков», рассмотрение их властями лишь как дешевой и быстроисполняемой «рабсилы» вели к физической гибели этого слоя²⁰.

Значительный интерес представляет работа Н.И.Платунова²¹, посвященная исследованию содержания и организационных форм переселенческой политики Советского государства в довоенное время. По мнению ученого, в основе переселенческой политики конца 1920-х гг. лежала необходимость разгрузить аграрноперенаселенные районы Европейской части СССР, ликвидировать там малоземелье, а также вовлечь в хозяйственный оборот необжитые территории на восточных окраинах страны в целях развития и рационального размещения производительных сил. Автор заключает, что переселенческая политика государства строилась в соответствии с интересами планового развития народного хозяйства страны.

Важно подчеркнуть, что ряд работ, написанных в 1960—70-е гг., сохраняют свою научную значимость и по сей день. В частности, В.П.Данилов к таким работам относил труды Н.А.Ивницкого, рассматривавшего вопросы происхождения, характера и последствий так называемых «перегибов в политике сплошной коллективизации»²². Следует подчеркнуть, что работы Н.А.Ивницкого отличаются от общей массы работ не только в 1960-е, но и в последующие годы обоснованностью оценок, обилием фактического материала и детальным подходом к изучаемой проблеме.

В целом, основная масса работ указанного периода была написана в условиях ограниченного доступа к архивным документам (особенно репрессивных органов), что предопределило некоторую информационную неполноту этих трудов. Кроме того, главный акцент делался на «обострение классовой борьбы» в деревне в ходе коллективизации и на необходимость, в связи с этим, «ликвидации кулачества как класса». Незначительное количество и ограниченное цензурой содержание этих работ не позволяет провести четкую грань между общесоюзными и региональными исследованиями.

Период первой половины 1980-х гг. был отмечен подготовкой к публикации и выходом в свет многотомного издания «История

крестьянства СССР»²³, сыгравшего определенную роль в развитии аграрной исторической науки.

В начале 1980-х гг. аспект массовых насильственных переселений был в некоторой степени освещен в работах демографов, в которых рассматривались не только особенности массовых переселений, но и были проанализированы цели принудительных переселений. В частности, в научной статье Т.Галкиной массовые переселения 1930-х гг. рассматривались как сельскохозяйственные переселения, которые помимо прочего включали в себя принцип добровольности²⁴.

Так, Л.Рыбаковский, рассматривая миграционные процессы в СССР, пришел к определенным выводам и выдвинул актуальный в нынешнее время тезис о том, что в СССР не было разграничения стратегии миграционной политики (в том числе и переселений) и других задач, которые решались в стране: коллективизации, индустриализации, ликвидации эксплуататорских классов и др. По его мнению, это свидетельствовало о том, что все массовые переселения в СССР не являлись методом обоснованной демографической политики, а были средством в осуществлении политики государства, прежде всего, в сфере экономики²⁵.

Изменения в общественной жизни, произошедшие во второй половине 1980-х гг., естественно, вызвали и новый подход к изучению опыта и последствий коллективизации. Наряду с другими темами, проблемы репрессивной политики государства, в том числе раскулачивания и выселения раскулаченных на спецпоселение, стали одними из самых волнующих и обсуждаемых в литературе и публицистике тем.

Исследование этой новой для отечественной историографии проблематики стало возможным благодаря тому, что историкам стал доступен большой массив засекреченных ранее архивных источников. Первыми начали пересмотр взглядов на раскулачивание на основе новых источников В.П.Данилов²⁶ и Н.А.Ивницкий²⁷, а также Н.Л.Рогалина²⁸. В их работах 1989 г. присутствовала двойственная оценка «раскулачивания». С одной стороны, историки говорили о репрессивном его характере, приводили данные о количестве жертв, о связи коллективизации с голодом 1932—1933 гг. С другой стороны, авторы продолжали поддерживать тезис об исторической необходимости социалистического

переустройства сельского хозяйства, уничтожения мелкого товарного производства, являвшегося базой для роста капиталистических элементов деревни. В монографии Н.Л.Роголиной поднимались проблемы раскулачивания, выселения, судьбы переселенцев. Нина Львовна заметила, что в историографии эта проблема рассматривалась несколько упрощенно, отметила недостаточный, поверхностный анализ вводимой в научный оборот источниковой базы. Автор рассмотрела общее и особенное в осуществлении коллективизации, а также такие проблемы как возможные альтернативы сталинскому «великому перелому», возникновение и функционирование административно-командной системы в сельском хозяйстве, коллективизация и истоки тяжелого состояния аграрного сектора экономики к началу 1990-х гг.²⁹ Первоначально публикации основывались на воспоминаниях современников и участников событий. И только с конца 1980-х гг., после рассекречивания архивных материалов по периоду 1930—50-х гг., когда исследователи получили возможность работать с архивными документами, были опубликованы работы И.Е.Зеленина, Л.И.Гинцберга, а также монография Н.А.Ивницкого, рассматривающие процесс спецпереселения с новых позиций с привлечением большого объема рассекреченных архивных материалов³⁰.

Особо следует отметить работы В.Н.Земскова начала 1990-х гг.: «Заклученные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные», «“Кулацкая ссылка” в 1930-е годы», которые содержали обширный статистический материал, позволивший автору выявить число выселенных семей в 1930—1931 гг., а также динамику движения спецпоселенцев за 1932—1940 гг.³¹

Труды В.Н.Земскова освещали самый широкий круг вопросов, связанных со спецпереселением. В.Н.Земсков проделал большую изыскательную и исследовательскую работу в архивах ГУЛАГа, что позволило ему выявить численность заключенных тюрем и спецпоселений, смертность в лагерях. Указанные исследования представляли достаточно полную картину по всем этапам спецпереселения. Работа В.Н.Земскова³² «Спецпоселенцы», опубликованная в 1990 г. по документам НКВД — МВД СССР является одной из первых работ в изучении данной проблемы. Другая его

работа «Судьба “кулацкой ссылки” (1930—1934 гг.)» посвящена не только ссылке, но и судьбе ссыльных³³.

Работа В.Я.Шашкова «Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930—1954)»³⁴ стала попыткой комплексного исследования процесса «раскулачивания» в СССР — с момента высылки крестьянских хозяйств в отдаленные районы страны и до отмены ограничений по спецпереселению «бывших кулаков», полного восстановления их в гражданских правах.

Нельзя не согласиться с выводами автора о вкладе спецпереселенцев в индустриальное освоение восточных районов СССР, о степени занятости бывших «кулаков» в промышленности и сельском хозяйстве различных регионов страны. Однако, по нашему мнению, вопрос периодизации процесса «раскулачивания» и связанных с данным процессом репрессий в деревне в монографии не выяснен в полной мере.

Среди зарубежных авторов, которые внесли свой вклад в изучение проблемы «раскулачивания» и спецссылки крестьян особо хотелось бы выделить Виолу Линн. В работе «ОГПУ, раскулачивание и спецпереселение»³⁵ автором на базе архивных материалов РЦХИДНИ (РГАСПИ) и с привлечением работ различных зарубежных и отечественных ученых рассмотрен начальный этап истории спецпереселения крестьян.

Хотелось бы выделить также и публикацию В.Н.Тепцова³⁶, в которой автор, используя материалы центральных российских архивов, предпринял попытку создать целостную картину выселения крестьян, их размещения в спецпоселках. По мнению автора, к 1931 г. процесс реализации политики «ликвидации кулачества» был окончательно упорядочен и систематизирован, почти все, что было связано с крестьянами-спецпереселенцами, оказалось под контролем органов ОГПУ. Процесс выселения «кулаков» не ограничился 1930-ми гг., а продолжался вплоть до начала 1950-х гг., когда «раскулачивание происходило в западных землях» — на Украине, в Белоруссии, Прибалтике.

Заслуживают внимания работы конца 1980 — начала 1990-х гг., в которых прослеживаются попытки историков изучить проблемы численности и потерь населения России в 1920—50-х гг.³⁷, где затрагивался вопрос о численности выселенных крестьян.

Серьезной попыткой проследить историю «ликвидации кулачества как класса» в полном объеме, от принятия постановлений о коллективизации крестьянских хозяйств до освобождения спецпоселений ссыльных крестьян стали работы Н.А.Ивницкого³⁸. В монографии «Судьба раскулаченных в СССР»³⁹ ученый на основе широкого использования архивных материалов рисует картину проведения акции по «раскулачиванию» и высылке крестьянских семей. Вторая глава исследования посвящена хозяйственному устройству ссыльных крестьян, культурно-бытовым условиям их жизни. В третьей главе автор описывает административно-хозяйственное устройство спецпоселков и правовое положение спецпереселенцев.

Одним из первых специальных исследований истории населения нашей страны периода 1930-х гг. во всем многообразии демографических характеристик явилась работа В.Б.Жиромской «Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное»⁴⁰. В ней освещены малоизученные аспекты демографического положения населения на протяжении изучаемого десятилетия. Среди них — деформация половозрастного состава; колебания показателей рождаемости, смертности, естественного прироста населения; изменения в размещении населения, структуре занятий жителей города и села; уровень грамотности и образования; отношение населения к религиям и распространение различных вероисповеданий на территории РСФСР. Автор на основе разработанной ею методики вносит существенный вклад в решение остро дискуссионной проблемы людских потерь в период политических репрессий.

В начале 1990-х гг. значительно активизировалось изучение проблемы «раскулачивания» уральскими историками. По теоретическому содержанию и насыщенностью фактическими данными выделяются статьи И.Е.Плотникова⁴¹, в которых ученый на основе документальных материалов показал, как в условиях Зауралья проводилась «работа» по коллективизации и раскулачиванию. Он также выявил природу крестьянских волнений, вызванных насилием и произволом, которыми сопровождалась коллективизация.

Проблема сплошной коллективизации в сельскохозяйственных районах Уральской области была подвергнута серьезной

переоценке в работах курганского экономиста А.А.Базарова⁴². Результатом более чем двадцатилетних исследований стала книга «Хроника колхозного рабства»⁴³. Работу отличает привлечение широкой документальной базы. В целом она примечательна новизной подходов к сложным вопросам налогообложения крестьянства во второй половине 20-х — начале 30-х гг., а также к проблеме «раскулачивания» и депортации крестьян. Автор на основе рассекреченных архивных материалов партийных и карательных органов показал реальную картину жизни крестьян спецпереселенцев и членов их семей в период 1930-х гг. В частности, в одной из глав книги «Энтузиасты на этапе» А.А.Базаров рассматривал вопросы, касающиеся приобской ссылки: масштабы ссылки; маршруты транспортировки; направления трудового использования и социально-экономического положения ссыльных крестьян⁴⁴.

Заслуживает внимания кандидатская диссертация Н.И.Загороднюк «Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.)»⁴⁵, в которой автор предприняла попытку комплексного рассмотрения истории ссыльного крестьянства на материалах Северо-Западной Сибири. Автором была проделана большая работа по выявлению, систематизации и аналитическому обобщению разноплановой и сравнительно недавно ставшей доступной историкам делопроизводственной документации партийных и государственных органов разных уровней, решавших вопросы, связанные со спецпереселенцами.

Н.И.Загороднюк привела количественные данные о спецпереселенцах Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов, далеко, впрочем, не бесспорные.

Заслуживает внимания диссертация Л.В.Захаровского «Политика ликвидации кулачества как класса и ее проведение в Уральской области в 1929—1933 гг.»⁴⁶, где затрагивается вопрос крестьянской ссылки. Автор дал оценку роли и места политики «ликвидации кулачества как класса» в истории 1930-х гг. с учетом всего сложного комплекса ее предпосылок, причин и последствий. Л.В.Захаровский отмечает, что в 1930 г. эта политика была безусловным политическим приоритетом, и, что именно под ее проведение подгонялись темпы коллективизации. Однако, на наш взгляд, автор недооценил действия карательной политики, которая

в определенные моменты (февраль—март 1930 — весна 1931 гг.) задавала темпы, ускоряя коллективизацию.

Среди первых краеведческих изданий постсоветского периода работа Л.П.Кондрашовой, опубликованная в 1994 г. в научно-популярном журнале «Югра»⁴⁷. В ней автор на основе документов, извлеченных из архивов Ханты-Мансийска и Тюмени, рассмотрела положение спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе.

В новейшей историографии немалый вклад в решении ряда проблем крестьянской ссылки на Север Западной Сибири внесла Л.В.Алексеева⁴⁸. В ряде статей, монографий автор на основе документов, извлеченных из архивов Ханты-Мансийска и Тюмени, Москвы и Екатеринбурга, Томска и Омска, Тобольска и Салехарда изучила крестьянскую ссылку и положение спецпереселенцев в Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком округах. Так, например, в одной из монографий ею выделен специальный раздел «Политические ссыльные, репрессированные и спецпереселенцы»⁴⁹, где автор не только характеризует историю политической ссылки на Север Западной Сибири с начала XX в., но и выявляет этапы крестьянской ссылки и, что очень важно, количество ссыльных. Л.В.Алексеева привела многочисленные свидетельства людей, переживших весь кошмар и ужас ссылки, редко отражавшиеся в официальных документах той поры. Анализу тяжелой жизни ссыльных крестьян в 1930-е гг. и влиянию спецпереселенцев на экономическое развитие Севера посвящена одна из глав другой монографии Л.В.Алексеевой⁵⁰, также выполненной на широкой источниковой базе. Автор пришла к выводу о решающей роли крестьянской ссылки в освоении края и его модернизации 1930-х гг.

При изучении крестьянской ссылки, как отмечает Л.В.Алексеева, следует иметь в виду следующие обстоятельства: начало изучения проблемы было положено историками-аграрниками В.П.Даниловым, Н.А.Ивницким, И.Е.Плотниковым и др. Указанные историки почти не касались сюжетов, связанных с Обь-Иртышьем, а предоставляли сведения в целом по Уральской области или Западной Сибири⁵¹, т.е. долгие годы сохранялась ситуация, когда в науке не было сведений о крестьянской ссылке на Север Западной Сибири.

Особого внимания заслуживает монография С.А.Красильникова «Крестьянская ссылка в Западную Сибирь»⁵². На основе опубликованных и архивных документов автор реконструирует механизм и этапы осуществления государственной репрессивной антикрестьянской политики в Западно-Сибирском регионе на протяжении 1930-х гг. В своей монографии автор показал, как разрабатывались и осуществлялись массовые и локальные депортации, формы крестьянского протеста и сопротивления, а также процесс формирования и трансформации сети поселений в регионе. С.А.Красильников выявил источники пополнения и структуру комендантского корпуса, показал направления и последствия дискриминационного статуса спецпереселенцев, а также масштабы и структуру эксплуатации спецпереселенцев и членов их семей. Однако процессы спецссылки, развернувшиеся на территории ХМАО и ЯНАО, не стали предметом изучения в его книге.

Монография С.А.Красильникова подвела своего рода промежуточный итог отечественной историографии постсоветского периода в изучении широкого спектра проблем крестьянской ссылки.

В целом, обзор и анализ литературы по исследуемой проблеме свидетельствует, что имеющиеся исследования в совокупности дают возможность судить об основных направлениях политики спецпереселения крестьян, об истории ссыльных в различных регионах СССР: на Урале, в Западной Сибири и др.

Однако историкам не удалось до сих пор в комплексном виде представить многообразие проблем крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север. Много неясного остается в изучении подсчетов высланных, прибывших к месту ссылки и выживших крестьян. Требуется дополнительное исследование механизма создания спецпоселений, повседневная жизнь крестьян и членов их семей и ряд других.

Надеемся, что часть затронутых проблем нам удалось решить в диссертационном исследовании, выполненном в 2004—2008 гг.⁵³, основными итогами которого стали следующие.

1. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север проходила в три этапа.

Первый этап стал следствием первой кампании коллективизации и раскулачивания, который произвел наиболее сильный и драматический эффект, явился началом жесточайшей борьбы между государством и крестьянами, продолжавшейся более трех лет, он осуществлялся с февраля 1930 г. до осени 1931 г.

Вторая кампания по раскулачиванию превосходила первую по своим масштабам почти вдвое, ее следствием стал второй этап крестьянской ссылки на Север Уральской области, проходивший с весны 1931 г. до апреля 1932 г.

Экспроприации и высылки продолжались и в 1932 г., и в первые месяцы 1933 г. Третий этап крестьянской ссылки на Обь-Иртышский Север проходил с апреля 1932 г. до весны 1933 г.

2. Всего на Север Западной Сибири было сослано около 150 тысяч человек, третья часть которых оказалась в спецпоселках, а не менее половины погибли в период транспортировки, от холода, голода и болезней. Едва ли не половину ссыльных составляли дети и подростки до 16 лет.

3. Количество спецпереселенцев на каждом этапе ссылки с 1930 по 1933 гг. в Остяко-Вогульском округе варьировалось. По результатам первого этапа в округе было учтено 4 663 семьи или 23 315 человек; второго этапа — 6 909 семей или 33 800 человек; третьего этапа — 6 459 семей или 32 000 человек. В первой половине 30-х гг. смертность детей и взрослых значительно превышала уровень рождаемости.

4. На территории Остяко-Вогульского округа было создано около 150 спецпоселков. Социально-экономические условия жизни спецпереселенцев были ужасными. Нормы снабжения лишь поддерживали физическое существование, но не обеспечивали полноценное питание организма. Тяжелый физический труд, перебои в снабжении промышленными и продовольственными товарами первой необходимости, примитивные жилищно-бытовые условия, низкий уровень медицинского обслуживания, произвол администрации, утрата жизненных ориентиров порождали моральные и физические страдания, негативно сказывались на здоровье и жизнеспособности людей.

5. Спецпереселенцы являлись основной рабочей силой региона. Приблизительно 60% сосланных крестьян стали работать на производстве. В экономическом развитии Севера Западной

Сибири сельскому хозяйству отводилась вспомогательная роль, предназначенная для обеспечения спецпереселенцев продуктами питания. В процессе развития земледелия выяснилось, что целесообразнее возделывать овощи, чем зерновые. Наиболее эффективным для выращивания овощей являлось тепличное и парниковое хозяйство. Животноводство в Остяко-Вогульском округе развивалось, хотя и было убыточным. Отдача от скота была минимальная ввиду его низкой продуктивности, которая обуславливалась слабой кормовой базой, а также плохими условиями содержания скота. В сельском хозяйстве работало 11 400 спецпереселенцев.

6. Индустриализация страны, развернутая в годы первой пятилетки, повлекла интенсивное развитие лесозаготовительной, рыбной промышленности и строительства, что, в свою очередь, поставило задачу привлечения извне необходимого контингента рабочей силы. Основным источником пополнения работников общественного производства являлись спецпереселенцы и члены их семей. В начале 1930-х гг. спецпереселенцы составили значительную долю в числе занятых на рыбных промыслах, которая, по нашим подсчетам, составила не менее трети от всего числа работавших в отрасли. Всего в рассматриваемый период в рыбной промышленности Остяко-Вогульского округа предположительно было занято 25 827 спецпереселенцев (суммарно за 1930—1933 гг.).

В лесной промышленности округа за указанный период было закреплено около 17 010 спецпереселенцев (суммарно).

В строительстве производственных, жилых, социально-культурных объектов роль спецпереселенцев была также определяющей.

Кустарная промышленность Обь-Иртышского Севера, особенно в первые годы крестьянской ссылки, была поставлена в такие условия, в которых об успешности развития кустарного производства не могло идти речи. Однако спецпереселенцы по возможности вносили свой вклад в обеспечение населения промтоварами. На кустарных промыслах в рассматриваемый период было занято 1 886 спецпереселенцев (суммарно).

В спецссылке широко применялся детский труд. По данным учета различных производственных организаций, подростки

от 14 до 16 лет и старше использовались на работах в рыбной, лесной отрасли, на строительстве и в сельском хозяйстве, а также в кустарном производстве. В целом за рассматриваемый нами период в Остяко-Вогульском округе в производственной сфере использовалось 3 983 подростка в возрасте до 16 лет.

8. Целям образования, воспитания спецпереселенцев в духе социализма, коллективизма, советского патриотизма служили образовательные и культурно-просветительные учреждения, функционировавшие в местах компактного проживания ссыльных. Дети и подростки школьного возраста подлежали всеобщему начальному обучению, взрослые обучались грамоте в кружках ликбеза. Выпускники общеобразовательных школ не имели возможность продолжить образование в профессионально-технических, средних и высших учебных заведениях, а получили такое право лишь в 1935 г.

Исследование показало, что географическое положение национального округа породило некоторые специфические черты Ость-Иртышской спецссылки. Удаленность региона от центра страны превратила его в один из районов расселения репрессированных крестьян в административных границах Уральской области. Наличие значительного количества лесных, водных, пушных и прочих ресурсов определило трудоустройство «спецконтингента», концентрацию основной массы «бывших кулаков» на промышленных предприятиях.

Исследованием установлено, что недостаточное развитие в регионе системы медицинского обслуживания и сферы образования привело к постепенному формированию единой социальной сферы для ссыльных крестьян и местного населения.

Нельзя не подчеркнуть, что в целом история пребывания крестьян-спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе во многом сходна с историей высланных крестьян в других регионах СССР, она развивалась по единой стратегии, в соответствии со сталинской репрессивной политикой в отношении «классовых врагов».

Применение рабочей силы спецпереселенцев следует рассматривать как главный ресурс по освоению огромных территорий Ость-Иртышского Севера, что привело к созданию десятков населенных пунктов, заложило начало цивилизационным процессам в

ранее глухих, необжитых местах, ускорило модернизацию объектов северных народов.

Полученные данные позволяют подтвердить значимость принудительного труда для хозяйственного развития региона в 1930-х гг. Спецпоселения явились частью лагерной экономики СССР, органично вписанной в структуру советской хозяйственной модели, нацеленной на максимальную мобилизацию ресурсов и экстенсивное развитие производства.

Примечания

¹ Молотов В.М. В борьбе за социализм. М., 1934.

² Андреев А.А. На путях подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Статьи и речи. 1928—1930. Ростов н/Д, 1930.

³ Силаев С. Классовая борьба в деревне и хлебозаготовки. М., 1929; Корнеев М. Вторая пятилетка и уничтожение классов. М., 1932.

⁴ Вайрекис И.М. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; Хатаевич М.М. О ликвидации кулачества как класса. Самара, 1930; Эйхе Р.И. Ликвидация кулачества как класса. Новосибирск, 1930.

⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938. С. 292.

⁶ Абрамов В.А. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства // Исторические записки. М., 1951. Т. 38.

⁷ Погудин В.И. Проблема ликвидации кулачества как класса в советской историографии // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 143—149.

⁸ Данилов В.П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. 1956. Т. 5; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959.

⁹ Бакунин А.В. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933—1934 гг.). Труды Уральского политехнического ин-та. 1957. Вып. 86; Бергауз Р.Г. Из истории классовой борьбы на Урале в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929—1931 гг.) // Труды Свердловского сельхозинститута. 1959. № 5.

¹⁰ Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 273—291.

¹¹ Там же. С. 275.

¹² Селунская В.М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрный вопрос. М., 1967. Т. 2; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму: Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973; Кукушкин Ю.С. Осуществление сельскими советами политики ликвидации кулачества как класса // Вестник Московского ун-та. М., 1966. Серия 9. История, и др.

- ¹³ Трифонов И.Я. Ликвидация в СССР эксплуататорских классов. М., 1975.
- ¹⁴ Там же. С. 25.
- ¹⁵ Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975. 267 с.
- ¹⁶ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., 1972. С. 305.
- ¹⁷ Там же. С. 353.
- ¹⁸ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928—1933: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 32—34.
- ¹⁹ Гуцин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 54—55.
- ²⁰ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири... С. 34.
- ²¹ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. 284 с.
- ²² Данилов В.П. Коллективизация: Как это было? // Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 13.
- ²³ История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 — 1937 гг. М., 1986. 448 с.
- ²⁴ Галкина Т. Сельскохозяйственное переселение семей в РСФСР, пути совершенствования // Население и трудовые ресурсы РСФСР. М., 1982.
- ²⁵ Рыбаковский Л. Миграционная политика, ее цели и пути осуществления // Демографическая политика в СССР. М., 1983.
- ²⁶ Данилов В.П. Коллективизация: Как это было?
- ²⁷ Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе сплошной коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989.
- ²⁸ Роголина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989.
- ²⁹ Там же. С. 4—5.
- ³⁰ Зеленин И.Е. «Ликвидация кулачества как класса» (осень 1930 — 1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.). М., 1994; Гинцберг Л.И. По страницам «особых папок» Политбюро ЦК КПСС // Вопросы истории. 1996. № 8.
- ³¹ Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5; «Кулацкая ссылка» в 1930-е гг. // Социс. 1991. № 10.
- ³² Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социс. 1990. № 11.
- ³³ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» // Отечественная история. 1994. № 1.
- ³⁴ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930—1954 гг.). М., 1995. 234 с.
- ³⁵ Виола Линн. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселения // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 2. М., 1998. С. 114—162.

³⁶ Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании (документальный очерк) // Кентавр. 1992. № 3—4. С. 46—62.

³⁷ Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Вып. 1. М., 1991. С. 65—113; Потери населения в СССР. Вермонт, США, 1989. 396 с.; Население России в 1920—50-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. 225 с.; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 1930-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175—181.

³⁸ Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М., 2000. 349 с.

³⁹ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

⁴⁰ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

⁴¹ Плотников И.Е. Ликвидация кулачества как класса в Зауралье // Крестьянство Зауралья в 1929—1941 гг. Курган, 1992; Он же. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4, и др.

⁴² Базаров А.А. Кулак и АГРОГУЛАГ. Кн. 1. Челябинск, 1991; «Дурелом или господ колхозники». Кн. в 2 т. Курган, 1998; Храм на крестьянском горе // Урал. 1991, и др.

⁴³ Базаров А.А. Хроника колхозного рабства. М., 2004. 812 с.

⁴⁴ Там же. С. 260—263.

⁴⁵ Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1999.

⁴⁶ Захаровский Л.В. Политика ликвидации кулачества как класса: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

⁴⁷ Кондрашева Л.П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. 30-е годы // Югра. 1994. № 2. С. 36—40.

⁴⁸ Алексеева Л.В. Документы, извлеченные из центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Екатеринбург, 2000. Вып. 3; Алексеева Л.В. О раскулаченных спецпереселенцах в северных районах Уралобласти (начало 1930-х гг.) // Открывая Родину, узнаем себя. Излучинск, 1999. С. 24, и др.

⁴⁹ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 182—219.

⁵⁰ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 184—188.

⁵¹ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг. ... С. 193.

⁵² Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. 288 с.

⁵³ Мошкин В.В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1930—1933 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2008.

Глава 12

ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Одной из наименее исследованных страниц истории Северо-Западной Сибири является период между окончанием Великой Отечественной войны и началом формирования в регионе нефтегазодобывающего комплекса. Мы уже показывали, насколько разработанной является история Северо-Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны¹. В работах Н.Ю.Гавриловой, В.П.Карпова, С.М.Панариной, Н.Д.Радченко рассмотрена историография формирования и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса².

Советские исследователи специфику послевоенного периода видели в том, что в эти годы регион остался вне поля зрения советского руководства, которое основное внимание уделяло развитию регионов, имевших оборонное значение, а также регионов, нуждавшихся в восстановлении разрушенного во время войны хозяйства.

В советской историографии послевоенный период истории страны рассматривали через призму социалистического строительства. Согласно официальной концепции, в это время происходило завершение социалистического строительства и начинался постепенный переход к коммунистическому строительству. Историки доказывали зрелость социалистических отношений и фиксировали достижения в области построения нового общества³.

Г.А.Мазуренко писал, что первые послевоенные десятилетия в жизни Приполярного Урала характеризовались следующими основными чертами: «завершается в основном социалистическое строительство, упрочиваются новые производственные отношения, вырастают кадровые рабочие консервных комбинатов, рыбозаводов, мотористы и т.д.»⁴.

Основное внимание советские исследователи уделяли изучению развития экономики и социально-культурной сферы коренных народов Севера. Большой вклад в изучение послевоенной

истории Северо-Западной Сибири вносили краеведы и журналисты, оставившие очерки истории тех мест, где они проживали⁵.

Изучая промышленное производство в Северо-Западной Сибири, авторы писали как о развитии традиционных отраслей⁶, в том числе рыбной промышленности⁷, так и о начале освоения новых возможностей, связанных с разработкой природных ресурсов в регионе⁸. Историки отмечали, что именно в послевоенные годы была заложена основа для создания крупных промышленных предприятий, которые действуют в Северо-Западной Сибири по сей день.

Говоря о значении края, А.К.Омельчук указывал, что «в первые послевоенные годы особенно большое развитие получили традиционные отрасли хозяйства северян — рыбодобыча, оленеводство, охотопромысел»⁹. Наибольший вклад в изучение развития рыбной промышленности в Северо-Западной Сибири в первые послевоенные десятилетия внесли Ю.П.Прибыльский и А.Н.Петкевич. Ю.П.Прибыльский защитил кандидатскую диссертацию по проблеме партийного руководства процессом развития данной отрасли Крайнего Севера¹⁰. Е.П.Смологонов и В.И.Никулин отмечали, что в начале 1960-х гг. в ХМАО производилось около 1/5 продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности всей Западной Сибири¹¹.

Советские исследователи положили начало изучению нового этапа промышленного освоения северного края. Они указывали на длительные традиции геологического освоения Полярного Урала. Авторы подчеркивали, что в послевоенные десятилетия Северо-Западная Сибирь становится объектом пристального внимания ученых из Центра страны, а также Урала и Сибири. А.К.Омельчук писал: «В начале пятидесятых годов возник поселок Полярный, где разместилась база Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции»¹². С деятельностью этой экспедиции исследователи связывали открытие на Полярном Урале месторождений свинца, меди, цинка, хромитов, бокситов, мрамора, железа, каменного угля, строительных камней и других полезных ископаемых.

Главное внимание советские исследователи уделили изучению открытий нефтегазоразведчиков. Историю организации геологоразведочных работ в Западной Сибири по поиску нефти и газа в

послевоенный период специально изучал один из первых исследователей истории Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса Б.А.Ним¹³. Исследователи отмечали, что хотя еще в 1703 г. Петру I были доставлены образцы югорской нефти, «последовательный и интенсивный поиск перспективных на нефть и газ структур советские геологи смогли начать только после Отечественной войны»¹⁴. Г.Д.Лутошкин указывал, что «в начале 50-х гг. геологи вновь начали работы на Западно-Сибирской низменности, но уже на принципиально иной технической основе, вооруженные новейшими данными геологической науки и практики»¹⁵. Они показали, что в результате решения сложных геологических проблем научными силами исследовательских институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Тюмени, «открытия посыпались как из рога изобилия», и к началу 1960-х гг. регион приобрел государственное значение.

Сургутские исследователи И.П.Захаров и Ф.Я.Показаньев проанализировали историю создания Юганской геологической экспедиции во главе с Ф.К.Салмановым, благодаря деятельности которой была открыта сургутская нефть¹⁶.

Весьма спорным в историографии является вопрос о том, к какому времени следует относить начало формирования нефтегазодобывающей промышленности в Тюменской области. В советское время вопросу о периодизации истории Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса (ЗСНГК) уделялось специальное внимание¹⁷. Высказывались различные точки зрения. В качестве начальной даты его формирования В.В.Алексеев и Н.М.Пашков называли 1962 г.¹⁸, Б.А.Ним — 1963 г.¹⁹, Г.Ю.Колева, В.И.Мальков — 1964 г.²⁰ В.И.Мальков указывал, что на 1964—1969 гг. приходился подготовительный период создания ЗСНГК²¹.

Изучение источников показывает, что уже в декабре 1961 г. Тюменский обком КПСС ставил вопрос не только об усилении нефтепоисковых работ, но и об организации нефтегазодобывающей промышленности в Тюменской области. В документе говорилось: «Коллегия Министерства геологии и охраны недр СССР рассмотрела материалы по подсчету прогнозных запасов нефти и газа Западно-Сибирской низменности, отметив, что в этом районе

созданы реальные предпосылки для открытия нефтегазоносной провинции не только СССР, но и мира»²².

Советские исследователи определенное внимание уделяли изучению развития на Севере аграрного сектора. Они писали о развитии не только традиционных отраслей²³, но и тех, которые стали культивироваться в период коллективизации и в годы Великой Отечественной войны, когда в северных районах обострилась продовольственная проблема²⁴. Подчеркивалось преимущество колхозно-кооперативной формы собственности в развитии сельского хозяйства на Крайнем Севере²⁵. Давались рекомендации по развитию огородничества²⁶, первопроходцы этого дела делились опытом работы в условиях Крайнего Севера²⁷.

В советской историографии изучалось создание в Северо-Западной Сибири транспортной инфраструктуры: речного транспорта, авиации и т.д. Ученые подчеркивали, что для того, чтобы преодолеть изолированность Северо-Западной Сибири от других регионов страны, этих видов транспорта было недостаточно. Необходимо было развивать железнодорожный транспорт. А.К.Омельчук сообщал: «В 1951 г. в Салехард приходит железная дорога. Это ветка северной магистрали Москва—Воркута. На окраине города строится железнодорожное депо. Паровозы сначала идут до Лабытнаног, затем их перевозит через Обь железнодорожный паром. Зимой по льду реки устраивается ледянка — железная дорога на специально намытой ледовой насыпи»²⁸.

В советское время исследователи начали изучать историю строительства на Северном Урале и в Западной Сибири в 1947—1955 гг. железной дороги, которая должна была связать столицу Ямало-Ненецкого автономного округа г.Салехард с Игаркой — крупным портом на р.Енисей, доступным для морских судов. Наиболее подробно об обстоятельствах возведения данной железнодорожной магистрали писал В.А.Ламин. Он настаивал на целесообразности строительства железной дороги²⁹.

А.П.Казанцев писал о том, что в первое послевоенное десятилетие разрабатывался проект строительства Урало-Печорской железной дороги, которая должна была пройти от ст. Полуночное Свердловской железной дороги по восточному склону Урала через Полярный Урал к устью Оби. Автор отметил, что «Урало-Печорская проблема в этот период не была решена в связи с

необходимостью покрытия в первую очередь потребности европейского северо-востока и центральных районов страны в технологическом и энергетическом топливе, сравнительно высокими приведенными затратами на добычу печорских коксующихся углей и весьма слабой геологической изученностью месторождений бассейна»³⁰.

Советские исследователи к достижениям в социальной сфере относили то, что в середине 1960-х гг. почти в два раза возросли денежные доходы населения Крайнего Севера, увеличилась средняя продолжительность жизни. Отмечалось, что в послевоенный период наблюдался прирост населения в крае. По подсчетам Г.А.Мазуренко, за период с 1956 по 1966 гг. он составил 9—12%³¹.

Одним из важнейших достижений в развитии социально-культурной сферы на Крайнем Севере советскими исследователями считалось формирование национальной интеллигенции. Советские исследователи указывали на помощь, оказанную в освоении Севера, кадров высокой квалификации, которые приезжали из других районов страны. А.К.Омельчук отмечал, что «на Антальском мысу обосновались ученые из Уральского филиала Академии наук СССР, которые вели комплексные наблюдения над природой северного края. До сих пор этот район города носит название Уфан»³². Г.А.Мазуренко указывал, что квалифицированные специалисты, прибывающие из других районов страны, «усиливают взаимное влияние культур, проявляющееся в повышении роли русского языка в развитии малых народов»³³. Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала, что своим вторым родным языком считали русский язык и говорили на нем 49% селькупов, 39% манси, 23% хантов, 15% ненцев³⁴.

Исследователи отмечали, что прирост населения дал толчок жилищному строительству в городах и поселках Северо-Западной Сибири, развитию здесь стройиндустрии. В.С.Любовцев и Ю.Б.Симченко так описывали Салехард послевоенной поры: «В Салехарде на улицах пахнет смолой. Здесь все из дерева: дома, заборы, мостовые, тротуары. Камня в окрестностях нет, завозить его далеко, строить кирпичные здания и дорожки, и сложно»³⁵. А.К.Омельчук писал: «В городе появились молочный завод, городской деревообрабатывающий комбинат,

строится кирпичный завод, поселок консервщиков обустривает СМУ Тюменьрыбстроя»³⁶.

Советская историография истории Крайнего Севера отличалась целым рядом особенностей. Во-первых, в ней главное внимание уделялось показу достижений во всех сферах жизни советского общества.

Конечно, советские исследователи признавали, что в процессе перевода коренных народов Севера на социалистический путь развития имелось еще немало проблем. Г.А.Мазуренко указывал на то, что в середине 1960-х гг. в северных районах СССР «остается целый ряд еще нерешенных вопросов: мало современных машин и механизмов в промысловом хозяйстве, продолжает вести кочевой образ жизни 50% коренного населения тундры, часть взрослых остается неграмотной, сравнительно высокая заболеваемость коренных жителей туберкулезом и другими болезнями»³⁷.

В советской историографии отмечался определенный перекося в экономическом развитии северных регионов, который негативно отражался на положении коренного населения. Поэтому Г.А.Мазуренко предлагал «наряду со строительством новых промышленных предприятий (нефтяных, газовых) развивать хозяйство и культуру тяготеющих к новому строительству районов коренного населения»³⁸.

Однако, по мнению советских исследователей, отдельные недостатки на пути продвижения коренных народов Севера к социализму не могли заслонить имеющиеся достижения.

Во-вторых, обязательным условием при характеристике достижений в любой сфере советского общества являлось освещение руководящей роли КПСС. Региональные историки уделяли изучению данной проблемы большое внимание³⁹. Г.А.Мазуренко писал: «Ведущее место в социалистическом преобразовании жизни народов Севера принадлежит Коммунистической партии». Автор доказывал, что с момента появления партийных ячеек на Севере в 1918 г. для партийной жизни было характерно постоянное численное увеличение членов партии. Историк отмечал, что только в период с 1959 по 1965 гг. численный состав партийных организаций в регионе увеличился почти вдвое, а коммунистов из среды народов Севера стало в два раза больше. По его подсчетам,

в середине 1960-х гг. две окружные и четырнадцать районных организаций объединяли 502 первичные парторганизации, в которых было 11,2 тыс. коммунистов, в их числе 2 тыс. представителей народов Севера (17% от общего состава)⁴⁰.

Приводя эти данные в качестве достижения, советские исследователи даже не задумывались о том, что их выводы говорили о том, что большая часть руководства в автономных округах принадлежала представителям русского населения, поскольку лишь принадлежность к партии позволяла занимать руководящую должность.

Характеризуя процесс партийного руководства промышленным развитием на Севере, советские исследователи обратили внимание на очень важную закономерность, которая иллюстрировала процессы, которые происходили в районах нового освоения. Г.А.Мазуренко писал, что «произошло значительное изменение удельного веса коммунистов в различных отраслях народного хозяйства. Если в 1965 г. по сравнению с 1958 г. в промышленности и сельском хозяйстве их стало вдвое меньше, то в нефтегазовой промышленности и обслуживающих ее отраслях — почти в 4 раза больше»⁴¹.

В-третьих, советская историография много внимания уделяла истории советского строительства на Крайнем Севере, показывая его специфику в национальных районах. Между прочим, результаты советского строительства исследователи и в то время оценивали по-разному. Д.И.Копылов и В.Ф.Ретунский писали о неудачах во внедрении этой формы организации власти у коренных народов Севера⁴². По мнению Л.Е.Киселева, в результате советского строительства народности Севера прошли сокращенный путь к социализму⁴³.

В-четвертых, для советской историографии было характерно подчеркивание преимуществ советского общественно-политического строя над капиталистическим. Целью авторов было доказать, что только советский общественный строй может решить проблему малых коренных народов Севера, поднять их уровень развития. По словам Г.А.Мазуренко, «претворение нашей партией в жизнь учения В.И.Ленина о некапиталистическом переходе к социализму в прошлом отсталых народов нашей страны, совершившаяся здесь глубокая культурная революция разоблачили

несостоятельность выводов буржуазной науки о неполноценности этих народов. Было убедительно доказано, что истинные причины глубокой отсталости народов коренятся в том социальном и политическом строе, который господствует в капиталистическом обществе»⁴⁴.

Г.Д.Лутошкин отмечал: «Освоение тюменской нефти и газа имеет большое значение и для укрепления международного авторитета страны. В 60-е гг. капиталистический мир начало лихорадить от недостатка топлива. Интенсивные разработки западно-сибирских нефтяных и газовых месторождений придали экономике нашей страны уверенность, стабильность, независимость от внешнего рынка»⁴⁵.

Наконец, следует отметить, что советские исследователи для подтверждения положительных сдвигов, которые происходили в социально-культурной сфере, часто использовали статистические источники. Используя эти данные, советские исследователи не пытались анализировать, какие реальные процессы происходили в социально-культурной сфере, насколько большим был достигнутый прогресс. Нельзя всерьез принимать расчеты по этому вопросу Г.А.Мазуренко, который к достижениям в области здравоохранения относил то, что «если до революции на здравоохранение расходовалось в крае 40 копеек на жителя в год, теперь — более 300 рублей»⁴⁶. Автором не принимались в расчет ни изменение масштаба цен, ни сопоставимость стоимости денег до революции и при советской власти, ни «достоверность» советской статистики.

Вот так практически бесп проблемно выглядела история Северо-Западной Сибири послевоенного периода в советской историографии.

Уже в годы перестройки в исторической науке ситуация с освещением послевоенного периода стала существенно меняться. Анализируя процессы, характерные для начального периода освоения природных ресурсов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, авторы обратили внимание на гораздо более сложные проблемы, которые складывались в районах нового освоения, чем об этом писалось в предшествующий период. В.В.Алексеев и В.А.Ламин внимательно изучили основные этапы развития геологоразведочных работ в послевоенный период и пришли к

выводу о логической закономерности выявления сургутских нефтяных пластов в начале 1960-х гг.⁴⁷ А.Н.Аверин и Е.П.Антропов указали, что в первые послевоенные десятилетия существовал ошибочный подход, «когда планировался существенный разрыв между уровнями развития производства и социальной сферы»⁴⁸.

В то время историки и публицисты начали ставить те вопросы истории региона, которые являлись малоразработанными в советской историографии, вскрывать «белые пятна» в истории края периода первых послевоенных десятилетий. Большое внимание исследователи уделили обстоятельствам строительства в районе Салехарда в 1947—1955 гг. железной дороги⁴⁹, которую различные исследователи именовали по-разному. Они употребляют термины: «сталинская дорога», «мертвая дорога», «501-я стройка», «Пятьсот веселая», «печально знаменитая дорога», железная дорога «Чум—Салехард—Игарка», «Салехард—Игарка» и т.п.

Еще одним достижением литературы периода перестройки стал интерес исследователей к изучению роли «человеческого фактора» в процессе освоения Крайнего Севера. Этой проблеме посвящались работы В.В.Алексеева и В.А.Ламина, А.Н.Аверина и Е.П.Антропова, С.Ю.Андреева и Н.А.Гольдиной⁵⁰ и др.

Именно в те годы стали писать о роли принудительного труда в освоении Крайнего Севера. В работах Н.Ф.Бугая, В.Н.Земскова и др. на общесоюзном материале отмечалась роль Севера как места ссылки⁵¹. Ю.П.Прибыльский привлек внимание к различным категориям заключенных на Крайнем Севере⁵². Фактического материала в публикациях того времени содержалось немного. В региональной публицистике писалось о том, что строительство «мертвой» дороги стоило больших человеческих жертв. П.Колесников образно утверждал, что «на сохранившейся линии человек чуть ли не под каждой шпалой. А то и два»⁵³.

Современный период в изучении истории Северо-Западной Сибири двух послевоенных десятилетий характеризуется целым рядом черт, которые принципиально отличают его от советской и перестроечной историографии. Во-первых, исследователи рассматривают все без исключения вопросы истории этого периода. Во-вторых, для более всестороннего освещения этого периода они привлекают новые источники, многие из которых впервые были введены в научный оборот на рубеже XX—XXI столетий.

В частности, открылись хорошие возможности для изучения истории строительства железной дороги Салехард-Игарка, использования в экономике края принудительного труда и т.д.⁵⁴ В-третьих, современная историческая наука отличается многоконцептуальностью, что влияет на наличие различных оценок одних и тех же явлений и процессов в истории Северо-Западной Сибири⁵⁵.

Эти новые черты в развитии историографии изучения края стали результатом не только тех изменений, которые произошли в современной исторической науке на рубеже XX—XXI столетий, но и того, что именно в последние годы история края стала объектом пристального изучения ученых. Создание Ямальского филиала Института истории и археологии УрО РАН, выпуск региональных энциклопедий⁵⁶, обобщающих работ по истории Югры и Ямала⁵⁷ внесли новое слово в изучение истории Крайнего Севера.

Выходят книги по истории Тюменской области⁵⁸, истории городов и районов Крайнего Севера⁵⁹. Особое место среди них принадлежит работе А.И.Прищепы по истории Сургута, целиком посвященной послевоенной истории города⁶⁰. Изучается история отдельных этносов, населяющих Крайний Север Сибири⁶¹. По-прежнему, большой вклад в изучение послевоенной истории Северо-Западной Сибири вносят краеведы⁶².

Современные исследователи показывают, как в послевоенные десятилетия проходил процесс территориально-административного строительства в районах Крайнего Севера⁶³, дальнейшее национально-государственное строительство в национальных округах⁶⁴. Анализируя административно-территориальное деление Тюменской области в послевоенный период, авторы пишут, что «в эти десятилетия административная система области значительных изменений не претерпела. Изменения касались ликвидации и укрупнения сельсоветов в связи с укрупнением колхозов в 50-е гг., преобразованием колхозов в совхозы, ликвидацией неперспективных областей, переименованием и образованием новых районов»⁶⁵. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова указывают на то, что 19 января 1954 г. был образован Полярный сельсовет. Село Лабитнанги, входившее ранее в Обдорский сельсовет, в связи со строительством железной дороги в этом районе 15 декабря получило статус рабочего поселка, а 28 сентября 1956 г. было

включено в состав Салехардского горсовета»⁶⁶. К наиболее значительным изменениям в этой сфере исследователи относят повышение статуса столицы Ханты-Мансийского округа до города с включением в черту Ханты-Мансийска села Самарова⁶⁷.

Первые два послевоенных десятилетия выделяются в особый период в развитии экономики Северо-Западной Сибири. Исследователи отмечают, что до середины 1960-х гг. регион был традиционно аграрным, финансовые ресурсы, направляемые в край, определялись национальной политикой Советского государства того времени, а «воздействие промышленной цивилизации на север Западной Сибири было достаточно слабым»⁶⁸.

Политические процессы, происходившие в Северо-Западной Сибири в первые послевоенные десятилетия, в современной историографии освещаются в работах Н.Б.Патрикеева, Ю.П.Прибыльского, Е.И.Черевако и др.⁶⁹ Исследователи подчеркивают, что правительство в эти десятилетия решало в регионе одновременно несколько задач.

Во-первых, усилия государственных органов были направлены на завершение работы по переводу населения Крайнего Севера на оседлый образ жизни. Исследователи подробно изучили этапы и специфику данного процесса. Е.П.Борисова называет 1937—1950 гг. первоначальным этапом⁷⁰. Г.П.Харючи относит создание колхозов на Ямале в 1950-е гг. к инновационным процессам⁷¹.

В современной историографии более дифференцированно, чем в предшествующей, оценивается перевод населения Крайнего Севера на оседлый образ жизни. Часть историков относится к нему положительно и указывает на то, что Советское государство попыталось избежать тех ошибок, которые были допущены в этом деле в период коллективизации. В частности, предполагалось дальнейшее оседание кочевых хозяйств производить с обязательным учетом наличия поблизости постоянных рыбных и пушных промыслов, строительством баз переработки произведенной продукции и т.д. Д.И.Сыроватский пишет: «В этот период большинство мелких слабых северных колхозов были преобразованы в укрупненные совхозы, выросли размеры дотаций»⁷². Но и они отмечают, что «часть планов осталась на бумаге. На первые

места стали выходить объемы добываемой рыбы, получаемой оленьей продукцией»⁷³.

Другая часть исследователей подчеркивает, что перевод на оседлость проводился в очень быстрые сроки, причиной чего были, кроме всего, непростые отношения, которые складывались в регионе в послевоенные годы между представителями властей и коренным населением Крайнего Севера. Е.В.Мухина отмечает масштабность проводимых работ. По ее подсчетам, из 75 колхозов Ямала 70 являлись полностью кочевыми⁷⁴. В.П.Петрова и Г.П.Харючи подсчитали, что к началу 1964 г. в округе было переведено на оседлость более 2 тыс. человек⁷⁵.

Они указывают на то, что «ханты и манси не желали ломать устоявшиеся порядки, расставаться с традиционным укладом жизни. Другой причиной безуспешности политики властей было отсутствие достаточного количества жилья». У тех жителей Крайнего Севера, кто был переведен на оседлый образ жизни, начались проблемы, «связанные с отсутствием у них навыков земледельческого труда и оседлой жизни»⁷⁶. В.П.Петрова и Г.П.Харючи пишут: «По своей значимости и последствиям перевод на оседлость можно сравнить с коллективизацией. Происходила ломка всех сторон общественной и личной жизни оленевода-кочевника. Это привело к отказу от традиционных привычек, обычаев»⁷⁷.

В результате, констатирует Е.В.Мухина, «в 1960-е гг. эта кампания потерпела окончательный крах из-за нежелания аборигенов менять образ жизни, нехватки средств и поспешности мероприятий»⁷⁸. В.П.Петрова и Г.П.Харючи замечают, что «часть коренного населения, претерпев ломку традиционного образа жизни, не смогла в полной мере приспособиться к новой жизни в поселках и городах»⁷⁹.

Во-вторых, государственные средства выделялись на развитие традиционных отраслей экономики края. Историки показывают то новое, что произошло в их развитии в послевоенные десятилетия, раскрывают достижения в каждой отрасли⁸⁰.

Современные авторы признают то, что в послевоенные десятилетия в экономике края проходила определенная модернизация производства, насыщение традиционных отраслей новой техникой, внедрение новых методов труда и т.д. Е.В.Мухина отмечает,

что «в 1950—60-е гг. было усилено техническое оснащение рыбной промышленности, в Салехарде построена Нижне-Обская морозильная станция»⁸¹. По данным С.В.Дронзиковой, с 1949 по 1955 гг. была проведена реконструкция Салехардского рыбоконсервного завода, и в мае 1963 г. был открыт Ямало-Ненецкий рыбопромышленный трест⁸². В.П.Петрова и Г.П.Харючи пишут: «В конце 50-х гг. в лове рыбы в округе было задействовано 500 судов, 24 траулера, 30 сейнеров-мотоботов»⁸³. По наблюдениям А.В.Судакова, «во второй половине 1950-х гг. шел активный процесс замены гужевого транспорта на машины и трактора, и ручных пил на бензомоторные»⁸⁴.

Исследователи подчеркивают, что к началу 1960-х гг. основная отрасль экономики ХМАО — рыболовство и рыбопереработка — стала рентабельной⁸⁵, а выработка на одного рабочего в леспромпхозах округа превысила общесоюзную⁸⁶. А.В.Судаков подсчитал, что в конце 1950-х — середине 1960-х гг. удельный вес лесной промышленности в народном хозяйстве ХМАО составлял более 25%⁸⁷. Валовое промышленное производство ЯНАО в начале 1960-х гг. увеличилось по сравнению с 1940 г. более чем в 9 раз. 70% всей продукции в округе давала рыбная промышленность, 13% — пищевая, 5% — лесная и деревообрабатывающая, по 2% — легкая и судоремонтная⁸⁸.

Т.И.Бакулина и В.П.Петрова отмечают, что в ряде районов Крайнего Севера и в послевоенные годы развивался пушной промысел. По их наблюдениям, в Приуральском районе «в начале 1950-х гг. пушнина была второй по значимости продукцией, которую район сдавал государству. В первые послевоенные годы пушной промысел развивался довольно успешно» и только «в начале 1960-х гг. роль пушного промысла в экономической жизни района падает»⁸⁹.

В современной историографии много места уделяется характеристике личностного фактора в развитии экономики Северо-Западной Сибири. Исследователи характеризуют деятельность как руководителей отраслей народного хозяйства, так и передовиков производства.

В то же время современные исследователи гораздо больше, чем их предшественники, пишут об имевшихся проблемах и причинах, их вызывающих. Они отмечают слабую степень механизации

работ в целом ряде отраслей, прежде всего в лесном хозяйстве и деревообработке. По их наблюдениям, даже в послевоенный период в традиционных отраслях северной экономики продолжала сохраняться многоукладность⁹⁰.

При изучении сельского хозяйства на Крайнем Севере исследователи обращают внимание на то, что в послевоенный период структура его отраслей стала значительно меняться. Они показывают, что на территории ХМАО главной «отраслью было молочное животноводство, несколько меньшую роль играло полеводство, для которого мало подходили суровые климатические условия и болотно-таежный характер местности»⁹¹. По наблюдениям Е.В.Мухиной, на Ямале довоенное поголовье оленей было восстановлено только в 1960-е гг.⁹² К достижениям в развитии северного животноводства они относят развитие звероводства, которое по доходности «стало самой выгодной отраслью животноводства края»⁹³. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова указывают, что развитие пушного звероводства стало определенной заменой сократившегося пушного промысла на Крайнем Севере⁹⁴.

Ямальские исследователи также замечают: «После войны в округе успешно развивалось клеточное звероводство. Если в 1949 г. основное поголовье зверей по округу составляло 217 голов, то в 1953 г. оно уже увеличилось в десять раз»⁹⁵.

Исследователи отмечают негативное влияние на аграрное развитие последствий тяжелых 1946—1947 гг., «когда площадь посевов сократилась более чем вдвое», указывают на то, что «уровень жизни селян, особенно колхозных, оставался невысоким»⁹⁶. Е.В.Мухина пишет: «В связи с тем, что национальные колхозы округа имели хроническую финансовую задолженность и были нерентабельными, в начале 1960-х гг. колхозы были ликвидированы, а их собственность передана государственным хозяйствам рыбной, газовой промышленности, совхозам и госпромпхозам»⁹⁷. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова называют и другую причину ликвидации колхозов. Они пишут: «В конце 1950-х — начале 60-х гг. были введены жесткие меры по лимитированию вылова ценных пород рыб осетра, нельмы, сиговых, являющихся основными объектами лова. Этим в определенной степени и объясняется ликвидация колхозов»⁹⁸.

Авторы негативно оценивают этот процесс. Е.В.Мухина отмечает: «Концентрация производства привела по существу к свертыванию традиционных отраслей хозяйства Обского Севера как не обеспечивающих устойчивых темпов экономического развития округа»⁹⁹. По наблюдениям В.П.Петровой и Г.П.Харючи, «в 60-е гг. растениеводство, парниковое и тепличное хозяйство, животноводство были признаны неэкономичными и стали сокращаться. Все больше и больше продуктов стали завозить из южных районов страны»¹⁰⁰.

Исследователи пишут, что «вторая половина 50-х гг. и первая половина 60-х были временем не всегда оправданных социальных, политических, экономических экспериментов. Они иной раз доходили до курьезов. Так, предполагалось увеличить в Салехарде, городе на Полярном круге, посевные площади под кукурузу». Отмечается также то, что «дело едва не дошло до затопления значительной части Ямало-Ненецкого округа по предполагавшемуся проекту строительства Нижне-Обской ГЭС»¹⁰¹.

Авторы указывают на то, что именно в послевоенные годы были заложены основы для превращения региона в район активного промышленного освоения. В современной историографии к изучению данной проблемы подходят с использованием новых подходов. На важность применения геополитического подхода к анализу стратегии развития промышленности в восточной части страны в послевоенный период указывают В.В.Алексеев, Е.В.Алексеева, К.И.Зубков, И.В.Побережников. Они пишут: «В первые послевоенные годы, когда главным направлением советской экономической политики стали задачи восстановления западных районов СССР, возможности развития Азиатской России ограничивались в основном закреплением тех крупных социально-экономических сдвигов, которые произошли в этой части страны в военное время. Однако сами по себе эти сдвиги уже определяли кардинальное преобразование мировой геополитической сцены»¹⁰². К.И.Зубков считает, что для периода второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. следует «отметить актуализацию еще одного значимого фактора регионального развития — военно-стратегического»¹⁰³.

Становление тюменской нефтеразведки и открытие крупнейшей нефтегазовой провинции СССР в первые послевоенные годы

подробно описано в работах Н.Ю.Гавриловой и В.П.Карпова. Авторы указывают на то, что после окончания войны геологоразведочные работы «осуществлялись бессистемно, малочисленными экспедициями различных ведомств»¹⁰⁴. Н.Ю.Гаврилова и В.П.Карпов причину подобного состояния видят в том, что существенную роль в этом играл Л.П.Берия, курировавший энергетику страны, который принял решение о свертывании поисково-разведочных работ на нефть и газ «в целях экономии средств, особенно необходимых для создания ядерного щита обороны страны»¹⁰⁵.

В.В.Алексеев, Е.В.Алексеева, К.И.Зубков, И.В.Побережников отмечают, что при принятии окончательного решения об активизации геологоразведочных работ в регионе перевесило то обстоятельство, что «в геостратегическом измерении топливно-энергетические ресурсы Северо-Западной Сибири усиливали “центрообразующую” роль Урало-Сибирского региона в системе национальной безопасности»¹⁰⁶.

Исследователи отмечают роль Тазовской геологической экспедиции, созданной в 1945 г., материалы деятельности которой позволили сделать вывод о перспективности и целесообразности нефтепоисковых работ¹⁰⁷. Л.Никифорова отмечает, что в 1947 г. в Тюмени появилась буровая партия, на базе которой в 1948 г. организуется Тюменская геолого-поисковая экспедиция¹⁰⁸.

Историки отмечают значение решения Министерства геологии СССР, которое в 1950 г. приняло план поисков нефти. Они указывают на то, что с этого времени «в Тюменскую область поступило необходимое оборудование, началось бурение»¹⁰⁹.

Начало систематической работы по разведыванию нефти и газа в регионе пришлось на сентябрь 1953 г., когда в Березове была получена первая нефть. Исследователи пишут, что это открытие дало «толчок развитию поисковых работ на севере Тюменской области. Индустриальное будущее округов стала определять новая отрасль — геология»¹¹⁰. По словам Е.В.Мухиной, «с этого времени начинается принципиально новый этап в жизни Салехарда, который становится базой для геологоразведочных экспедиций, ведущих активные поиски газовых месторождений на всей территории округа»¹¹¹.

Сургутские исследователи поворотным пунктом в поисках сургутской нефти считают создание Юганской геологоразведочной партии в сентябре 1957 г. И.П.Захаров вообще считает эту дату главным событием XX в. в истории Сургута¹¹².

Ямальские исследователи новый этап в развитии геологоразведочных работ связывают с созданием летом 1958 г. в Салехарде Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции Тюменского территориального геологоуправления¹¹³. Исследователи обращают внимание на то, что для форсирования геологоразведочных работ правительство Российской Федерации на 1959—1965 гг. выделило средств в 3 раза больше, чем в предыдущие 7 лет¹¹⁴.

В результате поисковых работ на территории ХМАО в 1959 г. около селения Малый Атлым была получена первая промышленная нефть. Вскоре началась промышленная разработка нефтяных месторождений¹¹⁵. В ЯНАО в апреле 1962 г. впервые был получен фонтан газа Тазовского месторождения¹¹⁶.

Современные исследователи продолжили дискуссии о начале формирования ЗСНГК. Н.М.Пашков начальной датой его создания считает 1962 г.¹¹⁷, А.Н.Янин — 1964 г.¹¹⁸ А.И.Прищепа подчеркивает, что к концу 1964 г. «открытие в Тюменской области нефтегазоносной провинции с большими потенциальными запасами нефти и газа выдвигало вопрос о создании в ближайшее время в Западной Сибири нефтедобывающей и газовой промышленности»¹¹⁹. А.Р.Ахметгалеев предпочитает говорить о начале 1960-х гг., как о времени формирования ЗСНГК¹²⁰.

По замечанию А.Г.Оруджиевой, хотя в 1962 г. были открыты первые месторождения природного газа в Приполярье, но «между открытием и началом промышленного освоения прошло еще десять лет»¹²¹. В.П.Карпов пишет: «Конечно, ни в 1962, ни в 1964, ни в конце 60-х гг. о нефтегазовом комплексе в строгом смысле этого слова говорить нельзя»¹²². В.А.Крюков, А.Е.Севастьянова, В.В.Шмат считают, что на 1960-е гг. пришлось ускоренное развитие нефтедобывающей промышленности¹²³.

Современные исследователи, как и их предшественники, отмечают: «Открытие крупных нефтегазовых месторождений на Обь-Иртышском Севере имело огромное экономическое значение. Однако их поспешное, не подготовленное в должной

степени освоение, а также последующая индустриализация и урбанизация региона имели неожиданные негативные последствия»¹²⁴. Е.М.Главацкая пишет: «Начало активного индустриального освоения Северо-Западной Сибири в 1950-х гг. привело к значительному сокращению традиционных территорий землепользования хантов, массовым переселениям и принудительному переводу на оседлый образ жизни, поставив под угрозу возможность вести традиционный образ жизни»¹²⁵.

По мнению современных исследователей, развитие транспорта и связи для отдаленных от основных центров районов Крайнего Севера имело жизненно важное значение. Основная нагрузка по перевозке пассажиров и народнохозяйственных грузов в послевоенные десятилетия ложилась на речной транспорт, но он работал сезонно и с большим напряжением¹²⁶. Историки отмечают, что на территории автономных округов быстро расширялся в эти годы автомобильный транспорт, работающий круглый год¹²⁷. Они пишут: «В северных условиях незаменимым оставался гужевой зимний транспорт (конный), а также олений, которым продолжали пользоваться коренные жители». Отмечаются успехи в развитии воздушного транспорта на Крайнем Севере¹²⁸. Е.В.Мухина отмечает, что в начале 1960-х гг. был построен аэродром в Салехарде и «гражданская авиация стала важнейшей отраслью, которая ускорила развитие края»¹²⁹. По наблюдениям В.П.Петровой и Г.П.Харючи, с 1964 г. регулярные рельсы в Тюмень, Тазовское, Тарко-Сале стали осуществляться на самолетах АН-24¹³⁰.

Внимание современных исследователей привлечено к изучению железнодорожного строительства на Обском Севере, которое началось в конце 1940-х гг. Именно в это время стали прокладывать железную дорогу в районе Салехарда. Анализ современной литературы по данному вопросу дан нами в предшествующих историографических работах¹³¹.

Следует обратить внимание на то, что обстоятельства строительства железной дороги вызывают у современных исследователей оживленные дискуссии. В частности, исследователи активно обсуждают вопрос о целесообразности строительства железной дороги. По мнению Е.В.Борковой, Р.Гольдберга, П.Колесникова и других авторов, строительство дороги «Чум—Салехард—Игарка» было бессмысленно, ибо по ней в начале 1950-х гг. было

нечего и некуда возить. В.П.Петрова и Г.П.Харючи пишут: «Судьба 501-й стройки стала еще одним памятником тоталитарному режиму. Государство эксплуатировало в жесточайших условиях труд сотен тысяч людей, но эти усилия оказались напрасными, железная дорога не стала основным звеном в освоении Севера в последующие годы»¹³².

А.Херсонский, вслед за В.А.Ламиным, наоборот, считает, что дорога была необходима и в то время. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова отмечают, что «строительство железной дороги изменило жизнь на Обском Севере. Появление новых людей, строительство новых поселков, новые возможности получить работу создавали у местного населения заинтересованность в строительстве»¹³³.

А.С.Пиманов пишет: «Вопрос о целесообразности этого строительства имеет два аспекта. Это его польза для того времени, когда оно возводилось, и выгоды от него, если бы оно было возведено в период интенсивного освоения богатейших месторождений нефти и газа в Тюменской области. Многие из этих месторождений были открыты прямо по оси дороги». Автор приходит к выводу, что «накопленных источников (хотя они и не полные) достаточно, чтобы утверждать, что железная дорога “Чум—Салехард—Игарка” была необходима уже в то время, когда она возводилась»¹³⁴.

Исследователи отмечают, что хотя «мертвая дорога» не была достроена, опыт ее строительства пригодился при возведении узкоколейных дорог в крае и железных дорог на вновь осваиваемых территориях. А.В.Судаков отмечает, что «на Тюменском Севере планировалось строительство железных дорог Ивдель—Обь и Тавда—Сотник»¹³⁵.

Современные исследователи гораздо более полно, чем их предшественники, смогли изучить демографические процессы, которые происходили в Северо-Западной Сибири в первые послевоенные годы. Н.Ю.Гаврилова указывает, что по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в ХМАО и ЯНАО проживало 186,2 тыс. человек, что составляло 17% населения Тюменской области¹³⁶. Характеризуя динамику численности населения Ямала в этот период, А.Г.Оруджиева пишет: «В послевоенный период и вплоть до начала 70-х гг. население округа росло крайне медленно.

За двадцатилетний период (1939—1959 гг.) его численность увеличилась на 30,1% и составила 62,3 тыс. человек. Среднегодовой прирост был очень низким — не более 700 человек и в основном за счет естественного движения»¹³⁷. По данным В.П.Петровой и Г.П.Харючи, с 1945 по 1958 гг. абсолютный прирост коренного населения в округе составил 21,7%, или 4 241 человек, что было выше общего прироста населения в ЯНАО¹³⁸.

А.Г.Оруджиева показывает, что в послевоенный период в ЯНАО на селе проживало 63,6% населения, т.е. больше, чем в городе. По ее наблюдениям, население окружного центра — Салехарда — в послевоенные десятилетия росло крайне медленно, и составило в 1959 г. 16 567 человек¹³⁹.

По подсчетам исследователей, в 1959 г. население ХМАО насчитывало 123,9 тыс. человек и состояло из двух десятков национальностей. Трудоспособное население насчитывало 69 тыс. человек, из них в промышленности было занято свыше 37%, на транспорте — более 6%, в строительстве — около 4%, в колхозах и совхозах — почти 14%¹⁴⁰. Коренное население в округе составляло свыше 15% (11435 хантов и 5600 манси)¹⁴¹. В ЯНАО в середине 1960-х гг. население составляло 64 590 человек, из них коренного населения — 27 731 человек, в сельской зоне проживало 25 566 человек, из них 10 382 человека вели кочевой образ жизни¹⁴².

Н.Ю.Гаврилова отмечает, что население ХМАО имело в этот период положительное сальдо миграции и выросло за счет прироста миграции в лесную промышленность и геологоразведку¹⁴³. А.В.Судаков проанализировал взаимосвязь между миграцией населения в этот период и хозяйственной специализацией городов ХМАО в конце 1950-х — начале 1960-х гг.¹⁴⁴

Актуальной для современной историографии является проблема обеспечения народного хозяйства Северо-Западной Сибири в первые послевоенные десятилетия рабочей силой¹⁴⁵. Особенно много внимания исследователи уделяют изучению использования принудительного труда в экономике Крайнего Севера.

В современной литературе содержатся данные о масштабах административной ссылки в Северо-Западную Сибирь в послевоенный период¹⁴⁶. Е.В.Боркова и Ф.Р.Усманова пишут о функционировании пенитенциарной системы в этом регионе¹⁴⁷.

В литературе можно встретить различные мнения о причинах существования в СССР пенитенциарной системы. Некоторые исследователи по-прежнему подходят к ее анализу с позиций классового подхода и обосновывают необходимость применения насилия, жестких методов по отношению к классовым врагам, мешающим строить социализм¹⁴⁸. Ф.Р.Усманова, напротив, считает, что «пенитенциарная система, будучи составной частью карательных органов, сыграла большую роль в утверждении тоталитарного режима»¹⁴⁹.

Современные исследователи проследили особенности складывания пенитенциарной системы в регионе. По мнению Ф.Р.Усмановой, «становление самостоятельной системы мест лишения свободы начинается только в послевоенное время, после образования Тюменской области». Она указывает, что «с середины 40-х гг. сеть пенитенциарных учреждений Тюменской области расширяется, появляется Обский ИТЛ, воспитательная колония для несовершеннолетних преступников»¹⁵⁰. Е.В.Боркова отмечает, что «по-прежнему востребованными в регионе оставались как тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, так и спецпоселки, число которых оставалось в данный период практически неизменным»¹⁵¹.

Исследователи наиболее подробно изучили деятельность Обского ИТЛ. Его значение в пенитенциарной системе Северо-Западной Сибири определялось тем, что в послевоенное время в нем содержались 89% заключенных Тюменской области¹⁵².

Е.В.Боркова пишет, что появление ИТЛ в Северо-Западной Сибири «было вызвано политико-экономической задачей строительства железнодорожной магистрали Салехард—Игарка»¹⁵³. По ее наблюдениям, для бесперебойной работы и досрочного выполнения графика строительства 501—503 в системе Северного управления был образован Обский ИТЛ с дислокацией в районе Салехарда. В 1948 г. в нем действовало 10 строительных подразделений. На втором этапе строительства, когда возводилась линия «Салехард—Игарка», в июне 1949 г. на западном и восточном участках имелось более 140 колонн. В 1950 г., самом интенсивном, добавилось еще 20 колонн. Далее их число сокращалось. К июлю 1952 г. Обский ИТЛ имел 47 лагерных пунктов¹⁵⁴. По подсчетам А.С. Пиманова, численность контингента в колониях

была различной, но большинство их насчитывало от 600 до 800 человек, хотя были и по 1200¹⁵⁵.

Исследователи характеризуют источники поступления заключенных в Обский ИТЛ. Е.В.Боркова пишет о том, что сюда отправлялись заключенные из тюрем и исправительно-трудовых колоний. По ее словам, «кроме собственных резервов к работам были привлечены осужденные из соседних регионов»¹⁵⁶. По сведениям А.С.Пиманова, основной контингент заключенных, строивших дорогу на первом этапе, поступал, главным образом, из ИТЛ и тюрем Европейской части СССР. На втором этапе строительства заключенные стали поступать со всех территорий страны¹⁵⁷.

Современные исследователи изучают положение различных категорий ссыльных в Северо-Западной Сибири¹⁵⁸. По мнению А.С.Пиманова, под депортацией понимается «принудительная высылка отдельных лиц, групп, народов в другие государства, а также насильственное переселение их в пределах страны проживания, как правило, в удаленные от центра регионы с неблагоприятным климатом и условиями жизни, обычно под конвоем»¹⁵⁹.

Историки подчеркивают, что в послевоенный период в Северо-Западной Сибири использовался главным образом труд заключенных и представителей репрессированных народов. Е.В.Мухина указывает, что в системе ИТЛ «содержались политзаключенные, военные преступники, уголовники-рецидивисты»¹⁶⁰. Ф.Р.Усманова пишет, что значительное количество заключенных были осуждены «за контрреволюционные преступления»¹⁶¹. Среди них А.С.Пиманов называет 388 «власовцев», прибывших на Ямал в 1946—1947 гг. на основании различных постановлений ГКО, СНК, директив МВД СССР¹⁶². А.С.Пиманов отмечает, что в 1948 г. началось выселение колхозников по решению общих собраний колхозов за невыполнение обязательного минимума трудовой и т.п. Таких в Тюменской области оказалось 2829¹⁶³, а в ЯНАО — 608¹⁶⁴.

В то же время исследователи указывают, что в послевоенные годы произошло сокращение некоторых категорий ссыльных в Северо-Западной Сибири. Это коснулось, прежде всего, «кулацкой ссылки» 1930-х гг. По подсчетам Н.И.Загороднюк, на 1 января 1953 г. в Тюменской области находилось 5 718 бывших кулаков, сосланных на Обский Север еще в начале 1930-х гг.¹⁶⁵

Е.В.Боркова обращает внимание на то, что «после Великой Отечественной войны был принят ряд постановлений, освобождавших от ссылки спецпереселенческий контингент категории “бывших кулаков”, что не могло не сказаться на общем показателе численности данной группы спецконтингента»¹⁶⁶. А.С.Пиманов указывает: «Освобождению подлежали лица, имевшие детей, проходившие службу в Советской Армии и участники войны, награжденные правительственными наградами». По его наблюдениям, к 1 января 1955 г. «контингент “бывший кулак” больше уже никогда не упоминался»¹⁶⁷.

Е.В.Боркова, В.И.Бруль, В.Н.Галишников, Л.Ф.Гизатуллина, Н.И.Загороднюк, А.С.Пиманов, Е.А.Эйхельберг и другие посвятили свои работы анализу этнического состава депортированных в Северо-Западную Сибирь¹⁶⁸.

По подсчетам Н.И.Загороднюк, на 1 января 1953 г. в Тюменской области находилось 68 679 спецпереселенцев, в том числе 28 695 немцев, 10 364 калмыка, 3 479 человек из западных областей Украины и Белоруссии, 1 632 молдавана (бессарабца) и т.д.¹⁶⁹ А.С.Пиманов указывает, что из них 23 тыс. проживали на территории ХМАО и ЯНАО, в том числе в ХМАО — 14 360 человек¹⁷⁰. Автор показывает распределение этой категории населения по районам и отраслям экономики¹⁷¹.

Исследователи подробно рассмотрели национальный состав депортированных. Они отмечают, что после войны в Северо-Западную Сибирь прибывали новые партии выселенных из Закарпатья немцев. В.И.Бруль пишет, что решением НКВД СССР от 26 февраля 1946 г. в Тюменскую область было депортировано 1785 человек закарпатских немцев¹⁷². А.С.Пиманов определяет их количество в 1257 человек и добавляет, что в 1949 г. на положение спецпоселенцев было переведено 124 местных немца¹⁷³.

По подсчетам А.С.Пиманова, в 1947—1948 гг. на поселение в Тюменскую область был отправлен 861 житель Литвы и 189 украинцев из числа украинских националистов¹⁷⁴.

Е.В.Боркова выделяет в общей массе этнических заключенных такую категорию как трудмобилизованные, куда она включает представителей калмыцкой и немецкой национальностей, переведенных на спецпоселение в Северо-Западную Сибирь. Она пишет: «Особенность положения этой категории заключалась в том,

что они, в зависимости от потребностей промышленных предприятий в дополнительных рабочих руках, либо переводились на стройки Урала, либо оставались на работах в рыбопромысловых и лесозаготовительных предприятиях региона»¹⁷⁵.

В современной литературе можно встретить сведения, характеризующие положение спецконтингента в Северо-Западной Сибири¹⁷⁶. А.С.Пиманов и Е.В.Боркова считают, что в послевоенный период происходит ужесточение государственного законодательства по отношению к заключенным. Е.В.Боркова пишет, что в этот период «изменились в сторону увеличения сроки наказания, наиболее часто применяемой мерой наказания стало вынесение срока приговора от 5 до 10 лет, как в ИТК, так и в ИТЛ»¹⁷⁷. А.С.Пиманов пишет, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» закреплял выселенных в этот период в данном статусе навечно¹⁷⁸. Характеризуя жилищные условия спецпоселенцев, А.С.Пиманов указывает на большие проблемы, которые существовали в снабжении спецпоселенцев продуктами питания, одеждой, обувью, на задержки заработной платы, плохое медицинское обслуживание и т.д.

Ф.Р.Усманова считает, что в послевоенный период «наблюдается некоторое улучшение жилищно-бытовых условий, продовольственного обеспечения, снижение заболеваемости и уменьшение смертности»¹⁷⁹. Е.А.Эйхельберг указывает, что в 1948—1949 гг. впервые рождаемость среди ссыльных немцев в Тюменской области стала превышать смертность. Он подсчитал, что с октября 1948 г. по январь 1953 г. рост численности немцев в области составил 8,5%¹⁸⁰. В.Н.Галишников и А.С.Пиманов отмечают, что в 1947—1948 гг. некоторая часть калмыков покинула поселения на Ямале. Авторы пишут: «Причины назывались разные — от выезда на учебу до воссоединения с родственниками»¹⁸¹.

Е.В.Боркова объясняет некоторое облегчение положения спецпоселенцев тем, что срыв установленных производственных программ, рост числа побегов заключенных, высокий процент заболеваемости и смертности и т.д. заставили правительство принять во второй половине 1940-х гг. ряд постановлений,

«направленных на создание сносного уровня содержания спецконтингента»¹⁸². По этому поводу А.С.Пиманов замечает, что «с 1944 по 1953 гг. было принято множество постановлений, направленных на улучшение жилищно-бытовых условий спецпереселенцев-калмыков. Но постоянные проверки показывали, что в большинстве случаев эти постановления были проигнорированы местными органами власти»¹⁸³.

Исследователи указывают на то, что результатом проводимой политики было то, что многие спецпоселенцы погибли во время отбывания ссылки в Северо-Западной Сибири. А.С.Пиманов пишет о том, что погибло более трети депортированных калмыков¹⁸⁴.

Современные исследователи проанализировали те отрасли экономики Северо-Западной Сибири, в которых наиболее активно в послевоенное время использовался принудительный труд. По данным В.П.Петровой и Г.П.Харючи, до середины 1950-х гг. большинство спецпереселенцев работало в лесной и рыбной промышленности¹⁸⁵. Ф.Р.Усманова уточняет: «Значительным было трудовое участие заключенных в рыбной, лесной, деревообрабатывающей промышленности, производстве сельскохозяйственной продукции»¹⁸⁶. Е.В.Боркова пишет о том, что использование рабочей силы в ИТУ Северо-Западной Сибири активизировалось в 1950-е гг., использование труда заключенных стало носить планомерный характер, и было «это связано с нефтегазовым освоением данной территории и более интенсивным развитием промышленности региона в этот период»¹⁸⁷.

Подробно современные авторы исследуют использование труда заключенных на строительстве железной дороги Салехард—Игарка. Ими приведены конкретные данные, раскрывающие состав работающих на строительстве железной дороги. Е.В.Мухина, ссылаясь на сведения последнего начальника строительства № 501 А.Д.Жигина, пишет, что на строительстве железной дороги всего было занято более 60 тыс. человек, из которых 80% составляли заключенные¹⁸⁸. В.П.Петрова, Г.П.Харючи подсчитали, что на строительстве железной дороги насчитывалось: в 1947 г. — около 30 тыс., в 1951 г. — более 73 тыс., в 1953 г. — 28 тыс. заключенных¹⁸⁹. По мнению Е.В.Борковой, с 1 марта 1952 г. по 10 августа 1953 г. количество заключенных на строи-

тельстве сократилось в 2,5 раза¹⁹⁰. Автор объясняет это тем, что в начале 1950-х гг. начинается процесс стагнации репрессивной политики, «следствием чего стало частичное освобождение различных категорий спецконтингента, в результате чего происходит существенное сокращение его численности и снижение значимости в производственной сфере»¹⁹¹.

В то же время современные исследователи указывают на то, что нельзя утверждать, что на строительстве железной дороги использовался только принудительный труд. По их мнению, «тема репрессированных, использования их труда на стройках Севера требует дополнительных исследований, точности фактов и формулировок»¹⁹². Говоря о составе работавших на стройке, В.П.Петрова и Г.П.Харючи указывают: «На стройке работали необоснованно репрессированные граждане, осужденные за экономические преступления, предатели, полицаи и другие категории заключенных»¹⁹³. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова, отвечая на вопрос: Кто же строил дорогу в полярной тундре? пишут: «Мужчины и женщины. Молодые и старые. Уголовники и осужденные по политическим делам. Строили дорогу и профессионалы, надеясь, что она будет служить стране очень долго»¹⁹⁴.

Исследователи указывают на то, что некоторые спецпереселенцы в силу их высокой образованности использовались в послевоенное время на инженерно-технических должностях и даже на руководящей работе. А.С.Пиманов подсчитал, что количество таких специалистов было невелико и составляло около 1 тыс. человек из 60 тыс. спецпереселенцев. Тем не менее, автор указывает на то, что «в 1950—1952 гг. во всех районах Тюменской области прошла, по всей видимости, инициированная из центра кампания по борьбе “с засоренностью организаций и учреждений социально-чуждым элементом”»¹⁹⁵.

Исследователи отмечают, что спецпоселенцы стали покидать Северо-Западную Сибирь лишь после XX съезда КПСС, когда началась кампания по реабилитации невинно осужденных в период сталинского режима. По наблюдениям А.С.Пиманова, к 1 июля 1955 г. в ЯМАО и ХМАО оставалось 2255 немцев, а к 1956 г. — 1 237, расселенных в Яковском районе и в районах ХМАО¹⁹⁶. Он указывает, что к 1955 г. количество этнических переселенцев в ХМАО сократилось до 7 620 человек, из них 2 533 —

калмыки, 1 368 — немцы, 1 027 — украинцы, 38 — литовцы¹⁹⁷, в ЯНАО — до 2756 человек, из них 966 — немцы, 555 — калмыки¹⁹⁸.

А.С.Пиманов указывает на значение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселениях» для освобождения этой категории зависимого населения. Автор указывает на то, что особенностью калмыцкой ссылки было то, что «за редким исключением почти все калмыки выехали из Тюменской области на старые места проживания»¹⁹⁹.

В.П.Петрова и Г.П.Харючи отмечают, что «освобождение ссыльных шло долго, лишь в 1956 г. им стали выдавать паспорта, и постепенно спецпереселенцы стали покидать северный край. Однако многие репрессированные, их дети и внуки остались жить в округе и по праву считают Север своей Родиной»²⁰⁰. А.С.Пиманов подчеркивает, что для некоторых категорий ссыльных освобождение затянулось до 1960-х гг.²⁰¹ По наблюдениям В.Н.Галишникова и А.С.Пиманова, «последним контингентом, освобожденным из ссылки в Ямало-Ненецком округе, стали немцы. Последних из них освободили в 1964 г. В этом же году все спецпереселенцы, находившиеся в округе, были сняты с учета спецпоселения»²⁰².

Исследователи проблемы принудительного труда отмечают, что межнациональные отношения в регионе и в послевоенные годы по-прежнему продолжали оставаться достаточно острыми. Е.В.Мухина, ссылаясь на документы партийных организаций Ямала начала 1950-х гг., замечает, что партийные органы вынуждены были признать наличие широких и недопустимых размеров обмана и издевательств над национальным населением. Автор пишет: «В результате насилия некоторых “русских начальников” среди аборигенов были настроения против проникновения русских в тундру, против создания органов управления и государственных планов по добыче рыбы, развитию оленеводства и колхозного строительства»²⁰³. А.С.Пиманов указывает на то, что особенно нетерпимыми были отношения между русским руководством в крае и спецпереселенцами из нерусских народностей²⁰⁴.

Все современные исследователи едины в том, что спецпереселенцы, оказавшись не по своей воле на земле Северо-Западной Сибири, сыграли огромную роль в развитии хозяйства и культуры региона.

В современной литературе изучаются материально-бытовые и социально-культурные сдвиги на Северо-Западе Сибири, которые произошли в послевоенные десятилетия²⁰⁵.

Исследователи Ямала проанализировали масштабы переселения 1947 г.²⁰⁶ Е.В.Мухина пишет: «В послевоенные годы вопиющие факты в округе приобрела проблема нищеты, в связи с чем салехардские власти в 1947—1948 гг. были вынуждены организовать грандиозное по масштабам Ямала массовое переселение бедствующих малооленных и безоленных ненцев из северной в южную часть Ямальского полуострова»²⁰⁷. В.П.Петрова и Г.П.Харючи указывают: «Малооленные и безоленные хозяйства ненцев не могли прокормить свои семьи, они вынуждены были забивать всей оленей и переселяться в поселки, устраиваться работать в колхозы или на рыбоучастки»²⁰⁸. По их подсчетам, в южные районы Ямала было переселено свыше 1500 человек²⁰⁹.

Е.В.Мухина отмечает крайнюю нехватку жилья в Салехарде в 1950-е гг. По ее данным, «к августу 1950 г. обеспеченность жителей Салехарда жильем составляла лишь 2,8 кв. м на человека, качество жилья было плохое, население обеспечивалось топливом нерегулярно»²¹⁰. А.С.Пиманов привел данные об обеспеченности жильем вольнонаемных рабочих на полярных стройках в начале 1950-х гг. и отметил, что в ряде поселков на одного проживающего приходилось по 3,7 кв. м²¹¹. По наблюдениям А.В.Судакова, «значительная часть рабочих проживала в общежитиях, которые были приспособлены под жилье из помещений, имевших первоначально другое назначение. Условия жизни в этих общежитиях были плохими. Более полусотни поселков лесозаготовительных не имели постоянного водоснабжения. В ряде поселков отсутствовало электричество и радио»²¹².

В то же время исследователи указывают, что в первые послевоенные десятилетия на Крайнем Севере происходило активное строительство новых поселков. Это было обусловлено, в том числе, активным притоком населения в автономные округа. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова замечают: «За первые послевоенные

десятилетия существенно изменился внешний вид поселков. В районном центре уже ни одна семья не жила в землянках. Строились новые дома на три—четыре семьи. Перестраивались старые, где раньше в казарменных условиях проживало до 60 человек. Доля жилья, построенного по всему району из бревен и бруса, составляла к концу 50-х гг. 80%»²¹³.

В.П.Петрова и Г.П.Харючи замечают, что все это заставило решать проблемы электрификации Ямала. Они указывают: «Если до революции не было ни одной электростанции, то в начале 60-х гг. было уже 60 электростанций и энергогенераторных установок. Электрифицировались в первую очередь крупные поселки, райцентры»²¹⁴. По данным Т.И.Бакулиной и В.П.Петровой, в 1955 г. в Приуральском районе «была построена новая электростанция, мощности которой хватало уже на весь день»²¹⁵.

По мнению современных исследователей, в результате принятых мер в 1950-е — начале 1960-х гг. заметно возрос уровень материального благосостояния жителей Крайнего Севера. Они подсчитали, что торговый товарооборот 1959 г. в ХМАО увеличился вдвое по сравнению с 1953 г. и составил 532 млн. руб. на 123,9 тыс. населения²¹⁶. На Ямале было построено 135 магазинов, 54 пекарни, много складских помещений, в тундре кроме факторий и разъездной торговли появились постоянные культстаны с торгпунктами²¹⁷.

Исследуя изменения в области образования, медицины, культурной жизни населения Крайнего Севера в послевоенный период²¹⁸, историки отмечают, что эти изменения не носили однолинейного характера.

На Ямале до 1950 г. количество школ постоянно увеличивалось, а в следующее десятилетие стало уменьшаться за счет ликвидации малокомплектных школ, зато количество средних школ возросло более чем вдвое²¹⁹. Т.И.Бакулина и В.П.Петрова пишут, что «причиной тому было наличие или отсутствие контингента учащихся, необходимых помещений, обеспеченность школ учителями. Нехватка денег на ремонт школьных зданий делала порой невозможным обучение в них»²²⁰.

Неоднозначно оценивают исследователи результаты, достигнутые в подготовке квалифицированных кадров из коренных жителей Крайнего Севера. Они отмечают вклад средних и высших

учебных заведений страны, прежде всего Ленинграда, в подготовку педагогов для обучения коренных северян. По их подсчетам, из 2 тыс. учителей, работавших в школах ХМАО в 1960 г., 376 человек принадлежали к коренным национальностям²²¹.

А.В.Судаков проанализировал подготовку квалифицированных кадров через профессиональные учебные заведения, которые имелись в послевоенные десятилетия в регионе. При этом он замечает, что итоги развития системы подготовки кадров в ХМАО «были скромными». По его наблюдениям, в конце 1950-х гг. на предприятиях лесной промышленности доля практиков колебалась от 40 до 70% работников²²². О.Я.Гайдучок указывает на нехватку кадров со специальным образованием в радиокомитетах Салехарда и Ханты-Мансийска до середины 1950-х гг.²²³

Таким образом, современные историки проанализировали многие проблемы развития Северо-Западной Сибири в послевоенные десятилетия. Анализ их работ позволяет выделить эти годы в особый период в истории региона, когда он развивался в основном на собственной основе, не получая больших дотаций извне. Можно представить, как выглядел бы регион, если бы не открытие нефти и газа, которое привело к созданию Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса.

Следует отметить, что далеко не все в истории региона данного периода изучено. Это относится прежде всего к истории социально-культурного развития Северо-Западной Сибири, ее демографических проблем, наличия в регионе межнациональных противоречий. Наличие дискуссионных проблем в истории строительства железной дороги «Чум—Салехард—Игарка» и использования принудительного труда в регионе объясняется тем, что не использованы источники возможности, которые появились в последнее время.

Примечания

¹ См.: Камынин В.Д. Северо-Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2007. Ч. 2. С. 164—182.

² См.: Радченко Н.Д. Деятельность Тюменской областной партийной организации по созданию и развитию нефтегазовой промышленности в Западной Сибири. Краткий историографический обзор // Организационная и идеологическая

деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень, 1979; Панарин С.М. Некоторые вопросы историографии деятельности партийных организаций по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ в Сибири // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск, 1989; Гаврилова Н.Ю. Социальное освоение Севера Западной Сибири (60—80-е гг.): Основные итоги и проблемы // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии: Тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф. Нижневартовск, 2000; Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П., Панарин С.М. Основные этапы и итоги изучения истории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960—90-е гг. // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. в г.Тюмени, 27—28 апреля 2000 г. Тюмень, 2000, и др.

³ См.: Мазуренко Г.А. Из истории социалистического строительства на Обском Севере (1917—1967 гг.) // На путях развития коммунизма. Тюмень, 1968; Он же. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала (На примере Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов) // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968; Зибарев В.А. Большая судьба малых народов (Север Сибири. 1917—1970). Новосибирск, 1972; Бакланова А.Б. Общее и особенное в социалистическом строительстве у народностей Крайнего Севера (30—50-е гг.) // Развитие и совершенствование социалистического образа жизни во вновь осваиваемых районах Западной Сибири. Тюмень, 1984, и др.

⁴ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 460—461.

⁵ См.: Омельчук А.К. Салехард. Свердловск, 1972; Петрова Л.В., Показаньев Ф.Я. Сургут. Сургут, 1987; и др.

⁶ См.: Лушников В.Н., Решетников А.С., Ветерин А.М. Лесная промышленность Тюменской области за 50 лет Советской власти. Тюмень, 1967; Прибыльский Ю.П. Развитие народного хозяйства Сибирского Севера // Индустриальное развитие Сибири в годы послевоенных пятилеток (1946—1960). Новосибирск, 1982; Клоков К.Б., Пика А.И., Равкин Е.С. Охрана и использование ресурсов охотничьих животных и промысловых рыб на Севере Западной Сибири // Охрана и рациональное использование биоресурсов Крайнего Севера. М., 1983, и др.

⁷ См.: Прибыльский Ю.П., Петкевич А.Н. Рыбная промышленность Тюменской области за 50 лет Советской власти; Прибыльский Ю.П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья: коммунистическая партия — организатор рыбного хозяйства Севера Западной Сибири. Тюмень, 1970, и др.

⁸ См.: Коровин М.К. Перспективы нефтеносности Западной Сибири. Новосибирск, 1945; Келлер А.А. Нефтяная и газовая промышленность СССР в послевоенные годы. М., 1958; Киселев Л.Е. Север раскрывает богатства (Из истории промышленного освоения Советского Севера). М., 1964, и др.

⁹ Омельчук А.К. Салехард. С. 72.

¹⁰ См.: Прибыльский Ю.П. КПСС — организатор рыбного хозяйства Северо-Запада Сибири (1920—1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969.

¹¹ См.: Смологонов Е.П., Никулин В.И. Природные и экономические условия эксплуатации лесов в южной части Уральского Приобья. Свердловск, 1963. С. 42.

¹² Омельчук А.К. Салехард. С. 74.

¹³ См.: Ним Б.А. Партийное руководство развитием геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири // Коммунисты Западной Сибири. 1917—1937 гг. Тюмень, 1967.

¹⁴ Омельчук А.К. Салехард. С. 75.

¹⁵ Лутошкин Г.Д. Испытание Севером // Тюменский меридиан. М., 1983. С. 22.

¹⁶ Захаров И.П., Показаньев Ф.Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации. Сургут, 1974. С. 40.

¹⁷ См.: Ним Б.А. Периодизация и основные направления деятельности Тюменской областной парторганизации по развитию геологоразведочных работ на нефть и газ // На пути строительства коммунизма. Тюмень, 1968; Колева Г.Ю. К вопросу о введении критерия в периодизацию развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Укрепление партийных организаций и идейно-политическое обеспечение нефтегазового комплекса Западной Сибири. Тюмень, 1986, и др.

¹⁸ См.: Алексеев В.В., Пашков Н.М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 6. С. 57.

¹⁹ См.: Ним Б.А. Создание и развитие Тюменского нефтегазодобывающего района — последовательное осуществление ленинских идей о превращении Сибири в экономически развитый район Советского Союза // Осуществление ленинских идей о превращении Сибири в экономически развитый район страны. Кемерово, 1973. С. 39.

²⁰ См.: Колева Г.Ю. К вопросу о введении критерия в периодизацию развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С. 24; Мальков В.И. Деятельность партийных организаций Тюменской области по развитию социалистического соревнования среди молодежи на новостройках нефтегазового комплекса (1971—1975 гг.) // Деятельность КПСС по повышению трудовой и общественно-политической активности масс. Тюмень, 1982. С. 133.

²¹ См.: Мальков В.И. Партийное руководство деятельностью комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи на новостройках ЗСНГК в 1970—1977 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 12.

²² Тюменский меридиан. С. 298—299.

²³ См.: Ивановский А.И. Сельскохозяйственное освоение Крайнего Севера. М., 1958; Ивановский А.С. Преобразование природы и пути развития земледелия на Крайнем Севере // Проблемы Севера. М., 1963. Вып. 7, и др.

²⁴ См.: Вершинина П.Д. Украсим Север цветами // Ямальская сельскохозяйственная опытная станция. Салехард, 1958, и др.

²⁵ См.: Бакланова А.Б. Интеграция кооперации как переходная форма социалистического строительства на Крайнем Севере // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977.

- ²⁶ См.: Рекомендации по огородничеству Обского Севера / Н.И.Черных, В.Д.Громик. Тюмень, 1981; Северный огород / Г.З.Берсон, А.В.Алексеев, А.С.Иваненко и др. Свердловск, 1988.
- ²⁷ См.: Чубынин Д.М. Мой опыт растениеводства в Заполярье. М., 1951.
- ²⁸ Омельчук А.К. Салехард. С. 73.
- ²⁹ См.: Ламин В.А. Ключи к двум океанам. Хабаровск, 1981. С. 247.
- ³⁰ Казанцев А.П. Проблемы транспортного освоения природных ресурсов Уральского Севера // Вопросы развития транспортной сети крупного района. Свердловск, 1980. С. 38—39.
- ³¹ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 462.
- ³² Омельчук А.К. Салехард. С. 73.
- ³³ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 461.
- ³⁴ См.: Народное хозяйство Тюменской области: Статистический сб. Омск, 1964. С. 230—231.
- ³⁵ Любовцев В.С., Симченко Ю.Б. Тундра не любит слабых. М., 1968. С. 64.
- ³⁶ Омельчук А.К. Салехард. С. 73.
- ³⁷ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 462.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ См.: Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965; Захаров И.П., Показаньев Ф.Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации; Мазуренко Г.А. Партийное строительство на Советском Севере в период построения социализма. Томск, 1979; Очерки истории Омской организации КПСС. Омск, 1987, и др.
- ⁴⁰ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 461—462.
- ⁴¹ Там же. С. 462.
- ⁴² См.: Копылов Д.И., Ретунский В.Ф. Партийные организации Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) и Ямальского (Ямало-Ненецкого) автономных округов в борьбе за экономическое и культурное развитие народов Обского Севера // Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965. С. 16.
- ⁴³ Киселев Л.Е. КПСС — организатор социалистического преобразования хозяйства и культуры народностей Севера. Тюмень, 1980. С. 376.
- ⁴⁴ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 462.
- ⁴⁵ Лутошкин Г.Д. Испытание Севером. С. 23.
- ⁴⁶ Мазуренко Г.А. Из опыта некапиталистического пути перехода к социализму народов Приполярного Урала. С. 461.
- ⁴⁷ См.: Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989. С. 159—160.
- ⁴⁸ Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С. 11.

⁴⁹ См.: Гольдберг Р. 24 часа в зоне «мертвой дороги» // Тюменская правда. 1988. 3 августа; Колесников П. По следам «мертвой дороги» // Строитель (Тюмень). 1988. 26 марта; Херсонский А. Факел памяти // Красный север (Салехард). 1988. 15 октября; Ламин В. Секретный объект № 503 // Наука Сибири. 1990. № 5, и др.

⁵⁰ См.: Андреев С.Ю., Гольдина Н.А. Чрезвычайные люди. Свердловск, 1989, и др.

⁵¹ См.: Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по делам НКВД — МВД СССР) // Социс. 1990. № 11; Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Он же. Север в политике переселения народов // Север (Петрозаводск). 1991. № 4, и др.

⁵² См.: Прибыльский Ю.П. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря; Он же. Оправданы посмертно // Там же. 1989. 11 июля.

⁵³ Колесников П. По следам «мертвой дороги».

⁵⁴ См.: Сталинские депортации 19287—1953 гг. / Сост. Н.Л.Поболь, П.М.Полян. М., 2005; Сталинские стройки ГУЛАГа 1930—1953 гг. / Сост. А.И.Кокурин, Ю.Н.Моруков. М., 2005, и др.

⁵⁵ См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999; Они же. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века. Тюмень, 2004.

⁵⁶ См.: Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: В 4 т. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1—3; 2005. Т. 4; Большая Тюменская энциклопедия: В 3 т. Тюмень, 2004. Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 4 т. Салехард, 2004. Т. 1—3; 2007. Т. 4.

⁵⁷ См.: Головнев А.В., Зайцев Г.С. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1992; Головнев А.В., Зайцев Г.С., Прибыльский Ю.П. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994. 2-е изд.; Патрикеев Н.Б. Ямал — страницы былого. Краеведческий очерк. Салехард, 1995; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999; Ямал: грань веков и тысячелетий // Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен. Салехард; СПб., 2000, и др.

⁵⁸ См.: Очерки истории Тюменской области / Под ред. В.М.Кружинова. Тюмень, 1994.

⁵⁹ См.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994; Очерки истории Сургута, Сургут, 2002; Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья: Ист. очерк. Екатеринбург, 2003; Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории: Очерки истории Салехарда. Екатеринбург, 2006, и др.

⁶⁰ См.: Прищепа А.И. История Сургута второй половины XX в. Сургут, 2005.

⁶¹ См.: Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999.

⁶² См.: Показаньев Ф.Я. Город древний, город славный. Сургут, 1994; Захаров И.П. Моя земля. Сургут, 1999.

⁶³ См.: Административно-территориальное деление Тюменской области (1919—1989 гг.). Т. 1—3. Тюмень, 1991; Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII—XX вв.) / Под ред. В.П.Петровой. Тюмень, 2003; Осипов В.А. Административно-территориальное устройство Тюменской области // Большая Тюменская энциклопедия: В 3 т. Тюмень, 2004. Т. 1; Тюмен-

ская область: Общий очерк // Большая Тюменская энциклопедия: В 3 т. Тюмень, 2004. Т. 1; Чистякова Н.Ф. Тюменская область // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Салехард, 2004. Т. 3.

⁶⁴ Ямало-Ненецкий автономный округ // Новая российская энциклопедия: В 12 т. М., 2003. Т. 1: Россия; Ямало-Ненецкий автономный округ: Общий очерк // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 1; Ямало-Ненецкий автономный округ: Правовой статус и административно-территориальное устройство // Наука. Общество. Человек: Информационный вестник УрО РАН. № 3 (13). Екатеринбург, 2005.

⁶⁵ Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII—XX вв.). С. 10.

⁶⁶ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 122.

⁶⁷ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 380.

⁶⁸ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 528.

⁶⁹ См.: Патрикеев Н.Б. Пламя погасших костров: Из истории детского движения. Тюмень, 1998; Он же. Комсомол Северо-Западной Сибири: очерки истории // В вихрях времени. Ханты-Мансийск, 1998; Прибыльский Ю.П. Советизация Севера (1920—1940) // Западная Сибирь: история и современность. Нижневартовск, 1998. Вып. 1; Черевако Е.И. Женские советы в 50—70-х гг. XX в. на территории Севера Тюменской области (по данным архива) // Словцовские чтения — 2002. Тюмень, 2002, и др.

⁷⁰ См.: Борисова Е.П. Перевод на оседлый образ жизни // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 2. С. 278.

⁷¹ См.: Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX в.). Томск, 2001. С. 4.

⁷² Сыроватский Д.И. Экономика и организация оленеводческого хозяйства. Якутск, 2000. С. 5.

⁷³ Ямал: грань веков и тысячелетий. 2000. С. 517—518.

⁷⁴ См.: Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 179.

⁷⁵ См.: Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 126.

⁷⁶ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 394.

⁷⁷ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 124.

⁷⁸ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 179.

⁷⁹ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 128.

⁸⁰ См.: Решетников А.С. Тюменский лесной комплекс: Страницы истории (1917—1997 гг.). Тюмень, 1997; Алексеев С.Е., Камынин В.Д. Индустриализация Ямала // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Салехард, 2004. Т. 1; Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2005, и др.

⁸¹ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 179.

- ⁸² См.: Дронзикова С.В. Салехардский рыбоконсервный завод // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 3. С. 54.
- ⁸³ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 110.
- ⁸⁴ Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг. С. 14.
- ⁸⁵ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 381.
- ⁸⁶ Там же. С. 383.
- ⁸⁷ Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг. С. 13.
- ⁸⁸ Алексеев С.Е., Камынин В.Д. Индустриализация Ямала. С. 340.
- ⁸⁹ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 148.
- ⁹⁰ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 380.
- ⁹¹ Там же. С. 386.
- ⁹² Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 179.
- ⁹³ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 388.
- ⁹⁴ См.: Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 148.
- ⁹⁵ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 513.
- ⁹⁶ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 380.
- ⁹⁷ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 180.
- ⁹⁸ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 132.
- ⁹⁹ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 180.
- ¹⁰⁰ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 110.
- ¹⁰¹ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 518.
- ¹⁰² Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. М., 2004. С. 135.
- ¹⁰³ Зубков К.И. Индустриальное и социокультурное развитие Ямала в XX в.: типология северного освоения в российском преломлении // Уральский ист. вестник. Екатеринбург; Салехард, 2005. № 12: Ямальский выпуск. С. 139.
- ¹⁰⁴ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 383.
- ¹⁰⁵ Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2002. С. 62.
- ¹⁰⁶ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. С. 145.
- ¹⁰⁷ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 534.
- ¹⁰⁸ См.: Никифорова Л. С чего начиналась Тюменская нефть // Тюменская область сегодня. 2003. 13 августа.
- ¹⁰⁹ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 383.
- ¹¹⁰ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 535.

- ¹¹¹ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 182.
- ¹¹² См.: Захаров И.П. Моя земля. С. 24.
- ¹¹³ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 535.
- ¹¹⁴ См.: Очерки истории Тюменской области. С. 212.
- ¹¹⁵ См.: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 383—384.
- ¹¹⁶ Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 541.
- ¹¹⁷ См.: Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964—1980. Томск, 1988. С. 35.
- ¹¹⁸ Янин А.Н. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс — крупнейшее достижение социализма // Сибирский посад. 1994. № 3. С. 3.
- ¹¹⁹ Прищепа А.И. История Сургута второй половины XX в. С. 51.
- ¹²⁰ Ахметгалеев А.Р. Некоторые вопросы истории нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири // Октябрь и социалистическое строительство в Поволжье и Приуралье. Казань, 1989. С. 64.
- ¹²¹ Оруджиева А.Г. Население Ямала от переписи до переписи (историко-демографический очерк): К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 12.
- ¹²² Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948—1990 гг.). С. 8.
- ¹²³ См.: Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Шмат В.В. Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством? Текущие проблемы и формирование условий долговременного устойчивого социально-экономического развития. Тюмень, Новосибирск, 1995. С. 103.
- ¹²⁴ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 385.
- ¹²⁵ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII—XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 21.
- ¹²⁶ См.: Ловков О.В. Салехардский речной порт // Большая Тюменская энциклопедия. Т. 3. С. 62.
- ¹²⁷ См.: Болштянский М.П., Митрофанов Н.Г. Автомобильные дороги Тюменской области // Большая Тюменская энциклопедия. Т. 1. С. 53—55.
- ¹²⁸ См.: Патрикеев Н.Б. Развитие авиации в округе // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. С. 9; Авиация полярная // Большая Тюменская энциклопедия. Т. 1. С. 52; Почержерцева М.В., Стогний Ю.Ф. Авиация в Тюменской области // Там же. С. 51—52.
- ¹²⁹ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 184.
- ¹³⁰ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 116.
- ¹³¹ См.: Алексеев С.Е., Камынин В.Д. История строительства железной дороги Салехард—Игарка в современной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат. VII Всерос. науч. конф., ноябрь 2005 г. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 27—31.
- ¹³² Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 123.

- ¹³³ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 191.
- ¹³⁴ См.: Пиманов А.С. К вопросу о целесообразности строительства железной дороги «Чум—Салехард—Игарка» (1947—1955 гг.). С. 76, 77.
- ¹³⁵ Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг. С. 14.
- ¹³⁶ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.). Тюмень. 2002. С. 54.
- ¹³⁷ Оруджиева А.Г. Население Ямала от переписи до переписи. С. 12.
- ¹³⁸ См.: Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 111.
- ¹³⁹ Оруджиева А.Г. Население Ямала от переписи до переписи. С. 12.
- ¹⁴⁰ См.: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 392.
- ¹⁴¹ См.: Там же. С. 393.
- ¹⁴² См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 530.
- ¹⁴³ См.: Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.). С. 55.
- ¹⁴⁴ См.: Судаков А.В. Проблема взаимосвязи миграций населения и хозяйственной специализации городов Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Динамика миграций населения и проблемы современного развития Западной Сибири. Сургут, 2002.
- ¹⁴⁵ См.: Судаков А.В. Кадровое и техническое обеспечение традиционных отраслей в Сургуте и Сургутском районе в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2003, и др.
- ¹⁴⁶ См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х гг.). Томск, 1995; Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышский Север (1920—60-е гг.) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11—13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2000, и др.
- ¹⁴⁷ См.: Боркова Е.В. Трансформация тюремной системы в СССР в 20-х — 50-х гг. XX в. (на примере Тюменской области) // Диалог культур и цивилизаций: Тез. IV науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2002; Она же. Спецпоселки 30-х — 50-х гг. XX в.: проблема формирования // Менделеевские чтения — 2003: Материалы XXXIV регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. Тобольск, 2003; Она же. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930—40-е гг. // Симоновские краеведч. чтения: Материалы краеведч. конф., посвященной 134-й годовщине Тобольского музея и 115-й годовщине со дня рождения педагога и краеведа Г.И.Симонова. 20 апреля 2004 г. Тобольск, 2004; Она же. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918—1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004.
- ¹⁴⁸ См.: Мать А.А. Численность и состав заключенных Сибирского исправительно-трудового лагеря (1942—1960 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. С. 4.

¹⁴⁹ Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918—1956 гг.). С. 3.

¹⁵⁰ Там же. С. 19.

¹⁵¹ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 15.

¹⁵² См.: Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918—1956 гг.). С. 20.

¹⁵³ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 15.

¹⁵⁴ См.: Там же. С. 14.

¹⁵⁵ Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум—Салехард—Игарка» (1947—1955 гг.). С. 46.

¹⁵⁶ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 17.

¹⁵⁷ Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум—Салехард—Игарка». С. 33.

¹⁵⁸ См.: Загороднюк Н.И. Депортация населения в Тюменский край // Великий подвиг народа. Екатеринбург, 1995; Пиманов А.С. Депортация // Югория. Т. 1 А — И; Он же. Депортация крестьян в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) округ // Там же; Он же. Депортация // Большая Тюменская энциклопедия. Т. 1; Гизатуллина Л.Ф. Депортация и ссылка на Север Западной Сибири (1940—50 гг.): география расселения // Первые исторические чтения Томск. пед. ун-та. Томск, 2005, и др.

¹⁵⁹ Пиманов А.С. Депортация. С. 274.

¹⁶⁰ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 180.

¹⁶¹ Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918—1956 гг.). С. 20.

¹⁶² Пиманов А.С. Ссылка этническая в ЯНАО (1941—1964) // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 3. С. 120.

¹⁶³ См.: Пиманов А.С. Депортация. С. 384.

¹⁶⁴ См.: Пиманов А.С. Ссылка этническая в ЯНАО (1941—1964). С. 120.

¹⁶⁵ См.: Загороднюк Н.И. Депортация населения в Тюменский край. С. 143.

¹⁶⁶ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 19.

¹⁶⁷ Пиманов А.С. Депортация крестьян в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) округ. С. 275.

¹⁶⁸ См.: Загороднюк Н.И. Депортация населения союзных республик (1940-е гг.) // Словцовские чтения — 97. Тюмень, 1997; Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940—1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: Ист. аспект. М., 1998; Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999; Пиманов А.С. Этническая ссылка в Тюменской области (1940—1952 гг.) // Вестн. Тюмен. ун-та. 1998. № 1; Пиманов А.С. Депортация этническая // Югория. Т. 1; Он же. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943—1957 гг.) // Тюменск. ист. сб. Тюмень, 2002. Вып. V; Он же. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941—1955 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2004. № 5—6; Он же. Ссылка

этническая в ЯНАО (1941—1964); Боркова Е.В. Депортация калмыков в Тюменскую область // Вестн. Тобольск. пед. ин-та им. Д.И.Менделеева. Тобольск, 2004. № 3; Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в ЯНАО (1941—1964 гг.) //

Тюменск. ист. сб. Тюмень, 2004. Вып. VI; Гизатуллина Л.Ф. Депортация советских немцев на Ямал // Ямальский меридиан. 2002. № 4, и др.

¹⁶⁹ См.: Загороднюк Н.И. Депортация населения в Тюменский край. С. 143.

¹⁷⁰ См.: Пиманов А.С. Депортация этническая. С. 276.

¹⁷¹ См.: Пиманов А.С. Депортация. С. 384.

¹⁷² См.: Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940—1955 гг. С. 345.

¹⁷³ См.: Пиманов А.С. Депортация. С. 384.

¹⁷⁴ См.: Там же.

¹⁷⁵ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 19.

¹⁷⁶ См.: Боркова Е.В. К вопросу об эффективности принудительного труда спецконтингента и методах его стимулирования в 1930—40-е гг. (по материалам Северо-Западной Сибири) // Диалог культур и цивилизаций: Тез. VI науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2005; Она же. Правовое регулирование и режим содержания спецконтингента в Северо-Западной Сибири в 1930—40-е гг. // Тез. регион. конф. студентов и молодых ученых России: история и современность. Сургут, 2005;

¹⁷⁷ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 19.

¹⁷⁸ Пиманов А.С. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943—1957 гг.). С. 130.

¹⁷⁹ Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918—1956 гг.). С. 21.

¹⁸⁰ См.: Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. С. 51.

¹⁸¹ Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в ЯНАО (1941—1964 гг.). С. 153.

¹⁸² Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 20.

¹⁸³ Пиманов А.С. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943—1957 гг.). С. 132.

¹⁸⁴ См.: Там же. С. 133.

¹⁸⁵ См.: Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 111.

¹⁸⁶ Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918—1956 гг.). С. 21.

¹⁸⁷ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 21—22.

¹⁸⁸ См.: Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 181.

¹⁸⁹ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 120.

¹⁹⁰ См.: Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. С. 14.

¹⁹¹ Там же. С. 4.

¹⁹² Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 522.

¹⁹³ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 120.

¹⁹⁴ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 191—192.

¹⁹⁵ Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941—1955 гг.). С. 142.

¹⁹⁶ См.: Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941—1955 гг.). С. 139.

¹⁹⁷ См.: Пиманов А.С. Депортация этническая. С. 276.

¹⁹⁸ См.: Пиманов А.С. Ссылка этническая в ЯНАО (1941—1964). С. 120.

¹⁹⁹ Пиманов А.С. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943—1957 гг.). С. 133.

²⁰⁰ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 123.

²⁰¹ См.: Пиманов А.С. Депортация. С. 385.

²⁰² Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в ЯНАО (1941—1964 гг.). С. 155.

²⁰³ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 179.

²⁰⁴ См.: Пиманов А.С. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943—1957 гг.). С. 132.

²⁰⁵ См.: Куксанова Н.В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1956—1980-е гг.). Новосибирск, 1993; Черевако Е.И. Женщины Тюменской области на производстве в послевоенный период (по данным архива) // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2003. Вып. 1. Ч. 2: Актуальные проблемы краеведения; Она же. Осуществление государственной политики в области материнства и детства на территории Тюменской области в 40—80-е гг. XX в. // Там же. 2004. Вып. 2: Из истории Южного Урала и российских регионов; Она же. Охрана материнства и детства на территории Тюменской области в послевоенное время // V Татищевские чтения: Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 22—23 апреля 2004 г. Екатеринбург, 2004; Она же. Социально-политическое положение женщин Тюменской области (вторая половина 1940-х — начало 1990-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005.

²⁰⁶ См.: Лезова С.В. Северный Ямал: великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10—12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001.

²⁰⁷ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 179.

²⁰⁸ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 109.

²⁰⁹ См.: Там же. С. 125.

²¹⁰ Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории. С. 181.

²¹¹ См.: Пиманов А.С. Дорога в никуда // Ямальский меридиан. 1997. № 2—3 (28—29). С. 37.

²¹² Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг. С. 109.

²¹³ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 118.

²¹⁴ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. С. 116.

²¹⁵ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 118.

²¹⁶ См.: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 392.

²¹⁷ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 522.

²¹⁸ См.: Черевако Е.И. Уровень образованности женщин в Ямало-Ненецком автономном округе в 1950—60-е гг. // Материалы конф. по истории и этнографии Ямальского севера: Историческое краеведение Ямала. Надым; Омск, 2005; Гайдучок О.Я. Человек в эфире: кадровое обеспечение телерадиослужб Тюменской области в 1944—1991 гг. // Диалог культур и цивилизаций: Тез. VII Всерос. науч. конф. молодых историков (25—26 февраля 2006 г.). Тобольск, 2006, и др.

²¹⁹ См.: Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 522.

²²⁰ Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. С. 165.

²²¹ См.: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 395—396.

²²² Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х — середине 1980-х гг. С. 18.

²²³ См.: Гайдучок О.Я. История развития радио и телевидения Тюменской области (1946—1991 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — профессор Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Гарифуллин И.Б. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тюменского государственного университета

Еланцева О.П. — доцент Тюменского государственного университета

Исупов В.А. — профессор Новосибирского государственного университета

Ищенко О.В. — профессор Сургутского филиала Тюменского государственного университета

Камынин В.Д. — профессор Уральского государственного университета

Митрофанов В.В. — доцент Западно-Сибирского института финансов и права (г.Нижневартковск)

Мошкин В.В. — аспирант Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Решетникова С.Н. — аспирант Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Рянская Э.М. — профессор Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Скульмовский Д.О. — аспирант Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Солодкин Я.Г. — профессор Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Стафеев О.Н. — старший преподаватель Сургутского государственного педагогического университета

Файзрахманов Г.Л. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук республики Татарстан

Цысь В.В. — доцент Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Цысь О.П. — доцент Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Шишкин В.И. — заведующий сектором Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук

Яковлева А.М. — доцент Нижневартковского государственного гуманитарного университета

Ярков А.П. — профессор Тюменского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.	3
Глава 1. «Краткое описание о сибирстей земли...», Новый летописец и историческая книжность Сибири XVII в.	4
Глава 2. Томская разборная книга 1680—1681 гг. как источник по ранней истории сургутского казачества	15
Глава 3. Источники по изучению демографической истории Сибири первой половины XX столетия	25
Глава 4. Источники по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири	33
Глава 5. Регионализмы как источник социоисторической информации	56
 Раздел 2. ПРОШЛОЕ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVII—XX вв.	 71
Глава 1. Немецкие исследователи XVII—XVIII вв. об исламе в Западной Сибири	72
Глава 2. К историографии ислама в Западной Сибири	83
Глава 3. Картографические источники по истории Сибири в оценке С.В.Бахрушина	112
Глава 4. Проблемы истории Сибири в неопубликованных отзывах С.В.Бахрушина	119
Глава 5. Сибирский летописный свод: основные тенденции в изучении (XX в.)	139
Глава 6. Школьное образование на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. (историография вопроса)	149

Глава 7. Предпринимательство Северо-Западной Сибири середины XIX — начала XX вв.: к историографии вопроса	168
Глава 8. Участие воспитанников учебных заведений Сибири в общественной жизни края на рубеже XIX — XX вв.: анализ источников	202
Глава 9. Отечественная историография Временного сибирского правительства	217
Глава 10. Отражение проблем аграрного развития Севера Западной Сибири 1930-х гг. в трудах современных ученых региона	250
Глава 11. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север в 1930—1933 гг. в трудах отечественных историков ..	261
Глава 12. Историография развития Северо-Западной Сибири во второй половине 1940-х — первой половине 1960-х гг.	282
Сведения об авторах	324

Научное издание

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 3

Редактор *Т.А.Фридман*
Компьютерная верстка *И.В.Аганиной*
Художник обложки *Л.П.Павлова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 10.11.2008. Формат 60×84/16
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times
Усл. печ. листов 20,5. Тираж 500 экз. Заказ 477

*Отпечатано в Издательстве
Нижневартковского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: ngpripic@wsmail.ru*